

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (32)
2020

Главный редактор

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков**

Заместители главного редактора:

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**

доктор исторических наук **Ю.А. Зеленева**

Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:

Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель), **Р.С. Хакимов** – вице-президент АН РТ (Казань, Россия), **Х.А. Амирханов** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **И. Бальдауф** – доктор наук, профессор (Берлин, Германия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Казань, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк** – PhD (Будапешт, Венгрия), **И. Фодор** – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия), **А.А. Тишкин** – доктор исторических наук профессор (Барнаул, Россия), **В.С. Синника** – кандидат исторических наук (Тирасполь, Молдова), **Б.В. Базаров** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **О.В. Кузьмина** – кандидат исторических наук (Самара, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай).

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)

М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)

И.Л. Измайлов – доктор исторических наук (Казань, Россия)

С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)

А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)

Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

Ответственный за выпуск:

И.Л. Измайлов – доктор исторических наук

Адрес редакции:

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

Индекс 80425, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

Агентство "РОСПЕЧАТЬ"

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2020

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2020

© Журнал «Поволжская археология», 2020

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

B. A. Baitanayev – Academician of the National Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **R. S. Khakimov** – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation), **Kh. A. Amirkhanov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **I. Baldauf** – Doctor Habilitat, Professor (Berlin, Germany), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – PhD (Budapest, Hungary), **I. Fodor** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Budapest, Hungary), **A. A. Tishkin** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russian Federation), **V. S. Sinika** – Candidate of Historical Sciences (Tiraspol, Moldova), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **O. V. Kuzmina** – Candidate of Historical Sciences (Samara, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China).

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue

I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2020

© Mari State University, 2020

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Яворская Л.В. (Москва, Россия), Мыц В.Л. (Санкт-Петербург, Россия), Ситдииков А.Г. (Казань, Россия).
 Сергею Геннадиевичу Бочарову – 50 лет..... 8
Асылгараева Г.Ш., Иожица Д.В. (Казань, Россия)
 Список научных работ Бочарова Сергея Геннадиевича..... 18
Бочаров С.Г. (Казань, Россия)
 Красноглиняная керамика с бирюзовой глазурью
 из археологических исследований Царевского городища 32

Археология Византии, Золотой Орды и Генуэзской Газарии

Карнов С.П. (Москва, Россия)
 О разгроме Таны Тамерланом в 1395 г.: событие и его последствия..... 38
Мыц В.Л. (Санкт-Петербург, Россия)
 Сторожевые укрепления XIII века «Херсакеи» и Крымской Готии 48
Новиченкова Н.Г. (Ялта, Россия)
 Распространение провинциальной византийской культуры
 на южном берегу Крыма по материалам археологических
 исследований поселения возле Ливадийской больницы..... 64
*Харинский А.В. (Иркутск, Россия), Орфинская О.В. (Москва, Россия),
 Портнягин М.А. (Иркутск, Россия)*
 Захоронение саянтуйского типа могильника Будун 2 (западное
 побережье озера Байкал) и некоторые аспекты формирования
 погребального ритуала у населения Прибайкалья в XIII–XIV вв. 78
Сенотрусова П.О., Мандрька П.В. (Красноярск, Россия)
 Керамическая посуда лесосибирской культуры:
 вопросы типологии и генезиса 93
Тишкин А.А. (Барнаул, Россия)
 Телеутский Взвоз-I – курганная группа
 золотоордынского времени на юге Западной Сибири
 (результаты междисциплинарных исследований) 107
Байтанаев Б.А., Железняков Б.А. (Алматы, Казахстан)
 Погребальные зороастрийские сосуды из Южного Казахстана..... 119
Ахметгалин Ф.А., Ситдииков А.Г. (Казань, Россия)
 Историческая топография ханской столицы г. Касимова..... 130
Shingiray I. (Oxford, United Kingdom)
 Life in Motion: Nomadic Cart Culture and Cart Burials of the Golden Horde
 (A Case Study from Bolshoi Tsaryn I, Kalmykia) 146
Обухов Ю.Д., Кольцов П.М. (Элиста, Россия)
 Памятник периода Золотой Орды поселенческого типа в районе
 пос. Улан-Хол Лаганского района Республики Калмыкия..... 158

<i>Яворская Л.В. (Москва, Россия)</i> Археозоологическое исследование поселения Жемчужина-I и вопросы экономики Юго-Восточного Крыма в золотоордынский период.....	170
<i>Постикэ Г.И. (Кишинев, Республика Молдова), Бакуменко-Пырнэу Л.В. (Яссы, Румыния)</i> Чугунные котлы Шехр Ал-Джедида (Орхейул Вець – Старый Орхей, Республика Молдова)	181
<i>Йотов В. (Варна, Болгария)</i> Керамика из столицы Блатненского княжества как свидетельство миссии братьев Кирилла и Мефодия в Блатноград (конец 866 – конец 867 гг.)	200
<i>François V. (Aix-en-Provence, France)</i> Se Faire Cuire Un Oeuf À L'époque Mamelouke. Plats Culinaires À Compartiments En Syrie.....	211
<i>Зоря Р.С. (Казань, Россия)</i> Находка деталей поясного набора из раскопа СХСІХ Болгарского городища.....	219
<i>Куклина А.А. (Казань, Россия)</i> Новые исследования общеполгарской керамики: историко-культурный подход.....	228
<i>Масюта Д.А. (Одесса, Украина), Лесная Е.С. (Казань, Саратов, Россия)</i> Деталь поясного набора золотоордынского времени из Юго-Западного Крыма.....	238
Список сокращений	248
Правила для авторов	250

CONTENS

Yavorskaya L.V. (Moscow, Russian Federation), Myts V.L. (Saint-Petersburg, Russian Federation), Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation)
 50 Years Anniversary of Sergei Bocharov 8

Asylgaraeva G.Sh., Iozhitsa D.V. (Kazan, Russian Federation)
 The list of Publications of Sergei Bocharov 18

Bocharov S.G. (Kazan, Russian Federation)
 Red Clay Pottery with Turquoise Glaze
 from Archaeological Studies of the Tsarevskoye Settlement 32

**Archaeology of the Byzantine Empire,
 the Golden Horde and Genoese Gazaria**

Karpov S.P. (Moscow, Russian Federation)
 Destruction of Tana by Tamerlane in 1395: Event and Consequences 38

Myts V.L. (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Guard Fortifications of the 13th Century in “Khersakei” and Crimean Gotia 48

Novichenkova N.G. (Yalta, Russian Federation)
 Dissemination of Provincial Byzantine Culture in the Southern Coast
 of Crimea Based on the Materials of Archaeological Research
 of the Settlement near the Livadia Hospital..... 64

Kharinskii A.V. (Irkutsk, Russian Federation), Orfinskaya O.V. (Moscow, Russian Federation), Portnyagin M.A. (Irkutsk, Russian Federation)
 A Sayantuj-Type Grave from the Budun 2 Cemetery
 (West Coast of Lake Baikal) and Some Aspects of Funeral Rites
 from the Population of the Baikal Region in the 13th –14th Centuries 78

Senotrusova P.O., Mandryka P.V. (Krasnoyarsk, Russian Federation)
 Pottery of the Lesosibirsk Culture: Typology and Genesis Issues 93

Tishkin A.A. (Barnaul, Russian Federation)
 Teleutsky Vzvoz-I – a Barrow Group of the Golden Horde Period
 in the South of Western Siberia (Results of Interdisciplinary Research)..... 107

Baitanayev B.A., Zheleznyakov B.A. (Almaty, Kazakhstan)
 Zoroastrian Funerary Vessels from South Kazakhstan 119

Akhmetgalin F.A., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation)
 Historical Topography of the Khan's Capital Town of Kasimov 130

Shingiray I. (Oxford, United Kingdom)
 Life in Motion: Nomadic Cart Culture and Cart Burials of the Golden Horde
 (A Case Study from Bolshoi Tsaryn I, Kalmykia) 146

Obukhov Yu.D., Koltsov P.M. (Elista, Russian Federation)
 A Settlement Site of the Golden Horde Period
 in the Area of Ulan-Khol Village in the Lagansky District
 of the Republic of Kalmykia..... 158

<i>Yavorskaya L.V. (Moscow, Russian Federation)</i> Archaeozoological Research of the Settlement Zhemchuzhina-1 and Economic Issues of South-East Crimea in the Golden Horde Period	170
<i>Postică, G. I. (Chisinau, Republic of Moldova),</i> <i>Bacumenco-Pîrnău L.V. (Iasi, Romania)</i> Cast Iron Cauldrons Uncovered in Shehr Al-Djedid (Orheiul Vechi / Old Orhei, Republic of Moldova)	181
<i>Yotov V. (Varna, Bulgaria)</i> Ceramics from the Capital of the Blatna Principality – the Traces of the Mission of the Brothers Cyril and Methodius in Blatnograd (late 866 – middle of 867)	200
<i>François V. (Aix-en-Provence, France)</i> Baking Eggs During the Mamluk Period. Culinary Multi-Compartment Dishes in Syria.....	211
<i>Zorya R.S. (Kazan, Russian Federation)</i> Belt Set Details from Excavation CXCIX at the Bolgar Fortified Settlement.....	219
<i>Kuklina A.A. (Kazan, Russian Federation)</i> New Studies of Bolgar Ceramics: Historical and Cultural Approach.....	228
<i>Masyuta D.A. (Odessa, Ukraine), Lesnaya E.S. (Kazan, Saratov, Russian Federation)</i> Detail of a Belt Set from the Golden Horde Period from South-Western Crimea	238
List of Abbreviations.	248
Submissions	250

УДК 902: 929

<https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.8.17>**СЕРГЕЮ ГЕННАДИЕВИЧУ БОЧАРОВУ – 50 ЛЕТ**

© 2020 г. Л.В. Яворская, В.Л. Мыц, А.Г. Ситдигов

Статья посвящена 50-летию кандидата исторических наук Сергея Геннадиевича Бочарова, ученого секретаря Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Наиболее важные научные достижения юбиляра состоят в изучении и обобщении материальных следов лагинского присутствия в Причерноморье XIII–XV вв. Вторая грань его научной деятельности – исследования различных городов Золотой Орды. Третьей гранью его научных интересов является изучение поливной керамики Восточной Европы.

Ключевые слова: археология, Византия, Золотая Орда, Генуэзская Газария, Каффа, Болгар, Маджар, историческая топография, юбилей.

9 июля 2020 года празднуется юбилей археолога-медиевиста, кандидата исторических наук Сергея Геннадиевича Бочарова.

Главные события жизни и исследовательской работы ученого связаны с городами. Это города современные – Ялта, Казань, Москва и города средневековые – Каффа, Болгар, Маджар.

В родной Ялте, где Сергей жил с пяти лет, на холме Дарсан прошли дни южного теплого детства, в котором была чудесная любящая семья с отцом Геннадием Ивановичем Бочаровым, работавшим инженером-строителем в местной дирекции советской гражданской авиации – Аэрофлота и мамой Лидией Александровной, полностью посвятившей себя семье и воспитанию сына. Очаровательная Ялта могла дать

все, что было важно и нужно мальчику – многочисленных приятелей из соседних домов, большие парки и участки леса для мальчишеских игр, серпантинные дороги для катания на велосипеде и роликовых коньках и большие горки и склоны, на которых раз, а, в лучшем случае, два раза в год, чаще снег в этом южном городе просто не выпадал, можно было покататься на экзотических здесь санках. С первого и до последнего десятого класса Сергей учился в средней школе № 7 – одной из старейших в Ялте, построенной в 1938 году, с совершенно особенным и самобытным составом учителей. В старших классах уроки физкультуры в сентябре проходили на городском пляже по плаванию на скорость, организовывались октябрьские и майские походы в горы, экскур-

Детское фото. Ялта, холм Дарсан, октябрь 1977 г.

сионное посещение древних крепостей. Еще в школьные годы появилось увлечение историей полуострова, были прочитаны первые книги по истории и археологии Крыма, а одноклассники остались друзьями на всю жизнь. В старших классах стало понятно, что точные и естественные предметы не привлекают молодого человека, его интересы связаны с исторической наукой. Первая попытка поступления на исторический факультет Симферопольского государственного университета в 1987 году оказалась неудачной. И с января 1988 года юноша начинает нарабатывать «профильный» стаж в секторе археологии Ялтинского исторического музея – сначала экскурсоводом, а затем младшим научным сотрудником. В те годы сектором археологии в музее завела Наталья Георгиевна Новиченкова. Опытный специалист-археолог, она бесменно руководила экспедицией, которая планомерно проводила исследования уникального античного святилища и средневекового храма на Главной гряде Крымских гор. В ее экспедиции в 1988–89 гг., на перевале Гурзуфское седло, произошло знакомство Сергея Геннадиевича с экспедиционной стороной профессии археолога, а сама Наталья Георгиевна является первым наставником и другом, оставаясь им и по сей день.

Годы работы в Ялтинском музее ста-

ли важным временем для молодого человека. Библиотека музея была очень хорошо укомплектована, содержала большую часть публикаций по археологии Крыма. Именно в те годы определилась тематика, вызвавшая наибольший интерес и ставшая основной в его исследованиях – развитое средневековье XIII–XV веков, когда в Крыму встретились три разных мира – византийский, западноевропейский (итальянский) и восточный (золотоордынский). Продолжая работать в секторе археологии Ялтинского музея, в 1989 году Сергей Геннадиевич поступил на заочное отделение исторического факультета Симферопольского государственного университета. Курсовые работы студен-

Школьный поход в горы.
Ялта, гора Ай-Петри, сентябрь 1984 г.

Одна из первых экспедиций (третья с правой стороны стоит Н.Г. Новиченкова).
Перевал Гурзуфское Седло, август 1989 г.

ческих лет были посвящены археологическому изучению средневековых византийских древностей Южного берега Крыма.

В июне 1990 года Сергей Геннадиевич перешел на работу в научно-исследовательскую лабораторию по изучению этнической истории Крыма Симферопольского госуниверситета. А с 1992 года работал в отделе византистики Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины на должности старшего лаборанта. Все годы студенчества Сергей Геннадиевич активно работал в ряде археологических экспедиций, проходивших в Крыму, и осуществлял подготовку научных отчетов об этих исследованиях. Наиболее важные из них: раскопки средневекового поселения на античном клере в балке Бермана в окрестностях Херсонеса в 1990 году, исследования византийского города Боспор в 1991 году, средневекового городища Бакла и могильников в его окрестностях в 1992–1993 годах.

В этот же период – в 1992 году – появился первый и самый главный средневековый город в его жизни – Каффа (современная Феодосия). По сути, данные работы ознаменовали переход от изучения провинциальных сельских памятников региона к исследованиям материальной культуры крупнейше-

го генуэзского города Причерноморья. Новый этап научной жизни связан с именем Елены Акимовны Айбабиной, которая проводила систематические археологические исследования средневекового города и привлекла студента-археолога к этим работам. Сергей Геннадиевич становится заместителем начальника Феодосийской экспедиции, проводившей работы в Каффе с 1992 по 1997 гг. С этого времени исследования материальных следов присутствия Генуэзской республики на Крымском полуострове займут ведущее место в его научных интересах, а Елена Акимовна станет для молодого специалиста одним из самых важных в его жизни научным наставником и добрым другом.

В 1993 г. молодой исследователь знакомится с ведущим специалистом в области изучения средневековой керамики Восточной Европы – Игорем Викторовичем Волковым. Данное знакомство не было случайным. Каждый археолог, исследующий средневековые города, сталкивается с необходимостью обработать огромное количество фрагментов разнообразных керамических изделий, составляющих основное наполнение культурного слоя памятников. Примерно за год до знакомства Игорем Викторовичем была защищена диссертация, посвященная классифика-

Феодосия – Каффа (с Ю.Ф. Коломийченко), холм Митридат, август 1994 г.

ции и датировке керамики из раскопок города Азова золотоордынского и турецкого периодов. Для того чтобы разобраться с громадным объемом керамических фрагментов, полученных при археологическом исследовании Каффы, Сергей просит ученого о встрече и едет для этого в Ростов-на-Дону, где в те годы Игорь Викторович работал в университете. В результате их общения в научных работах юбиляра появится интерес к изучению средневековой поливной керамики Причерноморья, а все массовые керамические коллекции из изучаемых им памятников будут обрабатываться по методике предложенной И.В. Волковым. Значительно позднее, уже в 2010-х годах совместно с другим последователем И.В. Волкова, а ныне заведующим отделом археологии Азовского музея-заповедника, другом юбиляра А.Н. Масловским, будет проведена серия исследований по средневековой керамике, которая даст замечательные результаты – четкие датировки комплексов эпохи Золотой Орды, а также информацию о связях различных регионов средневекового мира в XIII–XV вв.

Следующим ключевым моментом в судьбе студента 4 курса стало знакомство в октябре 1993 г. с деканом исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Сергеем Павло-

вичем Карповым, основателем российской исторической школы по изучению влияния Латинского Мира на земли Византии, ведущим отечественным специалистом в изучении генуэзских и венецианских древностей в Причерноморье. С этим ученым связано появление в жизни юбиляра города Москвы.

В соавторстве с Еленой Акимовной Айбабиной в 1994 г. публикуются две первых заметки С.Г. Бочарова об археологических исследованиях Каффы – в Бюллетене Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени и в сборнике «Археологические исследования в Крыму в 1993 г.». Завершающая университетское обучение в 1995 г. дипломная работа была посвящена уже не византийским памятникам Южного берега Крыма, а одному из ключевых вопросов исторического пейзажа Каффы – системе фортификационных сооружений этого города в XIII–XV вв. В 1998 г. эта дипломная работа опубликована в третьем выпуске периодического сборника научных статей «Причерноморье в Средние века», издаваемого в МГУ.

В 1996 г. Сергей Геннадиевич переходит на работу в отдел средневековой археологии Крымского филиала Института археологии Национальной Академии Наук Украины, в котором пройдет путь от младшего научного сотрудника до заведующего отделом. Археологиче-

На I Международной научной конференции «Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики»
(Слева направо – Е.А. Айбабина (Симферополь), Ф. Енишехерлиоглу (Анкара, Турция) и В. Франсуа (Экс-ан-Прованс, Франция). Ялта, май 1998 г.

ские раскопки, проводимые в Каффе – Феодосии определили тему диссертации молодого исследователя. Возникла она спонтанно в ходе знакомства с археологическими объектами, сохранившимися в Феодосии. В различных районах этого некогда одного из самых крупных средневековых городов региона до наших дней сохранилось большое количество древних объектов: башен, крепостных стен, церквей, мечетей, мостов, фонтанов. Однако, отсутствовала единая картина функционирования разрозненных объектов в общей системе жизнедеятельности древнего города. Чтобы получить целостное представление, создать основу для дальнейших археологических исследований, в качестве темы диссертации была заявлена историческая топография Каффы двух периодов – генуэзского и османского. В сентябре 1996 года по рекомендации С.П. Карпова на кафедре истории средних веков МГУ был прочитан доклад по исторической топографии Каффы в XIII–XVIII вв. На заседание пригласили профессора кафедры археологии Германа Алексеевича Федоров-Давыдова – великолепного археолога, историка и нумизмата, основателя комплексного

подхода в изучении древностей Золотой Орды. Выслушав доклад, Герман Алексеевич одобрил данную тему кандидатской диссертации и, впоследствии выступил основным оппонентом при ее защите.

Диссертационное исследование велось в постоянном общении с уникальным коллективом опытных ученых, специализировавшихся в археологии Крыма XIII–XVIII вв. Еленой Акимовной Айбабиной, Владимиром Петровичем Кирилко и Виктором Леонидовичем Мыцом. Последний в те годы возглавлял Крымский филиал Института археологии НАНУ. Выдающийся знаток крымской средневековой археологии В.Л. Мыц стал не просто научным руководителем диссертационной работы, но и настоящим учителем и во многом сформировал исследовательские взгляды молодого ученого. Постоянные научные консультации и помощь в поиске труднодоступных на тот момент западных публикаций осуществлял С.П. Карпов. Защита диссертации С.Г. Бочарова успешно прошла в апреле 2000 года на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

На II Международной научной конференции «Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв.» (слева-направо – А.Г. Ситдигов (Казань), Е.А. Армарчук (Москва), В.Л. Егоров (Москва), Ю.Д. Обухов (Буденновск), М.Д. Полубаярина (Москва), Н.Д. Русев (Кишинев, Молдова), А.А. Нуржанов (Алматы, Казахстан), С.И. Валиулина (Казань), А.Ф. Кочкина (Самара), В.П. Кирилко (Симферополь). Ялта ноябрь 2007 г.

После защиты диссертации Сергей Геннадиевич продолжает работать в экспедиции, которой руководила Е.А. Айбабина в 1998 и 2000 гг.: сначала при исследованиях строений Армянского средневекового монастыря XIV–XVIII вв. в Двухякорной долине, затем в 2001–2002 гг. при изучении культурных напластований средневековой Сугдеи – Солдайи. В 2001 г. С.Г. Бочаров возглавляет Восточно-Крымскую (Феодосийскую) экспедицию Крымского филиала Института археологии НАНУ (сегодня археологическая экспедиция «Каффа») и проводит первые археологические раскопки на территории Перекопской крепости (Ор-Капу) XVII–XVIII вв. Затем следовали постоянные археологические исследования объектов генуэзского и османского периодов в Каффе (2002–2011 гг.). В Феодосии велось активное строительство и большинство работ носило охранной характер. Благодаря созданной целостной картине развития исторической топографии города все работы укладывались в одну исследовательскую схему. Каждый год добавлял новые данные как по стратиграфической ситуации в

различных городских районах, так и по планиграфии и конструкции различных городских строений.

Одновременно со столичной Каффой изучались памятники, связанные с генуэзским влиянием на Крымском полуострове: поселения и замки Южного берега Крыма в Симеизе, Ялте, Массандре, Гурзуфе (2004–2010 гг.); поселения и замок сельской округи Каффы: Коктебель, Щebetовка, Курортное (2002–2010 гг.); поселения на побережье Керченского полуострова (2011 г.). Также велись археологические разведки и шурфовки по локализации якорных стоянок Провато (2006–2007 гг.) и у мыса св. Иоанна (2000 г.), используемых Венецианской Республикой на Крымском побережье. В результате этих исследований в общем массиве золотоордынских древностей Сергею Геннадиевичу удалось выделить материальные свидетельства присутствия латинян в отдельное направление – археология Латинской Газарии.

Следующий этап в жизни Сергея Геннадиевича связан с городом Казань. С начала 2000-х годов казанская археологическая школа начинает занимать

На XXI Всероссийской научной сессии византинистов
(слева направо – С.П. Карпов (Москва), Н.Н. Болгов (Белгород),
В.Л. Мыц (Санкт-Петербург). Нежеголь, апрель 2016 г.

лидирующие позиции в изучении материальной культуры Золотоордынского государства. Постепенно в ходе общения на научных конгрессах и конференциях складывается исследовательский альянс с Айратом Габитовичем Ситдиковым. Значительно расширяется география и хронология археологических исследований юбиляра. Теперь в его исследовательском поле не только латинские памятники южной периферии Золотой Орды, но и основные поселенческие центры и территории этого государства. В 2011 г. в г. Ялта археологами Крыма и Татарстана был проведен Международный научный семинар «Керамика Хазарского Каганата (VII–X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжье». В 2012 г. сотрудники археологической экспедиции «Каффа» участвуют в археологических исследованиях средневекового города Болгар, а исследователи из Татарстана принимают участие в раскопках золотоордынского поселения Бурульча в Центральном Крыму. С 2013 по 2016 г. основные археологические работы Сергея Геннадиевича будут связаны именно с золотоордынским Болгаром.

По приглашению А.Г. Ситдикова с 2015 г. С.Г. Бочаров начинает по совместительству работать в недав-

но созданном Институте археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан и Казанском (Приволжском) федеральном университете. Благодаря этому сотрудничеству в 2015–2016 гг. проводятся исследования в предместьях г. Бахчисарая – золотоордынского селения Эски-Юрт и загородного дворца Крымских ханов в ущелье Ашлама-Дере. Начинаются совместные исследования С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова и Ю.Д. Обухова одного из ключевых городов золотоордынского государства, важного центра Северо-Кавказского региона – Маджара (2015–2017 гг.). В 2019 г. совместно с А.Н. Масловским он участвует в раскопках центральной части города Азак.

С 2017 г. Сергей Геннадиевич переходит на постоянную работу в Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ и переезжает в Казань, где с 2018 г. занимает должность ученого секретаря Института, преподает на кафедре истории Татарстана, археологии и этнологии Казанского федерального университета.

Несмотря на переезд в Казань и новые исследования золотоордынских городов Поволжья и Северного Кавказа, вопросы археологии и исторической топографии средневековых городов Крыма продолжают занимать центральное место в докладах и публикациях

Обложка 2 тома сборника
«Поливная керамика Средиземноморья и
Причерноморья X–XVIII вв.», 2017 г.

юбиляра. В 2018 г. руководимая им археологическая экспедиция «Каффа» продолжила разведки на территории Керченского полуострова.

Сергей Геннадиевич известен в научном сообществе как организатор знаковых и этапных международных научных форумов. Первым таким мероприятием стала Международная конференция «Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики», прошедшая в г. Ялта в мае 1998 г. Эта конференция стала основной дискуссионной площадкой на постсоветском пространстве в сфере изучения одного из главных хроноиндикаторов для средневековой археологии – глазурованной керамики. Вторая международная конференция «Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв.» также была проведена в Ялте в ноябре 2007 года. Важно отметить наличие в организаторской деятельности юбиляра серии международных проектов, таких как «Этнические, демографические и духовные взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в античную эпоху, византийский период и средневековье» – завер-

Обложка 2 тома сборника
«Генуэзская Газария и Золотая Орда», 2019 г.

шившееся 11 заседанием Совместной комиссии по исследованиям в области истории, археологии, этнографии и фольклора Национальной академии наук Украины и Румынской академии наук (Симферополь, 2008 г.); V Международного Болгарского форума «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV–XVI вв.)». (Ялта, 2013 г.); VII Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды» (Ялта, 2016 г.). Сергей Геннадиевич участвовал в организации I Международного конгресса по археологии Евразийских степей (Казань, 2009 г.), является учредителем и основным организатором ежегодного Болгарского научно-методического семинара с международным участием: «Археобиологические исследования в Болгаре и на поселениях Золотой Орды: проблемы и перспективы» 2019 г.; «Сельская округа городов Восточной Европы в XIII–XV вв.: вопросы формирования и функционирования» 2020 г. Все указанные конференции и даже небольшие семинары всегда от-

личались высоким уровнем организации научной части, хорошо спланированной экскурсионной программой, комфортным размещением участников и чудесной уютной атмосферой дружеского общения. Друзья и коллеги очень любят находиться на конференциях в компании Сергея Геннадиевича. В любом уголке мира его присутствие создает чудесную атмосферу насыщенного интеллектуального общения, завораживают его замечательные профессиональные доклады.

Магистральные направления в научной деятельности С.Г. Бочарова наглядно отражают два основанных им периодических сборника научных трудов: «Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.» и «Генуэзская Газария и Золотая Орда», из серии «Археологические источники Восточной Европы» издательства Stratum Plus. На настоящий момент эти издания являются одними из самых востребованных сборников по археологии Евразии средневековой эпохи и играют важную роль в развитии археологической медиевистики.

Кроме этого, Сергей Геннадиевич входит в редакционную коллегию ежегодного журнала «Средневековые Тюрко-Татарские государства» (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ) и журнала «Поволжская археология». Ответственный редактор 4 номера (средневековая археология) журнала «Археология Евразийских степей».

Безусловно, что наиболее важные научные достижения юбиляра состоят в изучении и обобщении латинского присутствия в Причерноморье XIII–XV вв., выделенного им в отдельное направление археологии. Однако он всегда «держит руку на пульсе» науки, чутко отзывается на новые веяния, отчетливо видит какую проблематику нужно поднять сегодня, какие дискуссионные вопросы обсудить с коллегами, какие источники или исследования надо опубликовать. К наиболее важным из них следует отне-

сти результаты его личных и с коллегами исследований поливной керамики Причерноморья и Средиземноморья XIII–XV вв., давших важные хронологические реперы, историко-географические очерки средневекового и позднесредневекового Крыма, качественные научные исследования различных городов Золотой Орды с привлечением различных специалистов естественнонаучного профиля, давшие «новый разворот» целым научным направлениям в золотоордынских исследованиях. Выстроенная С.Г. Бочаровым тематика сборников «Генуэзская Газария и Золотая Орда» в историко-географическом ключе сейчас является магистральным вектором в изучении памятников Монгольской империи чингизидов. Публикация уникальных материалов архитектурно-археологической экспедиции 1920-х годов по изучению татарской культуры в Крыму и Татарстане «Мирас-Наследие» стала важным вкладом в медиевистику, средневековую археологию и в сохранение культурного наследия многонациональной России.

Тема для Второго номера журнала «Поволжская археология» за 2020 г. «Археология Византии, Золотой Орды и Генуэзской Газарии» выбрана не случайно – она отражает основные научные интересы и достижения юбиляра. Жизнь ученого проходит через три этапа – ученичества, зрелости и учительства. Расположение материалов в этом выпуске журнала так и сформировано: первые три статьи написаны учителями Сергея Геннадиевича, основной объем издания составляют труды его друзей и коллег, завершают журнал три статьи, подготовленные его учениками. К сожалению, объем журнала имеет свои ограничения, в него составители не смогли включить работы многих друзей и коллег юбиляра, которым мы приносим свои искренние извинения!

Пятьдесят лет – это возраст взросления ученого, обретения уверенности

в своих силах. Одновременно, это возраст, когда многое достигнуто, но впереди еще множество исследований и открытий. Друзья и коллеги нисколько не сомневаются, что юбилей движется в правильном направлении, чутко выбирая векторы научных поисков, верно выстраивая тематику, задачи и перспек-

тивы своих исследований. От имени друзей и коллег по археологическому «цеху» мы хотели бы тепло поздравить Сергея Геннадиевича с юбилеем, пожелать дальнейших успехов, взятия новых научных «рубежей», здоровья и благополучия!

Информация об авторах:

Яворская Лилия Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); lv.yavorskaya@gmail.com

Мыц Виктор Леонидович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); vic.mytz@yandex.ru

Ситдииков Айрат Габитович, член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук, декан, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет; начальник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

50 YEARS ANNIVERSARY OF SERGEI BOCHAROV

L.V. Yavorskaya, V.L. Myts, A.G. Sitdikov

The article is dedicated to the 50th Anniversary of the Candidate of Historical Sciences Sergei Gennadievich Bocharov, academic secretary of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of Tatarstan Academy of Sciences. The most important scientific achievements of the hero of the day consist in the study and generalization of the material traces of the Latin presence in the Black Sea Region during 13th – 15th centuries. Study of the Golden Horde cities the second facet of his scientific activity. The research of glazed pottery in Eastern Europe is the third facet of his scientific interests.

Keywords: archaeology, Byzantium, Golden Horde, Genoese Gazaria, Caffa, Bolgar, Madzar, historical topography, anniversary.

About the Authors:

Yavorskaya Liliya V. Candidate of Historical Sciences. Associate Professor. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; lilechkayavorska@list.ru

Myts Victor L. Candidate of Historical Sciences. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190 000, Russian Federation; vic.mytz@yandex.ru

Sitdikov Airat G. T.A.S Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2020 г.

УДК 902 / 904

<https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.18.31>**СПИСОК
научных работ Бочарова Сергея Геннадиевича****1994**

1. *Айбабина Е.А., Бочаров С.Г.* Археологические исследования средневековой Каффы // Бюллетень ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. № 4 / Отв. ред. С.П. Карпов. М.: МГУ, 1994. С. 31.
2. *Айбабина Е.А., Бочаров С.Г.* Работы Феодосийской экспедиции // Археологические исследования в Крыму. 1993 г. / Отв. ред. В.А. Кутайсов. Симферополь: Таврия, 1994. С. 17–21.

1995

3. *Бочаров С.Г.* Оборонительные сооружения Каффы в конце XIII–XV вв. // Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК) / Археологические изыскания. Вып. 20 / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 69–71.

1996

4. *Айбабина Е.А., Бочаров С.Г.* Церковь Св. Димитрия в Феодосии // Пам'ятки архітектури і монументального мистецтва в світлі нових досліджень. Тез. док. / Від. ред. В.Н. Ачкасова, Ф.І. Тоцька. Київ: Софія Київська, 1996. С. 69–72.
5. *Бочаров С.Г.* Армянские церкви и проблемы исторической топографии Каффы (XIV–XVIII вв.) // Тезисы докладов IV Международной конференции студентов и молодых ученых. Киев: Киево–Могилянская академия, 1996. С. 220–221.

1997

6. *Айбабина Е.А., Бочаров С.Г.* Археологические исследования средневековой Каффы // Бюллетень ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. № 7 / Отв. ред. С.П. Карпов. М.: МГУ, 1997. С. 40–41.
7. *Айбабина Е.А., Бочаров С.Г.* Новые материалы к истории армянской колонии Каффы // Византийский Временник. 1997. Т. 57. С. 211–234.
8. *Айбабина Е.А., Бочаров С.Г.* Работы Феодосийской экспедиции // Археологические исследования в Крыму в 1994 г. / Отв. ред. В.А. Кутайсов. Симферополь: Социат, 1997. С. 16–18.
9. *Бочаров С.Г.* Бронзолитейная мастерская XV века в Каффе // Научные материалы V Международной конференции студентов и молодых ученых / Отв. ред. В.И. Пиоро. Киев: Киевский университет, 1997. С. 283–285.

1998

10. *Айбабина Е.А., Бочаров С.Г.* Керамические подсвечники и светильники XV–XVIII веков из Каффы // Херсонесский сборник. Вып. IX / Отв. ред. М.И. Золотарев. Севастополь: Национальный заповедник «Херсонес Таврический»; Крымский филиал Института археологии НАНУ, 1998. С. 195–210.
11. *Бочаров С.Г.* Две группы поздневизантийских поливных чаш второй половины XIV–XV вв. // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики / Сост. С.Г. Бочаров. Симферополь: Крымский филиал НАН Украины, 1998. С. 50–53.
12. *Бочаров С.Г.* Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII–вторая половина XV вв.) // Причерноморье в средние века. Вып. 3 / Отв. ред. С.П. Карпов. СПб.: Алетея, 1998. С. 82–117.

1999

13. *Бочаров С.Г.* Генуэзско-татарские медные монеты Каффы // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 1999. № 6. С. 130–137.
14. *Бочаров С.Г.* Материалы античного времени из раскопок Феодосии // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского / Отв. ред. Г.А. Кошеленко. М.: ИА РАН, 1999. С. 21–22.
15. *Aibabina E., Botcharov S., Mytz V.* A Glazed Pottery Workshop of the XVth century at Caffa // VIIe Congrès International sur la Céramique Médiévale en Méditerranée (Thessaloniki, 11–16 October 1999). Pré-actes Thessaloniki. 1999. P. 12.

2000

16. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Об атрибуции одной из средневековых церквей в Феодосии // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2000. № 5. С. 425–436.

17. Бочаров С.Г. Историческая топография Каффы, конец XIII в.–1774 г. (фортификация, культовые памятники, система водоснабжения). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2000. 21 с.

18. Бочаров С.Г., Джанов А.В. Предметы вооружения XIV–XV вв. из генуэзских городов Восточного Крыма // *Оръжие и снаряжение през късната античност и средновековието IV–XV в.* / Отв. ред. В. Йотов. Варна: Варненски археологически музей, 2000. С. 8–9.

2001

19. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV веков // *Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международной научной конференции* / Отв. ред. С.Б. Сорочан. Харьков: ХНУ. 2001. С. 89–90.

20. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV веков II // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции / Отв. ред. А.И. Иваненко. Керчь, 2001. С. 157–161.

21. Бочаров С.Г. Монастыри Кампании Каффы // *Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. Тез. док. III Международной конференции по религиоведению*. Севастополь, 2001. С. 9–10.

22. Бочаров С.Г. Оборонительные сооружения Османской Каффы // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Вып. IX / Отв. ред. В.П. Копылов, Ростов-на-Дону: Ростовский государственный педагогический университет, 2001. С. 154–157.

23. Бочаров С.Г., Майко В.В. Міжнародна наукова конференція “Історико-культурні зв’язки Причорномор’я та Середземномор’я X–XVIII ст. за матеріалами полив’яної кераміки” // *Український Керамологічний Журнал*. 2001. № 2. С. 135–137.

2002

24. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Греческие православные церкви средневековой Каффы // *Православные древности Таврики* / Отв. ред. В.Ю. Юрочкин. Киев. Стилос, 2002. С. 159–169.

25. Бочаров С.Г. Средневековый Массандровский “храм 1894 года”. Один эпизод научной деятельности К.К. Косцюшко-Валюжинича // *Церковная археология Южной Руси* / Отв. ред. В.Л. Мыц. Симферополь: Крымский филиал Института археологии НАНУ, 2002. С. 161–167.

2003

26. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Раскопки на территории Судакской крепости в 2001 г. // *Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 р.* Вип. 5 / Отв. ред. Н.О. Гаврилюк. Київ: ІА НАН України; Шлях, 2003. С. 11.

27. Бочаров С.Г. Генуэзская крепость Воспоро в XIV–XV веках // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века. Резюме докладов XI международной научной конференции* / Отв. ред. В.П. Копылов, Ростов-на-Дону: Ростовский государственный педагогический университет, 2003. С. 46–47.

28. Бочаров С.Г. Описания средневековых храмов Южного Крыма в “Сборнике Гавриила” // *Культовые памятники в мировой культуре V международная конференция по религиоведению*. Севастополь: Херсонес Таврический, 2003. С. 11–13.

29. Бочаров С.Г. Храмы Юго-Восточного Крыма и вопрос о границах Солдайского консульства // “Проблемы археологии и этнической истории Дона и Северного Кавказа”. Материалы VIII Донской международной археологической конференции. Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 2003. С. 58–59.

2004

30. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Солдайское // *Россия–Крым–Балканы: диалог культур*. Научные доклады международной конференции / Отв. ред. В.П. Степаненко. Екатеринбург: Уральский федеральный ун-тет, 2004. С. 146–152.

31. *Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV вв. Южный берег Крыма // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Сборник научных трудов по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П. И. Кеппена / Гл. ред. В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2004. С. 186–205.

32. *Бочаров С.Г.* Описания средневековых храмов Алушты в архивных материалах П.И. Кеппена // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Сборник научных трудов по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена / Гл. ред. В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2004. С. 43–58.

2005

33. *Бочаров С.Г., Мыц В.Л.* Введение // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 4–5.

34. *Бочаров С.Г.* Группа византийских поливных чаш второй половины XIV в. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 306–324.

35. *Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV. Консульство Солдайское // Античная древность и средние века. Вып. 36 / Отв. ред. В.П. Степаненко. Екатеринбург: Уральский федеральный ун-тет, 2005. С. 282–294.

36. *Бочаров С.Г.* Некоторые предварительные итоги археологического изучения средневекового укрепления Учансу-Исар // Альманах Крымского гуманитарного университета. 2005. Вып. 7: Серия: История, философия, социальные науки. С. 124–135.

37. *Бочаров С.Г.* Топография османской Керчи XVI–XVIII вв. // Археологические записки. Вып. 4 / Отв. ред. В.А. Кияшко. Ростов-на-Дону: ДАО, 2005. С. 145–151.

38. *Bocharov S.* The 1365–1387 Conflict between Genova and the Golden Horde as Reflected in the Genoese Fortification of Crimea // Ethnic contacts and cultural exchanges North and West of the Black Sea (between the Greek Colonization and the Present). Ed. V. Cojocar. Yassi. 2005. P. 19–21.

2006

39. *Бочаров С.Г.* Каффа и Золотая Орда в первой половине XIV века // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000) / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: Нумизматическая лит-ра, 2006. С. 112–115.

2007

40. *Айбабина Е.А., Бочаров С.Г.* Археологические исследования Каффы // Археологические исследования в Крыму. 1995 год / Отв. ред. В.Л. Мыц. Симферополь: Сонат, 2007. С. 17–18.

41. *Бочаров С.Г.* Рубеж XIII–XIV вв. по материалам керамического комплекса поселения Посидима (Коктебель) // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В.Ю. Коваль. Ялта: Копи-Центр, 2007. С. 12–18.

2008

42. *Бочаров С.Г.* Армянское население османской провинции Кефе в XVI веке // Сб. тез. Международной научно-практической конференции, посвященной 650-летию со дня основания монастыря Сурб-Хач «Армяне Крыма: вчера, сегодня, завтра». Старый Крым: Крымское армянское общество, 2008. С. 3–4.

43. *Бочаров С.Г.* Картографические источники по топографии турецкого города Мангуп // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Отв. ред. Ю.М. Могаичев. Симферополь: Антиква, 2008. С. 191–212.

44. *Бочаров С.Г.* Средневековая Каффа // Феодосия / Отв. ред. Э.Б. Петрова. Симферополь: ЧерноморПРЕСС, 2008. С. 34–44.

45. *Бочаров С.Г.* Кефе // Феодосия / Отв. ред. Э.Б. Петрова. Симферополь: ЧерноморПРЕСС, 2008. С. 44–46.

46. *Бочаров С.Г.* Поселение Тепсень в Восточном Крыму по материалам раскопок 2007–2008 гг. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. Тез. докл. IV Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2008. С. 34–35.

47. *Бочаров С.Г.* Поселения Крымского побережья XIII–XV вв. Данные карт-портлоанов и археологическая ситуация // Этнические, демографические и духовные взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в античную эпоху, византийский период и средневековье». 11 заседание Совместной комиссии по исследованиям в области истории, археологии, этнографии и фольклора НАНУ и Румынской АН (22-27 сентября 2008 г., Симферополь) / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Кожокару, Симферополь: Крымский филиал Института археологии НАНУ, 2008. С. 12–14.

48. *Бочаров С.Г., Коваль В.Ю.* II Научная конференция «Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв.» (Ялта, Украина, 2007) // РА. 2008. № 4. С. 178–180.

49. *Бочаров С.Г., Юрочкин В.Ю.* Город Феодосия и «область Кафа» в позднеантичный период // Pontika 2008. International Colloquium at the Institute of Archaeology Jagiellonian University. Krakow, 21–26 April 2008. Abstracts. Krakow, 2008. P. 2.

2009

50. *Бочаров С.Г., Кожокару В.* Введение // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье: Материалы 11-го заседания Совместных комиссий по истории, археологии, этнологии и фольклористике при Президиуме НАН Украины и Академии Румынии / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Кожокару. Симферополь: Таврия, 2009. С. 3–4.

51. *Бочаров С.Г.* Предварительные результаты археологического исследования укрепления Учансу-Исар // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье: Материалы 11-го заседания Совместных комиссий по истории, археологии, этнологии и фольклористике при Президиуме НАН Украины и Академии Румынии / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Кожокару. Симферополь: Таврия, 2009. С. 108–114.

52. *Бочаров С.Г., Коваль В.Ю.* Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. (Западный Крым) // Материалы I Международного конгресса по археологии Евразийских степей / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 45–46.

53. *Мыц В.Л., Зайцев Ю.П., Бочаров С.Г.* Городище Вишенное в Центральном Крыму и вопрос о локализации города Фулы // Материалы I Международного конгресса по археологии Евразийских степей / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 154–156.

54. *Bocharov S.* Ottoman mosques of the city of Caffa-Kefe (1475–1774) // The art of Islamic world and artistic relationship between Islamic countries and Europe. Abstracts. Krakow, 2009, p. 42.

55. *Bocharov S., Maslovskiy A.* The byzantine glazed pottery in northern Black Sea region (end XIII–XIV centuries) // IX Congresso Internazionale sulla ceramica Medievale nel Mediterraneo. Abstract. A cura di Sauro Gelichi. Venezia, 2009. P. 5.

2010

56. *Бочаров С.Г.* Находки кашинной керамики в городе Каффа (Крым) // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18–21 октября 2010 г.) / Сост. Д.В. Васильев. Астрахань: Астраханский ун-т, 2010. С. 238–241.

57. *Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* Керамика Куния-Ургенча (Хорезма) в Северном Причерноморье в Золотоордынский период и ее влияние на керамическое производство Крыма // Международная научная конференция «Государство кунияургенчских туркмен и Центральная Азия в первой половине XIII века». Тез. докладов. Ашгабат: Ylum, 2010. С. 194–197.

58. *Бочаров С.Г., Новиченкова Н.Г., Горбунов В.И.* Исследования Восточно-Крымской (Феодосийской) экспедиции в 2009 году // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Київ: ІА НАН України, 2010. С. 41–42.

2011

59. *Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV веков (Кампанья Каффы) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти

Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.) / Ред. Д.В. Васильев, Ю.А. Зеленева, А.Г. Ситдииков. Казань: ИИ АН РТ, 2011. С. 137–145.

60. *Бочаров С.Г.* Отуз и Калиера // Золотоордынское Наследие / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: ИИ АН РТ, 2011. С. 252–263.

61. *Бочаров С.Г.* Первые археологические исследования на территории средневекового селения Джалита (Ялита) в 2010 г. // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме: Тезисы докладов / Отв. ред. А.В. Глузман. Ялта: КГУ, 2011. С. 10–12.

62. *Бочаров С.Г.* Первые археологические исследования на территории средневекового селения Джалита (Ялта) в 2010 г. // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума / Археология евразийских степей. Вып. 17 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Отечество, 2013. С. 30–43.

63. *Бочаров С.Г., Коваль В.Ю.* Карты-портоланы и археологическая ситуация на крымском побережье в контексте византийско-генуэзской черноморской торговли // Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов «Российское византиноведение: традиции и перспективы» / Отв. ред. С.П. Карпов. М.: Изд. МГУ, 2011. С. 46–49.

64. *Бочаров С.Г., Коваль В.Ю.* Керамика Хазарской эпохи в Восточном Крыму // Тезисы докладов Международного научного семинара «Керамика Хазарского Каганата (VII–X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжье» / Отв. ред. С.Г. Бочаров, Симферполь: Крымский филиал Института археологии НАНУ, 2011. С. 13–20.

65. *Бочаров С.Г., Коваль В.Ю.* Новые подходы к изучению керамики хазарского времени в Восточном Крыму // Болгарский форум I. Материалы Международного Болгарского Форума (19–21 июня 2010 г., г. Болгар) / Археология евразийских степей. Вып. 12 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фолиант, 2011. С. 46–56.

66. *Бочаров С.Г., Коваль В.Ю.* Поселения крымского побережья в системе международной торговли Руси и Средиземноморья. Археологические свидетельства // Труды III (XIX). Всероссийского археологического съезда. Т. II / Ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. Великий Новгород–Старая Русса, 2011. С. 127.

67. *Bocharov S., Maslovskiy A.* Décor of the mosques of the Gold Horde towns of northern-eastern Black Sea region (at the base of archaeological data) // The art of Islamic world and artistic relationship between Islamic countries and Europe. Ed. B. Biedronska-Slota, M. Ginter-Frolow, J. Malinowski. Krakow: Drukarnia Leyko, 2011. P. 98–109.

68. *Bocharov S., Maslovskiy A.* The byzantine glazed pottery in northern Black Sea region (end XIII–XIV centuries). // Atti del IX Congresso Internazionale sulla ceramica Medievale nel Mediterraneo. A cura di Sauro Gelichi. Venezia: All’Insegna del Giglio, 2011. P. 255–266.

2012

69. *Бочаров С.Г.* Археологические исследования средневекового замка Гелин-Кая в 2006 году // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: ЯЗ, 2012. С. 109–121.

70. *Бочаров С.Г.* Генуэзский замок Калиера и золотоордынское селение Отузы // Причерноморье. История, политика, культура. 2012. Вып. VIII (III). Серия А. С. 62–66.

71. *Бочаров С.Г.* Солхатская война и ее отражение в фортификации Каффы // История и культура средневековых народов Степной Евразии. Материалы II Международного конгресса археологии Евразийских степей / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2012. С. 113–116.

72. *Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 20–36. doi.org/10.24852/pa2012.1.1.20.36

73. *Бочаров С.Г., Могаричев Ю.М.* Хазары и болгары в Крыму // *Bulgarica*. Время и пространство Болгарской цивилизации. Иллюстрированный атлас / Науч. ред. Ф.Ш. Хузин. Москва–Казань: Феория, 2012. С. 190–200.

74. *Бочаров С.Г., Сейтумеров Ш.* Топография города Бахчисарая в XVI–XVIII вв. // IV научные чтения памяти Усейна Боданинского / Отв. ред. В.Е. Науменко, Бахчисарай: Антиква, 2012. С. 15–16.

75. *Bocharov S.G.* City of Caffa – Western completion of the Great Silk Road // The revival of the Great Silk Road in the happy epoch of the Powerful State. Ашгабат: Ylym, 2012. P. 162–165.

76. *Bocharov S.G., Maslovskiy A.N.* The Eastern Crimean centers of glaze pottery production in XIII–XV cent. // Abstract of X International Congress on Medieval Pottery in the Mediterranean (Silves, 22–27 October 2012). Silves. 2012. P. 67.

77. *Bocharov S.G., Maslovskiy A.N., Sitdikov A. G.* The white clay pottery in the Western regions of Gold Horde // Abstract of X International Congress on Medieval Pottery in the Mediterranean (Silves, 22–27 October 2012). Silves. 2012. P. 41–42.

2013

78. *Бочаров С.Г.* Историческая топография городов Крымского ханства // Тезисы докладов V Международного Болгарского форума «Политические и этнокультурные взаимодействия государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV–XVI вв.) / Отв. ред. С.Г. Бочаров, Симферополь: Крымский филиал Института археологии НАНУ, 2013. С. 15–18.

79. *Бочаров С.Г.* Крепостные сооружения города Боспора – Воспора в XIV–XV вв. Реконструкция // Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.) / Ред. М.Ю. Вахтина, Е.В. Грищик и др. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 342–348.

80. *Бочаров С.Г.* Новые материалы по изучению средневековых крепостей (исаров) Южного берега Крыма (замок на скале Гелин Кая) // Тезисы докладов 4-й Международной научно-практической конференции Историко-культурное наследие Причерноморья: Изучение и использование в образовании и туризме / Отв. ред. Н.Г. Новиченкова. Ялта: РИО Крымского гуманитарного университета, 2013. С. 12–14.

81. *Бочаров С.Г.* Поселения XIII–XV вв. на побережье Керченского полуострова – связи с регионом Кубани // Материалы Шестой Кубанской Международной археологической конференции / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Изд-во Экоинвест, 2013. С. 37–40.

82. *Бочаров С.Г., Кирилко В.П., Ситдииков А.Г.* Исследования Архитектурно-археологической экспедиции КФ ИА НАНУ в 2012 г. // АДУ в 2012 г. Киев-Луцк. 2013. С. 53–54.

83. *Бочаров С.Г., Коваль В.Ю., Масловский А.Н., Ситдииков А.Г., Френкель Я.В.* Использование естественно-научных методов в изучении средневековой поливной керамики // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. С. 65–70.

84. *Бочаров С.Г., Коваль В.Ю., Масловский А.Н., Френкель Я.В.* Методика археометрического исследования поливной керамики Юго-Восточного Крыма XIII–XV вв. // Тез. док. международного симпозиума «Современные подходы к изучению древней керамики в археологии» / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2013. С. 15–17.

85. *Могаричев Ю.М., Бочаров С.Г.* Крым в «Хазарское время» // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума / Археология евразийских степей. Вып. 17 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Отечество, 2013. С. 122–139.

86. *Прохорова Н.В., Головачев А.А., Прокопенко И.В., Семькин Ю.А., Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г.* Почвоведение и археология: взаимосвязь в исследовании Болгарского городища // Известия СНЦ РАН. Том. 16. № 1(4), 2013. С. 1005–1010.

87. *Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г.* Изучение Бани № 2 на Болгарском городище в 2012 г. // Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свяжск / Авт.-сост. Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдииков, А.С. Старков. Казань: ИИ АН РТ, 2013. С. 11–12.

88. *Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г.* Раскоп CLXXXIX в Болгаре // Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свяжск / Авт.-сост.: Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдииков, А.С. Старков. Казань: ИИ АН РТ, 2013. С. 15–16.

89. *Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г.* Раскоп СХСІ в Болгаре // Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свияжск / Авт.-сост.: Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдииков, А.С. Старков. Казань: АН РТ, 2013. С. 18–19.

90. Bocharov S., Maslovskiy A. Settlements of the time of Hazarian Kaganat (8th–10th centuries) in the Eastern Crimea and the Northern Azov Sea Region and their pottery complex. // The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th Century BC – 10th Century AD) (Belgrade, 17–21 September 2013). Ed. G. Tsetskhladze, A. Avram, J. Hargrave Oxford: Archaeopress Archaeology, 2013. P. 521–522.

91. *Bocharov S.G., Koval V.Yu.* Archaeometry of the South-Eastern Crimea's pottery // European Meeting on Ancient Ceramics. Padova. 2013. P. 32–33.

2014

92. *Бочаров С.Г.* Причерноморский город Каффа в XIV–XV вв. Между Востоком и Западом // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 450–454.

93. *Бочаров С.Г.* Средневековые храмы Гурзуфа (Южный берег Крыма) // Казанская Наука. 2014. № 11. С. 26–33.

94. *Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* Парадная поливная керамика константинопольского производства на памятниках Восточной Европы конца XIII–XIV вв. // Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации / Отв. ред. Л.В. Седикова. Севастополь: Херсонес Таврический, 2014. С. 17–18.

95. *Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* Светлоглиняная кухонная поливная керамика византийского производства на памятниках Восточной Европы второй половины XIII–XIV вв. // Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации / Отв. ред. Л.В. Седикова. Севастополь: Херсонес Таврический, 2014. С. 19–20.

96. *Бочаров С.Г., Масловский А.Н., Ситдииков А.Г.* Столовая поливная керамика провинциальных византийских центров как хроноиндикатор для памятников Крыма, Причерноморья и Восточной Европы второй половины XIII–XIV вв. // Поливная керамика Причерноморья–Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации / Отв. ред. Л.В. Седикова. Севастополь: Херсонес Таврический, 2014. С. 15–16.

97. *Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г.* Центральная мечеть города Болгар в золотоордынский период // Древние и средневековые государства на территории Казахстана, сборник науч. статей, посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 532–548.

98. Bocharov S., Sitdikov A. Solkhat's war and its reflection in the fortification of Caffa // *Classica et Christiana*. Yassi. 2014. P. 413–427.

99. Bocharov S., Ushakov S. Chersonesos Taurike und die Agais im 5.–3. Jahrhundert v. Chr.: Neue archaologische Fundkomplexe // *Interconnectivity in the Mediterranean and Pontic World during the Hellenistic and Roman Periods*. Ed. V. Cojocaru Cluj-Napoca: Editura MEGA. 2014. P. 229–251.

2015

100. *Бочаров С.Г.* Введение // Исторический атлас Республики Крым. Бахчисарайский район. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале / Науч. ред. С.Г. Бочаров. Казань: Фолиант, 2015. С. 5.

101. *Бочаров С.Г.* Венецианская якорная стоянка у мыса св. Иоанна в Восточном Крыму (конец XIV–первая половина XV вв.). // Исторический журнал: научные исследования. 2015. Вып 6 (30). С. 700–709.

102. *Бочаров С.Г.* Венецианское присутствие в Крыму и якорная стоянка Провато в 1356–1382 гг. // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2015. Вып. 6. С. 303–315.

103. *Бочаров С.Г.* Генуэзские владения в Крыму во второй половине XIV в. // Былые годы (Bylye Gody). 2015. № 38–4. С. 808–824.

104. Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. Введение // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров и А.Г. Ситдииков. Казань, Симферополь, Кишинев: Stratum plus, 2015. С. 3–5.

105. Бочаров С.Г. Генуэзский замок Калиера // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров и А.Г. Ситдииков. Казань, Симферополь, Кишинев: Stratum plus, 2015. С. 47–99.

106. Бочаров С.Г. Далекий запад империи Хубилая. Монголы, Венецианцы и Генуэзцы на Крымском полуострове (вторая половина XIII – начало XIV вв.) // *Khubilai Setsen khaan and the Mongol Yuan empire*. Ed. Ts. Tserendorj. Proceedings of the International Academic Conference in Honour of the 800th Birth Anniversary of Khubilai Setsen khaan (Ulaanbaatar, 21–24 September 2015). Ulaanbaatar: Admon, 2015. P. 162–167.

107. Бочаров С.Г. Заметки путешественников XIV–XV веков о городе Каффа // Поволжская археология. 2015. Вып. 4. С. 172–188. doi.org/10.24852/pa2015.4.14.172.188

108. Бочаров С.Г. Средневековое селение Посидима // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. Вып. 3. С. 123–127.

109. Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения генуэзского Воспоро // Причерноморье в средние века. Вып. 9 / Отв. ред. С.П. Карпов. СПб: Алетейя, 2015 г. С. 126–145.

110. Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Малоизвестная средневековая мечеть в Центральном Крыму (Шейх-Кой) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. Вып. 4. Часть 2. С. 111–117.

111. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Керамика Хорезма в западных регионах Золотой Орды // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. Вып. 4. Часть 2. С. 22–26.

112. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Наиболее массовые типы поливных импортов крымского производства и некоторые вопросы торговли в Восточной Европе в XIV в. // Поволжская археология. 2015. № 4. С. 189–200. doi.org/10.24852/pa2015.4.14.189.200

113. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Письменные источники о итальянской торговле кожей в Северном Причерноморье и данные археологии // Ученые записки Казанского (Приволжского) федерального университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 157. Кн. 3. 2015. С. 215–220.

114. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Символика власти на византийский глазурованных сосудах из Северного Причерноморья // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2015. Вып. 6. С. 245–249.

115. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Солхатская война и ее отражение в генуэзской фортификации Восточного Крыма // Крым в войнах России / Отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов–на–Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 38–45.

116. Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Куликов А.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В. Раскоп СХСХVI // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свяжск / Авт.-сост. Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: Казанская недвижимость, 2015. С. 13–15.

117. Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Куликов А.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В. Раскоп СХСХIX // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свяжск / Авт.-сост. Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: Казанская недвижимость, 2015. С. 16–18.

118. Bocharov S. Byzantium and the Northern Black Sea Region during the 13th century // Abstract of the International Simposium “Mobility in Research on the Black Sea Region” (Yassi, 5–10 Juli 2015). Yassi. 2015. P. 53–54.

119. Bocharov S. Relationship between the Mongol’s State and the Republic of Genoa the 13th–14th centuries. Written evidence and archaeology // Ancient Cultures Area of China, Mongolia and Baikalian Siberia. Hooh Khoto. 2015. P. 693–699.

120. Bocharov S. Vosporo fortress in the system of Genoese fortification of the Crimean peninsula of 14th–15th centuries // *Classica et Christiana* 10. Yassi. 2015 P. 443–459.

121. Bocharov S., Maslovskiy A. The Eastern Crimean Centers of Glaze Pottery Production in 13th and 14th centuries // Actas do X Congresso Internacional a cerâmica Medieval no Mediterraneo (Silves–Mértola, 22 a 27 de outubro de 2012). Ed. de M.J. Gonçalves, S. Gómez-Martinez. Silves: Grafica Comercial de Loule. 2015. P. 604–607.

122. Bocharov S., Maslovskiy A., Sitdikov A. The Kashi pottery in the Western Regions of Golden Horde // Actas do X Congresso Internacional a cerâmica Medieval no Mediterraneo. (Silves–Mértola, 22 a 27 de outubro de 2012). Ed. de M.J. Gonçalves, S. Gómez-Martinez. Silves: Grafica Comercial de Loule. 2015. P. 840–845.

123. Bocharov S., Maslovskiy A., Sitdikov A. Ceramic Decor in the European Part of the Golden Horde // Abstract of the XI International Congress on Medieval Pottery in the Mediterranean. AIECM3. (Antalia, 19–24 October 2015). Antalia, 2015. P. 10.

124. Bocharov S., Maslovskiy A., Iudin N. Influence of the Ceramic Imports Upon the Ceramic Production of Cities of the North-Eastern Black Sea Region at the end of the 13–14 centuries // Abstract of the XI International Congress on Medieval Pottery in the Mediterranean. AIECM3. (Antalia, 19–24 October 2015). Antalia, 2015. P. 47.

125. Bocharov S., Maslovskiy A., Iudin N. Pottery as the integration factor in culture of the Golden Horde // Abstract of the Second International Topical Congress AIECM3 «In&Around Pottery&Community» (Faenza, 17–19 April 2015). Faenza, 2015. P. 16–17.

126. Bocharov S., Maslovskiy A., Iudin N. Ornamentation changes on glazed vessels as a trend of style; // Abstract of the Second International Topical Congress AIECM3 «In&Around Pottery&Community» (Faenza, 17–19 April 2015). Faenza, 2015. P. 22.

127. Bocharov S., Maslovskiy A., Sitdikov A. The Beginning of Glazed Ceramics production in the Southeast Crimean during the last quarter of 13th century–the first quarter of 14th century // Dacia N.S. Tom LIX. Bucurehti. 2015. P. 313–320.

2016

128. Бочаров С.Г. Ак-Мечеть. Историческая топография города Крымского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 7 / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: ИИ АН РТ. 2016. С. 5–10.

129. Бочаров С.Г. Изменение городской культуры в Крыму во второй половине XIII в. – первой половине XIV в. (на примере возникновения местного производства поливной керамики) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2016. Вып. 5. С. 124–129.

130. Бочаров С.Г., Ситдиков А.Г. Введение // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Ялта, 8–12 ноября 2016 г.) / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Ялта, Кишинев: Stratum plus, 2016. С. 19–21.

131. Бочаров С.Г. Историческая география Генуэзской Газарии 1275–1475 гг. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Ялта, 8–12 ноября 2016 г.) / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Ялта, Кишинев: Stratum plus, 2016. С. 263–268.

132. Бочаров С.Г. Мечети города Каффа (Кефе) в 1340–1774 гг. // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 120–137. doi.org/10.24852/ra2016.2.16.120.137

133. Бочаров С.Г. Позднесредневековый могильник у античного городища Чайка в Западном Крыму // Очерки археологии Северо-Западного Крыма (по материалам городища «Чайка» и некрополя у поселка Заозерное) / Отв. ред. Е.А. Попова. М.: МГУ, 2016. С. 42–121.

134. Бочаров С.Г. Поливная керамика рубежа XIII–XIV вв. По материалам археологических исследований поселения Посидима (Юго-Восточный Крым) // Проф. д-р Борис Борисов–ученики и друзья / Великотърнавският Университет “Св. Св. Кирил и Методий и българската археология. Т. 2 / Отв. ред. Б. Борисов. Велико Търново: Ивис. 2016. С. 655–669.

135. Бочаров С.Г. Спор между иерархами Херсонской, Сугдо-фульской и Готской митрополий о приходах Южного берега Крыма (вторая половина XIV в.). Возможные причины конфликта // Тезисы докладов XXI-й Всероссийской научной сессии византинистов РФ «Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия» / Под ред. М.В. Грацианского, П.В. Кузенкова. Москва-Белгород: Эпицентр. 2016. С. 35–37.

136. Бочаров С.Г. Средневековое селение Дзукалаи на Керченском полуострове // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 88–103. doi.org/10.24852/ra2016.4.18.144.160

137. Бочаров С.Г. Средневековые мечети города Каффы-Кефе // Материалы III Международного конгресса исламской археологии / Ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдииков. Казань: Казанская недвижимость, 2016. С. 45–54.

138. Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Метаморфозы Шейх-Коя // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2016. Вып. 6. С. 371–392.

139. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Поливная керамика с росписью марганцем (Византия и Золотая Орда) // Материалы Первого маджарского археологического форума. Пятигорск–Буденовск–2012 / Отв. ред. Ю.Д. Обухов / Археология Евразийских степей. Вып. 23 / Казань: ИД Казанская недвижимость. 2016. С. 20–38.

140. Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. Керамический комплекс города Маджар, по материалам исследований 2015 г. (Нижняя Волга и Северный Кавказ) // Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции / Отв. ред. П.М. Кольцов. Элиста: Изд. Калмыцкого университета, 2016. С. 192–197.

141. Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В. Археологические исследования на Раскопе 199 в 2015 г. Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск / Авт.-сост. А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: Казанская недвижимость, 2016. С. 10–11.

142. Макарова Е.М., Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г. Морфология посткраниального скелета населения Болгара (по материалам СХСИ раскопа) // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 244–259. doi.org/10.24852/pa2016.2.16.244.259

143. Мирас – Наследие. Т. I. Татарстан–Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 гг. / Под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдиикова. Казань, Пермь: Астер Плюс. 2016. 580 с.

144. Мирас – Наследие. Т. II. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 гг. / Под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдиикова. Казань: ООО «Издат-Принт». 2016. 572 с.

145. Bocharov S., Maslovskiy A., Iudin N. Changes in ornamentation on glazed vessels as a trend in style // In & Around. Ceramiche e comunità. Secondo convegno tematico dell' AIECM3. A cura di M. Ferri, C. Moine, L. Sabbionesi Faenza: All'Insegna del Giglio, 2016. P. 233–236.

146. Maslovskiy A., Bocharov S., Iudin N. Ceramic pottery as the integration factor for the culture of the Golden Hord // In & Around. Ceramiche e comunità. Secondo convegno tematico dell' AIECM3. A cura di M. Ferri, C. Moine, L. Sabbionesi Faenza: All'Insegna del Giglio, 2016. P. 229–232.

2017

147. Мирас–Наследие. Т. III. Татарстан–Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 гг. / Под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдиикова. Казань, Пермь: Астер Плюс. 2017. 719 с.

148. Бочаров С.Г. Археология Венецианской Газарии XIII–XV вв. Определение термина и научное содержание // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 4. С. 233–249

149. Бочаров С.Г. Археология Латинской Газарии: определение термина и научное содержание // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. Владивосток: Дальнаука. 2017. С. 57–63.

150. Бочаров С.Г. Генуэзские фактории в Северном Причерноморье // Российская историческая энциклопедия. Т. 4. Великое переселение народов–Германия. М.: Абрис, 2017. С. 572–575.

151. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Чембальское // Поволжская археология. 2017. № 2. С. 204–223. doi.org/10.24852/pa2017.2.20.204.223

152. Бочаров С.Г. О причине конфликта между иерархами Херсонской, Сугдейско-Фульской и Готской митрополий за приходы Южного берега Крыма (вторая половина XIV в.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 5. С. 46–55. doi:10.15688/jvolsu4.2017.5.5

153. Бочаров С.Г., Франсуа В., Ситдииков А.Г. Предисловие // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2017. Т. 2. С. 15–18.

154. Бочаров С.Г. Селение Посидима в Юго-Восточном Крыму и его керамический комплекс (рубеж XIII–XIV вв.) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2017. Т. 2. С. 409–447.

155. Бочаров С.Г. Средневековое селение Кавалари на Керченском полуострове // Поволжская археология. 2017. № 4. С. 81–98. doi:10.24852/ра2017.4.22.81.98

156. Бочаров С.Г. Фортификация генуэзских городов Крыма // Вопросы истории фортификации. 2017. Вып. 6. С. 106–111.

157. Бочаров С.Г., Баранчиков Е.В., Кожокару В., Бруненко А.В., Павлинов П.С. Феодосия // Большая Российская энциклопедия. Т. 33. Уланд–Хватцев. Москва: Научное издательство «БРЭ». 2017. С. 266–267.

158. Бочаров С.Г., Иожица Д.В. Венецианская республика и Крым в XIII–XV вв. Археологические свидетельства // Тез. докл. V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе / Ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 146–147. <http://elibrary.asu.ru/xmlui/handle/asu/3896>

159. Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Мечеть в Шейх-Кой: интерпретационные возможности научных источников в исследовании памятника // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. № 15 (264). Вып. 43. Сентябрь. 2017. С. 64–79.

160. Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте) // Добруджа. Т. 32. Проф. Дин. Георги Атанасов на 60 години / Отв. ред. Георги Атанасов. Силистра: ОНГЪЛ, 2017. С. 250–276.

161. Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. Загородный дворец крымских ханов Ашлама-Сарай. Комплексное исследование памятника археологии // V Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна «Реставрация и сохранение археологических объектов культурного наследия». Тезисы докладов / Отв. ред. О.М. Стойкова. Бахчисарай: Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник, 2017. С. 10–11.

162. Бочаров С.Г., Неделькин Е.В. К вопросу о восточной и южной границах княжества Феодоро в XV в. // V Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна «Реставрация и сохранение археологических объектов культурного наследия». Тезисы докладов / Отв. ред. О.М. Стойкова. Бахчисарай: Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник, 2017. С. 11–12.

163. Бочаров С.Г., Неделькин Е.В. Селения Чембальского консульства в XIV–XV вв. Материалы к археологической карте // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 3(69). № 1. 2017. С. 16–41.

164. Бочаров С.Г., Сейтумеров Ш.С. Бахчисарай–введение в историческую топографию столицы Крымского ханства // Средневековые тюрско-татарские государства. Вып. 9 / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: ИИ АН РТ. 2016. С. 21–30.

165. Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. Раскопы ССXXI, ССXXII и ССXXIII // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свяжск / Авт.-сост. А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: Казанская недвижимость, 2017. С. 18–19.

166. Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г., Бездудный В.Г. Поиски загородного дворца крымских ханов Ашлама-Сарай. Археологические и геофизические исследования // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири / Отв. ред. А.С. Вдовин, Н.П. Макаров. Красноярск: СФУ. 2017. С. 127–134.

167. Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Иожица Д.В., Куклина А.А., Яворская Л.В. Раскоп ССXXVI // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свяжск / Авт.-сост. А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: ИД Казанская недвижимость, 2017. С. 13–15.

168. Bocharov S. Ancient Economic and Social concept in the Genoese Gazaria Region // European Research Studies Journal. 2017. Т. 20. № 5. P. 199–207.

2018

169. Бочаров С.Г. Археологические исследования горнов на Болгарском городище в 2016 году (Раскоп ССХVI) // Поволжская археология. 2018. № 2. С. 253–269. doi:10.24852/ра2018.2.24.253.269

170. Бочаров С.Г. Археология Генуэзской Газарии XIII–XV вв. Определение термина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. № 15 (264). Вып. 43. Март. 2018. С. 64–79.

171. Бочаров С.Г. Город Каффа – западное завершение Великого шелкового пути в последней четверти XIII–XIV вв. // Сборник материалов международной научно-практической конференции “Маргулановские чтения-2018. Духовная модернизация и археологическое наследие (19–20 апреля 2018 года)” / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы-Актобэ: Типография ЖК С.Т. Жанәділов, 2018. С. 392–397.

172. Бочаров С.Г. Датировочные возможности поливной керамики, произведенной в городах Юго-Восточного Крыма в конце XIII–XV веках, для территорий Северо-Восточной Европы // Человек и Север: Антропология, археология, экология / Отв. ред. А.Н. Багашев. Тюмень: Тюменский научный центр СО РАН. 2018. С. 30–33.

173. Бочаров С.Г. Нововыявленное селение XIII–XV вв. Керченского полуострова (предварительное сообщение по материалам исследований 2018 г.) // Поволжская археология. 2018. № 4. С. 71–83. doi:10.24852/2018.4.26.71.83

174. Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д. Новая находка костяной накладки с изображением дракона на Маджарском городище // Поволжская археология. 2018. № 2. С. 125–133. doi:10.24852/ра2018.2.24.125.133

175. Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д., Ситдииков А.Г. Золотоордынский город Маджар в системе культурных связей Евразии. По материалам археологических исследований (2015–2017 гг.) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции. (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.) / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2018. С. 404–407.

176. Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д., Ситдииков А.Г. Три года археологических исследований золотоордынского города Маджар (2015–2017). Итоги и перспективы // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 31–38.

177. Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. Изучение памятников Золотой Орды в Институте археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан // Оренбургский край как историко-культурный феномен. Материалы Международной научно-практической конференции «Девятыне Большаковские чтения» / Отв. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург: ОГПУ, 2018. С. 134–137.

178. Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. Исторические связи Ширвана и Золотой Орды в XIII–XIV вв. на примере распространения поливной посуды // Azerbaijan Archaeology. 2018. Vol. 21. Num. 2. P. 84–93.

179. Бочаров С.Г., Яворская Л.В. Юбилей Ю.Д. Обухова // Археология евразийских степей. 2018. № 4. С. 236–237.

180. Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г. Введение // Владимирова Г. Серьги в виде знака вопроса из средневековой Болгарии (XIII–XIV вв.): о материальных следах куманов и Золотой Орды в культуре Второго Болгарского царства / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, С.Г. Бочаров. Казань: Изд-во АН РТ, 2018. С. 3–4.

181. Bocharov S. Archaeology of Venetian Gazaria, 13th–15th Centuries. Definition of Terms and Scientific Sources // Studia mediaevalia Europaea et orientalia : miscellanea in honorem professoris emeriti Victor Spinei oblata / Ed.: Bilavschii G., Aparaschivei D. Bucuresti: Editura Academiei Romane, 2018. P. 439–454.

182. Bocharov S., Maslovskiy A. Pottery decorated with splashes of brown (manganese) color in Bizantium, Northern Black Sea Region and Eastern Europe in 13th–14th centuries // 12th Congress On Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics. Abstracts. 2018. Athens. Ed.: National Center of Scientific Research. P. 24.

183. Bocharov S., Maslovskiy A., Iudin N. The Impact Ceramic Imports on Ceramic Manufacturing in the Cities of the North-Eastern Black Sea Region in the late of XIII–XIV centuries // XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics Proceedings. Ed. F. Yenişehirlioğlu. Ankara: Dumat Ofset, 2018. Vol. 2. P. 117–125.

184. Bocharov S., Maslovskiy A., Sitdikov A. Ceramic Architectural Decoration in the European Part of the Golden Hord // XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics Proceedings. Ed. F. Yenişehirlioğlu. Ankara: Dumat Ofset, 2018. Vol. 1. P. 87–90.

2019

185. Бочаров С.Г. Селение Кубатуба XIII–XV вв. на побережье Керченского полуострова. Новый пункт Генуэзской Газарии // Уваровские Таврические чтения IV «Древности Юга России». Материалы Международной научной конференции. Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 12–15 сентября 2019 г. / Ред.-сост. А.В. Сазанов, Л.В. Седикова, Н.В. Гинькут. Севастополь: Колорит, 2019. С. 32–37.

186. Бочаров С.Г. Археологические исследования и возведение парковых ансамблей (на примере средневековой бани № 2 и музейного парка Болгарского историко-археологического комплекса // Уваровские Таврические чтения IV «Древности Юга России». Материалы Международной научной конференции. Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 12–15 сентября 2019 / Ред.-сост. А.В. Сазанов, Л.В. Седикова, Н.В. Гинькут. Севастополь: Колорит, 2019. С. 37–43.

187. Бочаров С.Г. Археология Генуэзской Газарии. Введение в научную проблему // Византийское «содружество»: традиции и смена парадигм. Тез. Док. XXII-й всероссийской научной сессии византистов Российской Федерации. Екатеринбург 24–28 сентября 2019 г. / Под. ред. М.В. Грацианского, Т.В. Куш. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 24–27.

188. Бочаров С.Г. Балаклава – введение в историческую топографию османского города 1475–1774 годов на Крымском полуострове // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2019. № 6 С. 321–328.

189. Бочаров С.Г. Венецианская Газария – что это означает? // Азак и мир вокруг него. Материалы Международной конференции. Азов, 14–18 октября 2019 г. / Донские древности. Вып. 12 / Отв. ред. И.И. Мамичев, Азов: Изд. Азовского музея заповедника, 2019. С. 43–50.

190. Бочаров С.Г. Древности Генуэзской Газарии как часть археологии Золотой Орды // Труды IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященный 100-летию российской академической археологии «Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований» Кн. 2 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 13–18.

191. Бочаров С.Г., Ситдиков А.Г. Предисловие // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 15–18.

192. Бочаров С.Г. Историческая география крымских территорий Генуэзской Газарии (1275-1475 гг.) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 741–770.

193. Бочаров С.Г. Средиземноморье и Крым в XIV–XV вв. Венецианская Газария – присутствие Республики св. Марка на крымском побережье: археологический контекст // Исторические, культурные, междисциплинарные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы конференции. Т. 1 / Отв. ред. А.Д. Васильев. М.: Пробел-2000, 2019. С. 36–39.

194. Бочаров С.Г., Асылгараева Г.Ш. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2018 году // Поволжская археология. 2019. № 1. С. 208–228. doi.org/10.24852/2019.1.27.208.228

195. Бочаров С.Г., Ситдиков А.Г. Научная программа Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан исследований Золотой Орды // Маргулановские чтения–2019. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахского археолога К.А. Акишева / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Нур-Султан: Глобус, 2019. С. 451–456.

196. Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. Объект Всемирного культурного наследия город Болгар и его вклад в тюркскую цивилизацию // Казакстан Археологиясы. Алматы. 2019. № 4 (6). С. 32–40.

197. Бочаров С.Г., Яворская Л.В. К вопросу о кожевенном производстве в Золотой Орде: результаты археологического и археозоологического исследования на городище Маджары в 2017 году // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 184–199. doi.org/10.24852/pa2019.4.30.184.199

198. Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г. Археология Золотой Орды на современном этапе исследования // Золотая Орда: история, государственность, культурное наследие / Отв. ред. Д. Кыдырали. Нур-Султан: Гылым, 2019. С. 357–366.

199. Яворская Л.В., Бочаров С.Г. Междисциплинарный научный семинар с международным участием «Археобиологические исследования в Болгаре и на поселениях Золотой Орды: проблемы и перспективы» // Поволжская археология. 2019. № 2. С. 237–242. doi:10.24852/2019.2.28.237.242

200. Bocharov S. Heritage of Golden Horde: the Genesis of Crimean Khanat Towns // Altin Orda ve Merasi. Uluslararası Sempozyum. Istanbul 25-26 Kasım 2019. Istanbul: Istanbul Universitesi, 2019. P. 37.

201. Bocharov S. West of Khubilai Empire. The Mongols and the Genoese in the Crimea (Second Half of 13th–Beginning of the 14th Centuries) // The Fourth Renmin University of China International Archaeology Conference “Research on the Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China”. Abstracts. Beijing: Renmin University of China, 2019. P. 164.

202. Bocharov S.G., Sitdikov A.G., Latypov N.R., Fahrutdinov R.R. Complexity of archaeological research and natural scientific studies in identifying the location of Ashlama-Saray, the country palace of the Crimean Khans // Utopía y Praxis Latinoamericana. 2019. Vol. 24. Extra 5. P. 13–18.

2020

203. Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г., Асылгараева Г.Ш. Общие сведения о научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2019 году // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 197–216. doi.org/10.24852/pa2020.1.31.197.216

Составители Г.Ш. Асылгараева, Д.В. Иोजица.

Информация об авторах:

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна, кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gul_shat@mail.ru

Иोजица Дмитрий Валентинович, лаборант Казанский (Приволжский) федеральный университет; лаборант, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); dishgak@mail.ru

THE LIST OF PUBLICATIONS OF SERGEI BOCHAROV

G.Sh. Asylgaraeva, D.V. Iozhitsa

About the Authors:

Asylgaraeva Gulshat Sh. Candidate of Veterinary Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; gul_shat@mail.ru

Iozhitsa Dmitriy V. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; dishgak@mail.ru

УДК 902.64/ 904

<https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.32.37>

КРАСНОГЛИНЯНАЯ КЕРАМИКА С БИРЮЗОВОЙ ГЛАЗУРЬЮ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА¹

© 2020 г. С.Г. Бочаров

В статье публикуются фрагменты красноглиняной керамики с бирюзовой глазурью, хранящиеся в Археологическом музее Казанского университета, происходящие из раскопок Поволжской археологической экспедиции 60-х гг. XX в. на Царевском городище (Волгоградская область). Одна разновидность сосудов представлена красноглиняными чашами, покрытыми бирюзовой глухой глазурью, возможно по белому ангобу. Вторая – красноглиняными чашами с росписью ангобом под прозрачной бирюзовой глазурью. Эта категория керамики в малом количестве представлена в материальном комплексе золотоордынских городов Болгара, Уека, Маджара, Азака. Наиболее вероятным местом производства сосудов, покрытых бирюзовой глухой глазурью, является Селитренное городище. Производственный центр, где изготовлялись красноглиняные чаши с росписью ангобом под прозрачной бирюзовой глазурью, в настоящий момент не установлен. По археологическим данным время существования этих двух разновидностей красноглиняной керамики с бирюзовой глазурью приходится на середину – вторую половину XIV в.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, историческая топография, Царевское городище, Поволжская археологическая экспедиция, Селитренное городище, красноглиняная поливная керамика с бирюзовой глазурью, Археологический музей Казанского федерального университета.

Статья – первая в цикле работ по публикации керамических находок, хранящихся в Археологическом музее Казанского федерального университета, полученных в ходе исследований Поволжской археологической экспедиции (рук. Г.А. Федоров-Давыдов) (Дворниченко, Егоров, Зеленева, 2002, с. 71–79) на Царевском городище (Волгоградская область) (Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с. 68–171; Гусева, 1975, с. 73–88; Зеленева, Курочкина, с. 24–27; Глухов, 2015, с. 33–34). В составе экспедиции отряд Казанского государственного университета (рук. И.С. Вайнер) вел раскопки восточного пригорода с 1963 по 1968 гг. В общей сложности шестью раскопами (II – 1963, II – 1964, II – 1965, II – 1966; II – 1967, II – 1968) исследовался один участок города, на котором вскрыто около 3000 кв.м., сводный раскоп получил условное название «три усадьбы» (Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974,

с. 89–125). Находки, полученные в ходе исследований этого участка средневековой городской территории, составили основу коллекции Царевского городища в фонде университетского музея.

Среди массива керамических материалов из археологических раскопок Царевского городища выделяются шесть фрагментов от поливных чаш двух разновидностей. Один фрагмент венчика с прямым краем (рис. 1: 2; шифр Ц-1968, Р-2, Я-7; диаметр около 12 см, толщина стенки – 0,4 см; глазурь нанесена по обеим поверхностям) и два фрагмента стенок красноглиняных чаш, покрытых бирюзовой глухой глазурью, возможно, по белому ангобу (рис. 1: 3; подъемный материал; толщина стенки – 0,4 см; глазурь нанесена по внутренней и частично по внешней поверхностям) (рис. 1: 4; Ц-67, Р-2, уч-375, толщина стенки – 0,4–0,7 см; глазурь нанесена по обеим поверхностям). А также два фрагмента венчиков с краями, слегка

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00240 «Царевское городище: исследование материалов раскопок 1961–1968 гг. из фондов Археологического музея Казанского федерального университета и Государственного исторического музея».

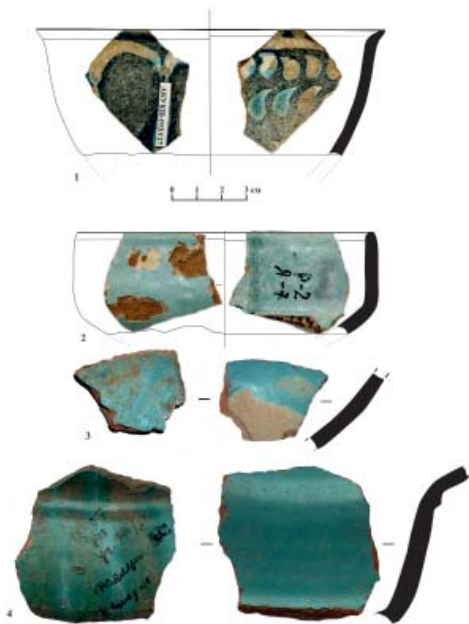

Рис. 1. Царевское городище. 1 – фрагмент венчика красноглиняной чаши с росписью ангобом под прозрачной бирюзовой глазурью; 2–4 – фрагменты красноглиняных чаш, покрытых бирюзовой глухой глазурью.

Fig. 1. Tsarevskoye settlement. 1 – fragment of a red clay bowl crown with engobe painting under transparent turquoise glaze; 2–4 – fragments of red clay bowls covered with opaque turquoise glaze.

отогнутыми наружу (рис. 1: 1; подъемный материал; диаметр около 14 см, толщина стенки – 0,4 см; внутренняя поверхность украшена каплеобразными пятнами ангоба, внешняя – орнаментом в виде повторяющихся арок) (рис. 2: 1; шифр Ц-1963, Р-П, шт. 2, кв. 5; диаметр около 13,6 см, толщина стенки – 0,6 см; внутренняя поверхность украшена растительным орнаментом, внешняя – орнаментом в виде повторяющихся арок) и один фрагмент дна красноглиняных чаш с росписью ангобом под прозрачной бирюзовой глазурью (кольцо поддона чаши налипное и изготавливалось отдельно) (рис. 2: 2; подъемный материал; диаметр около 7 см, толщина стенки – 0,4 см; по внутренней поверхности ангобом нанесен орнамент из восьмилепестковых розеток и точек). Визуально в изломе черепка глина этих двух разновидностей сосудов различается. У первой она ярко-красного оттенка, средней пластичности, с включениями блестящих частиц песка и единичными мелкими лакунами со светлыми контурами (возможно, от выгорания обломочной извести), обжиг сквозной равномерный. У второй разновидности сосудов с росписью ангобом глина коричнево-красная, средней пластичности, с включениями мелких частиц белого цвета,

дресвы, с большим количеством пустот, у двух черепков обжиг неравномерный, трехслойный, более темный у поверхностей. Дата находок по археологическому контексту соответствует периоду с 1340 по 1380 гг. (Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974, с. 113, 120, 123).

В классификации красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов первая разновидность сосудов выделена в отдел 2 – свинцовые поливы, подотдел 1 – прозрачные поливы, группу 4 – керамика с бирюзовой поливой, тип 1 – керамика с бирюзовой поливой по ангобной подгрунтовке (в публикации 1989 г. отмечена как тип 2). Вторая выделена в тот же отдел и группу, тип 2 – с росписью белым ангобом под бирюзовой прозрачной глазурью (в публикации 1989 г. отмечена как тип 1) (Булатов, 1976, с. 96–97; Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 201). Эта керамика была отнесена к местному золотоордынскому производству в качестве подражания кашинным изделиям с такой же глазурью (Булатов, 1976, с. 96). Отмечено, что находки таких сосудов встречаются на всех золотоордынских городах.

Действительно, в ходе археологических работ последних лет подобные сосуды были найдены в Болгаре, Укеке, Маджаре и Азаке. В Болгаре чаша обнаружена в 2017 г., раскоп СХСII в яме 91 (дата: 1350–1370 гг.) (*приношу благодарность В.Ю. Ковалю за возможность использовать неопубликованный материал из его раскопок*). В фондах Саратовского областного краеведческого музея хранится нижняя часть чаши с росписью ангобом, случайная находка на Увекском городище. В процессе археологических раскопок 2013–2019 гг. города Укек в культурных слоях се-

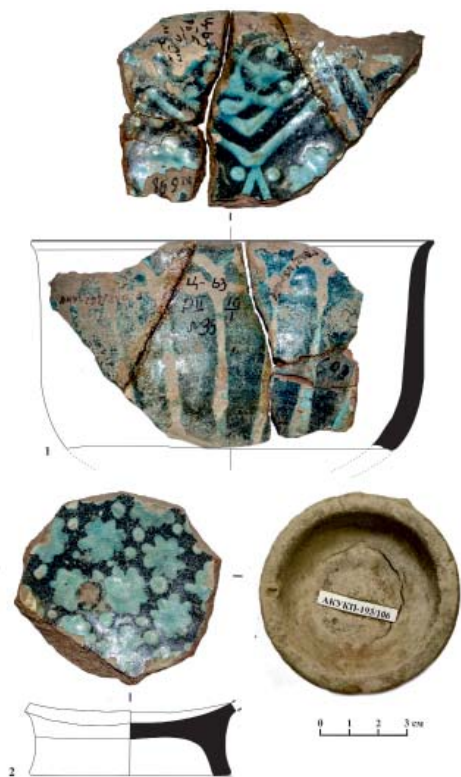

Рис. 2. Царевское городище. 1–2 – фрагменты красноглиняных чаш с росписью ангобом под прозрачной бирюзовой глазурью.

Fig. 2. Tsarevskoye settlement. 1–2 – fragments of red clay bowls with engobe painting under transparent turquoise glaze.

по ул. Васильева в яме 2 (дата в пределах XIV в.) (Зенюк, 2016, с. 216, 217, рис. 35: 1).

Сегодня такие сосуды объединены в группу Нижнее Поволжье (Волков, 2016, с. 196; Масловский, 2006, с. 375). И.В. Волков выделяет их как образцы с нестандартным сочетанием признаков росписи красноглиняной керамики, произведенной в больших мастерских столичных городов с разделением труда (Волков, 2016, с. 196, 199, рис. 62).

В ходе выполнения научного проекта по изучению материалов из раскопок Царевского городища 1961–1968 гг. в фондах Археологического музея Казанского федерального университета были отобраны образцы этой керамики для проведения серии исследований методами естественных наук. По одному фрагменту (рис. 1: 4) получены первые промежуточные данные. С.И. Валиулина так их прокомментировала: «В результате анализа методом сканирующей электронной микроскопии (SEM) глина образца соответствует составу глины печного припаса Селитренного городища (Сг-2019, № 691) – близки суммы оксидов щелочей (8,8, 7,11%), щелочно-земельных элементов (8,53 и 7,96%), практически идентичны по показателям концентрации глинозема (Al_2O_3 21,28 и 22,09%) и кремнезема (SiO_2 49,43 и 49,24%), соединений железа и титана. Глазурь свинцово-щелочная, непрозрачная, окрашена оксидами меди и железа, заглушена оловом» (благодарю С.И. Валиулину за возможность воспользоваться выводами из ее неизданного исследования: Valiulina, 2020, tab. 1: 2, 12).

В заключение отметим, что в случае с первой разновидностью находок красноглиняной керамики с бирюзовой глухой глазурью, видимо, находит подтверждение мнение об их производстве в одном из столичных центров Золотой Орды – Селитренном городище. Место

редины – второй половины XIV в. найдены два фрагмента стенок и два фрагмента доньев поливных чаш с росписью белым ангобом под бирюзовой прозрачной глазурью (*приношу благодарность Д.А. Кубанкину за возможность использовать неопубликованный материал из его раскопок*). Находки из Маджар – это подъемный материал с территории городища, два фрагмента интересующих нас сосудов опубликованы (Волков, 2016, с. 196, 199, рис. 62), кроме того, два фрагмента чаш, одного кувшина с глухой глазурью и шесть фрагментов чаш с росписью ангобом хранятся в фонде Краеведческого музея села Прасковья (*приношу благодарность Ю.Д. Обухову за предоставленные иллюстрации по неопубликованным материалам*). В Азаке красноглиняные чаши с росписью ангобом под бирюзовой прозрачной глазурью найдены в 1995 г. в раскопе по ул. Московская, 7, в заполнении ямы 6 (дата: период «великой замятни» 1359–1381 гг.) (Белинский, Масловский, 1998, с. 188, 189, 221, рис. 17: 5) и в 2014 г. в раскопе 2

изготовления красноглиняных чаш с росписью ангобом под бирюзовой прозрачной глазурью пока не установлено. Эти категории сосудов стабильно встречаются в культурных напластованиях в основных золотоордынских региональ-

ных городских центрах Болгаре, Укеке, Маджаре, Азаке, но в очень малом единичном количестве. Датировки бытования этих сосудов по археологическим данным приходится на середину – вторую половину XIV в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинский И.В., Масловский А.Н.* Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская, 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып. 15. Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. С. 179–251.
2. *Булатов М.Н.* Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 73–107.
3. *Волков И.В.* Керамика Золотоордынского города Маджар // Материалы Первого Маджарского археологического форума. Археология Евразийских степей. Вып. 23 / Ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. С. 139–222.
4. *Глухов А.А.* Царевское городище: история изучения: историческая топография, хронология. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2015. 101 с.
5. *Гусева Т.В.* История изучения Нового Сарая // Вестник МГУ. Сер. 8, История. 1975. № 6. С. 73–88.
6. *Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Зеленева Ю.А.* Поволжская археологическая экспедиция: история создания, организация и основные результаты исследований // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. Вып. 135 / Отв. ред. В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленева. М.: НИО ГИМ, 2002. С. 71–79.
7. *Зеленева Ю.А., Курочкина С.А.* Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994 – 2000 гг.). Йошкар-Ола: РИЦ МарГУ, 2009. 264 с.
8. *Зенюк Д.И.* Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2013–2014 гг. // Историко-археологические и палеонтологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 гг. Азов: Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, 2016. С. 163–228.
9. *Масловский А.Н.* Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. Азов: Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, 2006. С. 308–473.
10. *Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г.* Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) // Поволжье в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 68–171.
11. *Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В.* Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 89–125.
12. *Федоров-Давыдов Г.А., Булатов М.Н.* Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища самарских вождей и древние города Поволжья / Отв. ред. К.А. Смирнов. М.: Наука, 1989. С. 133–248.
13. *Valiulina S.* The chemical composition of Glazed ceramics Saray al Jadid // Journal of Archaeological Science: Reports. 2020. Vol. 4 (in print).

Информация об авторе:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ученый секретарь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, (г. Казань, Россия); sgbotcharov@mail.ru

RED CLAY POTTERY WITH TURQUOISE GLAZE FROM ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF THE TSAREVSKOYE SETTLEMENT

S.G. Bocharov

The paper features the fragments of red clay pottery with turquoise glaze deposited at the Archaeological Museum of Kazan University, which originated from the excavations by the Volga Archaeological Expedition of the 1960s at Tsarevskoye settlement (Volgograd Oblast). One type of vessels is represented by red clay bowls covered with opaque turquoise glaze, possibly on white engobe painting. The second type – by red clay bowls with engobe painting under transparent turquoise glaze. This category of pottery is contained in small quantities in the material complex of the Golden Horde towns of Bolgar, Ukek, Madzar and Azak. The most likely crafting location of the vessels coated with opaque turquoise glaze is Selitrennoye settlement. The manufacturing center where the red clay bowls with engobe painting under transparent turquoise glaze were produced has not been identified. According to archaeological information, the period of existence of these two varieties of red clay pottery with turquoise glaze is the middle – second half of the 14th century.

Keywords: archaeology, Golden Horde, historical-topography, Tsarevskoye settlement, Volga Region archaeological expedition, Selitrennoye settlement, red clay glazed pottery with turquoise glaze, Archaeological Museum of Kazan Federal University.

REFERENCES

1. Belinskii, I. V., Maslovskii, A. N. 1998. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1995–1997 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don in 1995–1997)* 15. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum Publ., 179–251 (in Russian).
2. Bulatov, M. N. 1976. In Smirnov, A. P. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites in the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 73–107 (in Russian).
3. Volkov, I. V. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 23. Kazan: Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences, 139–221 (in Russian).
4. Glukhov, A. A. 2015. *Tsarevskoe gorodishche: istoriia izucheniia: istoricheskaiia topografiia, khronologiia (Tsarevskoye settlement: study history: historical topography, chronology)*. Volgograd: "Volgogradskoe nauchnoe izdatelstvo" Publ. (in Russian).
5. Guseva, T. V. 1975. In *Vestnik MGU. Ser. 8, Istorii (Bulletin of Moscow University. Series 8. History)* 6. 73–88 (in Russian).
6. Dvornichenko, V. V. Egorov, V. L., Zeleneev, Yu. A. 2002. In Egorov, V. L., Zeleneev, Yu. A. (eds.). *Povolzh'e i sopredel'nye territorii v srednie veka (Volga region and the neighbouring territories in the Middle Ages)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 135. Moscow: State Historical Museum, 71–79 (in Russian).
7. Zeleneev, Yu. A., Kurochkina, S. A. 2009. *Zolotoordynskii gorod Sarai al-Dzhedid (rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniia na Tsarevskom gorodishche v 1994–2000 gg.) (The Golden Horde City Sarai al-Jedid (the Results of Archaeological Studies at Tsarevskoye Settlement in 1994–2000))*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 6–12 (in Russian).
8. Zeniuk, D. I. 2016. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2013–2014 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don in 2013–2014)* 29. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 163–228 (in Russian).
9. Maslovskii, A. N. 2006. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don)*. 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 309–473 (in Russian).

The study was completed with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research project No. 20-09-00240 Tsarevskoye settlement: study of excavation materials of 1961-1968 from the funds of the Archaeological Museum of Kazan Federal University and the State Historical Museum.”

10. Fedorov-Davydov, G. A., Vainer, I. S., Mukhamadiev, A. G. 1970. In Smirnov, A. P. (ed.). *Povolzh'e v srednie veka (Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 68–171 (in Russian).
11. Fedorov-Davydov, G. A., Vainer, I. S., Guseva, T. V. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 176–182 (in Russian).
12. Fedorov-Davydov, G. A., Bulatov, M. N. 1989. In Smirnov, K. A. (ed.). *Sokrovishcha samarskikh vozhdai i drevnie goroda Povolzh'ia (Treasures of Samara Leaders and the Ancient Towns of the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 133–248 (in Russian).
13. Valiulina, S. 2020. In *Journal of Archaeological Science: Reports*. 4 (in print).

About the Author:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Associated professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2020 г.

Археология Византии, Золотой Орды и Генуэзской Газарии

УДК 904 930.2

<https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.38.47>

О РАЗГРОМЕ ТАНЫ ТАМЕРЛАНом В 1395 Г.: СОБЫТИЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

© 2020 г. С.П. Карпов

На основании комплексного анализа западноевропейских и восточных источников в статье восстанавливается история похода эмира Тамерлана 1395 г. и обстоятельства захвата им важнейшей венецианской и генуэзской фактории в устье Дона – Таны (Азова). Первостепенное значение для анализа событий имеют использованные автором документы Венецианского государственного Архива. Автор анализирует значение этого события для Причерноморья и Поволжья и оценивается объем товарооборота Таны в указанный период. В статье прослеживается политика итальянских морских республик и меры по восстановлению Таны после разгрома. Разрушение Таны Тамерланом не остановило торговлю в регионе, хотя и сильно дестабилизировало ее. Несмотря на все трудности, венецианцы смогли воссоздать свою прежнюю и важную для них факторию, осуществлявшую связи с Поволжьем, Северным Кавказом, русскими княжествами.

Ключевые слова: Тана, Азов, Золотая Орда, Каффа, Генуя, Венеция, Астрахань, Тамерлан, Тохтамыш, хронистика.

К концу XIV в. Тана (Азов, Азак) был важным перекрестком международных торговых связей, где рядом с ордынским городом с его пестрым полиэтничным населением располагались генуэзская и венецианская фактории, куда, навстречу караванам восточных купцов, прибывали ежегодные конвои венецианских торговых галей и многочисленные генуэзские суда из портов Крыма. Это был важнейший узел, связывавший города Поволжья, прежде всего Сарай и Хаджитархан (Астрахань) с Русью, Византией и Западной Европой (Скржинская, 1971, с. 29–64; Skrzinska 1968; Pubblici, 2005; Карпов, 2011). Это хорошо понимали современники, включая многочисленных завоевателей, не раз и не два грабивших и захватывавших Тану. Так было и в конце XIV в., когда Тана оказалась в гуще войны золотоордынского хана Тохтамыша с могущественным джагатайским эмиром Тимуром хромцом, Тимурленгом, Тамерланом, Темир-Аксаком, как его называли в разных концах света.

В 1395 г. к Тане подошли войска Тамерлана. После непродолжительных

переговоров город и фактория были взяты и разграблены. Венецианский хронист Антонио Морозини сообщал, что император джагатайских татар Тамерлан с 300 тысяч войска взял и разрушил Тану. В это время там находились венецианские галеи, то есть нападение было спланировано (чтобы захватить как можно больше товаров и людей). Морозини датирует захват Таны 14 сентября 1395 г., что в целом соответствует ритму навигации конвоя венецианских торговых галей, пребывавших к устью Дона ранней осенью (Codice Morosini, 2010, p. 192; Silberschmidt, 1923, p. 128; Карпов, 1994, с. 31, 60–61). Наиболее полно и подробно история захвата Таны Тамерланом описана в Хронике Тревизо, составленной в начале XV в. канцлером этого города Андреа ди Редузио ди Кверо. Хотя автор не был свидетелем этих событий, его рассказ основан в значительной мере на сообщениях венецианцев, генуэзцев и жителей Тревизо, отчасти, возможно, беллетризованных автором. Итак, сообщает хронист, узнав о подходе Тамерлана, «разрушившего Турцию», с большим войском, жители

фактории – «венетские, геновские, каталонские, бискайские и других наций купцы» – собрали совет и решили направить к Тамерлану послов для переговоров. В составе посольства были представители разных «наций», включая венецианца Пьетро Миани, от которого всю эту историю и узнал хронист. Послы с дарами отправились в ставку Тамерлана, которая, как он пишет, находилась в 40 милиариях (ок. 60 км) пути от Таны у одного из рукавов реки, в то время как все его войско занимало территорию в 80 милиариев (т. е. ок. 120 км), что, безусловно, немалое преувеличение, хотя и показывает растянутость коммуникаций. Описания стоянки довольно реалистичны. Тамерлан находился в шатре, обтянутом золотыми и шелковыми тканями, посреди лагеря, подобного городу и занимавшего 3 милиария. Его резиденцию окружали 3 ряда валов в виде стен с 3 воротами, через которые входили и выходили посещавшие. Первый ряд и ворота охраняло 100 тысяч пехотинцев, вооруженных пиками и всеми видами оборонительного и наступательного вооружения не хуже, чем у итальянцев. Конечно, у страха глаза были велики, и все цифры преувеличены, но описание самого типа походного лагеря интересно. Еще сто тысяч воинов, с легким вооружением, охраняли второй вал, а у третьего обретались неисчислимые евнухи с тремястами женщин, одна краше другой, в царских персидских одеяниях, ради ублажения неистощимой похоти хана. Посредине же шатра была установлена рея или столб (antenna) из удивительных и невиданных дерев, кроны которых с золотыми ветвями и листьями, при дуновении ветра издавали красивые и гармоничные звуки. Пол шатра был устлан дивными коврами, а стены занавешены златоткаными тканями с геммами и вышивкой из жемчуга и драгоценных камней, сиявших так, что и ночь казалась днем. И когда послы Таны прибыли туда, сняв обувь и головные уборы,

они совершили коленопреклонение и пали ниц, целуя землю, то бишь ковер, и сказали: «Аве, Царь Царей и Господин Господствующих!» и принесли ему дары от «франков, поелику так в тех краях называются христиане». Послы просили хана позволения остаться в своих факториях (stationibus) в Танае для ведения торговли, как то во всем мире разрешается купцам. На что Тамерлан, восседающий на золотом троне, где рядом с ним были два пожилых францисканца, сказал: «Добро пожаловать, я с доброй душой принимаю то, что просите и даже более» и заверил их в том, что не учинит никаких препятствий их торговле. Приказав приготовить трапезу, он пил из большого кубка из драгоценного камня-карбункула, и в знак истинности своих обещаний дал выпить из него и посла, и спросил, есть ли у императора или королей франков такая драгоценность и за сколько она бы продавалась? И самый мудрый из послов, преклонив колени, сказал, что нет у франков такого покупателя, кто бы мог за нее заплатить. На что Тамерлан, хлопая в ладони, сказал, что и он ничего подобного ранее не видел, а этот получил от императора персов. И послам было дано разрешение возвращаться, вместе с одним из вельмож Тамерлана. И этот, последний, в пути всячески демонстрировал свое благорасположение и пожелал увидеть все галеи, навалы и товары купцов, некоторые из товаров он купил и продал им кое-что из своих драгоценностей. Увидев все это и обследовав местность, он вернулся к Тамерлану. И спустя немного времени все им увиденное было захвачено, но еще ранее некоторые купцы, не доверяя Тамерлану, вместе со своими товарами предусмотрительно сели на корабли и тем самым спаслись и сохранили деньги (Redusiis de Quero, 1733, p. 802–804).

Значительная часть венецианцев была захвачена, многие затем были освобождены за выкуп, часть уведена в плен и погибла от холода и лишений.

Среди выкупленных из плена были и 3 сына венецианского подеста Тревизо Джованни Миани, упомянутые в хронике ди Кверо. По сообщению хрониста, семья потеряла в Тане 12000 дукатов (Redusiis de Quero, 1733, p. 804–805). Когда галеи прибыли в Венецию, то были встречены там в большом горе, так как многие венецианские семьи были разрушены (Codice Morosini, 2010, p. 192). Само поселение было предано огню, в котором погиб и архив фактории с ханскими ярлыками, оформлявшими ее статус (ASV, SM, XLIII, f. 171v – 20/II 1397). Разгром от рук Тимура в 1395 г. едва не привел к окончательной гибели Таны, нанеся огромный урон не только городу, но и обширной сельской округе, всей системе торговых связей в этой зоне (Ковалевский, 1902, с. 143–144; Масловский, 2009, с. 336). Прибывшие к Тане в 1396 г. галеи увидели полное опустошение территории и уход оттуда населения (ASV, SM, XLIII, f. 180r–v – 1397.03.19: «invenit partes illas esse inhabitatas et sine aliquo populo»). Однако сообщения арабских (в основном египетских) хронистов, восходящие к одному источнику, письму мамлюкских послов к Тохтамышу (Тизенгаузен, т. 1, 1884, с. 330, 364, 442, 448, 454) о том, что, по слухам, Тимур якобы продолжил свой поход на Крым и захватил Каффу, не находят убедительных подтверждений в археологии и прямо противоречат генуэзским деловым источникам, не фиксирующим никаких разрушений в Каффе и ее округе в тот период (Причерноморье, вып. 10, 2018), равно как и материалам венецианского Сената. В начале 1396 г. венецианские послы в Геную жаловались на действия генуэзцев в Каффе и Херсонесе, незаконно собиравших налоги с венецианских судов, грузящих в Херсонесе соль (ASV, SSecreta, R (E), f. 122v–123r – 4/II 1396). А в 1396 г. Сенат предписывал венецианским галеям плыть к Каффе и мысу св. Иоанна и бросать там якорь (ASV, SM,

XLIII, f. 109v–110r – 19/II 1396). Историко-географическая легенда о взятии Каффы и Херсонеса Тимуром была недавно убедительно опровергнута В.Л. Мыцом (Мыц, 2009, с. 99–123; Мыц, 2015, с. 99–123). Однако у нее есть историческое основание: в 1401 г. Тимур действительно готовил поход в Крым и на Каффу, как об этом свидетельствует его письмо (рубежа 1401/02 г.) к турецкому султану Баязиду. Войска для нападения были собраны у Дербента, но неожиданная весть о взятии Кемаха Баязидом переменяла направление похода: удар был нанесен в анатолийском направлении (Nawai, 1962, p. 116).

Пытаясь после гибели фактории Таны договориться с правящим в Орде ханом, власти Венеции недвусмысленно возложили всю вину за неожиданное и жестокое нападение на Тамерлана. В документе Сената он назван *iniquus et perfidius* (вероломным), и приводятся некоторые детали нападения: нарушая обещания консулу и купцам, он, как грабитель и вор, вторгся и захватил венецианских граждан и купцов и их имущество, остальное предав огню, заставив пленных и их родичей платить большой выкуп за освобождение, а тех, кто не мог, вверг в нищету и увел в плен (ASV, SM, XLIII, f. 110v–111v – 22/II 1396). Новости, потребовавшие принятия срочных мер, были получены в Венеции не позднее декабря 1395 г. (ASV, SM, XLIII, f. 95r–v – 9/XII 1395). О переговорах с Тамерланом речи не было. Как отмечалось в решении Сената, некоторые венецианские купцы в момент нападения или сразу после него находились в Хаджитархане и других местах Северного Причерноморья. Тана была тем местом, откуда они отправлялись для торговли в города Золотой Орды. Документы Сената отмечают, что некоторые венецианские купцы бежали (или оставались там, ведя торговлю) в Хаджитархан, Каффу и даже в Константинополь, и Сенат призывал их как можно быстрее собираться

на побережье для возможного отъезда на специально посланных в Черное море в начале 1396 г. больших галей Гольфа (патрульной эскадры военных судов Адриатики). Впрочем, при возможности Сенат не воспрещал продолжать вести торговлю в регионе и даже предполагал, что новый консул в Тане и посол (им был избран Бьянко да Рива) сможет прибыть к месту назначения (ASV, SM, XLIII, f. 96r – 23/XII 1395). Высший орган власти Венецианской Республики – Большой Совет – счел произошедшее затронувшим весь строй государства («*multum tangant generaliter statum nostrum*»), нанеся удар по торговле и грозящим многочисленными тяжбами и конфликтами из-за расстроенных дел и непогашенных кредитов (ASV, MC, Leona, f. 89r – 19/XII 1395). И все же венецианцам и иным купцам, прибывшим в Тану для торговли на борту галей, удалось спасти хотя бы часть товаров. Об этом свидетельствует, например, петиция купца из Мессины, пользовавшегося венецианским статусом, Пино ди Альдоино. Он смог уберечь нераспакованными 2 фарделла (ок. 160 кг) шелковых и бархатных тканей. Они были привезены в Константинополь, а затем купец перегрузил их на генуэзские галеи, доставившие их, увы, не в Мессину, а, минуя ее, в Пизу. Оттуда купец перевез их в Феррару и просил отправить затем из Венеции на родину, на что и получил согласие, учитывая его давние связи с венецианцами, в том числе – протекцию советника консула Таны Франческо Фоскарини (ASV, SM, XLIII, f. 125v – 27/IV 1396).

Для стабилизации торговли после бедствия Таны Сенат принимает меры по поддержанию торговли в Черном море, значительно снижая фрахт с перевезенных оттуда в Модон грузов (ASV, SM, XLIII, f. 128v – 25/V 1396). Сенат в начале 1396 г. изучал вопрос о нанесенном ущербе и о принятии мер по стабилизации имущественных отношений между купцами вследствие гибели

и пленения многих из них, невыплате долгов и финансовых обязательств, но не принял окончательного решения по характеру рассмотрения исков и петиций (ASV, SM, XLIII, f. 104r – 10/I 1396). Зато почти сразу было принято решение об отправке послов к хану с дарами ему и его эмирам («баронам») на сумму 300 дукатов (ASV, SM, XLIII, f. 105v – 8/II 1396). Сенат еще не знал, с кем из татарских ханов послу придется вести переговоры, называя и Тохтамыша, и его возможных преемников. Более того, было даже неясно, сможет ли посол и консул выйти на берег и водвориться в Тане: это должен был решать специальный совет, собранный на посланных галей Гольфа, большинством в 2/3 голосов (ASV, SM, XLIII, f. 96r – 23/XII 1395). В инструкции вице-капитану галей Гольфа и супракомиту (командиру) торговых галей вояжа в Тану Эрмолао Ломбардо были четко прописаны все его действия: он был должен плыть от Константинополя к мысу св. Иоанна близ Каффы, но не заходить в саму Каффу, взять при желании на борт всех купцов, включая генуэзцев, и их товары и направляться к устью Дона, где на совете, двумя третями голосов, решать, есть ли возможность послу и купцам выходить на берег и вести свои дела или нет. При благоприятной ситуации стоянка на рейде Таны не должна была превышать 5 дней, однако при известии о том, что «император» Тохтамыш (или иной сменивший его хан) находились поблизости, стоянку галеи можно было продлить еще на 8 дней для проведения переговоров с ханом и доставки известий об их результате. В случае же невозможности высадки в Тане, Ломбардо был должен плыть в Каффу (купцам было разрешено вести там торговлю) и затем возвращаться в Константинополь. Предложение одного из «мудрых», Андреа Контарини, усилить вояж военной галеи Гольфа к Тане, сопровождавшей конвой кораблей, отправкой еще одной из патрульных галей не было принято

Сенатом, очевидно, из-за дополнительных расходов и нежелания ослаблять находящуюся у проливов эскадру во время турецкой блокады Константинополя, начавшейся еще в 1394 г. (ASV, SM, XLIII, f. 109v–110r – 19/II 1396). При этом Ломбардо разрешалось использовать полученный с купцов фрахт на нужды своего плавания (ASV, SM, XLIII, f. 110v – 22/II 1396). Не желая провоцировать османов на враждебные действия, Сенат предписал капитану галей Гольфа не нападать на турецкие суда, если они не предпринимают враждебных акций, и действовать по усмотрению, исходя из ситуации и блага посольств (ASV, SM, XLIII, f. 112r – 24/II 1396).

Важнейшая инструкция была дана послу к хану и консулу Бьянко да Рива. В ней четко прописаны все намерения венецианцев, и для их обоснования консулу были даны копии всех предшествующих договоров Венецианской Республики с ордынскими ханами. Всю вину за произошедшее Сенат возлагал на Тамерлана, названного вором и грабителем, нарушителем соглашения с жителями фактории. С ним и не планировалось вести переговоры. От хана же требовали восстановить все прежние льготы и иммунитеты венецианцев, обеспечивать их безопасность в своих владениях, дать разрешение на устройство и укрепление венецианского караван-сарая, выбор места для которого в Тане предоставлялось на их усмотрение, по возможности снижения обычного трехпроцентного налога-коммеркия, взимаемого с товаров венецианских купцов, и отмены нововведенных поборов (*manzaria*). Впрочем, послу разрешалось принять и все прежние условия, если хан не пойдет на снижение коммеркия. Утвердить пожалования, как всегда, предполагалось серебряной пайдзой хана (на которую особо ассигновывались деньги) и ханским ярлыком. Кроме того, венецианцы просили хана послать в Тану своего высокопо-

ставленного представителя, чтобы он своим бы авторитетом защищал факторию от черкесов и других людей, подчас нападавших на венецианцев. Для обеспечения деятельности консульства консулу предписывалось содержать на средства коммуны переводчика-трузимана и пристава-бастонария, приобрести и оборудовать подходящий дом по минимально возможной цене (ASV, SM, XLIII, f. 110v–111v – 22/II 1396).

Плавание галей Гольфа было отложено из-за непогоды в феврале 1396 г. (ASV, SM, XLIII, f. 113v – 22/II 1396), но вероятно, состоялось, так как в документе Сената сказано об отправке зимой двух галей с купцами, товарами и с консулом на борту (ASV, SM, XLIII, f. 140v–141r – 13/VII 1396). В мае-июле Сенат принял решение об отправке двух традиционных галей вояжа Романи в Тану и Трапезунд (ASV, SM, XLIII, f. 129r – 25/V 1396, 131r–133r – 29/V–3/VI 1396, 140v–141r – 13/VII 1396). Кроме обычных торговых целей, капитан должен был собрать точную информацию о пребывании Тохтамыша и отправить ему письмо, где выражалось сочувствие в связи с поражением от Тимура и намерения, как и раньше, вести торговлю с Ордой через Тану, для чего было необходимо обеспечить безопасность для купцов и восстановить саму факторию. Хана предполагалось искать не только вблизи Таны, но и в Крыму, для чего галеи должны были бросить якорь у мыса св. Иоанна в 3 милиариях от Каффы (на побережье современной Тихой бухты) (Бочаров, 2015, с. 703–708). В Тану направлялся вице-консул (миссия да Ривы не осуществилась: прибывшие корабли увидели только опустошенную территорию, без населения, и высадка посла и купцов с товарами была сочтена не имеющей смысла) (ASV, SM, XLIII, f. 180r–v – 19/III 1397). Для действий в ставке хана у венецианцев была своя опора среди «баронов» – сперва некий Караходжа, благоволивший им, как сказано в документе, затем – глав-

ный казначей хана Мирза, которому отправлялись дары, достойные государя (200 дукатов) (ASV, SM, XLIII, f. 181r: «quidam baronus qui vocatur Mirza qui est potens et quasi in eo omnia consistent, quia est thesaurarius domini imperatoris»). К примеру, трапезундский император получал от венецианцев в виде даров от 100 до 200 дукатов (Карпов, 2017, с. 336). В то время в Орде находился венецианец Томмазо Череза, от которого также ждали точной информации (ASV, SM, XLIII, f. 140v–141r – 13/VII 1396). Но и это плавание 1396 г. не достигло цели, хотя венецианские купцы еще находились на территории Орды и пытались добиться соглашения с ханом и снижения ввозных пошлин. Поэтому в феврале-марте 1397 г. Сенат вновь вернулся к вопросу об отправке посла и консула в Танае, рассчитывая на стабилизацию положения в Орде и на то, что Тохтамышу удалось вернуть власть и контролировать своих «баронов», как западноевропейцы именовали местных эмиров и высших ордынских чиновников (ASV, SM, XLIII, f. 171v – 20/II 1397). Новым послом с относительно высоким окладом был избран патриций Андреаццо Джустиниан. На дары хану послу позволялось израсходовать до 1000 дукатов (ASV, SM, XLIII, f. 171v – 20/II 1397; f. 180r–181r – 19/III 1397). Главными задачами было возвращение в районы Таны населения (прежде всего, конечно, торгового), обустройство и теперь уже укрепление фактории для обеспечения безопасности купцов (при этом Сенат через своего посла сообщал хану, что эта безопасность распространится при необходимости и на его подданных). Посол должен был также получить новую пайдзу и ярлык, при этом особо оговаривалась необходимость пересмотра таможенных правил. Купцы должны были платить трехпроцентный коммерческий, но первые 1,5% с них взимали при въезде, независимо от того, продавался ли их товар или нет. Консул должен был настаивать на отмене по-

шлины с непроданного товара. Кроме того, он был должен добиваться отмены произвольно введенной ханскими «баронами» практики, когда в случае смерти в пути венецианского купца все его имущество забиралось в казну, а не возвращалось венецианским купцам (консулу, наследникам или попечителям). В том случае, если бы посол добился приема у хана и удовлетворения пожеланий Сената, он был должен вступить в должность консула в Танае (до того его титул был вице-консул) и получал право сначала снять для себя жилище, а затем и приступить к строительству консульского дома (ASV, SM, XLIII, f. 180r–181r – 19/III 1397, f. 182v – 7/IV 1397). Джустиниан добился получения от хана указанных привилегий и, в частности, фиксации налога с купцов в 3% (по сравнению с 5% по условиям пайдзы Бердибека 1358 г.) (ASV, SM, XLV, f. 68r – 24/III 1400). Он занял пост консула в Танае в 1397–98 гг. и добивался затем в Сенате ассигнования расходов на восстановление фактории, которая была полностью разрушена Тамерланом и сгорела. Именно по его настоянию в 1400 г. на это было выделено 300 соммов, которые предстояло погашать из двух налогов на товарооборот купцов – в 1,5% и в 0,5%. Предстояло заново отстроить церковь, лоджию, оборонительные рвы и частокол с подъемным мостом, дома консула и купцов (ASV, SM, XLV, f. 7r – 18/III 1400; f. 68r – 24/III 1400).

Вплоть до 1399 г. многие венецианцы все еще находились в плену у Тамерлана, и для их выкупа Большой Совет выделил 600 дукатов (ASV, MC, Leona, f. 104v – 20/III 1399). Очевидно, сумма была недостаточной, учитывая масштаб бедствия. И все же Тана быстро восстанавливалась. В 1399 г. туда плавали большегрузные суда – кокки из Венеции (ASV, SM, XLIV, f. 93r – 21/III 1399; ASV, AC 3645 Raspe, 5, cart. 1, f. 103v – 16/I 1400), и в предшествующие этому году в венецианской фактории действо-

вало консульство, составлялись акты официальным нотариусом, находившимся в фактории (ASV, AC 3645, Raspe, 5, cart. 1, f. 104r – 20/I 1400). Ассигнованные еще в 1398 г. на ремонт зданий в Тане средства консул Таны Андреаццо Джустиниан не успел или не смог полностью использовать и возвратился в Венецию, и Сенат поручил в 1399 г. произвести эти работы ново назначенному консулу Маффео Барбариго (ASV, SM, XLIV, f. 91v – 11/III 1399).

Несмотря на разгром Таны в 1395 г., торговля с ней возобновилась почти сразу и продолжалась в начале XV в. Сенат, даже в сложных обстоятельствах отсутствия регулярной навигации галей «линии» в 1398 г., отправлял туда в 1399 г. большегрузные кокки с усиленной охраной для поддержки торговых связей. Среди упомянутых товаров, направляемых на кокках в Тану, значатся сукна, хлопчатобумажные ткани, саржа, железо, свинец, мыло, вино. Привезти оттуда рассчитывали, как всегда, рабов (по 120 «голов» на 1 судне), шелк, кожи, специи, золото и драгоценные камни, красители (ASV, SM, XLIV, f. 79v–80v – 7, 11 /I 1399; 81v – 9/I 1399, 90v–91r – 6, 7/III 1399, 111r – 21/VI 1399). И все же в постановлении Сената в марте 1399 г. отмечается снижение товаропотока в Тану (ASV, SM, XLIV, f. 92v – 16/III 1399). Несмотря на это, в июне 1399 г. Сенат вернулся к вопросу об отправке в Тану и Трапезунд очередного конвоя вооруженных галей наряду с уже отправленными кокками. Решение о навигации в Трапезунд или Тану и о возможной последующей стоянке в Каффе или у мыса св. Иоанна (рядом с Каффой) капитан должен был принять, когда корабли окажутся в Черном море между Понтираклией и Докастелли, то есть плывя вдоль южного берега «Великого моря» (ASV, SM, XLIV, f. 107v – 19/VI 1399). Подготовка к навигации осуществлялась, но 27 июля 1399 г. Сенат рассмотрел предложение отменить этот вояж из-за опасной ситуации

(подразумевалась осада турками Константинополя), а также учитывая обязательства Венеции по присоединению к антитурецкой коалиции и по договору с королем Франции. Учитывался и малый объем товаров, погруженных на 2 галей, – всего на 12000 дукатов, без надежды извлечь заметную прибыль от такой торговли. Взвесив все обстоятельства, Сенат все же отклонил это предложение об остановке навигации к Тане значительным большинством голосов (ASV, SM, XLIV, f. 117r – 27/VII 1399) и в тот же день принял постановление о немедленной отправке галей по назначенному маршруту и в сопровождении патрульных галей Гольфа вплоть до Константинополя (ASV, SM, XLIV, f. 118v – 27/VII 1399). Впрочем, произведенные сенаторами оценки малой прибыльности торговли, вероятно, не были вполне справедливы. Кораблекрушение только одной большой венецианской навы, перевозившей товары из Таны в 1401 г., причинило ущерб в 240000 дукатов (Dolfin, 2009, t. 2, p. 122), что совсем немало.

Источники сообщают, что в 1403 г., несмотря на большие опасности из-за конфликта с генуэзцами, венецианские суда доставляли из Таны большое количество товаров: специй, шелка, кож, драгоценностей и жемчуга, а также рабов. Их стоимость оценивалась от 80 до 100 тысяч дукатов. Они были вынуждены разгружаться, дабы избежать опасности перехвата их в Пере/Константинополе, либо в Созополе, либо в Синопе (Codice Morosini, p. 218, 226; Sanuto, 1733, p. 790, 792). Впрочем, кокке, чьим патроном был Николо Маркоффо, решительно не повезло: генуэзцам удалось захватить ее, возможно, уже в Средиземном море и отвезти груз воска, кож, 100 рабов в Геную. Стоимость груза Морозини оценил от 12 до 15 тысяч дукатов (Codice Morosini, p. 225–226). Тем не менее, организованный вояж галей Романии в Тану в 1403 г. не состоялся (ASV, SM, XLVI, f. 103r – 21/

IX 1403), и избранный консул, Лоренцо Веньер, добравшись только до Модона, был вынужден возвратиться в Венецию, так и не вступив в свою должность. В качестве компенсации расходов он получил 25 лир гроссов (250 дукатов) из ассигнованной ему в виде задатка суммы в 80 лир (ASV, MC, Leona, f. 139r – 20/X 1403; SM, XLVI, f. 106r – 23/X 1403).

Таким образом, очевидно, что разрушение Таны Тамерланом не остановило торговлю, хотя и сильно дестабилизировало ее. Несмотря на все трудности, венецианцы стремились удержаться в регионе и восстановить свою прежнюю и важную для них факторию, их око на далекий, притягательный, но все время таивший опасности мир «империй» Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты генуэзских нотариев, составленные в Каффе и в других городах Причерноморья в XIV–XV вв. // Причерноморье в средние века. Вып. 10 / Ред. С.П. Карпов. Сост. М.Г. Альваро, А. Ассини, Л. Баллетто, Э. Бассо. СПб.: Алетейя, 2018. 760 с.
2. Бочаров С.Г. Венецианская якорная стоянка у мыса св. Иоанна в Восточном Крыму (конец XIV – первая половина XV вв) // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 6. С. 700–708. DOI: 10.7256/2222-1972.2015.6.17435
3. Карпов С.П. Путиами средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М.: Наука, 1994. 158 с.
4. Карпов С.П. Некоторые черты экономики Таны (Азова) в XIV–XV вв. // Россия в контексте мирового развития: история и современность. К 90-летию академика РАН В.А. Виноградова / Сост. Н.М. Арсентьев, Л.И. Бородкин. М.: Собрание, 2011. С. 513–527.
5. Карпов С.П. История Трапезундской империи. Второе издание, исправленное и дополненное. СПб: Алетейя, 2017. 744 С.
6. Ковалевский М.М. К ранней истории Азова // Труды XII Археологического съезда в Харькове. Т. II. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1905. С. 109–174.
7. Масловский А.Н. О сельской округе Азака (к постановке проблемы) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве // Донские древности. Вып. 10 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2009. С. 321–339.
8. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 427 с.
9. Мыц В.Л. «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 99–123.
10. Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л.: Наука, 1971. 276 с.
11. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. 564 с.
12. Archivio di Stato di Venezia. Avogaria di Comun, 3645, Raspe, 5.
13. Archivio di Stato di Venezia. Maggior Consiglio, Leona.
14. Archivio di Stato di Venezia. Senato, Misti.
15. Archivio di Stato di Venezia. Senato, Secreta.
16. Dolfin Giorgio. Cronicha dela nobil città de Venetia et dela sua provintia et destretto. Origini-1458. / A cura di Angela Caracciolo Aricò. Introduzione di A. Caracciolo Aricò. Trascrizione e note di Chiara Frison. Venezia: Centro di studi medievali e rinascimentali «E. A. Cicogna», 2009. Т. 2. 220 p.
17. Il Codice Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094–1433) / Edizione critica, introduzione, indice e altri apparati di A. Nanetti, 4 tomi, in custodia, con fac-simile della carta nautica di Francesco de Cesanis datata 1421. Spoleto: Fondazione Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo, 2010. 2274 p.
18. Nawai Abd al-Husayn. Asnad wa mukatabat-i ta'rikhiyi Iran (az Teymur ta shah Isma'il). Tehran, 1962. (перевод с персидского Р.М. Шукурова).
19. Pubblici L. Venezia e il Mar d'Azov: alcune considerazioni sulla Tana nel XIV secolo // ASI. 2005. N 163. P. 435–483.
20. Redusiis de Quero Andrea, cancellarius communis Tarvisii. Chronica // RIS, t. XIX. 1733. p. 741–866.

21. Sanuto Marino. Vitae ducum Venetorum // RIS, 1733. Т. XXII. P.399-1252.
22. Silberschmidt M. Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des türkischen Reiches nach venezianischen Quellen. Ein Beitrag zur Geschichte der Beziehungen Venedigs zu Sultan Bajezid I, Ungarn und Genua und zum Reiche von Kiptschak (1381-1400). Leipzig; Berlin: «Teubner», 1923. 206 p.
23. Skrzinskaja E.Č. Storia della Tana // Studi Veneziani. 1968. Т. X. P.3–45.

Информация об авторе:

Карпов Сергей Павлович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, президент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, зав. кафедрой истории средних веков, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). karpov@hist.msu.ru

DESTRUCTION OF TANA BY TAMERLANE IN 1395: EVENT AND CONSEQUENCES

S.P. Karpov

The author reconstructs the history of Tamerlane's campaign in 1395 and the circumstances of his capture of Tana (Azov), the most important Venetian and Genoese trading stations at the mouth of the Don River. Research is based on a complex analysis of Western European and eastern sources. The documents of the Venetian State Archives are of a paramount importance for the purpose. The author evaluates the volume of commodity circulation in Tana in the indicated period and analyzes consequences of this event for the Black Sea and Volga regions. The paper delineates policy of the Italian maritime republics in the region and the measures of Venice and Genoa to restore Tana after the defeat.

Keywords: Tana, Azov, Golden Horde, Caffa, Genoa, Venice, Hadjitarhan (Astrakhan), Tamerlane, Tokhtamysh, chronicles.

REFERENCES

1. In Karpov, S. P. (ed.), Al'varo, M. G., Assini, A., Balletto, L., Basso, E. (comp.). 2018. *Akty genuezskikh notariev, sostavlennye v Kaffe i v drugikh gorodakh Prichernomor'ia v XIV–XV vv. (Acts by Genoese notaries drawn up in Caffa and other towns of the Black Sea region in the 14th – 15th centuries.)*. Series: *Prichernomor'ie v srednie veka (Circum Pontic area in the Middle Ages)* (10). Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian, Italian and Latin).
2. Bocharov, S. G. 2015. In *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia (History magazine: researches)* 6. 700–708. DOI: 10.7256/2222-1972.2015.6.17435 (in Russian).
3. Karpov, S. P. 1994. *Putiami srednevekovykh morekhodov: Chernomorskaia navigatsiia Venetsianskoi respubliki v XIII–XV vv. (By the Routes of Medieval Sailors: Black Sea Navigation of the Venetian Republic in the 13th – 15th cc.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Karpov, S. P. 2011. In Arsent'ev, N. M., Borodkin, L. I. (comp.). *Rossiia v kontekste mirovogo razvitiia: istoriia i sovremennost' (Russia in the Context of Global Development: History and Contemporaneity)*. Moscow: "Sobranie" Publ., 513–527 (in Russian).
5. Karpov, S. P. 2017. *Istoriia Trapezundskoi imperii. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe (History of the Empire of Trebizond. Second edition, revised and supplemented)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).
6. Kovalevskii, M. M. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s'ezda v Khar'kove (Proceedings of the 12th Archaeological Congress in Kharkov)* 2. Moscow: Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova, 109–174 (in Russian).
7. Maslovskii, A. N. 2009. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space)*. Series: *Antiquities of the Don 10. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ.*, 321–339 (in Russian).
8. Myts, V. L. 2009. *Caffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konfl ikty (Caffa and Theodoro in the 15th Century. Contacts and Conflicts)*. Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).
9. Myts, V. L. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: *Archaeological Records of Eastern Europe*. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 99–123 (in Russian).
10. Skrzhinskaya, E. Ch. 1971. *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh sviazei v XV v. (Notes on Russia by Barbaro and Contarini. The history of Italian-Russian Relations in 15th c.)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

11. Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordj. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Published by earl S.G. Stroganov (in Russian).
12. Archivio di Stato di Venezia. Avogaria di Comun, 3645, Raspe, 5 (in Latin).
13. Archivio di Stato di Venezia. Maggior Consiglio, Leona (in Latin).
14. Archivio di Stato di Venezia. Senato, Misti (in Latin).
15. Archivio di Stato di Venezia. Senato, Secreta (in Latin).
16. Dolfin Giorgio. 2009. *Cronicha dela nobil cità de Venetia et dela sua provintia et destretto. Origini-1458*. A cura di Angela Caracciolo Aricò. Introduzione di A. Caracciolo Aricò. Trascrizione e note di Chiara Frison. Venezia: Centro di studi medievali e rinascimentali «E. A. Cicogna» 2 (in Italian).
17. Il Codice, Morosini. 2010. *Il mondo visto da Venezia (1094–1433)*. Edizione critica, introduzione, indice e altri apparati di A. Nanetti, 4 tomi, in custodia, con fac-simile della carta nautica di Francesco de Cesanis datata 1421. Spoleto: Fondazione Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo (in Italian).
18. In Shukurov, R. M. (transl.). 1962. *Nawai Abd al-Husayn. Asnad wa mukatabat-i ta'rikhiyi Iran (az Teymur ta shah Isma'il)*. Tehran.
19. Pubblici, L. 2005. In *ASI*, 163. 435–483 (in Italian).
20. 1733. In *RIS*, XIX. 741–866 (in Italian).
21. Sanuto Marino. 1733. In *RIS*, XXII. 399–1252 (in Italian).
22. Silberschmidt, M. 1923. *Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des türkischen Reiches nach venezianischen Quellen. Ein Beitrag zur Geschichte der Beziehungen Venedigs zu Sultan Bajezid I, Ungarn und Genua und zum Reiche von Kiptschak (1381-1400)*. Leipzig; Berlin: «Teubner» (in German).
23. Skržinskaja, E. Č. 1968. In *Studi Veneziani*. X. P. 3–45 (in Italian).

About the Author:

Karpov Sergei P. Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University. Lomonosovskij Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation; karpov@hist.msu.ru

Статья принята в номер 01.03.2020 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.48.63>

СТОРОЖЕВЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ XIII ВЕКА «ХЕРСАКЕИ» И КРЫМСКОЙ ГОТИИ

© 2020 г. В.Л. Мыц

Сельджукская экспансия 1217–1225 гг. и первое появление монголов на территории полуострова в 1223 г., стимулировали возведение в окрестностях Херсона и в Готии сторожевых крепостей, контролировавших перевалы и проходы в долины горного Крыма. В это время (20–30-е гг. XIII в.), помимо 12 ренневизантийских городов-крепостей (VI–XII вв.) в глубинных горных районах и на южном побережье полуострова, появляются 24–25 новых укреплений. Выделение этой группы памятников затруднено практически полным отсутствием современных исследований. По мнению автора статьи, изучение данных крепостей в виде «зачисток», закладки шурфов или небольших раскопов, которое проводилось в 40–60-х гг. XX в. (как правило, без фиксации стратиграфии), сопровождалось чрезмерно широкими и слабо аргументированными датировками, как показали исследования 1979–1980 гг. укрепления Исар-Кая у горного прохода Шайтан-Мердвен. Это укрепление на основании раскопок 60-х гг. XX в. датировалось X–XV вв., а на самом деле оказалось однослойным памятником XIII в.

Ключевые слова: археология, сторожевые крепости, XIII в., Херсон, Херсакея, Готия, Трапезунд, Синоп, Румский султанат, Южнобережье.

После завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 году бывшие византийские владения в Таврике (Херсон и Климаты Готии, а также Боспор и прибрежная часть Таманского полуострова) перешли под протекторат образовавшейся на южном берегу Понта Трапезундской империи (1204–1461) (Карпов, 2001, с. 5–29). Только Сугдея с сельской округой, состоявшей из 18 селений, предпочли зависимость от Трапезунда покровительству от половецкой орды и одного из русских князей. Воспользовавшись этим, весной 1217 г. расположенный в Малой Азии Румский султанат турок-сельджуков завоевал Сугдею¹. Таким образом, сельджукам удалось устранить периодически возникавшие препятствия в торговле и установить прямую связь между двумя причерноморскими портами – Синопом, который отошел к ним в 1214 году, и Сугдеей.

Во время очередного конфликта с Трапезундом (1225–1235 гг.?) сельджуки предприняли неудачную попытку захватить Херсон, но были вынуждены ограничиться опустошением окрестностей города (Богданова, 1985, с. 42–63; Ченцова, 1996, с. 171–186). Об этих событиях мы узнаем из относительно

позднего агиографического источника – рассказа о чудесах св. Евгения (покровителя Трапезунда), помещенного в Энкомии в его честь (написан бывшим митрополитом города Иоанном Лазоропулом в 1367–1369 гг.): *«Некий корабль, нагруженный фискальными данями Херсона и тамошних Климатов Готии вместе с фискальным чиновником Алексеем Пактиаром и некими херсонесскими чиновниками, отправляясь сюда, чтобы принести василевсу Гиду ежегодные налоги, из-за волнения моря пристал в Синопе. Упомянутый раис [а именно вассал султана, Этум, правитель Синопы] разграбил и захватил это судно, деньги, всех [находившихся на корабле] вместе с моряками, и после того отправил вооруженные корабли против Херсона и весьма опустошил его страны»* (Байер, 2001, с. 160–161)².

Развитие конфликта Лазоропул представил следующим образом: *«Когда трапезунты это узнали [а именно о захвате корабля и о набеге на Таврику], решился и василевс на нанесение ущерба варварам и нарушение договоров с султаном, потому что правитель Синопы принес такой вред. Из-за этого побуждают и флот против Синопы и отправляют туда совокупную воору-*

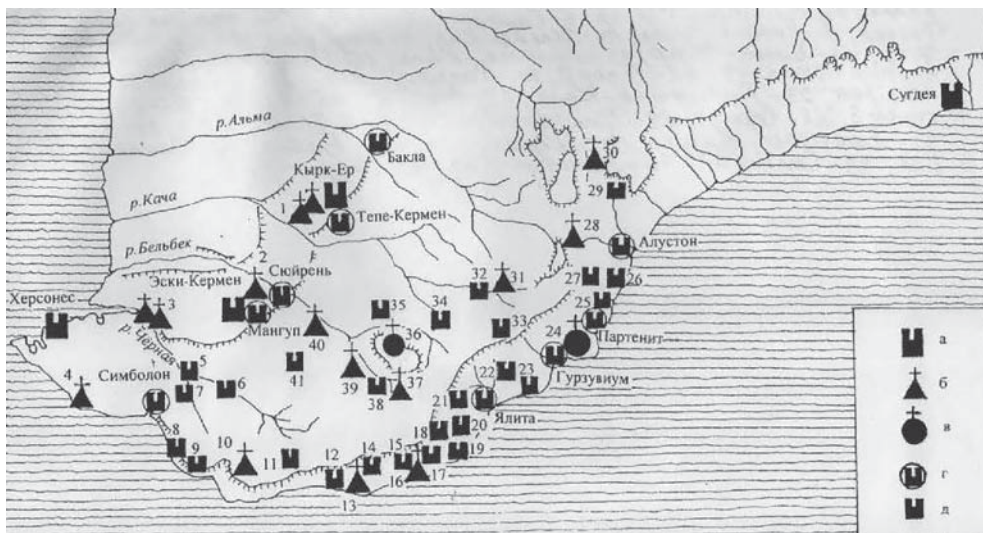

Рис. 1. Схема расположения памятников Юго-Западной Таврики XIII в.: а – города; б – монастыри; в – крупные церковные комплексы; г – малые городские центры; д – византийские сторожевые укрепления. 1 – Качи-Кальон; 2 – Ай-Тодор-1; 3 – монастыри в устье р. Чёрная; 4 – монастырский комплекс в Сарандинакиной балке; 5 – Чоргунский Исар; 6 – Сарджик; 7 – Камара (Аю-Кая западная); 8 – Кала-Фатлар; 9 – Кокция-Исар; 10 – Ильяс-Кая; 11 – Исар-Кая; 12 – Кастропуло; 13 – Кучук-Исар; 14 – Биюк-Исар; 15 – Лимена-Кале; 16 – Панеа; 17 – Гаспра-Исар; 18 – Алупка-Исар; 19 – Ай-Тодор-2; 20 – Хачла-Каясы; 21 – Учансу-Исар(?); 22 – Палеокастрон; 23 – Рускофиль-Кале; 24 – Аю-Даг; 25 – Плака; 26 – Кастель; 27 – Ай-Тодор-3; 28 – Сераус; 29 – Фуна; 30 – Пахкал-Кая; 31 – Басман; 32 – Кермен-Кая; 33 – Яманташ; 34 – Кипиа; 35 – Керменчик; 36 – Бойка; 37 – Панагия; 38 – Сююрю-Кая; 39 – Седам-Кая; 40 – Пампук-Кая; 41 – Сандык-Кая.

Fig. 1. Layout of the of South-Western Taurica monuments of the 13th century: a – towns; b – monasteries; c – major church complexes; d – minor urban centers; e – Byzantine guard fortifications. 1 – Kachi-Kailon; 2 – Aj-Todor-1; 3 – monasteries in the mouth of the Chernaya river; 4 – monastery complex in Sarandinakina Balka; 5 – Chorgunsky Isar; 6 – Sarjik; 7 – Kamara (Ayu-Kaya, western area); 8 – Kala Fatlar; 9 – Kokija-Isar; 10 – Iljas-Kaja; 11 – Isar-Kaja; 12 – Kastropulo; 13 – Kuchuk-Isar; 14 – Bijuk-Isar; 15 – Limena-Kale; 16 – Panea; 17 – Gaspri-Isar; 18 – Alupka-Isar; 19 – Aj-Todor-2; 20 – Khachla-Kajasy; 21 – Uchansu-Isar (?); 22 – Paleokastron; 23 – Ruskofil-Kale; 24 – Aju-Dag; 25 – Plaka; 26 – Kastel; 27 – Aj-Todor-3; 28 – Seraus; 29 – Funa; 30 – Pakhkal-Kaja; 31 – Basman; 32 – Kermen-Kaja; 33 – Yamantash; 34 – Kipia; 35 – Kermenchik; 36 – Wojka; 37 – Panagija; 38 – Sjujuru-Kaja; 39 – Sedam Kaja; 40 – Pampuk-Kaja; 41 – Sandyk-Kaja.

женную силу: и тотчас стали на якорь в Карусе и ограбили все тамошние земли, которые поблизости расположены до самого торгового порта Синопы, захватили те корабли, которые нашли в бухте, убили многих из них и пленили других. Их родственники и капитаны кораблей восстали против раиса и обострили ругательный язык против него. Итак, раис шлет к триерархам [т.е. командирам военных кораблей, галер], не промедлив, послов с просьбой помириться. И на многое, Пактиара и Серминон, оный корабль, с деньгами об-

меняв только пленных, триерархи вернулись домой, радуясь многим деньгам. Но и все, что разграбили оные из Климаатов Херсона, также они привезли (Байер, 2001, с. 162–163).

Представленный выше фрагмент из греческого источника, освещающего события 1225 г.(?), содержит важные сведения (Успенский, 1929, с. 51). Во-первых, он позволяет установить близость или даже тождественность между топонимами: «Климаты Херсона», «Климаты Готии», или просто «Готия» (Байер, 2001, с. 161). Данная «много-

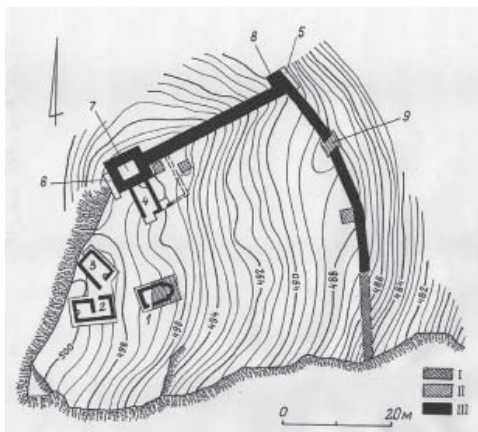

Рис. 2. Сторожевое укрепление XIII в. Исар-Кая. План (инструментальная съемка Е. Чикалкина и В. Семёнова 1979 г.). I – полностью разрушенный участок оборонительной стены; II – места раскопок 1967 г.; III – остатки построек и оборонительных стен. 1–6 – места раскопок 1979–1980 гг.; 7 – башня; 8 – башенный выступ; 9 – воротный проезд (по Мыц, 1987, рис. 2).

Fig. 2. Guard fortification of the 13th century in Isar-Kaya. Layout (instrumental survey by E. Chikalkin and V. Semyonov in 1979). I – completely destroyed section of a defensive wall; II – 1967 excavation sites; III – remains of buildings and defensive walls. 1–6 – 1979–1980 excavation sites; 7 – tower; 8 – tower ledge; 9 – gateway (after Myts, 1987, Fig. 2).

именная» территория занимала Юго-Западный Крым и Южнобережье. Здесь в XIII в. располагались византийские города-крепости: Херсон, Симболон; Эски-Кермен, Тешкли-Бурун (северо-восточный мыс Мангула), Сциварин (Сюйрень), Тепе-Кермен, Кырк-Ер, Бакла, Алустон, Паргенин, Горзувита и Ялита. На этих землях также размещались десятки сельских поселений, православные монастыри и храмы.

Во-вторых, в источнике представлена система зависимости прежних владений Византии в Таврике от Трапезундской империи: Херсон и Климаты Готии после 1204 года собирали и выплачивали Великим Комнинам налоги, красноречиво названные автором «традиционными». Сбором дани занимался специально направляемый в Херсон из Трапезунда «архонт димосия». Власть

на местах представляли архонты городов и, прежде всего, архонты Херсона, оставшегося политическим и экономическим центром Юго-Западного Крыма. В-третьих, Трапезунд, осуществляя суверенитет над Херсоном и Климатами Готии, брал на себя обязательства по их защите от внешней агрессии (Шукуров, 2001, с. 126–138; Шукуров, Коробейников, 1998, с. 178–200; Карпов, 2007, с. 413–415).

Сельджукская экспансия 1217–1225 годов и первое появление монголов в 1223 году стимулировали возведение в окрестностях Херсона и в Готии сторожевых крепостей, контролировавших перевалы и проходы в долины Горного Крыма. В это время (в 20–30-е гг. XIII в.), помимо 12 византийских городов-крепостей (VI–XII вв.) в глубинных горных районах и на южном побережье, появляются 24–25 новых укреплений: у селения Фуна, Кермен-Кая (на Басмане), Керменчик, Яманташ, Сююрю-Кая, Сандык-Кая, Чоргунский исар, Камара (Аю-Кая западная), Кала-Фатлар, Кокия-Исар (мыс Айя), Сарджик, Исар-Кая (Мердвень) (Мыц, 1987, с. 228–245), система укреплений горы Бойка (Домбровский, 1968, с. 83–96) и др. Всего же на территории Готии и «Херсакеи» в первой половине XIII в. функционировало более 40 укреплений (Мыц, 2016, с. 69–106) (рис. 1).

«Херсакеей», по-видимому, называлась территория, принадлежавшая городу Херсону с окрестностями, включавшими Гераклеийский п-ов, бассейн реки Черной, Байдарскую долину, Ласпи и побережье до мыса Сарыч. Данный топоним в форме прилагательного ХΕΡΣΑΚΙΝΟΝ известен по надписи, нанесенной в 6 строк на средневековом надгробии: «Почил раб божий Иоанн пресвитер (?) Херса(й)кеи» (Соломо-ник, 1986, с. 214). Надгробие выполнено в форме миниатюрного храма и происходит из пещеры № 5 горного массива Басман (от тюрк. «басмак» = «ступенька»). Здесь в начале 60-х гг.

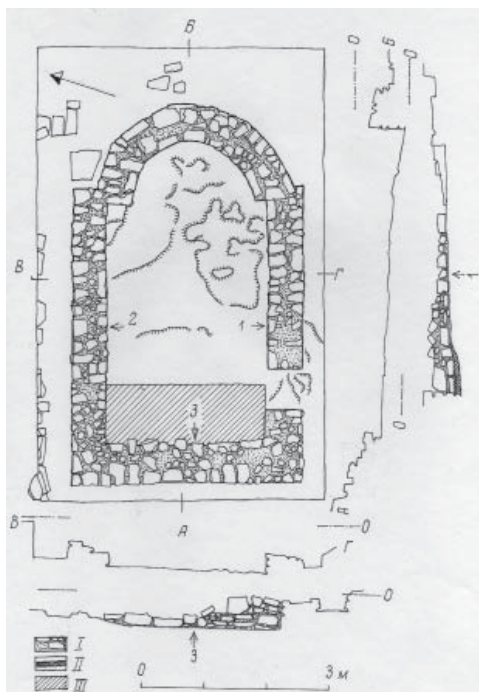

Рис. 3. Храм в укреплении Исар-Кая. План, разрезы и фасировки. I – кладка на извести; II – глина с щебнем; III – сохранившийся участок пола храма (по Мыц, 1987, рис. 3).

Fig. 3. Temple in Isar-Kaya fortification. Layout, cross-sections and views. I – lime masonry; II – clay and crushed stone; III – preserved section of the temple floor (after Myts, 1987, Fig. 3).

прошлого века О.И. Домбровский проводил археологические раскопки монастырской церкви (Иванов, Дублянский, Домбровский, 1962, с. 28–30), в руинах которой и было обнаружено надгробие с греческой надписью. Первоначально по «форме и орнаменту» исследователь предположительно датировал его X–XII вв. (Иванов, Дублянский, Домбровский, 1962, с. 30). Однако уже вскоре писал, что оно может быть отнесено к XII–XIII вв. (Домбровский, 1966, с. 64). Э.И. Соломоник (при издании), ссылаясь на палеографические особенности надписи, форму и орнамент надгробия, а также принимая во внимание датировку археологического материала, относил памятник ко времени «не ранее X в.» (Соломоник, 1986, с. 214)³. Од-

нако предлагавшиеся первоначально О.И. Домбровским, а затем и Э.И. Соломоник датировки надгробия – X и X–XII вв. – не соответствуют археологическому контексту⁴, т. к. он представлен закрытым комплексом второй половины XIII в. Подобные надгробия в форме часовен происходят из раскопок Эски-Кермена и храма Христа Спасителя на горе Бойка, где они датируются XIII в. (Якобсон, 1975, с. 45–46; Мыц, 2016а, с. 129, илл. 135, прим. 53–55).

Выделение группы памятников, существовавших относительно короткое время и на протяжении только XIII в., затруднено практически полным отсутствием современных исследований. Изучение данных крепостей в виде закладки шурфов или небольших раскопов, проводившееся в 40–60-х гг. XX в., как правило, осуществлялись без фиксации стратиграфии и сопровождались непомерно широкими формально аргументированными датировками без демонстрации полученных артефактов. Это показали раскопки 1979–1980 гг. укрепления Исар-Кая у горного прохода Шайтан-Мердвен, которое на основании раскопок 60-х гг. XX в. было датировано X–XV вв., а на самом деле оказалось однослойным памятником XIII в. (Мыц, 1987, с. 228–245).

Еще сложнее оказалось определение времени существования крепостей, построенных в XIII в., разрушенных примерно в последней трети этого же столетия, восстановленных в 20-х гг. XV в. и погибших в тотальном пожаре 1475 г. К таким памятникам относятся Фуна, Керменчик и Сандык-Кая. Особенно показателен подход исследователей в определении характера Сандык-Кая как крепости и времени ее существования. Например, обследовавший укрепление в 1938 г. В.П. Бабенчиков датировал городище XIII–XIV вв. и отнес его к городищам замкового типа (Репников, 1939/40, с. 252–253). О.И. Домбровский также считал Сандык-Кая замком, но время существования крепости опре-

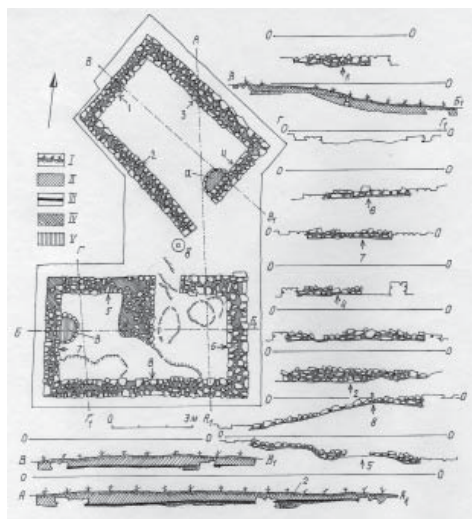

Рис. 4. Жилые постройки в крепости Исар-Кая. Планы, стратиграфия и фасировки. I – дерновый слой; II – слой каменного завала; III – слой гари; IV – глина и щебень; V – зола (по Мыц, 1987, рис. 5).

Fig. 4. Residential buildings in the Isar-Kaya fortress. Layouts, stratigraphy and views. I – top soil layer; II – stone block layer; III – burned layer; IV – clay and crushed stone; V – ash (after Myts, 1987, Fig. 5).

делял в очень широких пределах – X–XV вв. (Домбровский, 1966, с. 67). В это же время А.Л. Якобсон классифицировал памятник как сельское укрепленное поселение VIII–X вв. (Якобсон, 1970, с. 17, 171), хотя на территории крепости нет материала ранее XIII в. и особенно на его территории выделяется верхний слой пожара с материалами 1450–1475 гг. (Мыц, 2009, рис. 94: 1).

Поверхностное обследование некоторых памятников иногда приводило к их неверной классификации. Например, руины церкви на вершине Пахкал-Кая интерпретировались как остатки укрепленного монастыря (Домбровский, 1974, с. 44, рис. 23; Мыц, 1991, с. 150, рис. 28: 4). Однако раскопки, а главное подготовка качественного инструментального плана, указывают на отсутствие здесь каких-либо фортификационных сооружений (Лысенко, 2011, с. 223–224; Лысенко, Тесленко, Мусин, 2017, с. 291–310).

Детальное обследование (или дополнительное исследование) некоторых объектов XIII в. в настоящее время невозможно из-за их полного уничтожения. Например, остатки оборонительных стен XIII в. на месте феодоритского замка Фуны оказались столь фрагментарными, что удалось только зафиксировать их местоположение и наличие.

Некоторые из памятников вообще не сохранились (Гаспринский исар и средневековая крепость на мысе св. Иоанна в Ялте). Остается открытым и вопрос о существовании византийской крепости (VII–XIII вв.?) на холме Тепелер в Партените, хотя развалины зданий с материалом XIII в. до настоящего времени занимают восточный склон возвышенности⁵. По-прежнему остаются неизученными такие крупные укрепленные поселения, как Алупка-Исар, Асаране-Бурун и Кастель, а поэтому их история XIII в. остается совершенно неясной.

Небольшую, но очень важную программу по изучению крепостей Южного бережья в 2004–2010 гг. удалось реализовать С.Г. Бочарову. Например, раскопки в портовой части селения Джалита (Ялита) дали яркий материал, свидетельствующий о его существовании в XIII в. (Бочаров, 2013, с. 30–43). Исследования крепостей на мысе Мартыян, Гелин-Кая и Учансу-Исар сопровождалось выполнением инструментальных съемок памятников, фиксацией стратиграфии и анализом полученных артефактов с целью определения дат строительства и разрушения. Крепость Рускофиль-Кале (на мысе Мартыян) оказалась однослойным памятником XIII в. (Бочаров, Новиченкова, Горбунов, 2010, с. 41), а раскопки башни замка на скале Кизил-Таш (Гелин-Кая) дали исключительно материал XV в. (Бочаров, 2012, с. 109–121). Несколько сложнее представлена археологическая картина, полученная при раскопках крепости Учансу-Исар (Зиго-Исар). Проводившая в 1985 г. раскопки этого

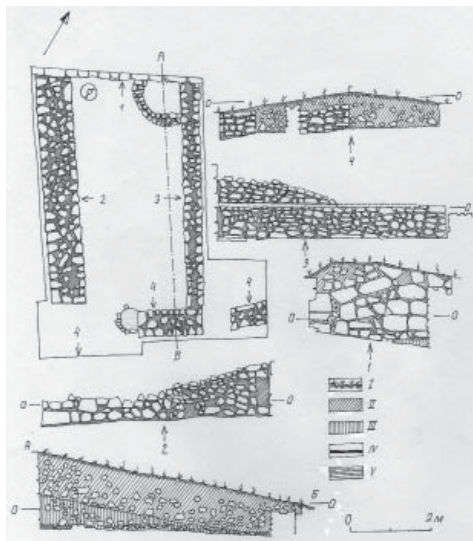

Рис. 5. Хозяйственная постройка (кузница), примыкающая к башне. План, стратиграфические разрезы и фасировки. I – дерновый слой; II – слой каменного завала; III – слой золы, шлака и камней от горна; IV – слой гари; V – очаг у входа в кузницу (по Мыц, 1987, рис. 9).

Fig. 5. Household building (forge) adjacent to the tower. Layout, stratigraphic cross-sections and views. I – top soil layer; II – stone block layer; III – ash, slag and hearth stone layer; IV – burned layer; V – hearth at the entrance to the forge (after Myts, 1987, Fig. 9).

памятника Е.А. Паршина пришла к заключению, что укрепление существовало на протяжении XII–XV вв. (Паршина, 1986, с. 11). Мной памятник был датирован XIII–XV вв. (Мыц, 1991, с. 145). С.Г. Бочаров, на основании наличия красноглиняной поливной керамики, предварительно время существования крепости определил в пределах третьей четверти XV в. (Бочаров, 2009, с. 121). Однако среди находок 1985 и 2004 гг. присутствуют фрагменты черепицы-керамиды херсонесского производства XIII в., которые уже не производились в XIV–XV вв. Такая же картина наблюдалась и при раскопках 2006 г. в крепости Керменчик (Мыц, 2009, рис. 89), что позволило выделить ранний этап (XIII в.) существования памятника.

Приходится констатировать, что за последние четыре десятилетия среди сторожевых поздневизантийских укреплений XIII в. наиболее изученным памятником остается крепость Исар-Кая у горного прохода Шайтан-Мердвен⁶. В ходе раскопок 1979–1980 гг. здесь было завершено исследование небольшого храма, открыты два жилых и одно хозяйственное (кузница) строение (рис. 2: 1–4, 3–5). В ходе этих работ получен закрытый комплекс последней трети XIII в., представленный строительной

(черепицы-керамиды и калиптеры), тарной (пифосы и амфоры) и столовой (кувшины, тарелки, чаши, кубки) и кухонной (горшки) керамикой. Не менее разнообразны бытовые предметы, орудия труда и вооружения (рис. 6–9).

Полученный в ходе раскопок Исар-Кая набор артефактов и сведений об архитектуре крепостного комплекса (устройство башен, куртин, ворот, потерн, метрологии), его жилой, культовой и хозяйственной застройке в дальнейшем позволили выделить среди укреплений горного Крыма памятники XIII в.

Длительная нерешенность вопроса времени возникновения сторожевых укреплений «Херсакеи» и Крымской Готии привела к тому, что и некоторые современные авторы продолжают использовать их в качестве примеров для различных исторических периодов, начиная с VIII–X и до XIV–XV вв. Памятники со столь широкими датировками стали фигурировать на страницах научных и научно-популярных изданий как «участники» различных исторических событий. Тем более, что в публикациях и отчетных материалах (начиная с 20–30-х гг. XX в.) накопилось множество дат средневековых крепостей, опирающихся не столько на стратифицированные находки артефактов, сколько на априорные суждения в форме ничем не подтвержденных предположений (см.: Фирсов, 1990, с. 202; Иванов, 2010, с. 73–77 и др.).

Наиболее ярким современным примером такого подхода являются

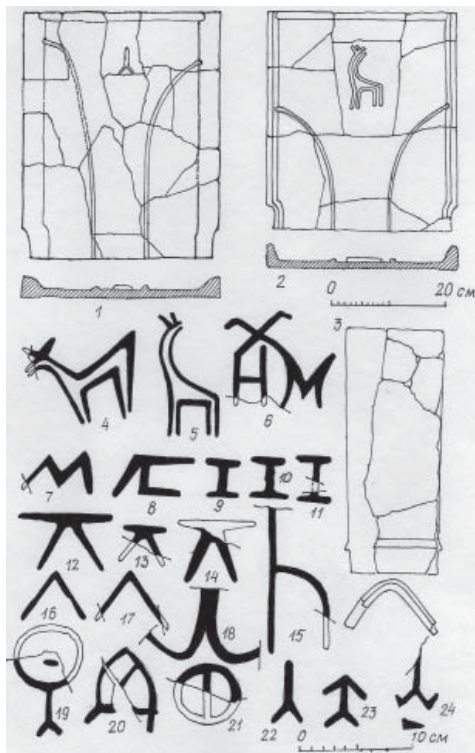

Рис. 6. Черепица и знаки на черепицах из раскопок в укреплении Исар-Кая. 1, 2, 5, 7–13, 19–23 – из хозяйственного помещения; 3, 4, 6, 14–18 (по Мыц, 1987, рис. 4).

Fig. 6. Roof tiles and marks of the tiles from the excavations at Isar-Kaya fortification. 1, 2, 5, 7–13, 19–23 – from the household room; 3, 4, 6, 14–18 (after Myts, 1987, Fig. 4).

публикации Е.В. Неделькина, посвященные теме формирования в Юго-Западном Крыму во второй половине XIV–XV вв. границ княжества Феодоро и Генуэзской Газарии. По данной теме этим автором опубликовано несколько работ, которые между собой отличаются незначительными деталями (Неделькин, 2013, с. 208–215; его же, 2016, с. 81–107; 2017, с. 208–215).

В 1991 г. совместно с В.П. Кирилко в статье «Крепость Фуна в системе обороны княжества Феодоро» нами было высказано (и как показало время) в значительной степени априорное положение о том, что «строительные мероприятия феодоритов 60–80-х гг. XIV в. по укреплению княжества не ограничивалось

только лишь возведением крепостных стен на Мангупе». И как мы полагали, «именно к этому времени относится строительство целого ряда небольших замков в горном Крыму, которые как бы оконтуривают владения господ Феодоро, помогая определить их границы. На востоке это Фуна, Басман, Яман-Таш, Керменчик; к западу и юго-западу от Мангупа – Сандык-Кая, Черкес-Кермен, Камара, Каламита, Чоргунский исар, Кала-Фатлар, Сарджик, Кокия-Исар; на Южнобережье – Гелин-Кая, Учансу-Исар, Хачла-Каясы, Ай-Тодор, Лимена-Кале, Форос и др. (рис. 1). Особое место в этой системе укреплений занимают крепости Фуна и Каламита» (Кирилко, Мыц, 1991, с. 147).

Вынужден признаться, что созданная тогда в нашем воображении «система» не выдержала проверки временем и мы от нее давно отказались. Свидетельством тому являются как монография В.П. Кирилко, посвященная крепостному ансамблю Фуны (Кирилко, 2005), так и моя книга «Каффа и Феодоро в XV в.» (Мыц, 2009), в которой на XV столетие приходится всего 10 небольших крепостей, принадлежавших феодоритам: Фуна, Керменчик, Сандык-Кая, Каламита, Кыз-Куле (Черес-Кермен), Сьюрень (Сциварин), Херсон, Миляри (Дегерменкой), Гелин-Кая (Кизил-Таш), Учансу-Исар. Причем на большинстве из них культурные отложения XIV в. не выявлены – это Керменчик, Сандык-Кая, Каламита, Кыз-Куле, Дегерменкой, Гелин-Кая, Учансу-Исар. На Кыз-Куле, Учансу-Исаре и Дегерменкое известны в основном артефакты XV в. (как, например, и в генуэзском замке Чобан-Куле = Тасили), а на Фуне во второй половине XIV в. размещалась многокамерная постройка (исследована частично) большого сельского дома. В одном из помещений данного строения, погибшего в пожаре 80-х гг. XIV в.(?), обнаружен сгоревший деревянный тарапан и каменная гирия от пресса. Причина произошедших изме-

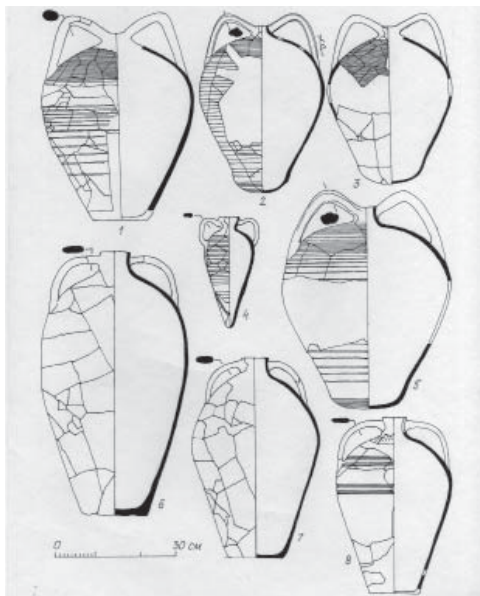

Рис. 7. Амфоры XIII в. из раскопок в укреплении Исар-Кая (рис. автора).

Fig. 7. Amphoras of the 13th century from the excavations at Isar-Kaya fortification (drawing by the author).

нений в датировках крепостей кроется в том, что к концу 90-х гг. XX в. накопленный в археологии средневекового Крыма опыт позволил перейти к узким датам получаемого в ходе раскопок материала (Мыц, 2002, с. 139–189; Кирилко, Мыц, 2004, с. 205–245; Мыц, 2005, с. 513–542; Бочаров, 2009, с. 108–143; он же, 2012, с. 109–121 и др.).

Этих перемен, произошедших в средневековой археологии Крыма, по-видимому, и не заметил Е.В. Неделькин. Поэтому, приступая к разработке темы определения границ княжества Феодоро, он взял за основу старый и утративший смысловое содержание наш с В.П. Кирилко тезис о том, что якобы в 60–80-е гг. XIV в. в горном Крыму происходило строительство целого ряда небольших замков, ограничивавших владения господ Феодоро (Неделькин, 2017, с. 209). Из числа памятников XIV–XV вв., которыми широко оперирует в своих работах Е.В. Неделькин, нам придется исключить для района Юго-За-

падной Таврики: Кермен-Кая (Басман), Яман-Таш, Камара, Чоргунский исар, Кала-Фатлар, Сарджик, Кокия-Исар, так как эти памятники однослойные и они служили сторожевыми укреплениями только в 20–70-х гг. XIII в.

Еще следует внести пояснения и исправить один курьезный эпизод в творчестве молодого автора. Дело в том, что Е.В. Неделькин на страницах своих некоторых статей (Неделькин, 2013, с. 53–81; он же, 2016, с. 81–87) вводит, как ему кажется, в научный оборот новый (точнее преднамеренно «забытый старый») памятник – средневековое укрепление у бывшего с. Корань (ныне Флотское). Однажды он даже выразил недоумение по поводу того, что «В.Л. Мыц в своей монографии, посвященной укреплениям Таврики X–XV вв., ни разу не упоминает об этом фортификационном сооружении» (Неделькин, 2013, с. 61). Поэтому он с полной уверенностью сообщает, что в 1936 г. В.П. Бабенчиков в одном километре к юго-западу от села Карань (ныне Флотское) якобы обнаружил руины средневековой крепости. В подтверждение своих слов автор приводит подробную выписку из статьи В.П. Бабенчикова (Бабенчиков, 1941, с. 287). Здесь описываются крепостные стены, ограждающие площадку размером 93×23 м и следы двух башен. В завершение упоминается значительное количество византийской керамики, а «кладка стен напоминает кладку геноуэзских построек» (Бабенчиков, 1941, с. 287).

Не берусь судить, на основании чего В.П. Бабенчиков создал свое описание этой безымянной «крепости», но ни на одном из отрогов Караньского плато (расположено к западу и юго-западу от с. Флотское) нет ничего похожего. Действительно, ближайшим скальным выступом (около 1 км к юго-западу от села), образующим мыс, является возвышенность Кая-Баш (высота около 266 м над уровнем моря). Это очень выгодная обсервационная точка, с которой

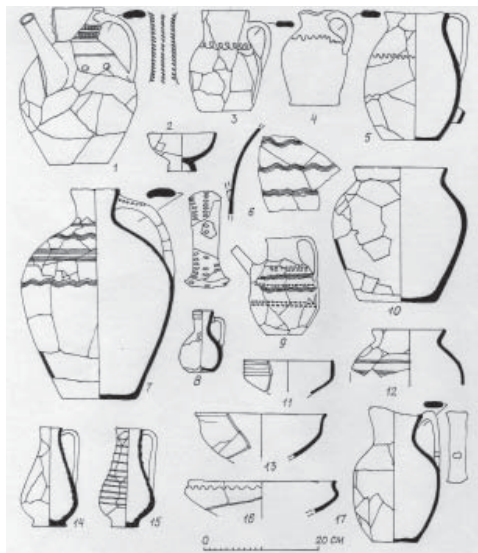

Рис. 8. Керамические находки XIII в. из раскопок помещений в укреплении Исар-Кая (рис. автора).

Fig. 8. Ceramic findings of the 13th century from the excavation of the rooms at Isar-Kaya fortification (drawing by the author).

можно увидеть одновременно местоположение шести средневековых укреплений: Исарджиклар (XV в.?), Чоргунский исар (XIII в.), Камера (XIII в.), Кала-Фатлар (XIII в.), Кокия-Исар (XIII в.) и Символон-Чембало (VI–XVIII вв.).

Высота Кая-Баш имеет и свою военную историю: во время Крымской кампании (1854–1855 гг.) французы возвели здесь редут № 8, а перед Первой мировой войной (в 1912–1914 гг.) на этом месте разместили казематированную батарею № 19 (затем получила № 21). Реконструкция фортификационных сооружений, отделенных к тому же от плато глубоким рвом, вырубленным в скале, проводилась и после 1924 г. Совершенно понятно, что данная территория до 1941 г. тщательно охранялась и проникнуть сюда в 1934–1936 гг., чтобы «обнаружить» руины средневековой крепости, П.Н. Бабенчиков никак не мог. Даже самый внимательный осмотр территории (в том числе и склонов) мыса Кая-Баш не дал никаких находок, кроме битой посуды и черепицы-та-

тарки начала XX в. Поэтому у меня не было оснований даже «осторожно предполагать», что здесь когда-то располагалось средневековое укрепление.

Считаю также необходимым заметить, что критический взгляд Е.В. Неделькина на работы П.С. Палласа и Ф.К. Бруна (Неделькин, 2016, с. 87; Паллас, 1999, с. 42–43; Брун, 1879, с. 60–66) некорректны. Паллас и Брун, как и многие другие исследователи, вслед за Страбонем (Страбон, VII, 4, 2), пытались установить местоположение храма Девы (Ифигении) и поэтому свое внимание сосредоточили на памятниках района мыса Фиолент (Парфенос), наиболее выдающейся в море южной точки Гераклейского полуострова. Описываемые путешественниками конца XVIII–XIX в. руины древних построек Гераклейского полуострова не имеют никакого отношения к мысу Кая-Баш, а располагались между Георгиевским монастырем и мысом Виноградный.

Подводя итоги, следует отметить, что имеющиеся в нашем распоряжении материалы указывают на значительную активизацию в 20–30-х гг. XIII в. крепостного строительства на территории бывшей фемы Херсона, в которую входила и Готия. Вместе с тем нам совершенно неизвестны подобные (как и вообще какие-либо) крепости на территории, принадлежавшей в данное время поздневизантийской Сугдее. Это указывает на принципиальные отличия военно-административной системы управления поздневизантийских владений Херсона и Сугдеи. Если в XIII в. у нас есть основания говорить о временной реставрации (возрождении) фемной системы Херсона⁷ и Готии, то Сугдея оставалась на прежнем (XI–XII вв.) уровне административного управления.

Для территорий «Херсакеи», Юго-Западного Крыма и Южного бережья стимулом преобразований оборонительной системы региона послужило их вхождение в состав Трапезундской империи и резкое обострение военно-политиче-

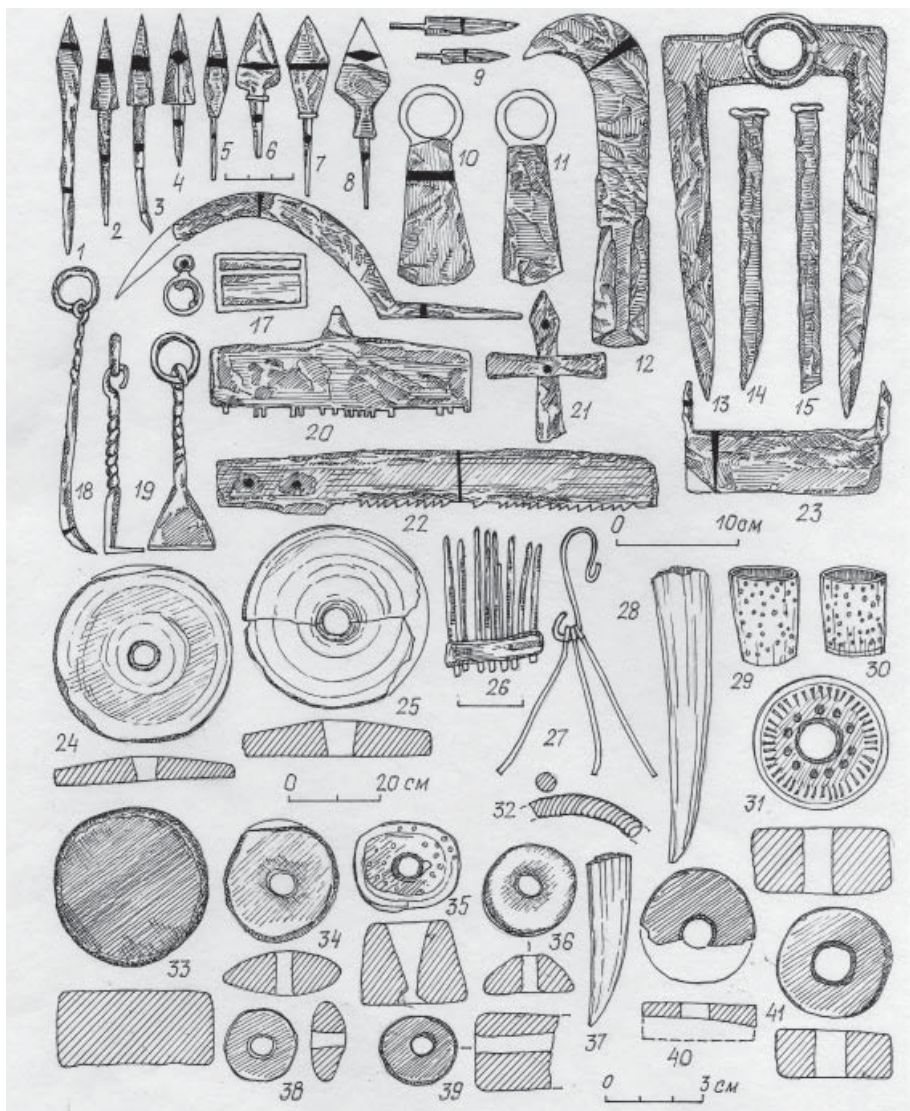

Рис. 9. Наконечники стрел, орудия труда и бытовые предметы XIII в. из раскопок в укреплении Исар-Кая (рис. автора).

Fig. 9. Arrowheads, implements and household items of the 13th century from excavations at Isar-Kaya fortification (drawing by the author).

ской обстановки в 20-х гг. XIII в. Если на территории «Херсакеи» в это время появляется 5 новых крепостей (Чоргунский исар, Камара, Кала-Фатлар, Сарджик и Кокия-Исар), то в Готии их будет не менее 20 (рис. 1). Причем, если в Юго-Западной части горного Крыма расположено примерно 6–7 сторожевых крепостей (Сандык-Кая, Сюрюю-Кая, Керменчик, Кипиа, Кермен-Кая, Яман-

таш)⁸, то на Южнобережье их не менее 14 (Исар-Кая, Кастропуло, Биюк-Исар, Лимена-Кале, Гаспра-Исар, Алупка-Исар, Ай-Тодор-2, Хачла-Каясы, Палеокастрон, Рускофиль-Кале, Плака, Ай-Тодор-3, Кастель, Фуна).

К этому следует добавить чисто логическое рассуждение по поводу того, что если на территории Юго-Западной Таврики, отошедшей после

1204 г. к Трапезунду, были проведены столь масштабные строительные фортификационные работы, то для этого было необходимо привлечение значительных административно-организационных, финансовых и людских ресурсов. Кроме того, возводя новые крепости («кастра»), организаторы этих мероприятий не могли обойти вниманием и состояние оборонительных систем «старых» византийских укреплений, которые к этому времени превратились в города.

Среди них три являлись относительно крупными городами (Херсон, Эски-Кермен, Кыре-Ер), малые города-крепости Готии («полисмы») (Симболон, Сциварин, Тешкли-Бурун, Тепе-Кермен, Бакла, Алустон, Партенит (?), Гурзуф, Ялита). Для решения столь значительных задач на протяжении относительно короткого времени необходимо было иметь соответствующую военно-административную структуру, которой и могла являться фема Херсона.

Примечания:

¹ На протяжении XX – начала XXI вв. исследователями высказывались различные мнения по поводу времени похода сельджукского полководца Хусам ад-Дина Чобана на Судак: от 1221 до 1228 гг. (подборку историографии по данному вопросу см.: Мыщ, 1999, с. 176–186; он же, 2001, с. 193–204). Критику предложенной мной даты см. у Х.-Ф.Байера, который считал более подходящим временем похода сельджуков на Сугдею 1223 г. (Байер, 2005, с. 194–228). В одной из своих недавних работ М.Г. Крамаровский отдает предпочтение поздним датам: 1226–1228 гг. (Крамаровский, 2019, с. 15–57). Наиболее вероятным временем завоевания сельджуками Сугдеи были 1217–1222 гг. – до прихода к власти в Трапезунде Андроника I Гида (1222–1235). В условиях войны с Трапезундом (как, например, в 1225–1235 гг.) организовать транспортировку, высадку и снабжение на побережье Юго-Восточной Таврики значительного военного контингента (причем с конницей) было проблематично. Именно Трапезунд, обладая на Понте наиболее значительным флотом и находясь в 1214–1222 гг. в зависимости от Рума, мог оказать материально-организационное содействие проведению уникальной и единственной успешной в практике сельджуков военно-морской десантной операции. Например, в 1225–1235 (?) г. сельджуки без поддержки Трапезунда так и не смогли захватить Херсон. Сложно представить, чтобы сельджуки, потеряв в 1225–1228 гг. Синоп (Шукуров, 2000, с. 177) могли в это же время захватить Судак.

² С конца XIX в. к этому источнику неоднократно обращались исследователи (см.: Пападуло-Керамевс, 1897, с. 117; Успенский, 1929, с. 51; Vasiliev, 1936, p. 160–161).

³ В комментарии к переводу надписи Э.И. Соломоник отметила трудность в понимании последнего слова надписи («Херсаке(й)и») – В.М.), «впервые засвидетельствованного в известных нам источниках». При этом она высказала предположение, что «окончание указывает на какой-то топоним (город, область), а основа, несомненно, связана с названием Херсонеса-Херсона». По ее мнению, наиболее «близкую аналогию мы встречаем у Эпифания (конец VIII или первая половина IX в.), описавшего поездку в Херсон апостола Андрея». В описании «жители Херсона названы «херсаки» (ХЕРСАКЕС) и употреблено соответствующее прилагательное ХЕРСАЦИНОН» (Соломоник, 1986, с. 214).

⁴ Раскопками О.И. Домбровского выявлено два уровня обживания пещеры № 5 спелеологического комплекса горы Басман (археологические слои обнаружены в 9 пещерах). Первый этап исследователь отнес к VIII–X вв., когда на месте храма располагалось помещение с очагом, а второй несколько неопределенно: «не позднее X столетия». Гибель пещерного комплекса О.И. Домбровский относил уже к XV в. и связывал с катастрофическим землетрясением (Иванов, Дублянский, Домбровский, 1962, с. 28–30). Материалы своих раскопок на Басмане Олег Иванович передал И.А. Баранову, который любезно и ознакомил меня с ними. К сожалению, эта работа так и не была закончена из-за отсутствия своевременной фиксации стратиграфии памятника и случайной выборки материала.

⁵ Поселение, погибшее в XIII в., было разрезано при укладке трубы коллектора в ходе строительства очистных сооружений и не подвергалось систематическому исследованию.

⁶ В 60-е гг. XX в. О.И. Домбровским были полностью изучены строения укрепления XIII в. над Гаспррой (Гаспра-Исар). Однако отчет о раскопках так и не был подготовлен, а местонахождение материалов мне неизвестно.

⁷ Византия до конца XII в. продолжала делиться на фемы. Среди 15 фем европейской части империи находилось и фема Херсона, в которую входила и Готия. После 1204 г. фема Херсон перешла в состав Трапезундской империи (Соколов, 2009, с. 81).

⁸ Еще одно небольшое укрепление XIII в. (?) располагалось на скальном выступе над истоком речки Кучук-Узеньбаш (Мыц, 1991, с. 131, рис. 2: 14; 11: 3), однако в настоящее время его руины практически исчезли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенчиков В.П.* Балаклавский и Куйбышевский район // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. / Отв. ред. В.В. Гольмстен. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 283–287.
2. *Байер Х.-Ф.* История Крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. 477 с.
3. *Байер Х.-Ф.* Этнический состав Сугдеи и ее хинтерланда в 1253 г. по данным Виллельма ван Рюбрука // АДСВ. 2005. Вып. 36. С. 194–228.
4. *Богданова Н.М.* К вопросу о городском управлении в Херсонесе в начале XIII века // Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 1 / Отв. ред. С.В. Волков. М.: Наука, 1985. С. 42–63.
5. *Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV веков. Южный берег Крыма // «О древностях Южного берега и гор Таврических» (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена) / Гл. ред. В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2004. С. 43–57.
6. *Бочаров С.Г.* Некоторые предварительные итоги археологического изучения средневекового укрепления Учансу-Исар // Альманах Крымского гуманитарного ун-та. Серия: История, философия, социальные науки. 2005. Вып. 7. С. 4–7.
7. *Бочаров С.Г.* Предварительные результаты археологического исследования укрепления Учансу-Исар // Взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в античную эпоху и средневековье / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Кожокару. Симферополь: Издательство А. Э. Барановского, 2009. С. 108–114.
8. *Бочаров С.Г.* Археологические исследования средневекового замка Гелин-Кая в 2006 году // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: ЯЗ, 2012. С. 109–121.
9. *Бочаров С.Г.* Археологические исследования средневекового селения Джалита (Ялта) в 2010 году // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Отечество, 2013. С. 30–43.
10. *Бочаров С.Г., Новиченкова Н.Г., Горбунов В.И.* Исследования Восточно-Крымской (федосийской) экспедиции в 2009 г. // Археологічні дослідження в Україні у 2009 р. (АДУ). Волинь: Волинські старожитності, 2010. С. 41.
11. *Брун Ф.К.* К вопросу о древней топографии Ираклейского полуострова // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. 1. Одесса: Типография Г. Ульриха, 1879. С. 60–71.
12. *Домбровский О.И.* От Басмана до Бойки и Богатого ущелья // Дорогой тысячелетий: Экскурсии по средневековому Крыму / Ред.-сост. О.И. Домбровский. Симферополь: Крым, 1966. С. 41–75.
13. *Домбровский О.И.* Средневековые памятники Бойки // Археологические исследования средневекового Крыма / Отв. ред. О.И. Домбровский. Киев: Наукова думка, 1968. С. 83–96.
14. *Домбровский О.И.* Средневековые поселения и "исары" Крымского Южного бережья // Феодальная Таврика / Отв. ред. С.Н. Бибииков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 3–56.
15. *Иванов А.В.* Крепости и замки Южного берега Крыма. Мир крымского средневековья. Севастополь: Библекс, 2010. 288 с.
16. *Иванов Б.Н., Дублянский В.Н., Домбровский О.И.* Басманские пещеры в горном Крыму // Крымское заповедно-охотничье хозяйство (50 лет) / Отв. ред. А.П. Доценко. Симферополь: Крымиздат, 1963. С. 28–30.
17. *Карпов С.П.* Образование Трапезундской империи (1204–1215 гг.) // Византийский вестник ВВ. Т.60 (85). 2001. С. 5–29.
18. *Карпов С.П.* История Трапезундской империи. СПб.: Алетейя, 2007. 624 с.
19. *Кирилко В.П., Мыц В.Л.* Крепость Фуна в системе обороны княжества Феодоро // Византийская Таврика / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1991. С. 147–171.
20. *Кирилко В.П., Мыц В.Л.* Укрепление Чобан-Куле (по материалам раскопок 1992–1993 гг.) // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Сборник научных трудов по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена / Гл. ред. В. Л. Мыц. Киев: Стилос, 2004. С. 205–245.

21. *Крамаровский М.Г.* Рах Mondolica и чингисидская глобализация // Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи. Каталог выставки. Фонд Марджани. М., 2019. С. 15–57.
22. *Лысенко А.В.* Позднеантичный – средневековый культовый комплекс на горе Пахкал-Кая // АДУ-2010 / Гл. ред. Д.Н. Козак. Киев-Полтава: Институт археології НАН України, 2011. С. 223–224.
23. *Лысенко А.В., Тесленко И.Б., Мусин А.Е.* Средневековый христианский храм на горе Пахкал-Кая в Южном Крыму // В камне и бронзе: Сборник статей в честь Анны Песковой / Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII / Ред. А.Е. Мусин. СПб.: ИИМК РАН, 2017. С. 291–310, 641.
24. *Мыц В.Л.* Средневековое укрепление Исар-Кая // СА. 1987. № 2. С. 228–245.
25. *Мыц В.Л.* К датировке похода эмира Хусам-ад-дина Чобана на Судак // АДСВ. Вып. 30. 1999. С. 176–186.
26. *Мыц В.Л.* Сельджукско-трапезундские отношения в первой трети XIII в. и поход эмира Хусам ад дина Чобана на Судак в 1217 г. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XI. Москва-Магнитогорск. 2001. С. 193–204.
27. *Мыц В.Л.* Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50–70-х гг. XV в. // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней / Сост. В.Г. Рудницкая, И.Б. Тесленко. Киев: Стило, 2002. С. 139–186.
28. *Мыц В.Л.* Частная итальянская сеньория XV в. в Северном Причерноморье (по материалам исследования замка Тасили 1459/60-1475 гг.) // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conques, Iasi, 20056. P. 513–542.
29. *Мыц В.Л.* Храм Христа Спасителя на горе Бойка // Белградский сборник / ТГЭ. Т. 80 / Науч. ред. В.Н. Залесская, Ю.А. Пятницкий. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2016. С. 129, ил. 10, 135, прим. 53–55.
30. *Мыц В.Л.* Завоевание поздневизантийской Таврики монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII века // Stratum plus. 2016. № 6. С. 69–106.
31. *Неделькин Е.В.* К вопросу о границе княжества Феодоро и владений Генуэзской республики в Юго-Западной Таврике // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. V / Ред. М.М. Черев. Севастополь, Тюмень: ТюмГУ, 2013. С. 53–81.
32. *Неделькин Е.В.* Границы княжества Феодоро и Генуэзской республики в ЮгоЗападной Таврике // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. XIX (VI). Сер. А. 2016. С. 81–106.
33. *Неделькин Е.В.* К вопросу о системе пограничных крепостей княжества Феодоро в XV в. // История и археология Крыма. 2017. Вып. VI. С. 208–215.
34. *Паришина Е.А.* Отчет об археологических исследованиях в урочище Учансу-Исар в 1985 г. Киев, 1986 / НА ИА НАНУ. № 21676. 11 с.
35. *Репников Н.И.* Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма / Архив ИИМК РАН. Ф. 10. Д. 10.
36. *Соколов Ю.Г.* Роль фем в государственном устройстве Никейской империи // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 1. С. 80–85.
37. *Соломоник Э.И.* Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // Византийский временник. 1986. Т. 47. С. 214–215.
38. *Страбон.* География / Пер. Г.А. Стратановского, под ред. С.Л. Утченко, О.О. Крюгера. М.: Наука, 1964. 943 с.
39. *Успенский Ф.И.* Очерки по истории Трапезундской империи. Ленинград: АН СССР, 1929. 160 с.
40. *Фирсов Л.В.* Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. 472 с.
41. *Ченцова В.Г.* Материалы к истории Херсона в средние века // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). Вып. V. 1996. С. 171–186.
42. *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и «синопский вопрос» в 1254-1277 гг. // Причерноморье в средние века. Вып. 4 / Ред. С.П. Карпов. СПб.: Алетея, 2000. С. 177–208.
43. *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб.: Алетея, 2001. 488 с.
44. *Шукуров Р.М., Коробейников Д.А.* Великие Комнины, Синоп и Рум в 1223-1230 гг. (загадка текста Иоанна Лазаропула) / Р.М. Шукуров, Д.А. Коробейников // Причерноморье в средние века. Вып. 3 / Ред. С.П. Карпов. СПб.: Алетея, 1998. С. 178–200.
45. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. № 168. 1970. 224 с.

46. Якобсон А.Л. Модель храма из раскопок Эски-Кермена в Крыму и проблема нового архитектурного стиля в Византии // Культура и искусство Византии. Л.: Изд-во ГЭ, 1975. С. 45–46.

47. Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea // Monographs of the Medieval Academy of America. № 11. Cambridge, Massachusetts, 1936. 293 p.

Информация об авторе:

Мыц Виктор Леонидович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); vic.mytz@yandex.ru

GUARD FORTIFICATIONS OF THE 13TH CENTURY IN “KHERSAKEI” AND CRIMEAN GOTIA

V.L. Myts

The Seljuk expansion of 1217–1225 and the first appearance of the Mongols in the territory of the peninsula in 1223 stimulated the construction of guard fortresses in the vicinity of Kherson and Gotia, controlling the passes and routes to the valleys of the mountainous Crimea. In this time period (1220–1230s), in addition to the 12 Early Byzantine fortress towns (6th – 12th centuries), a total of 24–25 new fortifications appeared in the deep mountain regions and along the southern bank of the peninsula. The classification of these monuments into a single group is hampered by the almost complete absence of contemporary studies. The author suggests that the study of these fortresses in the form of “clearing”, laying of pits or small excavations, conducted in the 1940–1960s (generally, with no stratigraphy recording), was accompanied by excessively wide and insufficiently substantiated dating, as demonstrated by the studies of 1979–1980 at Isar-Kaya fortification near Shaitan-Merdven mountain pass. This fortification was dated the 10th–15th centuries based on the excavations of the 1960s, but actually represented a single-layer monument of the 13th century.

Keywords: archaeology, guard fortresses, 13th century Kherson, Khersakeya, Gotia, Trebizond, Sinop, Rum Sultanate, Southern Bank.

REFERENCES

1. Babenchikov, V. P. In Golmsten, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v RSFSR. 1934–1936 gg. Kratkie otchety i svedeniia (Archaeological Investigations in the Russian Federation in 1934–1936: Brief Reports and Data)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 283–287 (in Russian).
2. Baier, Kh.-F. 2001. *Istoriia Krymskikh gotov kak interpretatsiia Skazaniia Matfeia o gorode Feodoro (History of the Crimean Goths as an Interpretation of Matthew's Story of the city Theodoro)*. Ekaterinburg: Ural State University Publ. (in Russian).
3. Baier, Kh.-F. 2005. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka)* 36. 194–228 (in Russian).
4. Bogdanova, N. M. 1985. In Volkov, S. V. (ed.). *Sotsial'nye gruppy traditsionnykh obshchestv Vostoka. Ch. 1 (Social Groups of Traditional Oriental Societies. P. 1)*. Moscow: “Nauka” Publ., 42–63 (in Russian).
5. Bocharov, S. G. 2004. In Myts (ed.). *O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh (“On Antiquities of the Southern Coast of the Crimea and the Tauric Mountains”)*. Kiev: “Stilos” Publ., 43–57 (in Russian).
6. Bocharov, S. G. 2005. In *Al'manakh Krymskogo gumanitarnogo un-ta. Seriya: Istoriia, filozofia, sotsial'nye nauki (Almanac of Crimean Humanitarian University. Series: History, Philosophy, Social Sciences)* 7. 4–7 (in Russian).
7. Bocharov, S. G. 2009. In Bocharov, S. G., Kozhokaru, V. (eds.). *Vzaimootnosheniia Severnogo i Zapadnogo Prichernomor'ia v antichnuiu epokhu i srednevekov'e (Relations between the Northern and Western Black Sea Regions in Ancient Times and the Middle Ages)*. Simferopol: “Izdatel'stvo A. E. Baranovskogo” Publ., 108–114 (in Russian).
8. Bocharov, S. G. 2012. In Valiulina, S. I. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii Povolzh'ia. K 65-letiiu studencheskogo arkheologicheskogo kruzhka Kazanskogo universiteta (Current Issues of the Volga Region Archaeology: 65th Anniversary of the Students' Archaeological Group in the Kazan University)*. Kazan: “IaZ” Publ., 109–121 (in Russian).
9. Bocharov, S. G. 2013. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaiia Evraziia: simbioz gorodov i stepi (Medieval Eurasia: Symbiosis of Towns and Steppe)*. Kazan: “Otechestvo” Publ., 30–43 (in Russian).

10. Bocharov, S. G., Novichenkova, N. G., Gorbunov, V. I. 2010. In *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2009 roku (Archaeological Researches in Ukraine of 2009)*. Volin': "Volins'ki starozhitnosti" Publ., 41 (in Russian).
11. Brun, F. K. 1879. In *Chernomor'e. Sbornik issledovaniï po istoricheskoi geografii Iuzhnoi Rossii. Ch. 1 (The Black Sea Region. Collection of Studies on Historical Geography of Southern Russia. P. 1.)*. Odessa: "Tipografiia G. Ul'rikha" Publ., 60–71 (in Russian).
12. Dombrovskii, O. I. 1966. In Dombrovskii, O. I. (ed.). *Dorogoi tysiacheletii: Ekskursii po srednevekovomu Krymu (By the Road of Millennia: Tours of Medieval Crimea)*. Simferopol: "Krym" Publ., 41–75 (in Russian).
13. Dombrovskii, O. I. 1968. In Dombrovskii, O. I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovogo Kryma (Archaeological research of the medieval Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 83–96 (in Russian).
14. Dombrovskii, O. I. 1974. In Bibikov, S. N. (ed.). *Feodal'naia Tavrika (Feudal Taurica)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 3–56 (in Russian).
15. Ivanov, A. V. 2010. *Kreposti i zamki Iuzhnogo berega Kryma. Mir krymskogo srednevekov'ia. (Fortresses and Castles on the Southern Bank of Crimea. The World of Crimean Middle Ages)* Sevastopol: "Bibleks" Publ. (in Russian).
16. Ivanov, B. N., Dublianskii, V. N., Dombrovskii, O. I. 1963. In Dotsenko, A. P. (ed.). *Krymskoe zapovedno-okhotnich'e khoziaistvo (50 let) (Crimean Reserve and Hunting Department (50th Anniversary))*. Simferopol: "Krymizdat" Publ., 28–30 (in Russian).
17. Karpov, S. P. 2001. In *Vizantiyskiy Vremennik (Byzantine Yearbook)* 60 (85). 5–29 (in Russian).
18. Karpov, S. P. 2007. *Istoriia Trapezundskoi imperii. (History of the Empire of Trebizond Contents)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).
19. Kirilko, V. P., Myts, V. L. 1991. In Tolochko (ed.). *Vizantiiskaia Tavrika (Byzantine Tauris)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 147–171 (in Russian).
20. Kirilko, V. P., Myts, V. L. 2004. In Myts (ed.). *O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh ("On Antiquities of the Southern Coast of the Crimea and the Tauric Mountains")*. Kiev: "Stilos" Publ., 205–245 (in Russian).
21. Kramarovskii, M. G. 2019. In *Zolotaia Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoi imperii. Katalog vystavki (The Golden Horde and the Black Sea Region. Lessons of the Genghisid empire. Exhibition catalog)*. Moscow: "Fond Mardzhani" Publ., 15–57 (in Russian).
22. Lysenko, A. V. 2011. In Kozak, D. N. (ed.). *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2010 roku (Archaeological Researches in Ukraine of 2010)*. Kiev-Poltava: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine Publ., 223–224 (in Russian).
23. Lysenko, A. V., Teslenko, I. B., Musin, A. E. 2017. In Musin, A. E. (ed.). *V kamne i bronze (In Stone and Bronze)*. Institute for the History of Material Culture Proceedings. Vol. XLVIII. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture Publ., 291–310, 641 (in Russian).
24. Myts, V. L. 1987. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 62–77 (in Russian).
25. Myts, V. L. 1999. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka)* 30. 176–186 (in Russian).
26. Myts, V. L. 2001. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 11. 193–204 (in Russian).
27. Myts, V. L. 2002. In Rudnitskaia, V. G., Teslenko, I. B. (comp.). *Alushta i Alushtinskii region s drevneishikh vremen do nashikh dnei (Alushta and Alushta Region from the Most Ancient Times to Present)*. Kiev: "Stilos" Publ., 139–186 (in Russian).
28. Myts, V. L. 2005. In *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest*. Iasi, 513–542 (in Russian).
29. Myts, V. L. 2016. In *Belgradskii sbornik (Belgrade Studies)*. Series: Transactions of the State Hermitage Museum LXXX. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 129 (in Russian).
30. Myts, V. L. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 69–106 (in Russian).
31. Nedel'kin, E. V. 2013. In Cheref, M. M. (ed.). *Materiialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma (Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Crimea)* V. Sevastopol; Tyumen: Tyumen State University, 53–81 (in Russian).
32. Nedel'kin, E. V. 2016. In *Prichernomor'e. Istoriia, politika, kul'tura (The Black Sea region. History, politics, culture)* XIX (VI) series A, 81–106 (in Russian).
33. Nedel'kin, E. V. 2017. In *Istoriia i arkheologiia Kryma (History & Archaeology of Crimea)* 6. 208–215 (in Russian).

34. Parshina, E. A. 1986. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiaxh v urochishche Uchansu-Isar v 1985 g. (Report on Archaeological Studies at the Uchansu-Isar site in 1985)*. Kiev. Research Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 21676. (in Russian).
35. Repnikov, N. I. *Materialy k arkhelogicheskoi karte Iugo-Zapadnogo nagor'ia Kryma (Materials for Archaeological Map of South-Western Highland of Crimea)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. F. 10, dossier 10 (in Russian).
36. Sokolov, Yu. G. 2009. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki (University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series)* (1). 80–85 (in Russian).
37. Solomonik, E. I. 1986. In *Vizantiyskiy Vremennik (Byzantine Yearbook)* (47). 214–215 (in Russian).
38. Strabon. 1964. *Geografia (Geography)*. Stratanovskii, G. A. (transl.), Utchenko, S. L. Kriuger, O. O. (eds.). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
39. Uspenskiy, F. I. 1929. *Ocherki po istorii Trapezundskoi imperii (Essays on the History of the Empire of Trebizond)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
40. Firsov, L. V. 1990. *Isary. Ocherki istorii srednevekovykh krepostei Iuzhnogo berega Kryma (Isar. Essays on the history of medieval fortresses on the Southern Bank of Crimea)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
41. Chentsova, V. G. 1996. In *Materialy po arkhelogii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (5), 171–186 (in Russian).
42. Shukurov, R. M. 2000. In Karpov, S. P. (ed). *Prichernomor' e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* (4). Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 177–208 (in Russian).
43. Shukurov, R. M. 2001. *Velikie Komniny i Vostok (1204–1461) (The Grand Comnenoi and the Orient (1204–1461))*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).
44. Shukurov, R. M., Korobeinikov, D. A. 1998. In Karpov, S. P. (ed). *Prichernomor' e v srednie veka (Pontic Region in the Middle Ages)* (3). Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 178–200 (in Russian).
45. Yakobson, A. L. 1970. *Rannesrednevekove sel'skie poseleniia Yugo-Zapadnoi Tavriki (Early Medieval Rural Settlements of Southwest Taurica)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkhelogii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 168. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
46. Yakobson, A. L. 1975. *Kul'tura i iskusstvo Vizantii (Culture and Art of Byzantium)*. Leningrad: State Hermitage Museum, 45–46 (in Russian).
47. Vasiliev, A. A. 1936. *The Goths in the Crimea Monographs of the Mediaeval Academy of America*. № 11. Cambridge, Massachusetts, 1936. 293 p.

About the Author:

Myts Victor L. Candidate of Historical Sciences. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190 000, Russian Federation; vic.mytz@yandex.ru

Статья принята в номер 01.03.2020 г.

УДК 902.2(292.471)

<https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.64.77>

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ВИЗАНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЕЛЕНИЯ ВОЗЛЕ ЛИВАДИЙСКОЙ БОЛЬНИЦЫ

© 2020 г. Н.Г. Новиченкова

В статье представлены материалы раскопок усадьбы средневекового поселения VIII–IX вв., открытого и исследованного возле Ливадийской больницы, на Южном берегу Крыма, в 1981–1982 гг. Усадьба была сооружена на искусственной террасе восточного склона возвышенности, являясь частью обширного поселения, ныне застроенного новыми зданиями. Раскопками выявлены двор, части жилой и хозяйственных построек с многочисленными находками, относящимися к бытованию и внезапному разрушению усадебного комплекса в результате стихийного бедствия (землетрясения или оползня). Остатки поселений и гончарных мастерских VIII–IX вв. известны и в других местах Южного берега Крыма, в том числе на территории Ялты и в ее окрестностях. Разнообразный по составу комплекс находок из раскопок поселения возле Ливадийской больницы хранится и экспонируется в Ялтинском историко-литературном музее.

Ключевые слова: археологические исследования, Южный берег Крыма, поселение VIII–IX вв., Ливадийская больница, усадьба, культурный слой, строительные остатки, красноглиняная керамика, черепичная кровля, строительная керамика, керамида, калиптеры, ремесленные метки, амфоры.

В истории Южнобережного и Юго-Западного Крыма особое место занимает период VIII–X вв., когда в среде местного оседлого населения распространяется провинциальная византийская культура. Одним из ярких примеров этого явления стал архитектурно-археологический комплекс усадьбы поселения возле Ливадийской больницы, при раскопках которого на сравнительно небольшой площади выявлен богатый и разнообразный вещественный материал.

Местоположение памятника. Памятник был открыт в 1981 г. при проведении археологической разведки на Южном берегу Крыма В.И. Новиченковым, научным сотрудником Ялтинского краеведческого музея (ныне Ялтинский историко-литературный музей). В срезе дорожного откоса на повороте, в развилке Севастопольского шоссе и спуска от Ливадийской больницы (рис. 1), В.И. Новиченков обратил внимание на обнажение культурного слоя с обломками красноглиняной керамики – черепи-

цы и амфор VIII–IX вв. (Новиченкова, 1982; Новиченкова, 2002, с. 3).

Место обследования находилось на склоне холма, занятого старым корпусом больницы, жилыми и хозяйственными строениями, огородами, где повсюду встречались фрагменты средневековой керамики. В 1981 г. на придорожном участке были проведены разведочные, а в 1982 г. более масштабные раскопки по открытым листам, выданным на имя автора (Новиченкова, 1982, с. 1–30; Новиченкова, 1983, с. 1–29; Новиченкова, 1984, с. 307). Небольшие размеры участка с сохранившимся на площади 100 м² культурным слоем и его местоположение в развилке двух дорог не позволили исследовать полностью территорию выявленной усадьбы, восточная часть которой была уничтожена в первой половине XIX в. при прокладке Севастопольского шоссе (рис. 2).

Поселение, к которому относилась усадьба, занимало поросший деревьями и кустарником склон по обеим сторонам Севастопольского шоссе. На

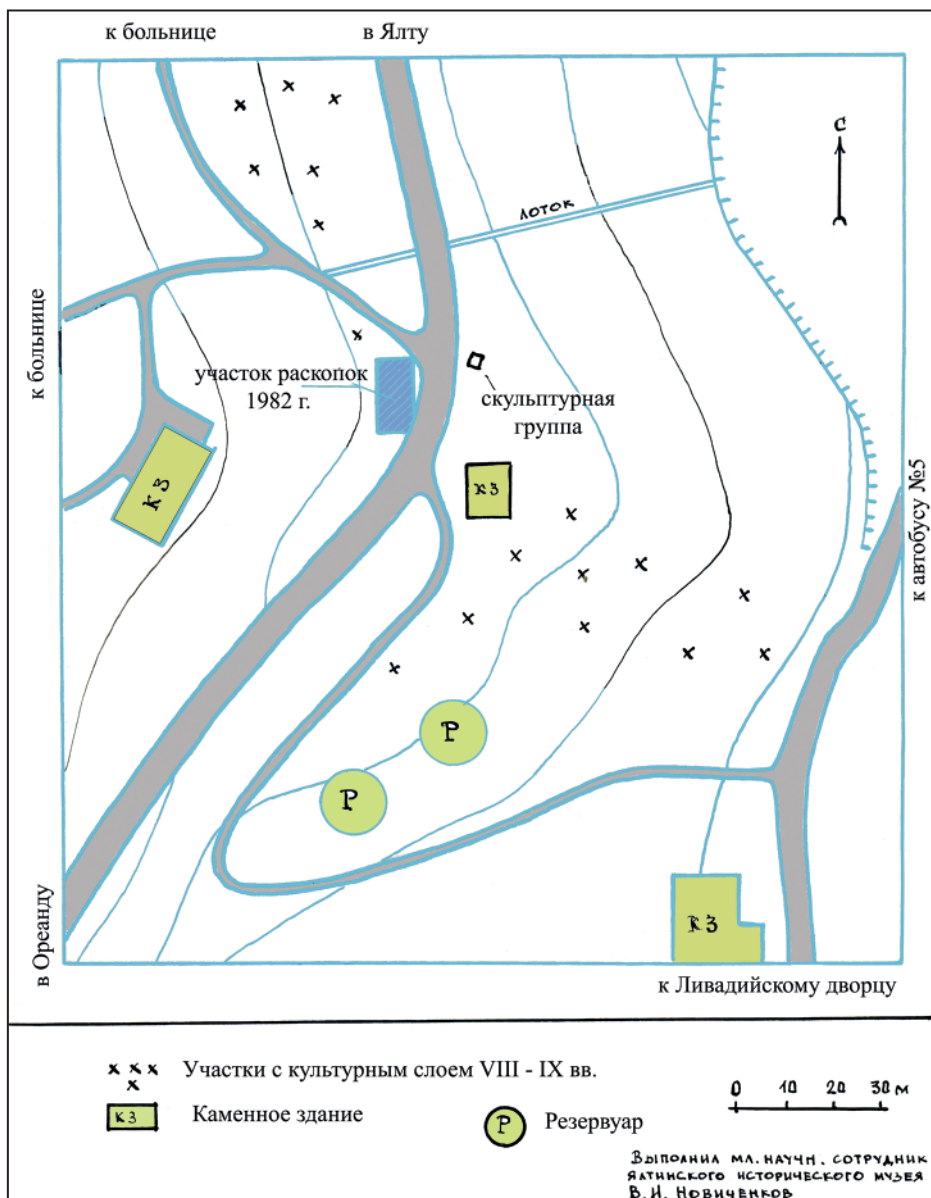

Рис. 1. Средневековое поселение возле Ливадийской больницы. Ситуационный план местности. План. Масштаб 1 : 10000. Автор – В.И. Новиченков.

Fig.1. The medieval settlement situated near the Livadia hospital. Plan. Scale 1 : 10000. Drawing by V.I. Novichenkov.

площади около 20 тыс. м² встречалась подъемная керамика, в некоторых местах прослеживались развалы жилых построек. Памятник получил название средневекового поселения у Ливадийской больницы (ныне Ялтинская городская больница в Ливадии) для отличия

от другого поселения в Ливадии с остатками керамического производства, известного с 1960-х гг. (Паршина, 1974, с. 59) и расположенного на расстоянии 2 км от настоящего.

После проведения археологических исследований 1981–1982 гг. поселение

Рис. 2. План раскопок усадьбы средневекового поселения возле Ливадийской больницы. Масштаб 1: 20.

Fig. 2. Plan of the excavations of the homestead, the medieval settlement near the Livadia hospital. Scale 1: 20.

было зарегистрировано как памятник археологии под № 3020, поставлено на государственный учет решением Крымского облисполкома 21.06.1983 и сейчас также входит в реестр объектов культурного наследия (Список..., 2004, с. 394). Несмотря на это, с начала нынешнего столетия на месте средневекового поселения началась интенсивная застройка и памятник оказался разрушен. Поэтому полученные в результате археологических исследований 1981–1982 гг. данные имеют большое значение в восполнении информации об утраченном объекте.

Стратиграфическая ситуация. Стратиграфия памятника достаточно однородна. Следуя рельефу местности, слои имели уклон с запада на восток.

В слое гумуса встречались находки начала XX в. (фаянсовая посуда, марсельская черепица, обломки стеклянных сосудов, монета 3 коп. 1915 г.) и редкие фрагменты средневековой керамики. Под слоем гумуса, на глубине 0,1–0,2 м, находился суглинок с щебнем и развалом каменных стен толщиной до 0,6 м (рис. 3: 1, 2; 4: 3, 4), который был перекрыт слоем светло-коричневого суглинка с щебнем, насыщенного фрагментами керамид, амфор, красноглиняных кухонных и столовых сосудов. При зачистке каменного развала были выявлены верхние части сложенных на глине кладок стен из слабо обработанного известняка высотой 0,4–0,5 м и шириной 0,7–0,8 м (Новиченкова, 1982, с. 4). В нижней части развала камней и под ним залегал завал черепичной кровли (рис. 5: 1, 2), который прослеживался на всей площади раскопа за исключением южной части.

Стратиграфия и характер грунта в южной части раскопа, за пределами усадьбы, иные. Примыкающий к кладке с юга слой представлял красную глину с щебнем и бутом, он же заполнял траншею, вырытую под фундамент южной стены.

Как и каменный развал кладок стен, завал черепицы залегал особенно плотным слоем вдоль западной стены двора, в жилом здании и рядом с ним. В юго-западном углу двора в мощном завале черепицы выявлено два слоя. Нижний уровень завала черепичной кровли, залегающий непосредственно на поверхности двора, образовался при первоначальном разрушении крыши усадьбы. Верхний завал черепицы был отделен от нижнего мощным раскатом камней и прослеживался в глубину на 0,4 м, залегая под большим наклоном. Наличие двух уровней завала черепичной кровли свидетельствует о том, что разрушение усадьбы не являлось единовременным процессом. После того, как рухнули стены и обрушилась крыша, образовались нижний завал черепицы и раскат

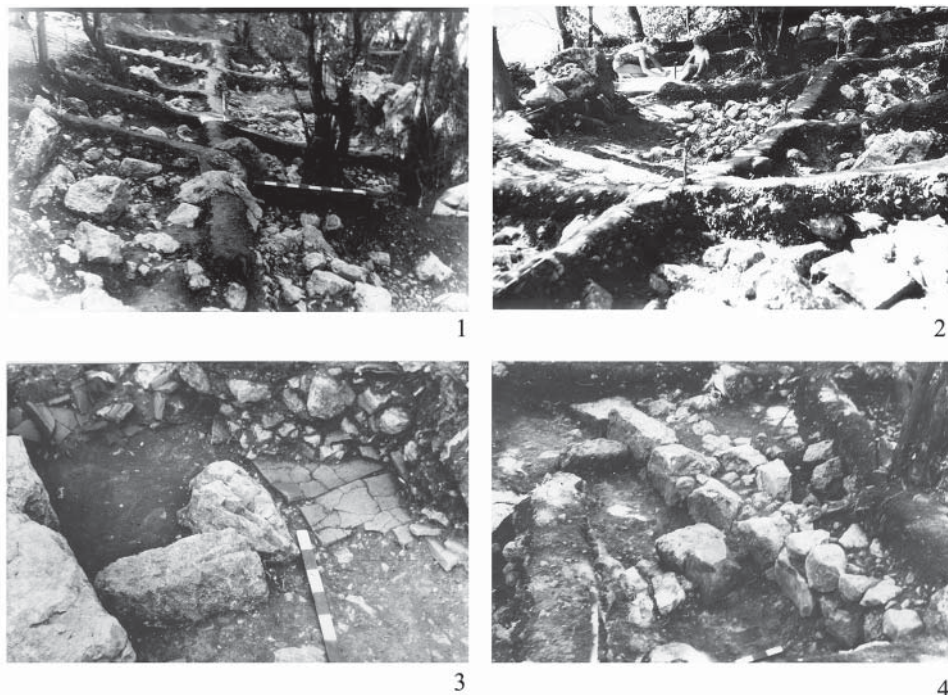

Рис. 3. Средневековое поселение возле Ливадийской больницы. Раскопки 1982 г.
 1 – общий вид раскопа с запада. Стадия зачистки развала каменных построек;
 2 – общий вид раскопа с северо-востока. Зачистка каменного развала; 3 – зачистка уровня дневной поверхности двора. Слева – кладовая, справа – уложенные тыльной стороной вверх керамиды. Вид с востока; 4 – южная стена усадьбы. Вид с запада.

Fig. 3. The medieval settlement near the Livadia hospital. Excavations of 1982. 1 – General view of the excavation from the west. The stage of cleaning of the collapse of stone buildings; 2 – General view of the excavation from the northeast. Cleaning of the stone collapse; 3 – Cleaning of the level of the yard surface. The left – the pantry, the right – the solenes roof tiles laid with the back side up. View from the east; 4 – The southern wall of the homestead. The view from the west.

каменной. В юго-западном углу двора стены сохранялись некоторое время на всю их высоту и поддерживали уцелевшую часть кровли. После разрушения этого остатка ограды образовался верхний завал черепицы, в свою очередь перекрытый сверху камнями из продолжавших разрушаться кладок. После удаления завалов черепицы прояснилась общая планировка усадьбы.

Планировка усадьбы (рис. 2). Усадьба была возведена на искусственной террасе, раскопана западная ее часть. Стены ограды двора толщиной 0,6–0,8 м, жилого здания и хозяйственной постройки были сложены из слабо обработанного известняка и бута. Западная стена усадьбы была заглубленной

в склон и стала своего рода каменной крепидой, воспринимавшей нагрузку лежащего выше по склону грунта (рис. 4: 1, 2). К крепиде с востока примыкали жилая постройка, двор, южная стена ограды и приусадебный участок.

Западная стена усадьбы, являвшаяся подпорной, раскопана на протяжении 9 м, имеет ширину от 0,5–0,7 м, сохранилась в высоту до 1,0 м (рис. 4: 1, 2). В северной ее части, к которой было пристроено жилое здание, она была сложена из более крупных камней, чем на южном участке. Здесь в ее основание и в кладки стен жилой постройки заложены камни в поперечнике до 0,6 м. На том отрезке западной стены, который проходил по двору, в кладку

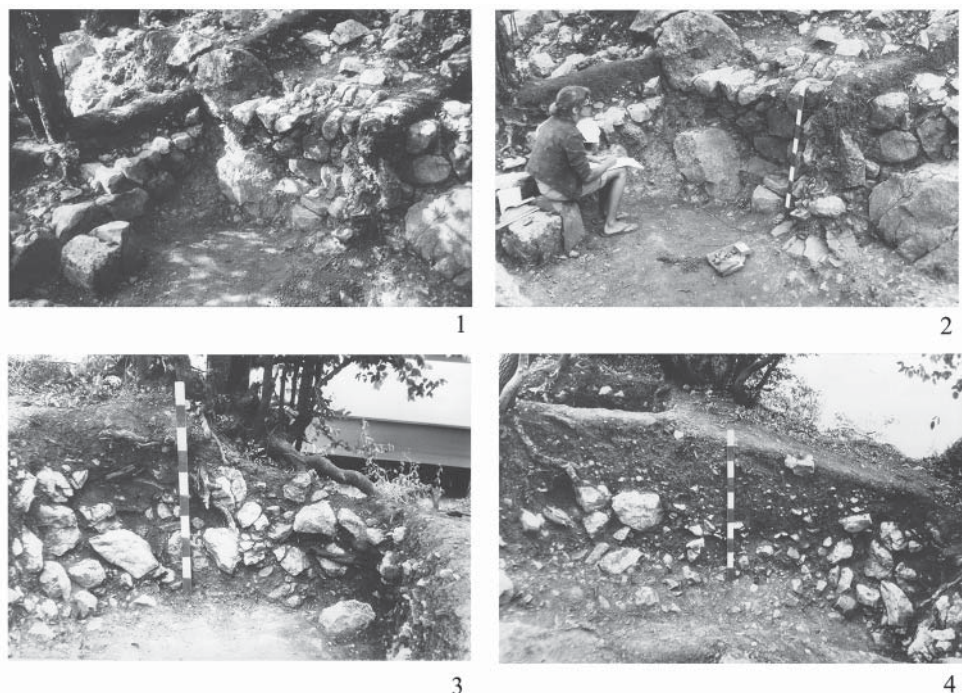

Рис. 4. Средневековое поселение возле Ливадийской больницы. Раскопки 1982 г. 1, 2 – юго-западный угол двора усадьбы. Вид с северо-востока; 3 – восточный борт раскопа. Вид с запада; 4 – северный борт раскопа. Вид с юга.

Fig. 4. The medieval settlement near the Livadia hospital. Excavations of 1982. 1, 2 – South-west corner of the courtyard of the housestead. The view from the northeast; 3 – East side of the excavation. The view from the west; 4 – The north side of the excavation. View from the south.

уложены камни средних размеров (до 0,4 м). Основание западной стены местами покоится на больших валунах округлой формы, иногда выступающих из кладки, которые значительно повышали сопротивляемость стены давлению грунта склона. Там, где крупные камни отсутствовали, верхняя часть кладки была наклонена внутрь двора. Камни кладки подпорной стены были впущены в кладку южной стены двора. О том, как были состыкованы стены двора и жилой постройки, сказать нельзя, так как этот участок разрушен. Однако по характеру кладки стены идентичны и различаются лишь толщиной и массивностью слагающих их камней. За пределами двора, на приусадебном участке, западная стена была сложена из одного ряда камней и, видимо, имела небольшую высоту.

Двор усадьбы с севера на юг имел длину до 5 м, был обнесен каменной оградой толщиной 0,6–0,8 м с перекрытыми черепицей навесами, о чем свидетельствует сосредоточение завала черепицы вдоль стен двора. Поверхность двора была покрыта слоем щебня с глиной, имевшим толщину около 10 см и лежавшим поверх материковой глины. В щебень были втопты угольки, косточки, раковины устриц и мелкие фрагменты керамики.

Южная и восточная стены жилого здания шириной до 1 м сохранились в длину соответственно на 2,5 и 1 м. В забутовку между двумя панцирями кладки на глине положены мелкие камни. Стены постройки сохранились в высоту на один-два ряда камней. Северная часть постройки не сохранилась. Внутренняя часть помещения с запада

Рис. 5. Средневековое поселение возле Ливадийской больницы. Раскопки 1982 г.

1 – вид с востока на нижнюю часть завала черепичной кровли возле южной стены усадьбы; 2 – вид с запада на нижний завал черепичной кровли; 3 – завал черепицы северо-восточнее зольника. Вид с запада и сверху. 4 – зачистка зольника. Черепица и камни, лежавшие в золе. Вид с востока.

Fig. 5. Medieval settlement near the Livadia hospital. Excavations of 1982. 1 – View from the east to the lower part of the roof-tile obstruction near the southern wall of the homestead; 2 – View from the west to the lower blockage of the tiled roof; 3 – Tiles blockage north-east of the ash cave. View from the west and from above; 4 – Cleaning of the ash cave. Roof tiles and stones lying in ash. View from the east.

на восток имела длину 3 м. Пол жилой постройки представлял собой известковую крошку, перемешанную с глиной. Он находился выше уровня двора на 0,1 м. Внутри, возле южной стены постройки, были установлены массивные камни, на которых лежала сломанная каменная плита, являвшаяся, видимо, доской каменного столика. На полу

найлены фрагменты стеклянного сосуда (рис. 6: 19), глиняное грузило из стенки амфоры, железные гвозди, глиняное пряслице (рис. 8: 9), костяная пуговица.

Рядом с южной стеной жилого здания во дворе обнаружены красноглиняное пряслице, верхняя часть красноглиняной амфоры, фрагменты салтовского сероглиняного грубогончарного горшка со сплошным частым рифлением по тулову и развал красноглиняного сосуда, находящегося во вторичном использовании после ремонта.

Кладка южной стены усадьбы была сложена на глине в два ряда из камней средних размеров, подтесанных с лицевой стороны, с забутовкой из щебня и небольших камней, в которой найдены фрагменты красноглиняных амфор с зональным рифлением. Она располагалась по линии ЮЗЗ-СВВ (рис. 3: 4), имела ширину 0,75 м. Она располагалась по линии ЮЗЗ-СВВ, раскопана в длину на 4 м. С севера к кладке южной стены примыкало небольшое помеще-ние **кладовой**, имевшее форму неправильного четырехугольника, площадью менее 1 кв. м (рис. 3: 3, 4). На уровне нижнего ряда камней внутреннего панциря был прослежен глинобитный пол с находками *in situ*, представляющими закрытый комплекс. Уровень пола в помещении находился на 0,8 м ниже уровня дневной поверхности двора. Вход в кладовую располагался с севера. Во дворе перед входом были положены в виде порожка две керамиды с отбитыми углами, повернутые тыльной стороной кверху (рис. 2, 3: 3).

На полу кладовой под слоем рыхлой серой земли обнаружены два точильных камня в виде удлинённых брусков (рис. 8: 10), железные ножи со сточенными лезвиями (рис. 8: 11), железное зубило (рис. 8: 12), два глиняных пряслица (рис. 8: 6, 7) и одно каменное (рис. 8: 8), железные скобы, к одной из которых была прикреплена цепочка, раковины съедобных моллюсков – мидий, морских гребешков, устриц (рис. 8:

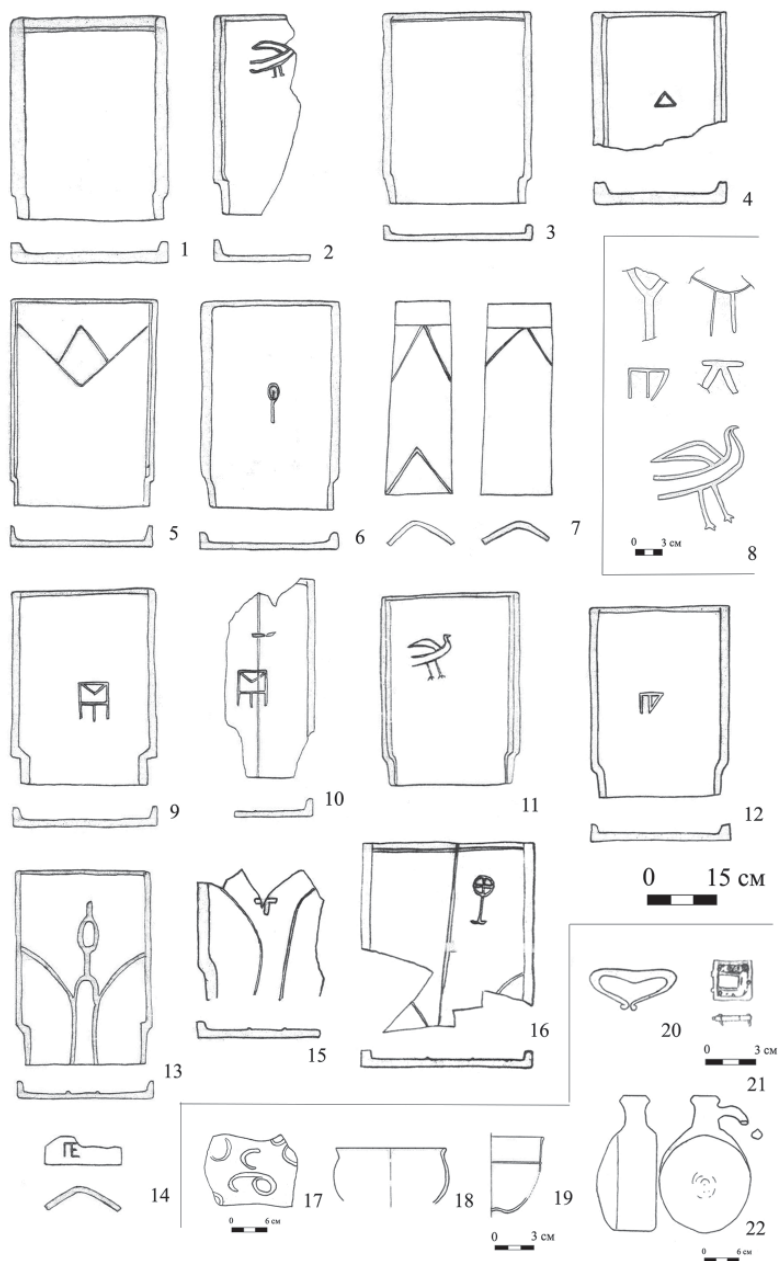

Рис. 6. Находки из раскопок усадьбы поселения возле Ливадийской больницы.
 1–16 – строительная керамика и метки (7) на черепице; 17 – фрагмент плитки красноглиняной орнаментированной; 18 – чаша глазуванная белоглиняная фрагментированная; 19 – сосуд стеклянный фрагментированный; 20 – кресало железное;
 21 – пряжка бронзовая фрагментированная; 22 – фляга красноглиняная.

Fig. 6. Finds from the excavations of the homestead of the settlement near the Livadia hospital.
 1–16 – building ceramics and roof-tile marks (7); 17 – a fragment of red clay ornamental tile;
 18 – a fragmented glazed white clay bowl; 19 – a fragmented glass vessel; 20 – an iron chair;
 21 – a fragmented bronze buckle; 22 – a red clay flask.

Рис. 7. Фото черепицы из раскопок усадьбы поселения возле Ливадийской больницы. Коллекция ЯИЛМ:

1 – 43317, 2 – КП 43315, 3 – КП 43313,
4 – КП 75416, 5 - КП 77503, 6 – КП 43317.

Fig. 7. Photo of roof tiles from the excavations of the homestead of the settlement near the Livadia hospital. YaILM funds: 1 – 43317,
2 – КП 43315, 3 – КП 43313, 4 – КП 75416,
5 – КП 77503, 6 – КП 43317.

15). Обнаружен также развал красноглиняной фляги (рис. 6: 22). Из мелких фрагментов собрана красноглиняная ойнохоя (рис. 8: 3). Найдены фрагменты сероглиняных горшков (рис. 8: 4), горлышко красноглиняного кувшинчика, фрагменты чашки из розовато-белой глины, покрытой бледно-желтой глазурью (рис. 6: 18). Из фрагментов клеена значительная часть красноглиняной амфоры с удлинённым горлом и вытянутым туловом (рис. 8: 1). Найдены венчики открытых сосудов из тонкого голубого стекла и нижняя часть ножки рюмки или лампы (рис. 8: 14). Представляет интерес массивное красногли-

няное грузило пирамидальной формы с закругленным верхом и круглым уплощенным основанием, затертым и оббитым в результате использования (рис. 8: 5). В процессе обжига верхняя часть предмета приобрела серую окраску. Кладовая, видимо, запиралась с помощью навесного замка, ключ от которого был найден во дворе неподалеку (рис. 8: 13).

В центре двора располагался открытый, округлый в плане **очаг** диаметром 1,2 м, углубленный в землю и обложенный по краям мелкими камнями бута. В очаге обнаружено большое количество раковин устриц, виноградных улиток, мелкие кости животных и птиц. Поверхность двора, примыкающая к очагу с запада, была вымощена фрагментами черепиц.

Зольник. В средней части двора, у западной стены, напротив очага сохранилась часть загородки из камней и черепицы длиной 2,2 м и шириной 0,5 м с заполнением из золы, мелких костей и раковин моллюсков. В золе лежали фрагменты керамид (рис. 5: 4). Часть золы была рассыпана по поверхности двора рядом с загородкой. В зольнике обнаружены фрагменты тонкостенного стеклянного сосуда, нижняя часть толстостенного глиняного сосуда и свинцовое дисковидное грузило.

К северо-востоку и востоку от жилого здания располагалась еще одна **постройка**, предположительно хозяйственного назначения. Кладка ее южной стены, примыкавшей с северо-востока к восточной стене жилого здания, состояла из средних и мелких камней на глине. В заполнении помещения, наряду с угольками, раковинами виноградных улиток, мелкими косточками и фрагментами керамики, выявлены верхняя часть красноглиняной амфоры (рис. 8: 2), дно круглодонной амфоры, фрагмент бронзовой пряжки, железное кресало (рис. 6: 20, 21).

Следует отметить следующую особенность керамического комплекса: при

Рис. 8. Фото находок времени бытования и гибели усадьбы поселения возле Ливадийской больницы. Коллекция ЯИЛИМ: 1, 2 – амфоры красноглиняные (КП 24391, 72405); 3 – ойнохоя красноглиняная (КП 72402); 4 – горшок красноглиняный (КП 24382); 5 – грузило красноглиняное для рыболовных сетей (КП 24391); 6, 7, 9 – пряслица красноглиняные (КП 24379, 24380, 26314); 8 – пряслице каменное (КП 24378); 10 – оселок (КП 32617); 11 – нож (КП 26321); 12 – зубило (КП 24374); 13 – ключ (КП 24375); 14 – ножка стеклянной лампы (КП 26300); 15 – раковины устриц (КП 32622, 32624).

Fig. 8. Photo of finds of the time of existence and the ruination of the homestead of the settlement near the Livadia hospital. YaILM collection: 1, 2 – red clay amphorae (KP 24391, 72405); 3 – red clay oinochoe (KP 72402); 4 – red clay pot (KP 24382); 5 – red clay fishing net sinker (KP 24391); 6, 7, 9 – red clay spindle (KP 24379, 24380, 26314); 8 – stone spindle (KP 24378); 10 – touchstone (KP 32617); 11 – knife (KP 26321); 12 – chisel (KP 24374); 13 – key (KP 24375); 14 – the foot of the glass lamp (KP 26300); 15 – oyster shells (KP 32622, 32624).

наличии большого количества фрагментов красноглиняных гончарных сосудов обращает внимание отсутствие фрагментов высокогорлых коричневоглиняных кувшинов, распространение которых начинается со второй половины IX в., а также отсутствие лепной керамики (найден всего один фрагмент).

Небольшая толщина слоя бытования строительного комплекса усадьбы, не превышавшая 0,2 м, свидетельствует о непродолжительном его существовании. Возведение и гибель усадьбы датируются VIII – первой половиной IX в. Комплекс, по всей видимости, был разрушен в результате землетрясения, приведшего к сдвигу поверхностного слоя грунта на склоне и повредившего западную подпорную стену.

Самая большая группа находок из раскопок усадьбы представлена черепицей, с подавляющим преобладанием керамид.

Черепица (рис. 6: 7). Выделяется две группы керамид, имеющих стандартные размеры: 50×36 см и 46/47×34/35 см. Подавляющая часть керамид не име-

ет водосливных валиков и отличается крупными размерами, будучи близкой по форме позднеантичной (Новиченкова, 2013, с. 41). У некоторых черепиц слабо выражены нижние коленчатые уступы, в том числе в их внутренней части (рис. 7: 1, 3), что характерно для ранней продукции мастерских юго-западного Крыма конца VIII – начала IX вв. по производству строительной керамики, в которых сохранялись традиции римского и ранневизантийского времени (Моисеев, 2017, с. 139). На тыльной стороне многих керамид заметны отпечатки мелкодисперсной подсыпки белого цвета (рис. 7: 3), которая использовалась при их формовке и просушке (Сидоренко, 1985, с. 95). Форма, толщина и высота бортиков керамид (трапециевидных или треугольных в сечении), величина меток и толщина их линий варьируют. Подавляющая часть меток имеет вид греческих букв E, B, K, Δ (рис. 6: 4), а также монограмм (рис. 6: 12, 14, рис. 7: 5). Интересна метка в виде птицы с поднятыми крыльями (рис. 6: 2, 11). Некоторые керамиды из-

готовлены в одной и той же форме, до и после ее ремонта, как например, экземпляры с монограммой из букв П, М и Е (рис. 6: 9, 10). Имеются ремесленные метки с другими символическими схематичными изображениями – в виде овалов с отходящими от них линиями (рис. 6: 6, 13), креста (рис. 6: 15), креста в круге (рис. 6: 16), креста под аркой. Последняя метка аналогична херсонесским (Якобсон, 1959, с. 319, рис. 173б, № 276).

Калиптеры имеют гладкую поверхность, либо они снабжены водосливными валиками, сходящимися под углом друг к другу, и уступом-упором для расположенных выше по кровле калиптеров (рис. 7: 4). На отдельных калиптерах уступов нет, упором служит поперечный валик. Часть калиптеров с метками (рис. 6: 14). Обнаружены три фрагмента квадратной керамической плитки и фрагмент кирпича с орнаментом в виде завитков и полуовалов, прочерченных по сырой глине пальцем (рис. 6: 17).

Проблеме изготовления средневековой черепицы в Юго-Западном Крыму посвящена обширная литература (Якобсон, 1959, Паршина, 1974, с. 81–83; Якобсон, 1979, с. 26–27, 93, 147–148; Симонова, 1980, с. 108, 112, 119; Сидоренко, 1985, с. 94–96; 36, с. 128–132; Романчук, 2004, с. 76–79, 97–100; Завадская, 2008, с. 304–305; Моисеев, 2011, с. 172–190). Этот процесс был организован по аналогии с изготовлением черепицы в Византийской империи (Белов, Якобсон, 1953, с. 161). Черепичный комплекс из усадьбы поселения у Ливадийской больницы позволяет более полно представить продукцию гончарных мастерских Таврики.

Подводя итоги, можно прийти к следующему выводу.

Раскопанный комплекс усадьбы относится к периоду, который заметно выделяется появлением большого количества синхронных поселений в Юго-Западном Крыму, в том числе в Байдар-

ской долине (Якобсон, 1970, с. 20), на Южном берегу Крыма. Некоторые из них были связаны с керамическим производством: в Мисхоре, Гаспре, Ливадии, Кипарисном, урочище Суат возле Васильевки (Бабенчиков, 1957, с. 111–112; Паршина, 1974, с. 59–60; Баранов, 1979, с. 112–118; Паршина, Тесленко, Зеленко, 2001, с. 63–66). Во многих городских районах Ялты был обнаружен культурный слой с керамикой VIII–IX вв. (Новиченкова, 1982, с. 14). Находки керамики этого времени зафиксированы при археологических исследованиях в портовой части города (Бочаров, 2011, с. 12).

Данная раннесредневековая усадьба с каменным строительством, внутренним двором с черепичной кровлей – единственная исследованная на Южном берегу Крыма. Подобные жилые комплексы возводились в раннесредневековом Херсоне на месте усадеб римского времени, с сохранением античных традиций строительства и планировки жилых комплексов (Якобсон, 1959, с. 285–288). Планировка усадьбы поселения у Ливадийской больницы, использование черепичной кровли, отсутствие лепной керамики свидетельствуют о влиянии византийской культуры. Христианство являлось важной составляющей этой культуры. Среди находок усадьбы встречаются материальные свидетельства распространения христианства среди местного населения: фрагменты стеклянных лампад, черепица с метками в виде крестов, изображений птиц, с обозначением единичных греческих букв либо монограмм.

Начало процесса христианизации юго-западной и южнобережной Таврики относится к периоду V–VII вв. Со второй половины VI в. в инвентаре склепов и могил в регионе появились пряжки с христианской символикой, нагательные кресты (Айбабин, 2015, с. 326; Новиченкова, 2008, с. 25; Новиченков, Новиченкова, 2003, с. 35–38). В непосредственной близости от поселения у

Ливадийской больницы при прокладке коммуникаций выявлены орлиноголовая пряжка и браслеты с расширяющимися концами – характерные предметы погребального инвентаря и признаки существования там раннесредневекового могильника культуры типа Суук-Су (Турова, 2017, с. 94).

Местное население соприкасалось с влиянием средиземноморской (эллинистической, римской) цивилизации на протяжении многих веков и про-

должало сохранять давние традиции (Новиченкова, 1994, с. 86; Новиченкова, 2015, с. 159). В результате в раннем Средневековье были созданы условия для дальнейшего восприятия ее достижений в материальной и духовной сферах, что способствовало успешному распространению провинциальной византийской культуры и проявилось на примере усадьбы поселения VIII–IX вв. возле Ливадийской больницы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айбабин А.И. О локализации области Дори // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). Вып. XX. 2015. С. 311–332.
2. Бабенчиков В.П. Средневековая гончарная печь в Мисхоре // КСИА АН УССР. № 7 / Отв. ред. С.Н. Бибииков. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 111–112.
3. Баранов И.А. Раннесредневековая гончарная печь в урочище Суат близ Ялты // Античная древность и средние века. 1979. Вып. 16: С. 112–118.
4. Белов Г.Д., Якобсон А.Л. Квартал XVII (раскопки 1940 г.) // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп) / МИА. Вып. 34 / Отв. ред. Е.Ч. Скржинская. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 123–159.
5. Бочаров С.Г. Первые археологические исследования на территории средневекового поселения Джалита (Ялита) в 2010 г. // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме: Тезисы докладов / Отв. ред А.В. Глузман. Ялта: КГУ, 2011. С. 10–12.
6. Завадская И.А. Серии с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003–2005 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. 14. С. 291–315.
7. Моисеев Д.А. Археологический комплекс строительной керамики IX–X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп) // Древности 2011. Харьков: НТМТ, 2011. С. 172–190.
8. Моисеев Д.А. Особенности производства керамид IX–X вв. в Крыму и его связи с черепичным делом Тамани, Грузии и Нижнего Дона // Таврические студии. № 13 (2017). Симферополь: АНТИКВА, 2017. С.136–145.
9. Новиченков В.И., Новиченкова Н.Г. Об исторической топографии «Готской земли» в Крыму // Восток-Запад: Межконфессиональный диалог / Отв. ред. Ю.А. Бабинов. Севастополь: Стрижак-пресс, 2003. С. 35–42.
10. Новиченкова Н.Г. Отчет об археологических исследованиях средневекового памятника у Ливадийской больницы в 1981 году. Ялта, 1982. 30 с. // Архив МБУК «ЯИЛИМ».
11. Новиченкова Н.Г. Отчет об археологических исследованиях средневекового поселения у Ливадийской больницы в 1982 году. Ялта, 1983. 29 с. // Архив МБУК «ЯИЛИМ».
12. Новиченкова Н.Г. Работы Ялтинского краеведческого музея // Археологические открытия 1982 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 307–308.
13. Новиченкова Н.Г. Святилище Крымской яйлы // ВДИ. 1994. №2. С. 59–86.
14. Новиченкова Н.Г. Раннесредневековое поселение в Ливадии // VI Дмитриевские чтения. История Южного берега Крыма / Ред. З.Г. Ливецкая. Симферополь: Таврия-Плюс, 2002. С. 3–8.
15. Новиченкова Н.Г. Распространение христианства на Южном берегу Крыма (по материалам археологических исследований) // Город начинался с Поликура. Храм св. Иоанна Златоуста. Симферополь: Бизнес-Информ, 2008. С. 24–29.
16. Новиченкова Н.Г. Строительная керамика из раскопок усадьбы VIII–IX вв. в Ливадии возле Ялтинской городской больницы // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме. IV Международная научно-практическая конференция (Ялта, 25–26 апреля 2013 г.) / Отв. ред. А.В. Глузман. Ялта, РИО КГУ, 2013. С. 40–42.
17. Новиченкова Н.Г. Горный Крым: II в. до н.э. – II в. н.э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло: Симферополь: Н. Орианда, 2015. 216 с.

18. Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика / Ред. С.Н. Бибиков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 56–94.
19. Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морская торговля в Северном Причерноморье / Отв. ред. М.И. Гладких. Киев: Стило, 2001. С. 52–81.
20. Романчук А.И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. 238 с.
21. Сидоренко В.А. Метки-аббревиатуры и монограммы на черепице памятников Херсона // АДСВ. 1985. Вып. 22. С. 93–101.
22. Симонова Т.И. Метки на черепице кровли дома XIII–XIV вв. // АДСВ. Античные традиции и византийские реалии. 1980. Вып. 17. С. 104–120.
23. Список памятников местного и национального значения, расположенных на территории Автономной Республики Крым (по состоянию на 01.01.2004 г.). Симферополь: Респ. ком. по охране культ. наследия АРК. 2004. 487 с.
24. Турова Н.П. Раннесредневековый могильник Ливадия и его археологическое окружение // История и археология Крыма. 2017. Вып. VI. С. 94–100.
25. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. № 63. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 362 с.
26. Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. № 168. 1970. 224 с.
27. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л. 1979. 164 с.

Информация об авторе:

Новиченкова Наталья Георгиевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, МБУК «Ялтинский историко-литературный музей» (г. Ялта, Россия), доцент, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) в г. Ялта ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского; gursenano2@gmail.com

DISSEMINATION OF PROVINCIAL BYZANTINE CULTURE IN THE SOUTHERN COAST OF CRIMEA BASED ON THE MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE SETTLEMENT NEAR THE LIVADIA HOSPITAL

N.G. Novichenkova

The materials of excavations of the homestead of medieval settlement of the 8th – 9th centuries AD, discovered and explored near the Livadia hospital in 1981–1982, on the Southern coast of Crimea, are presented in the paper. The manor was built on an artificial terrace on the eastern slope of the hill, on which the cultural layer of the vast settlement, now built up with new buildings, was spread. Excavations revealed the courtyard, parts of residential and farm buildings with abundant finds related to the life and sudden destruction of the estate complex as a result of a natural disaster (earthquake or landslide). The remains of settlements and pottery workshops of the 8th – 9th centuries are also known in other places of the Southern coast of Crimea, including the territory of Yalta and in its environs. A diverse material composition of finds from the excavations of the settlement near the Livadia hospital is stored and exhibited in the Yalta Historical and Literary Museum.

Keywords: archaeological investigations, Southern coast of Crimea, settlement of the 8th – 9th centuries AD, Livadia hospital, homestead, cultural layer, construction residues, red clay pottery, roof tile, building ceramics, solenes / tegulae, kalupter / imbrices, craft marks, amphorae.

REFERENCES

1. Aibabin, A. I. 2015. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 20, 311–332 (in Russian).
2. Babenchikov, V. P. 1957. In Bibikov, S. N. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN USSR (Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR)* 7. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian Soviet Socialist Republic, 111–112.

3. Baranov, I. A. 1979. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka)* 16. 112–118 (in Russian).
4. Belov, G. D., Yakobson, A. L. 1953. In Skrzhinskaya, E. Ch. (ed.). *Materialy po arkhologii Yugo-Zapadnogo Kryma (Khersones, Mangup) (Materials on the archaeology of the South-Western Crimea (Chersonesus, Mangup))* Series: *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 34. Moscow: the USSR Academy of Sciences, 123–129 (in Russian).
5. Bocharov, S. G. 2011. In Gluzman, A. V. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie Prichernomor'ia: izuchenie i ispol'zovanie v obrazovanii i turizme (Historical and Cultural Heritage of the Black Sea Area: Studying and Use in Education and Tourism)*. Yalta: Crimean University for the Humanities, 10–13 (in Russian).
6. Zavadskaya, I. A. 2008. In *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (14), 291–315 (in Russian).
7. Moiseev, D. A. 2011. In *Drevnosti 2011 (Antiquities 2011)*. Kharkov: Kharkov Historical and Archaeological Society, 172–190 (in Russian).
8. Moiseev, D. A. 2017. In *Tavrisheskie studii (Tauride Studios)* (13), Simferopol: "ANTIQUA" Publ., 136–145 (in Russian).
9. Novichenkov, V. I., Novichenkova, N. G. 2003. In Babinov, Yu. A. (ed.). *Vostok-Zapad: Mezkhkonnatsional'nyi dialog (East-West: Interfaith Dialogue. Collection of scientific papers)*. Sevastopol: "Strizhak-press" Publ., 35–42 (in Russian).
10. Novichenkova, N. G. 1982. *Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniiax srednevekovogo pamiatnika u Livadiiskoi bol'nitsy v 1981 godu (Report on archaeological studies of a medieval monument near the Livadia Hospital in 1981)*. Yalta. Archive of Yalta Historical-Literary Museum.
11. Novichenkova, N. G. 1983. *Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniiax srednevekovogo pamiatnika u Livadiiskoi bol'nitsy v 1982 godu (Report on archaeological studies of a medieval monument near the Livadia Hospital in 1982)*. Yalta. Archive of Yalta Historical-Literary Museum.
12. Novichenkova, N. G. 1984. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkhologicheskie otkrytiya 1982 goda (Archaeological Discoveries 1982)*. Moscow: "Nauka" Publ., 307–308 (in Russian).
13. Novichenkova, N. G. 1994. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 1. 121–130 (in Russian).
14. Novichenkova, N. G. 2002. In Livytskaya, Z. G. (ed.). *VI Dmitrievskie chteniia. Istoriia Yuzhnogo berega Kryma (VI Dmitriev readings. History of the southern coast of Crimea)*. Simferopol: "Tavria-Plus" Publ., 3–8 (in Russian).
15. Novichenkova, N. G. 2008. In *Gorod nachinalsia s Polikura. Khram sv. Ioanna Zlatousto (The Town Started with Polikur. Church of St. John Chrysostom)* Simferopol: "Biznes-Inform" Publ., 24–29 (in Russian).
16. Novichenkova, N. G. 2013. In Gluzman, A. V. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie Prichernomor'ia: izuchenie i ispol'zovanie v obrazovanii i turizme (Historical and Cultural Heritage of the Black Sea Region: Study and Use in Education and Tourism)*. Yalta: Crimean University for the Humanities, 40–42 (in Russian).
17. Novichenkova, N. G. 2015. *Gornyi Krym: II v. do n.e. – II v. n.e. Po materialam raskopok sviatilishcha u perevala Gurzufskoe Sedlo (The Mountain Crimea in the 2nd c. BC. – 2nd c. AD. Based on Materials from the Excavations of a Sanctuary near the Gurzufskoe Sedlo Pass)*. Simferopol: "N. Orianda" Publ. (in Russian).
18. Parshina, E. A. 1974. In Bibikov S. N. (ed.). *Feodalnaya Tavrika (Feudal Taurica)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 56–94 (in Russian).
19. Parshina, E. A., Teslenko, I. B., Zelenko, S. M. 2001. In Gladkikh, M. I. (ed.). *Morskaia trgovlia v Severnom Prichernomor'e (Sea Trade in the Northern Pontic)*. Kiev: "Stilos" Publ., 52–81 (in Russian).
20. Romanchuk, A. I. 2004. *Stroitel'nye materialy vizantiiskogo Khersona (Building Materials of Byzantine Herson)*. Ekaterinburg: Ural University Publ. (in Russian).
21. Sidorenko, V. A. 1985. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka)* (22). 93–101 (in Russian).
22. Simonova, T. I. 1980. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka)* (17). 104–120 (in Russian).
23. 2004. *Spisok pamiatnikov mestnogo i natsionalnogo znacheniya, raspolzhenykh na territorii Avtonomnoi Respubliki Krym (po sostoianiu na 01.01.2004 g.) (The List of Sites of Local and National Significance Located in the Territory of Autonomous Republic Crimea (as of 01.01.2004))*. Sim-

feropol: The Republic committee of preservation of cultural legacy of Autonomous Republic Crimea (in Russian).

24. Turova, N. P. 2017. In *Istoriia i arkheologiiia Kryma (History & Archaeology of Crimea)* 6. 94–100 (in Russian).

25. Yakobson, A. L. 1959. *Rannesrednevekovyi Khersones. Ocherki istorii material'noi kul'tury (Early Medieval Chersonesos. Essays on the History of Material Culture)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 63. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).

26. Yakobson, A. L. 1970. *Rannesrednevekovye sel'skie poseleniia Yugo-Zapadnoi Tavriki (Early Medieval Rural Settlements of Southwest Taurica)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 168. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

27. Yakobson, A. L. 1979. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki (Ceramics and Ceramic Production of Medieval Taurica)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Novichenkova Natalia G. Candidate of Historical Sciences, Yalta Historical and Literary Museum. Pushkinskaya St., 5, Yalta, 296035, the Republic of Crimea, Russian Federation; Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) "Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky". Sevastopolskaya St., 2, Yalta, 296035, the Republic of Crimea, Russian Federation; gursenano2@gmail.com

Статья принята в номер 01.03.2020 г.

УДК 903.5 903.04

<https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.78.92>

**ЗАХОРОНЕНИЕ САЯНТУЙСКОГО ТИПА
МОГИЛЬНИКА БУДУН 2 (ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ
ОЗЕРА БАЙКАЛ) И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО РИТУАЛА
У НАСЕЛЕНИЯ ПРИБАЙКАЛЬЯ В XIII–XIV ВВ.**

© 2020 г. А.В. Харинский, О.В. Орфинская, М.А. Портнягин

В 1978 г. на могильнике Будун 2, в Ольхонском районе Иркутской области В.В. Свиным раскопано одиночное захоронение. Над могилой располагалась каменная кладка овальной формы. Под ней обнаружена овальная могильная яма глубиной 40 см. На дне ямы стояла деревянная колода, в которой находились останки погребенного. Он располагался вытянуто, на спине, головой на северо-восток. Вместе с погребенным в могиле найден берестяной колчан, железный наконечник стрелы, нож, бронзовый календарь-амулет и некоторые другие вещи. Судя по ним, время сооружения могилы можно датировать серединой XIII – началом XIV в. В это время южная часть Прибайкалья входит в состав Монгольской империи. Среди монголов и покоренных ими народов получает распространения саянтуйский погребальный ритуал. К числу захоронений, в которых прослеживаются характерные черты этого ритуала, и относится могила с некрополя Будун 2.

Ключевые слова: археология, Прибайкалье, Монгольская империя, погребальный ритуал, надмогильная кладка, человеческие останки, погребальный инвентарь, календарь-амулет, текстиль, погребения саянтуйского типа.

Введение

Могильник Будун 2 находится в Ольхонском районе Иркутской области, в северной части острова Ольхон, в 2,5 км к северо-западу от пос. Харалгай (Улан-Хушин), в северной части мыса Будун. Памятник открыт в 1969 г. В.В. Свиным и частично исследован отрядом под его руководством в 1978 г. Вскрыто одно захоронение, в котором обнаружен бронзовый диск-календарь с изображением животных, символизирующий 12-летний восточный цикл. По мнению В.В. Свиного, диск относится ко времени существования киданьской империи Ляо (X–XII вв.). Этим же периодом датировано и погребение, в котором он был найден (Свинин, Горюнова, с. 105). При этом В.В. Свинин не привел никаких аргументов, подтверждающих его выводы.

Материалы могильника Будун 2 не были опубликованы при жизни В.В. Свиного. Небольшая информа-

ция, посвященная им, и схематичные картинки захоронения и вещей, обнаруженных в нем, были приведены в дипломной работе студента 5 курса Иркутского государственного университета Б.Б. Дашибалова в 1984 г. (Дашибалов, 1984). После смерти В.В. Свиного в 2012 г., часть вещей из могильника Будун 2 была найдена, как и полевые чертежи, выполненные В. Ворониным и В. Саркисовым. Кости погребенного в могиле человека и сопровождающие его останки животных обнаружены не были. Несмотря на фрагментарность данных о погребении, раскопанном в 1978 г., было решено вновь вернуться к его материалам, сделав их достоянием научного сообщества.

Погребение

На могильнике Будун 2, расположенном у северо-восточного подножия горы Будун с высотной отметкой 561,7 м, в 1978 г. вскрыто одно погребение. На его месте заложен раскоп 3×4 м,

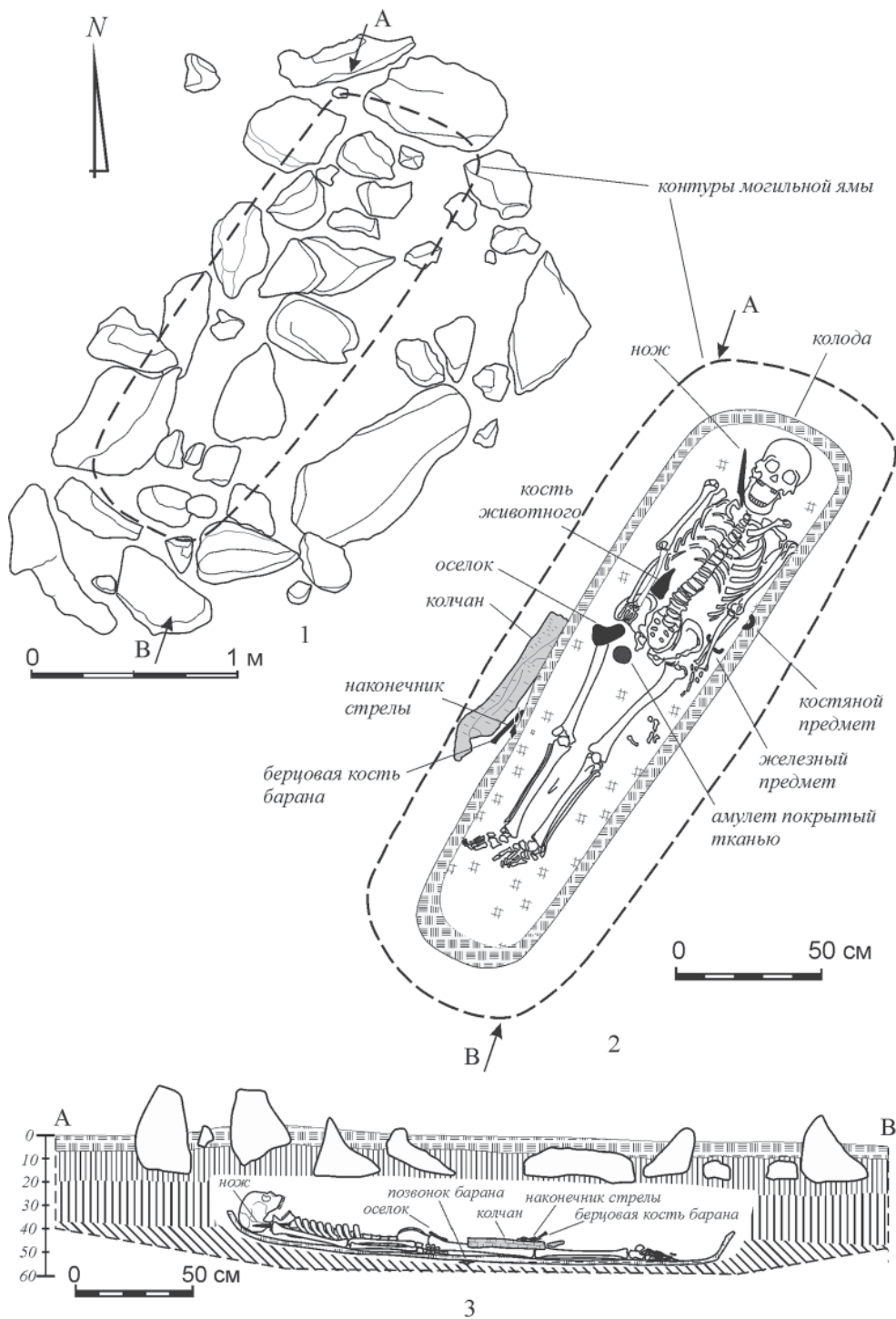

Рис. 1. Могильник Будун 2, погребение 1. 1 – надмогильная кладка; 2 – останки погребенного; 3 – продольный разрез погребения.

Fig. 1. Budun 2 burial ground, burial 1. 1 – grave masonry; 2 – remains of the buried; 3 – longitudinal cross-section of the burial

ориентированный длинными стенками по линии с азимутом 15°. Надмогильная кладка овальной формы ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Ее размеры 1,8×3,2 м (рис. 1: 1). Конструкция сложена в один слой из неплотно прилегающих друг к другу камней. В центре кладки отмечены камни размером от 9×14 см до 33×52 см, по периметру конструкции располагались более крупные камни размером от 17×18 см до 46×103 см. Практически на всей площади раскопа, на уровне основания камней кладки зафиксированы фрагменты гладкостенной керамики.

Под кладкой, на глубине 25 см от современной поверхности земли, стали четко проступать контуры могильной ямы овальной формы. Ее размеры 88×248 см, глубина 40 см, стенки слегка наклонены внутрь. Костяк находился на глубине 30–45 см от поверхности земли. Он располагался в листовничной колоде, от которой сохранилась лишь нижняя часть с дном и стенками. Колода овальной формы. Ее длина 220 см, ширина в изголовье 57 см, в ногах – 40 см, сохранившаяся высота 15 см. Толщина стенок колоды 5–10 см. Погребенный лежал вытянуто, на спине (рис. 1: 2). Его длина 183 см. Кисть правой руки покоилась на бедре, левой руки располагалась возле бедра. Анатомический порядок костяка не нарушен, он ориентирован черепом по линии с азимутом 35°. Лицо погребенного обращено вверх.

С правой стороны от костяка, за пределами колоды, обнаружен берестяной колчан. Он располагался между стенкой ямы и колодой, напротив бедренной и верхней части берцовой кости погребенного. Судя по полевым чертежам, колчан цилиндрической формы, длиной около 50 см. Его первоначальную ширину достоверно установить не удалось, вероятно, она была около 20 см. Между колчаном и колодой, напротив коленного сустава, в могиле найдена берцовая кость барана. Она распола-

галась наклонно и, вероятно, была обращена нижним эпифизом вверх и на юго-запад. Над берцовой костью барана найден железный наконечник стрелы с черешком и костяным свистунком, в котором сохранилась труха от древка (рис. 2: 4). Острие стрелы располагалось в 5 см к северо-востоку от эпифиза берцовой кости, обращенного вверх.

На верхнем эпифизе правой бедренной кости погребенного найден каменный оселок (рис. 2: 1). К югу от него, между лобковой костью таза и эпифизом бедренной кости, обнаружен круглый бронзовый календарь-амулет (рис. 2: 5), завернутый в ткань. Вероятно, оселок вместе с амулетом находились в матерчатой сумочке, которая была прикреплена с правой стороны к поясу покойника. Ее следы сохранились на амулете.

Между костяком и колодой зафиксирован слой бело-зеленой тестообразной массы, которая при высыхании крошилась. В составе массы различается неперегнивший черный волос (возможно, остатки войлока, которым была выстлана колода). Под колодой, в центре, на уровне верхней части бедренных костей найден позвонок барана.

Погребальный инвентарь

В захоронении вместе с человеческим костяком обнаружено несколько находок, располагавшихся в разных частях могильной ямы. К сожалению, часть из них к настоящему времени утрачена. Не сохранился берестяной колчан, кости животных, которые найдены в могиле, костяное изделие, располагавшееся возле левой руки погребенного. От железного ножа и пряжки (кресала?) сохранились только рисунки. Сами же вещи были утрачены.

Предметы из Будуна 2, исходя из их функционального назначения, можно разбить на несколько категорий: бытовые вещи – оселок, пряжка (кресала?), нож; вооружение – колчан, наконечник стрелы; предметы культа – календарь-

Рис. 2. 1–5 – могильник Будун 2, погребение 1. 1 – оселок; 2 – железная пряжка (кресало?); 3 – железный нож; 4 – наконечник стрелы с костяным свистунком; 5 – бронзовый календарь-амулет; 6 – календарь-амулет с Шайгинского городища (Древности..., 2013. С. 24); 7 – календарь-амулет с Ананьевского городища (Древности..., 2013, С. 196).

Fig. 2. 1–5 – Budun 2 burial ground, burial 1. 1 – fine stone; 2 – iron buckle (anvil?); 3 – iron knife; 4 – arrowhead with a bone whistle; 5 – bronze calendar amulet. 6 – calendar amulet from Shaiginsky hillfort (Antiquities..., 2013. P. 24); 7 – calendar amulet from Ananievsky hillfort (Antiquities..., 2013, P. 196).

амулет. Оселком служил плоский камень серого цвета, по форме больше напоминающий неправильный овал (рис. 2: 1). Его размер 5,4×8,1 см. Средняя часть оселка сточена, в результате чего его толщина в центре составляет 0,7 см, а по краям 1 см и 1,3 см.

Сломанное пополам изделие из железа (рис. 2: 2), судить о котором, как и о железном ноже из погребения, можно только по рисунку, по очертаниям напоминает пряжку или кресало. Форма изделия в разрезе неизвестна. От его основания шириной 1 см с двух про-

твояположных концов отходят дужки такой же ширины, расположенные к основанию под острым углом.

Нож имел прямой обушок, который слегка изгибается в сторону острия (рис. 2: 3). Его длина 17,6 см. Лезвие прямое с небольшим изгибом в сторону острия. Длина лезвия 11,7 см, ширина у основания 1,9 см. Между лезвием и черешком ни со стороны лезвия, ни со стороны обушка уступов нет. Место перехода лезвия в черешок обозначено тупыми углами.

Для описания наконечника из Будуна 2 воспользуемся терминологией, предложенной Ю.С. Худяковым (Худяков, 1980). Основываясь на ней, его следует отнести к классу железных, отделу черешковые, группе плоских, типу верхнеярусных. Наконечник с остроугольным острием, выступающими тупыми крыльями, пологими плечиками и упором. Длина наконечника – 10,3 см; длина пера – 5,6 см; длина черешка – 4,7 см; расстояние от острия до основания крыльев – 1,6 см; расстояние от острия до краев крыльев – 2,2 см; ширина пера в районе крыльев – 3 см, ширина пера у основания крыльев – 2,2 см; толщина пера – 0,2 см; ширина упора 0,9 см, диаметр черешка в основании 0,5 см. Вес наконечника 15 г. На черешке сохранился полый биконический костяной свистунок. Длина свистунка – 2,8 см, наименьший диаметр по краям свистунка – 1 см, наибольший диаметр в средней части свистунка – 1,5 см. Вес свистунка 3 г (рис. 2: 4).

Верхнеярусные наконечники появляются в Приольхонье в X в. и продолжают использоваться до XIII–XIV вв. Они, по всей видимости, были исходными формами для нижнеярусных и пламевидных наконечников, которые впервые появляются на западном берегу Байкала в XIII в. (Харинский, 2001, с. 140). Два подобных наконечника найдены на о. Ольхон в захоронении № 1 могильника Хужиртуй III (Харинский, 2001, рис. 52: 2, 3) и один в погребении

№ 3 могильника Хужир II (Харинский, 2001, рис. 60: 8). Не очень часто, но подобные наконечники встречаются и в районах, расположенных по соседству с побережьем озера Байкал. Один из них найден в погребении № 13 могильника Шебуты 3, датирующемся XIII–XIV вв., в Ангарской долине (Николаев, 2004, рис. 75: 8). Другой из них обнаружен на берегу р. Онон (Восточное Забайкалье) в захоронении из пади Амголон, относящемся к концу XII–XIII вв. (Ковычев, 1981, рис. 2: 1).

Бронзовый монетовидный календарь-амулет, найденный на могильнике Будун 2, круглой формы с круглым отверстием в центре и обломанной петлей для подвешивания (рис. 2: 5). Диаметр амулета 52 мм, диаметр отверстия 8 мм, толщина диска 3 мм, вес 33 г. Вокруг отверстия проходит бордюр шириной 1 мм. Отливка не очень хорошего качества. Изображения недостаточно рельефные, некоторые их детали не просматриваются.

На лицевой стороне календаря-амулета выделено три радиальные зоны, которые группируются вокруг центрального отверстия. Ширина первой 3 мм, второй 4,5 мм, третьей 9 мм. Между зонами располагаются бордюры шириной 1,5 мм, такой же бордюр проходит и по краю амулета. Во внутренней зоне нет изображений. В средней зоне находится 12 иероглифов – циклических знаков, во внешней зоне – изображения животных, соответствующих циклическим знакам. Изображения животных во внешней зоне отделены друг от друга поперечными бордюрами шириной 1 мм. В верхней части амулета, под обломанной петлей, располагается изображение тигра. За ним, по ходу часовой стрелки, следуют изображения: зайца, дракона, змеи, лошади, барана, обезьяны, курицы, собаки, свиньи, мыши и коровы.

С внешней стороны диска-амулета располагается две радиальных зоны. Во внутренней зоне шириной 3 мм нет изо-

бражений. Она отделяется от внешней зоны шириной 15 мм бордюром шириной 2 мм. По краю амулета проходит бордюр шириной 1 мм. Во внешней зоне находится изображение Бессмертного, над головой которого показан круглый нимб. Бессмертный помещен в правой части амулета, в левой части – антропоморфная фигура меньших размеров. В верхней части диска располагается изображение деревьев. В нижней части диска показаны волны или облака, ниже которых изображены аист, змея и черепаха.

В каталоге В.М. Алексеева 1912 г. приводится несколько дисков-амулетов из Эрмитажа, на лицевой стороне (аверсе) которых имеются изображения, схожие с диском с могильника Будун 2 (Алексеев, 1912, рис. 8, 9). Под № 16 в нем описывается диск-амулет (1661), на лицевой стороне которого во внутренней зоне располагаются иероглифы, обозначающие двенадцать циклических знаков: цзы, чоу, инь, мао, чэнь, сы, у, вэй, шэнь, ю, суй, хань. Во внешней зоне диска-амулета имеются изображения животных, соответствующих циклическим знакам: шу (мышь), ню (корова), ху (тигр), ту (заяц), лун (дракон), шэ (змея), ма (лошадь), ян (баран), хоу (обезьяна), цзы (курица), цюань (собака), чжу (свинья). Циклические знаки и изображения животных на обоих дисках одинаковые. Диск из Эрмитажа отличается от будунского тем, что на лицевой стороне у него есть еще одна средняя зона, заполненная орнаментом из ломанных линий. На его оборотной стороне изображен Дух звезды, «заведующий моей судьбой»; слева прислужник; сверху сосна, символ долговечности; внизу изображен аист (Алексеев, 1912, с. 9–10).

Полными аналогиями календаря-амулета из могильника Будун 2 являются календари-амулеты с Шайгинского городища, расположенного в Партизанском районе Приморского края (Древности чжурчжэней, 2013, с. 24) (рис. 2: 6),

и с Ананьевского городища Лазовского района Приморского края (Хорев, 2012, рис. 120: 7, с. 87; Древности чжурчжэней, 2013, с. 196) (рис. 2: 7). На оборотной стороне у календарей-амулетов из Приморья справа от отверстия под деревьями находится фигура божества Большой Медведицы в чиновничьем платье с символическим благопожелательным скипетром в руках. Налево сидит дух звезды человеческого благополучия. Внизу символы долговечности: бессмертный аист, черепаха и змея. Эти изображения представляют собой форму благопожелания: «Да будет мне радость и счастье, и чиновничий успех (жалование) и долговечность» (Артемьева Н.Г., Артемьева П.А., 2012).

Городища-крепости, на которых найдены календари-амулеты, были построены на территории Приморского края в период существования чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215–1233 гг.). Оно возникло в результате бегства части населения империи Цзинь во главе с князем Пусянь Ваньну во время монгольского завоевания в более безопасную восточную часть чжурчжэньской империи, где и было создано новое государство (Ивлева, 1993). В 1233 г. монгольская армия вторглась в Восточное Ся. Горные крепости были захвачены, государство чжурчжэней перестало существовать. После этих событий крепости так и не были восстановлены.

Включение территории Приморья и Прибайкалья в состав единой Монгольской империи создало условия для перемещения изделий, имеющих восточноазиатское происхождение в северные районы Азии и другие регионы, захваченные монголами. Возможно, чжурчжэньский календарь-амулет, копия которого найдена на берегах Байкала, был военным трофеем, а может быть, попал туда в результате торговых операций. Не исключая обеих версий, можно констатировать, что произошло это не раньше 20–30-х гг. XIII в., когда

Рис. 3. Могильник Будун 2, погребение 1. Многослойный фрагмент текстиля, покрывавшего амулет. 1 – лицевая сторона фрагмента: 1 – войлок, 2 – сшивная нить. 2 – оборотная сторона фрагмента: 1 – отдельная шерстяная нить. 3 – фрагмент, разделенный на две части (внутренние стороны): А – часть 1 имеющая на внешней стороне слой войлока: 1 – шерстяная нить; Б – часть 2: 2 – сшивные нити, 3 – узелок сшивной нити, 4 – шов, соединяющий два куска ткани 1 (маленький кусочек имеет существенно худшее состояние сохранности).

Fig. 3. Budun 2 burial ground, burial 1. Multilayer fragment of textile covering the amulet. 1 – front side of the fragment: 1 – felt, 2 – stitching thread. 2 – reverse side of the fragment: 1 – separate woolen thread. 3 – fragment divided into two parts (inner sides): А – part 1 with a felt layer on the outer side: 1 – woolen thread; В – part 2: 2 – stitching threads, 3 – stitching thread bundle, 4 – seam connecting two pieces of fabric 1 (the smaller piece has a significantly inferior preservation degree).

монголы захватили значительную часть империи Цзинь, и большое количество вещей отсюда стало распространяться по всей территории, контролируемой ими. С учетом этого, правомерней всего будет определять время сооружения захоронения с календарем-амулетом, раскопанного на могильнике Будун 2, в пределах середины XIII – начала XIV вв.

Исследования текстиля

Календарь-амулет, обнаруженный на могильнике Будун 2, находился в многослойном фрагменте ткани, состоящем из нескольких видов текстильных материалов. Исследование технологи-

ческих особенностей текстильных изделий проводилось по методике, разработанной в Центре исследования исторических и традиционных технологий Института Наследия им. Д.С. Лихачева (руководитель к.б.н. В.П. Голиков). Описание результатов исследования осуществлялось по стандартной схеме, которая соответствует требованиям международного текстильного центра СИЕТА.

Для определения структуры текстильных материалов и характеристики нитей в тканях применялись микроскопические методы в отраженном неполяризованном свете с использованием

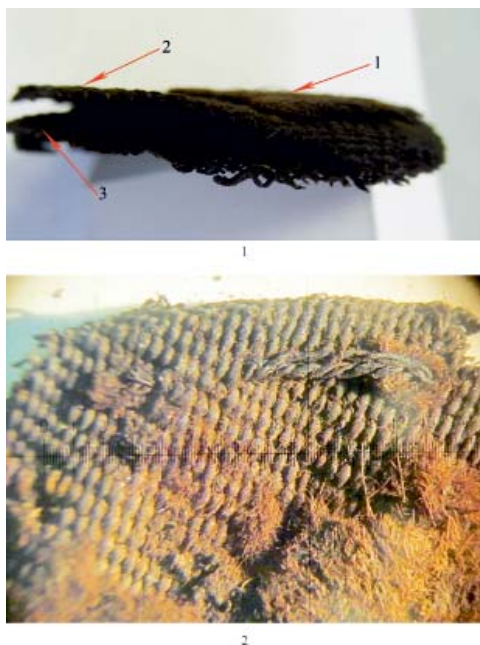

Рис. 4. Могильник Будун 2, погребение 1, текстиль с амулета. 1 – первая часть фрагмента, вид сбоку: 1 – слой войлока, 2 и 3 – два слоя ткани 1. 2 – микрофотография фрагмента ткани, где шивная нить выходит на поверхность. Вокруг отверстия хорошо видны остатки войлока.

Fig. 4. Budun 2 burial ground, burial 1, textile from an amulet. 1 – first part of the fragment, side view: 1 – felt layer, 2 and 3 – two layers of fabric 1. 2 – microphotograph of the fabric fragment where the stitching thread penetrates the surface. Felt remains are clearly visible around the opening.

текстильной лупы FlashMagnifier с увеличением до 10х и с помощью стереомикроскопа Stemi 2000-CS с увеличением до 100х. Для определения природы текстильных материалов, а также степени загрязнения и повреждения волокон применялась микроскопия в проходящем поляризованном свете с помощью микроскопа OLYMPUS BX41 с увеличением до 100–400х.

Многослойный фрагмент текстиля сохранился благодаря соседству с бронзовым амулетом круглой формы. На внешних сторонах фрагмента хорошо видна ткань, условно названная «ткань 1» (рис. 3: 1). На одной из сторон эта ткань частично перекрыта слоем войлока. По одному из краев фрагмента хорошо видны нити, проходящие сквозь ткань (шивные нити) (рис. 3: 2). На оборотной стороне фрагмента фиксируется след от металлического амулета. След представляет собой поверхность, припорошенную белесым порошкообразным составом (условно назовем слабый след).

В ходе исследования единый фрагмент распался на две части (рис. 3: 3). На рис. 3: 3 представлены внутрен-

ние стороны разделенного фрагмента. Часть 1, имеющая на внешней стороне войлок, состоит из двух слоев ткани, соединенных между собой шивными нитями (рис. 4: 1). Шивная нить проходила и через слой войлока, остатки которого фиксируются рядом с ней (рис. 4: 2). На внутренней стороне этой части хорошо виден след, аналогичный следу на внешней стороне полного фрагмента. И в том и в другом случае рядом с отпечатками фиксируются отдельные шерстяные нити. Если на внешней стороне фрагмента хорошо видна нить, проходящая от центра отпечатка (рис. 1: 2), и, следовательно, она могла быть привязана к амулету, то на внутренней стороне аналогичная нить проходит по краю отпечатка (рис. 3: 3А).

Между двух слоев ткани на первой части фрагмента с войлоком обнаружены остатки ткани отличной от ткани 1 (рис. 5: 1). Эта ткань названа «ткань 2». На поверхности ткани 2 и рядом с ней фиксируется слабый след из порошка белого цвета (рис. 5: 2).

Внутренняя сторона второй части фрагмента имеет неровную поверхность, которая образовалась за счет сжатия ткани. Складки зафиксированы несколькими крупными стежками, выполненными шивными нитями (рис. 5: 3). На ткани, собранной складками, выделяется участок, где проходил шов, соединяющий два кусочка ткани 1 (рис. 5: 3). При этом маленький кусочек имеет существенно худшее состояние

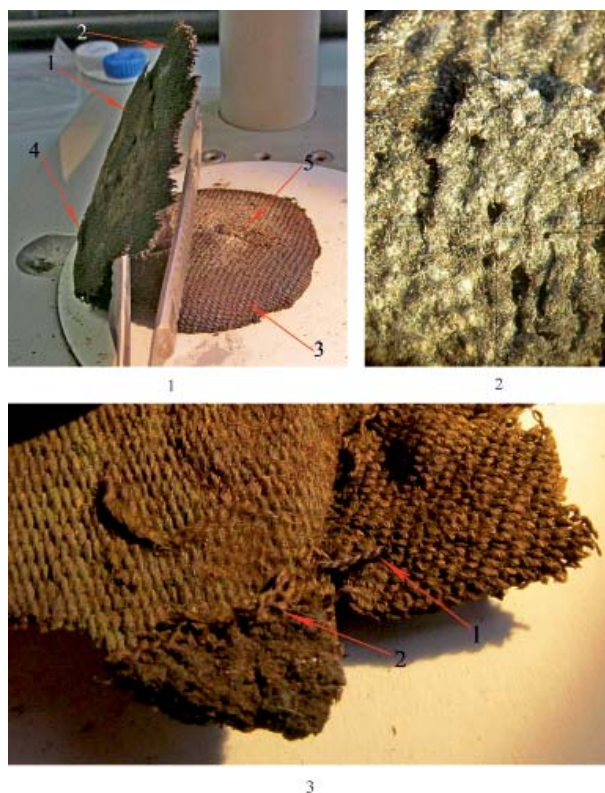

Рис. 5. Могильник Будун 2, погребение 1, текстиль с амулета. 1 – первая часть фрагмента в развернутом виде: 1 – слой войлока, 2 и 3 – ткань 1, 4 – шивные нити, соединяющие между собой два слоя ткани 1, 5 – ткань 2. 2 – микрофотография ткани 2. 3 – внутренняя сторона второй части фрагмента: 1 – шивная нить, 2 – участок соединения двух одинаковых тканей с разной степенью сохранности.

Fig. 5. Budun 2 burial ground, burial 1, textile from an amulet. 1 – first part of the fragment, expanded view: 1 – felt layer, 2 and 3 – fabric 1, 4 – stitching threads interconnecting the two layers of fabric 1, 5 – fabric 2. 2 – microphotograph of fabric 2. 3 – inner side of the second part of the fragment: 1 – stitching thread, 2 – binding area of two identical tissues with different preservation degree.

сохранности, чем ткань рядом. На сжатой поверхности почти нет следов амулета, в то время как на противоположной стороне они четко фиксируются. При раскрытии второй части выявились два слоя ткани 1. При этом стежки, фиксирующие сжатую ткань, соединяют ее с тканью, расположенной под ней. Самый четкий отпечаток зеленого цвета, характерный для продуктов коррозии медьсодержащих металлов, фиксируется именно внутри второй части. На противоположной стороне от сжатой ткани, на следующем соединенном с ней слое, отпечаток очень четкий, а вот на следующем слое он отсутствует.

В результате исследования сложилась схема расположения слоев, которая представлена на рис. 6, где показаны ткани, слои, поверхности и отпечатки.

В результате проведенной работы были выявлены два вида ткани (ткань 1 и 2), войлок, шивные нити и отдельные шерстяные нити.

Ткань 1. Ткань полотняного переплетения (рис. 7: 1). Нити основы и утка имеют примерно одинаковые характеристики; шерсть коричневого цвета, с достаточно равномерной средней Z круткой, толщина нитей 0,6–0,8 мм. Расстояние между нитями основы отсутствует, нити расположены очень

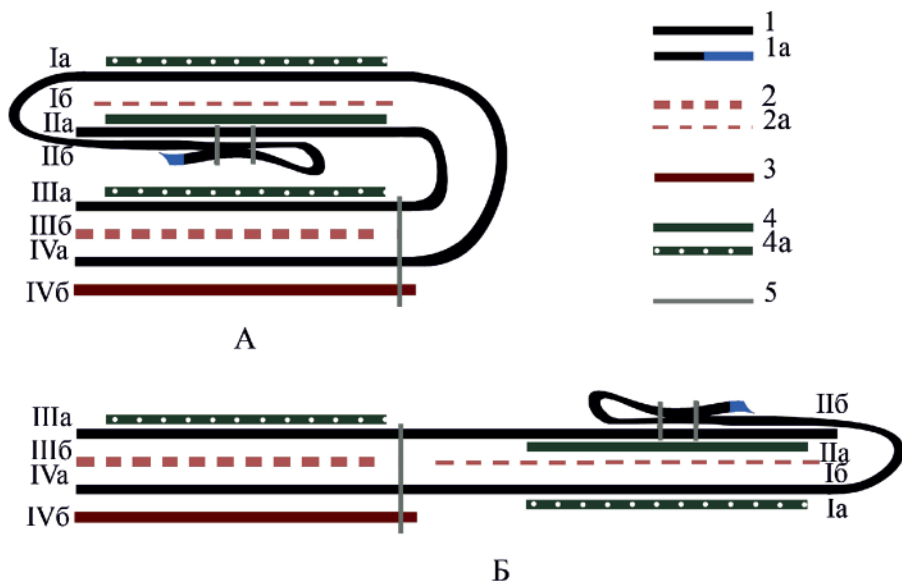

Рис. 6. Могильник Будун 2, погребение 1, текстиль с амулета. Схема расположения слоев. Римскими цифрами с I по IV обозначены поверхности, буквами «а» и «б» – стороны этих поверхностей. А – расположение слоев в реальном фрагменте; Б – «развернутый» фрагмент. 1 – ткань 1, 1а – участок соединения двух кусочков ткани 1; 2 – ткань 2, 2а – возможно ткань 2; 3 – войлок; 4 – четкий зеленый след круглого амулета, 4а – слабый светлый, почти белый след круглого амулета; 5 – шивные нити. На поверхности 1а – слабый отпечаток. На поверхности 1б – отпечатка нет. На поверхности 2а – четкий отпечаток зеленого цвета. Можно предположить, что между I и II слоями проходила ткань 2. Поверхность 2б – сжатая ткань. Поверхность 3а – слабый отпечаток. Поверхность 3б – белый налет, как и в случае слабого отпечатка.

Между III и IV слоем проходил слой ткани 2. IVа – ткань 1. IVб – войлок.

Fig. 6. Budun 2 burial ground, burial 1, textile from an amulet. Layout of the layers. Roman numerals I through IV indicate the surfaces, and the letters "a" and "b" denote the sides of the surfaces. A – arrangement of the layers in the actual fragment; B – "expanded" view of the fragment. 1 – fabric 1, 1a – interconnection area between the two pieces of fabric 1; 2 – fabric 2, 2a – possibly fabric 2; 3 – felt; 4 – clear green trace of a round amulet; 4a – faint, light, almost white trace of a round amulet; 5 – stitching threads. On the surface 1a – minor imprint. There is no imprint on the 1b surface. On the surface 2a – a clear imprint of a green colour. It can be assumed that tissue 2 passed between layers I and II. Surface 2b – compressed fabric. Surface 3a – minor imprint.

Surface 3b – white coating, as in the case of a faint imprint.

A layer of issue 2 passed between layers III and IV. IVa – fabric 1. IVb – felt.

плотно. Промежутки между нитями утка около 0,5 мм. Плотность ткани 26/8 н/см. Нити достаточно ровные как по толщине, так и по степени крутки. Ткань имеет высокую плотность по нитям основы.

Ткань 2. Ткань в крайне плохом состоянии (рис. 7: 2, 3). Переплетение полотняное. Нити одной из систем слегка толще нитей из другой системы. Примерная толщина 0,5–1,0 мм. Крутка неравномерная. Возможно, более тонкие нити имеют второй порядок крутки.

Плотность не определяется.

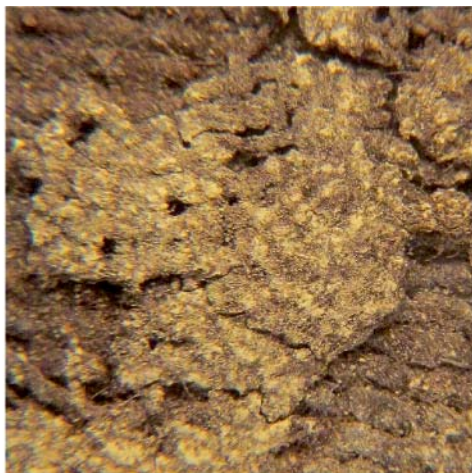
Войлок. Слой войлока имеет неоднородную окраску в коричневой гамме. Толщина сохранившегося слоя около 1 мм (рис. 7: 4).

Шивные нити. Жилы животного. Нити работают в одно или в два сложения (рис. 8: 1). На одном участке имеется узелок (рис. 8: 2). Зафиксированы нити с круткой Z, S, 2z и с круткой S, 3z.

Отдельные нити. Шерсть коричневого цвета с неравномерной Z круткой

1

2

3

4

Рис. 7. Могильник Будун 2, погребение 1, текстиль с амулета. 1 – микрофотография ткани 1 (сторона квадрата 1 см). 2 – микрофотография ткани 2 (сторона квадрата 1 см). 3 – микрофотография ткани 2 при большем увеличении. 4 – микрофотография войлока (сторона квадрата 1 см).

Fig. 7. Budun 2 burial ground, burial 1, textile from an amulet. 1 – microphotograph of fabric 1 (square side 1 cm). 2 – microphotograph of fabric 2 (square side 1 cm). 3 – microphotograph of tissue 2 at higher magnification. 4 – microphotograph of felt (square side 1 cm).

толщиной 0,8 мм. Нити похожи на нити ткани 1.

Многослойный фрагмент является частью сшитого изделия. Форма данного предмета не определяется. Можно высказать только предположение, что амулет был зашит между двух слоев ткани 1. Возможно, ткань 2 проходила по всей внутренней поверхности. Сшивные нити из жил обычно ис-

пользовали для пошива обуви, толстой одежды или головных уборов из кожи, то есть изделий, которые должны выдерживать нагрузку при длительной носке. Система пошива очень грубая. Такая система могла применяться для погребального инвентаря. Отпечатки, имеющие одинаковую форму, но разный след, а также отсутствие следов там, где он должен быть, могут указы-

1

2

Рис. 8. Могильник Будун 2, погребение 1, текстиль с амулета. Сшивная нить: 1 – общий вид нити; 2 – узелок сшивной нити.

Fig. 8. Budun 2 burial ground, burial 1, textile from an amulet. Stitching thread: 1 – general view of the thread; 2 – stitching thread knot.

вать на то, что некие слои утрачены. Возможно, было два амулета. Отдельные нити между слоями могли быть связаны с металлическими предметами, например, привязаны к ним или попали между слоями случайно, являясь частями ткани 1. Несмотря на то, что дно колоды, возможно, было покрыто войлоком, войлок на фрагменте не является частью подстилки, так как он связан непосредственно со слоями ткани.

Заключение

Захоронение, раскопанное на могильнике Будун 2, обладает рядом особенностей, благодаря которым его можно соотнести с одной из погребальных традиций первой половины II тыс., выделенных для территории Байкальского региона (Харинский, 2001, с. 86–95; Крадин и др., 2016). К числу основных черт будунского захоронения относятся следующие: а) сооружение вертикаль-

ной могильной ямы; б) наличие овальной каменной кладки, перекрывающей могильную яму; в) индивидуальное захоронение; г) труположение вытянутое на спине, руки вдоль туловища; д) наличие деревянной внутримогильной конструкции – колоды; е) ориентировка погребенного головой на северо-восток; ж) наличие с правой стороны колоды вертикально установленной берцовой кости барана (овцы); з) расположение под центром колоды позвоночника барана. Все перечисленные элементы погребального ритуала позволяют характеризовать захоронение могильника Будун 2 как погребение саянтуйского типа (Харинский, 2015).

В XIII–XIV вв. большая часть байкальского побережья входила в область Баргуджин-Токум, самая крупная народность которой – баргуты – признала власть Чингиз-хана в 1201 г. (Зориктуев, 2011, с. 146). Еще в XI–XII вв.

монголоязычные меркиты, жившие к югу от Баргуджин-Токума, оказывали сильное культурное влияние на своих северных соседей, в том числе и в вопросах погребальной практики. Распространившаяся в их среде традиция хоронить умерших в деревянных внутримогильных конструкциях в начале II тыс. начала распространяться и на побережье Байкала. В 1204 г. Чингис-хан разбил меркитов в битве при урочище Харадал-хучжаур. С этого времени они перестали играть активную роль в политических процессах, протекавших в Центральной Азии. Скрываясь от преследования Чингис-хана, часть меркитов в начале XIII в. перебралась на побережье Байкала, расселившись среди проживавших там баргутов и хори.

К середине XIII в. монголы подчи-

нили своей власти всю Центральную Азию, в том числе и южную часть Байкальского региона, став его основным населением. Сложившийся в их среде саянтуйский погребальный ритуал становится более унифицированным. Формирующие его элементы приобретают устойчивые очертания. Вместе с монгольскими завоевателями он распространяется в различные концы Евразии, оказывая влияние на погребальные традиции покоренных народов. Как следствие этого процесса в Предбайкалье формируется его локальный вариант – ангинский погребальный ритуал. Захоронения саянтуйского типа и их ангинская разновидность оставались доминирующими на байкальском побережье вплоть до XV в. (Харинский, 2001, с. 86).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев В.М.* Описание китайских монетовидных амулетов и благожелательных медалей из коллекции императорского Эрмитажа. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1912. 59 с.
2. *Артемьева Н.Г., Артемьева П.А.* Календари-амулеты из чжурчжэньских памятников Приморья // Средневековые древности Приморья. Вып. 1 / Отв. ред. Н. Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 172–182.
3. *Горюнова О.И., Свинин В.В.* Археология. Ольхонский район. Остров Ольхон. Ч. 1. Иркутск: Арком, 1995. 140 с.
4. *Дашибалов Б.Б.* Погребальные памятники позднего средневековья Предбайкалья как источник этнической истории бурят. Дипломная работа студента 5 курса исторического факультета ИГУ. Иркутск, 1984 / Архив исторического факультета ИГУ. 100 л.
5. Древности чжурчжэней из Приморского края России / Ред.-сост. Сун Юйбинь, Н.Г. Артемьева. Пекин: Вэньу, 2013. 258 с.
6. *Зориктуев Б.Р.* Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Вост. лит.-ра., 2011. 278 с.
7. *Ивлиев А.Л.* Изучение государства Восточное Ся в КНР // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий / Отв. ред. В.Д. Ленков. Владивосток: Дальнаука. 1993. С. 8–17.
8. *Ковычев Е.В.* Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья / Отв. ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1981. С. 73–79.
9. *Крадин Н.Н., Харинский А.В., Бакиеева С.Е., Ковычев Е.В., Проконцев С.Д.* Археология империи Чингис-хана в Монголии и Забайкалье // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2016. № 6. С. 17–43.
10. *Николаев В.С.* Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. Владивосток, Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004. 306 с.
11. *Харинский А.В.* Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. – сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001. 198 с.
12. *Харинский А.В.* Монгольские погребения XIII–XIV вв. на территории Байкальского региона // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Т. 2 / Отв. ред. Та Ла. Хух-Хото: Наука, 2015. С. 531–537.
13. *Хорев В.А.* Ананьевское городище. Владивосток: Дальнаука. 2012. 339 с.
14. *Худяков Ю.С.* Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Информация об авторах:

Харинский Артур Викторович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ. Иркутский национальный исследовательский технический университет, (г. Иркутск, Россия); kharinsky@mail.ru

Орфинская Ольга Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Центр египтологических исследований РАН (ЦЕИ РАН) (г. Москва, Россия); orfio@yandex.ru

Портнягин Матвей Александрович, лаборант-исследователь Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии. Иркутский национальный исследовательский технический университет, (г. Иркутск, Россия); matirk@yandex.ru

A SAYANTUJ-TYPE GRAVE FROM THE BUDUN 2 CEMETERY (WEST COAST OF LAKE BAIKAL) AND SOME ASPECTS OF FUNERAL RITES FROM THE POPULATION OF THE BAIKAL REGION IN THE 13TH –14TH CENTURIES

A.V. Kharinskii, O.V. Orfinskaya, M.A. Portniagin

In 1978 V.V. Svinin excavated a single burial site on the Budun 2 burial ground, in the Olkhon region of the Irkutsk oblast. An oval-shaped masonry was constructed above the grave. An oval grave pit with a depth of 40 cm was found under it. The wooden block, in which there were remains of the buried person was discovered At the bottom of the pit. The buried person was located stretched, on the back, head to the northeast. The iron arrow tip, knife, bronze calendar-amulet and some other things were revealed alongside dead person. Judging by them, the time of construction of the grave can be dated to the middle of the 13th – the beginning of the 14th century. At this time, the southern part of Cis-Baikal region was a part of the Mongolian Empire. Sayantuj burial ritual was spreading among the Mongols and the peoples conquered by them. The studied burial from the Budun 2 is referred to the burials with the characteristic canons of this ritual.

Keywords: Baikal region, Mongol empire, funeral rite, grave masonry, human remains, burial inventory, calendar-amulet, textiles, burials of Sayantuj type.

REFERENCES

1. Alekseev, V. M. 1912. *Opisanie kitaiskikh monetovidnykh amuletov i blagopozhelatel'nykh medalei iz kolleksii imperatorskogo Ermitazha (Description of Chinese Coin-Shaped Amulets and Benevolent Medals from the Collection of the Imperial Hermitage)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).
2. Artem'eva, N. G., Artem'eva, P. A. 2012. In Artem'eva, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Primor'ia (Medieval Antiquities of Primorye)* 4. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 172–182 (in Russian).
3. Goriunova, O. I., Svinin, V. V. 1995. *Arkheologiya. Ol'khonskii raion. Ostrov Ol'khon. Ch.1. (Archaeology. Olkhonsky District. Olkhon Island. P. 1)*. Irkutsk: "Arkom" Publ., 140 s.
4. Dashibalov, B. B. 1984. *Pogrebal'nye pamiatniki pozdnego srednevekov'ia Predbaikal'ia kak istochnik etnicheskoi istorii buriat. Diplomnaia rabota studenta 5 kursa istoricheskogo fakul'teta IGU (Burial Monuments of the Late Middle Ages in the Baikal Region as a Source on Ethnic History of the Buryats. Thesis of the 5th Year Student of the History Department at ISU)*. Irkutsk. Archive of Faculty of History Irkutsk State University (in Russian).
5. Sun, Yuibin', Artem'eva, N. G. 2013. *Drevnosti chzhurchzhenei iz Primorskogo kraia Rossii (Antiquities of the Jurchen People from Primorsky Krai of Russia)*. Pekin, "Ven'u" Publ. (in Russian).
6. Zorikuev, B. R. 2011. *Aktual'nye problemy etnicheskoi istorii mongolov i buriat (Current Issues of the Ethnic History of the Mongols and Buryats)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
7. Ivliev, A. L. 1993. In Len'kov, V.D. (ed.). *Novye materialy po arkheologii Dal'nego Vostoka Rossii i smezhnykh territoriy (Recent Materials on the Archaeology of the Far East of Russia and the Adjacent Territories)*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 8–17 (in Russian).
8. Kovychev, E. V. 1981. In Kononov, P. B. (ed.). *Novoe v arkheologii Zabaikal'ia (Recent Information on the Archaeology of trans-Baikal Region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 73–79 (in Russian).

9. Kradin, N. N., Kharinskii, A. V., Baksheeva, S. E., Kovychev, E. V., Prokopets, S. D. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 17–43 (in Russian).

10. Nikolaev, V. S. 2004. *Pogrebal'nye komplekсы kochevnikov iuga Srednei Sibiri v XII–XIV vekakh: ust'-tal'kinskaia kul'tura (Nomads' Burial Complexes of the Middle Siberia South in the 12th–14th Centuries: Ust-Talkinskaya Culture)*. Vladivostok, Irkutsk: Institute of Geography SB RAS Publ. (in Russian).

11. Kharinskii, A. V. 2001. *Predbaikal'e v kon. I tys. do n.e. – ser. II tys. n.e.: genezis kul'tur i ikh periodizatsiia (Cis-Baikal Region in the Late 1st Millennium BC - mid- 2nd Millennium AD: Genesis and Periodization of Cultures)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

12. Kharinskii, A. V. 2015. In Ta La (ed.). *Drevnie kul'tury Severnogo Kitaia, Mongolii i Baikal'skoi Sibiri. T. 2 (Ancient cultures of the Northern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia. Vol. 2)*. Khukh-Khoto: “Nauka” Publ., 531–537 (in Russian).

13. Khorev, V. A. 2012. *Anan'evskoe gorodishhe (Ananyevskoye Fortified Settlement)*. Vladivostok: “Dal'nauka” Publ. (in Russian).

14. Khudyakov, Yu. S. 1980. *Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov (Armament of the Yenisei Kyrgyz)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Kharinskii Artur V. Doctor of Historical Sciences. Professor. Irkutsk National Research Technical University, Lermontova St., 83, Irkutsk, 664074, Russian Federation; kharinsky@mail.ru

Orfinskaya Olga V. Candidate of Historical Sciences. Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences (CESRAS), Leninskiy av., 29-8, Moscow, 119071, Russian Federation; orfio@yandex.ru

Portniagin Matvei A. Irkutsk National Research Technical University, Lermontova St., 83, Irkutsk, 664074, Russian Federation; matirk@yandex.ru

Статья принята в номер 01.03.2020 г.

КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА ЛЕСОСИБИРСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ И ГЕНЕЗИСА

© 2020 г. П.О. Сенотрусова, П.В. Мандрыка

Сравнение керамической посуды из поселений и погребений лесосибирской археологической культуры развитого Средневековья Ангаро-Енисейского бассейна позволило авторам определить ее разновидности. С учетом формы сосудов и орнамента выделены семь типов, которые объединяются общими чертами: преимущественно закрытой формой емкостей, орнаментацией верхней части, преобладанием гребенчатых оттисков, нанесенных отступанием, наколами или штамповкой, реже гладких накольчатых оттисков. Установлено совместное залегание сосудов разных типов на поселениях, городищах и в погребениях, при этом отмечена несколько большая численность сосудов горшковидных форм на енисейских комплексах, по сравнению с ангарскими памятниками. Формирование гончарной традиции лесосибирской культуры выводится из нескольких традиций предшествующего времени. Местный и западносибирский компоненты заимствованы от народов лесной зоны Средней и Западной Сибири, при этом они дополнялись влиянием кочевников Саяно-Алтая. Керамический комплекс лесосибирской культуры сложился на рубеже I и II тыс. н. э., и распространялся по региону с запада на восток в первой половине II тыс. н. э.

Ключевые слова: археология, Средняя Сибирь, Ангара, Енисей, развитое средневековье, лесосибирская культура, керамика, тип, традиция.

Введение

Имеющиеся материалы развитого Средневековья Ангаро-Енисейского бассейна позволили выделить лесосибирскую археологическую культуру (Мандрыка, Сенотрусова, 2018). Характерная для нее керамическая посуда впервые была зафиксирована в значительном количестве на поселенческих памятниках бассейна р. Енисей – многослойных стоянках Бобровка, Шилка-9, городище Лесосибирское-1, поселении Лесосибирское-2. Уже в первых публикациях материалов указанных объектов были отмечены некоторые особенности лесосибирской керамики, ее связь с металлургическими изделиями и металлургическими объектами. На могильнике Проспихинская Шивера-IV в Нижнем Приангарье зафиксировано присутствие сосудов с мелкогребенчатыми и накольчатыми оттисками в погребениях, что позволило провести корреляцию материалов и объединить эту керамику в одну культурно-хронологическую группу (Мандрыка, Бирюлева, Сенотрусова, 2013).

На сегодняшний день лесосибир-

ская керамика известна более чем на 30 памятниках Ангаро-Енисейского бассейна. Ее ареал занимает нижнее течение Ангары от Усть-Илимска до устья, в бассейне Енисея самые южные памятники локализованы в южной части Красноярской лесостепи, а северные – ниже Подкаменной Тунгуски (рис. 1). На обозначенной территории такая посуда бытовала не менее трехсот лет, при этом лесосибирская керамика морфологически и типологически неоднородна. При достаточно однообразном декоре эта керамика демонстрирует значительную вариативность форм, часть из которых не имеют истоков в материалах предшествующего времени.

В настоящей публикации проанализирована коллекция лесосибирских сосудов из Нижнего Приангарья и бассейна Енисея, что позволяет рассмотреть ее региональные особенности, поставить вопрос генезиса и дальнейшего развития подобной керамики.

Описание материалов

Для анализа лесосибирской керамики учтены коллекции ангарских и енисейских памятников, включающие

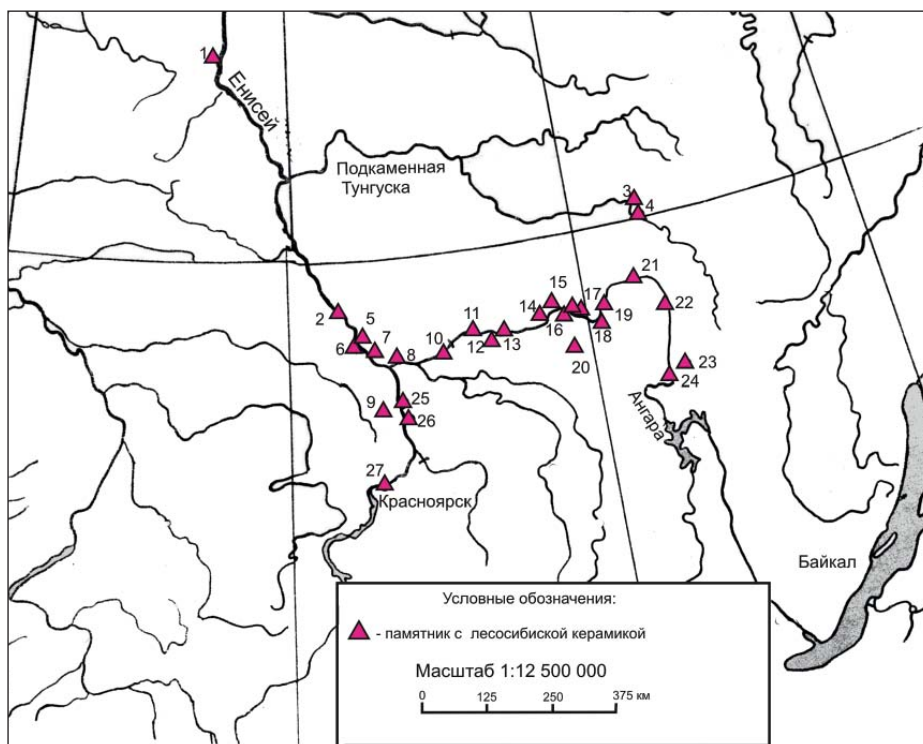

Рис. 1. Карта-схема размещения памятников с лесосибирской керамикой в Ангаро-Енисейском бассейне. 1 – Сургутиха; 2 – Чермыанка; 3 – Водозимская Займка; 4 – Зимовье Панова В.Ф.; 5 – Усть-Самоделка-4; 6 – Лесосибирское-1 и -2; 7 – Каменка; 8 – Стрелковское-1; 9 – Мокрушинское; 10 – Скородумный Бык; 11 – Ельчимо-2 и Пинчуга-6; 12 – Усть-Карабула; 13 – Красногорьевский-2; 14 – Чадобец; 15 – Кода-2; 16 – Усть-Кода; 17 – Проспихинская Шивера-IV, II, VI, XI; 18 – Усть-Кова; 19 – Аплинский порог; 20 – Итомиура; 21 – Сергушкин-3, Взвоз; 22 – Отико; 23 – Усть-Илим; 24 – Воробьево; 25 – Шилка-9; 26 – Бобровка; 27 – Ладейское.

Fig. 1. Layout of sites with Lesosibirsk ceramics in the Angara-Yenisei basin. 1 – Surgutikha; 2 – Chermlyanka; 3 – Vodozimskaya Zaimka; 4 – V. F. Panov's wintering place; 5 – Ust-Samodelka-4; 6 – Lesosibirskoe-1 and -2; 7 – Kamenka; 8 – Strelkovskoe-1; 9 – Mokrushinskoe; 10 – Skorodumny Byk; 11 – Elchimo-2 and Pinchuga-6; 12 – Ust-Karabula; 13 – Krasnogorievsky-2; 14 – Chadobets; 15 – Koda-2; 16 – Ust-Koda; 17 – Prospikhinskaya Shivera-IV, II, VI, XI; 18 – Ust-Kova; 19 – Aplinsky Porog; 20 – Itomiura; 21 – Sergushkin-3, Vzvoz; 22 – Otiko; 23 – Ust-Ilim; 24 – Vorobievo; 25 – Shilka-9; 26 – Bobrovka; 27 – Ladeiskoe.

фрагменты от 165 сосудов. В статистических выкладках использованы части от 153 сосудов, по которым можно представить их форму. Большая часть изученных сосудов лесосибирской культуры представлена фрагментами верхней части, что не позволяет охарактеризовать форму тулова и дна и не дает представление о полной орнаментальной композиции. К условно целым емкостям можно отнести семь сосудов из комплекса Проспихинская Шивера-IV и один из городища Лесосибирское-1.

Самая представительная выборка из 96 сосудов лесосибирской культуры получена на комплексе Проспихинская Шивера-IV на Ангаре. Из них 25 залежали в погребениях некрополя, выполненных по обряду трупосожжения на стороне, остальные 71 найдены во втором культурном слое памятника. В поселенческом компрессионном слое выделено три металлургических и одна кузнечная площадка Средних веков, зафиксированы три погребения раннего железного века и отмечено присутствие керами-

ки, отличающейся морфологически от лесосибирской. Планиграфический анализ расположения лесосибирских сосудов возле различных средневековых объектов из слоя не выявил каких-либо связей. Черепки лесосибирской посуды зафиксированы практически по всей площади раскопа, каких-либо участков их концентрации не выделяется. Сосуды отмечены как возле погребений средневекового некрополя, так и на значительном расстоянии от них. В юго-восточной части могильника, на небольшом возвышении, где устраивались наиболее ранние захоронения, керамика лесосибирской культуры не отмечена. Нельзя исключать, что в тех случаях, когда сосуды найдены вблизи погребений (особенно без керамики в могиле) они входили в состав погребального набора, однако доказать это невозможно. Возле могил горшки могли быть оставлены как в ходе погребально-поминальных действий, так и в результате какой-либо иной деятельности.

В разных погребениях некрополя зафиксировано от одного до трех сосудов, чаще по одному. Погребение № 85, в котором отмечено три сосуда, – коллективное, в нем останки трех человек. Посуда всех выделяемых типов зафиксирована в погребениях разных хронологических групп (Мандрыка, Сенотрусова, 2018), какой-либо взаимосвязи между формой сосудов и временем устройства погребений не прослеживается.

Установлено несколько вариантов размещения сосудов. В первом случае, сосудик помещался вверх дном в нижней части могилы, практически на дне, в толще обломков жженных костей человека. Во втором случае, миниатюрный сосудик расположен в верхней части заполнения могилы, выше основного скопления обломков жженных костей и инвентаря, часто возле края ямы. В третьем – фрагменты сосуда лежали на уровне древней поверхности непосредственно возле ямы или над ней.

Из памятников бассейна Енисея проанализирована выборка из 69 сосудов, которые найдены на городищах Лесосибирское-1 и Усть-Самоделка-4, многослойных поселениях Мокрушинское (2 к. с.), Дом Отдыха-3 (1 к. с.), Бобровка (1 и 1а к. с.), Шилка-9 (2 к. с.). Количество материалов из каждого памятника различно, наиболее представительна коллекция керамики из городища Лесосибирское-1 (38 экз.), ставшего эпонимным для названия культуры.

По форме верхней части сосудов выделено семь типов. Для анализа учтено 80 сосудов из комплекса Проспихинская Шивера-IV и 63 емкости из енисейских поселений (табл. 1), в остальных случаях форму характеризовать невозможно.

Тип 1. Сосуды усеченной овалоидной закрытой формы без шейки или со слабо выраженной шейкой с прямыми и наклонными плечиками (68 экз.) (рис. 2). Один реставрированный сосуд круглодонный, в остальных случаях форма дна не установлена. Толщина стенок равномерная – 0,4 и 0,5 см, характерно утолщение края и верхней трети формы до 0,7 см. Диаметр по венчику удалось установить для 11 форм, он варьирует от 11,0 см до 20,0 см. Размеры сосуда не влияли на толщину стенок. Сечение венчика различное: преобладают скошенный наружу (31 экз.), округлый (21 экз.), прямой (12 экз.), в единичных случаях венчик приостренный или утолщен небольшим налетом. Все сосуды орнаментированы. Среди элементов орнамента преобладают гребенчатые отпечатки, отмечены гладкие наколы (6 экз.), ямки (2 экз.), квадратные ямки (2 экз.), отпечатки круглого штампа с делением на сектора (2 экз.). Следует отметить, что на одной форме нет сочетания гребенчатых отпечатков и гладких наколов, при орнаментации использовался тот или другой прием. На всех сосудах распространен горизонтальный мотив нанесения орнамента, на одиннадцати формах – вертикаль-

Таблица 1

Соотношение типов лесосибирской керамики в Ангаро-Енисейском бассейне.

Регион / тип памятников	Тип 1 	Тип 2 	Тип 3 	Тип 4 	Тип 5 	Тип 6 	Тип 7 	Итого:
Енисей поселения	32	7	11	9	4	0	0	63
Ангара поселения	33	11	7	3	5	5	1	65
Ангара погребения	3	18	1	2	1	0	0	25
Итого:	68	36	19	14	10	5	1	153

ный, в единичных случаях наклонный и «елочка». Композиции просты, чаще всего это несколько горизонтальных полос оттисков гребенчатого штампа или гладких наколов (от 2 до 4 рядов), в нескольких случаях от них спускаются короткие вертикальные или наклонные отрезки из оттисков этого же орнамента. На двух горшках полосы дополнены вертикальными рядами ямок или оттисков гладкого квадратного штампа. Во всех случаях орнамент занимает верхнюю треть сосудов, чаще всего украшались шейка (56 экз.), венчик (57 экз.), плечики (36 экз.), в шести случаях орнамент спускался на тулово, в семи – орнаментирована внутренняя сторона края емкости. На 30 сосудах на внутренней стороне фиксируются параллельные тонкие борозды, образовавшиеся от затирания поверхности твердым предметом. В четырех случаях аналогичные следы есть и на внешней стороне. На восьми сосудах из комплекса Проспихинская Шивера-IV заметен наплыв формочной массы под краем, полученный от заглаживания венчика. Следы нагара сохранились на восьми сосудах, пять сосудов этого типа подвергались ремонту, стягиванию или замазке трещин.

Тип 2. Сосуды закрытой баночной формы (36 экз.), дно круглое или уплощенное (рис. 3: 1–11). Преобладают небольшие и миниатюрные сосуды, от-

меченные в погребениях. Толщина стенок от 0,3 до 0,7 см, преобладает – 0,4 и 0,5 см. Диаметр по венчику определен у 13 сосудов, он варьирует от 3,5 до 10,0 см. Их высота от 3,5 до 7,5 см. Край сосудов в сечении овальный (20 экз.), приостренный (6 экз.), скошенный наружу (5 экз.), прямой (4 экз.). Два сосуда без орнамента, на остальных он занимает верхнюю часть сосудов, в 12 случаях украшен и венчик. Среди элементов орнамента преобладают оттиски гребенки, они отмечены на 25 сосудах. Также наносились гладкие насечки (4 сосуда), в единичных случаях – полукруглые наколы, оттиски квадратного и круглого штампов. Преобладает горизонтальный мотив, часто встречается вертикальный, редко – наклонный. В орнаменте больше всего простых линейных композиций из горизонтальных или вертикальных полос гребенчатых оттисков. Есть и более сложные композиции, когда от горизонтальных полос спускаются вертикальные, на одном сосуде чередуются короткие горизонтальные и наклонные полосы оттисков гребенки. Для девяти сосудов комплекса Проспихинская Шивера-IV отмечается «небрежность» формовки. На пяти сосудах этого типа прослежены следы заглаживания внутренней поверхности твердым инструментом, в одном случае такие же следы остались на внешней стороне. В двух емкостях сохранились следы нагара.

Рис. 2. Керамика лесосибирской культуры первого типа.

1, 7, 9–11 – городище Лесосибирское-1, остальное – комплекс Проспихинская Шивера-IV.

Fig. 2. Ceramics of Lesosibirsk culture of the first type.

1, 7, 9–11 – Lesosibirsk-1 hillfort, others – Prospikhinskaya Shivera-IV complex.

Тун 3. Горшки с низкой выраженной шейкой, венчик часто отогнут наружу, плечики покатые (19 экз.) (рис. 4: 1–4). Толщина стенок 0,3–0,7 см, диаметр сосудов по венчику от 9,0 до 24,0 см. Чаще всего край сосуда скошен наружу (7 экз.), редко овальный (4 экз.) или прямой (3 экз.), в единичных случаях с наделом с внешней стороны или отогнут наружу. Все сосуды с орнаментом, основным элементом выступают оттиски

гребенки, на одном горшке присутствует круглый штамп, на трех – гладкие наколы. Преобладает горизонтальный мотив, в единичных случаях отмечены вертикальный и наклонный. Орнаментальные композиции просты: несколько горизонтальных полос гребенчатых оттисков, в двух случаях от них спускаются вертикальные и наклонные полосы аналогичных оттисков. Орнамент локализован в верхней части форм, укра-

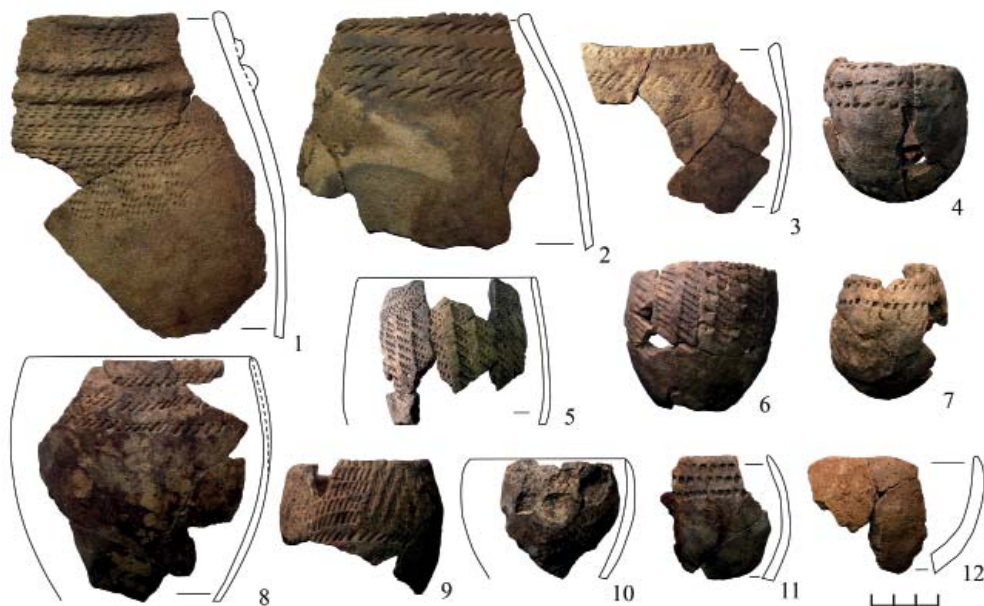

Рис. 3. Керамика лесосибирской культуры. 1–11 – тип 2; 12 – тип 7. 1, 2 – городище Лесосибирское-1; 3 – селище Дом Отдыха-3; 4, 6–11 – могильник Проспихинская Шивера-IV; 5, 12 – комплекс Проспихинская Шивера-IV.

Fig. 3. Pottery of Lesosibirsk Culture. 1–11 – type 2; 12 – type 7. 1, 2 – Lesosibirsk-1 hillfort; 3 – Dom Otdykha-3 ancient village; 4, 6–11 – Prospikhinskaya Shivera-IV burial ground; 5, 12 – Prospikhinskaya Shivera-IV complex.

шены: венчик (15 экз.), шейка (15 экз.), плечики (14 экз.). В пяти случаях край украшен с внутренней стороны. На трех горшках орнамент спускается на тулово. На девяти горшках отмечены следы заглаживания внутренней поверхности твердым инструментом, в двух случаях – внешней поверхности. На одном горшке прослежены следы заглаживания края. На одном сосуде сохранились следы нагара, еще на одном – следы ремонта трещины.

Тун 4. Горшки с высокой шейкой, в месте перехода шейки в плечико встречается выраженный угол (перепад, перелом в дуге), венчик часто отогнут наружу (14 экз.) (рис. 4: 5–11). Толщина стенок 0,3–0,6 см. Сосуд из погребения небольшой, диаметр его по венчику 10,0 см. Горшки из поселений больше по размеру, их диаметр по венчику 22,0 и 24,0 см. Края сосудов в сечении прямые, приостренные или отогнуты наружу, нависая «карнизиком». Боль-

шинство сосудов украшено отрисками гребенки, еще два – гладкими наколами. Орнамент покрывал шейку, плечики и венчик, в пяти случаях отмечен на внутренней стороне под краем емкости. Распространены горизонтальный и вертикальный мотивы. Горшки украшены простыми линейными композициями из горизонтальных полос (от 2 до 3) гребчатых отрисков, в одном случае от них спускаются сгруппированные вертикальные отрезки таких же отрисков. На четырех формах сохранились следы нагара. Еще на четырех сосудах в верхней части фиксируются следы заглаживания внутренней поверхности твердым предметом.

Тун 5. Высокие сосуды с выраженным перехватом в верхней трети формы (10 экз.) (рис. 5: 1–5, 8, 11), все тонкостенные (толщина стенок 0,3–0,5 см). Сосуд из погребения миниатюрный, его диаметр по венчику всего 5,0 см, два реставрированных сосуда из посе-

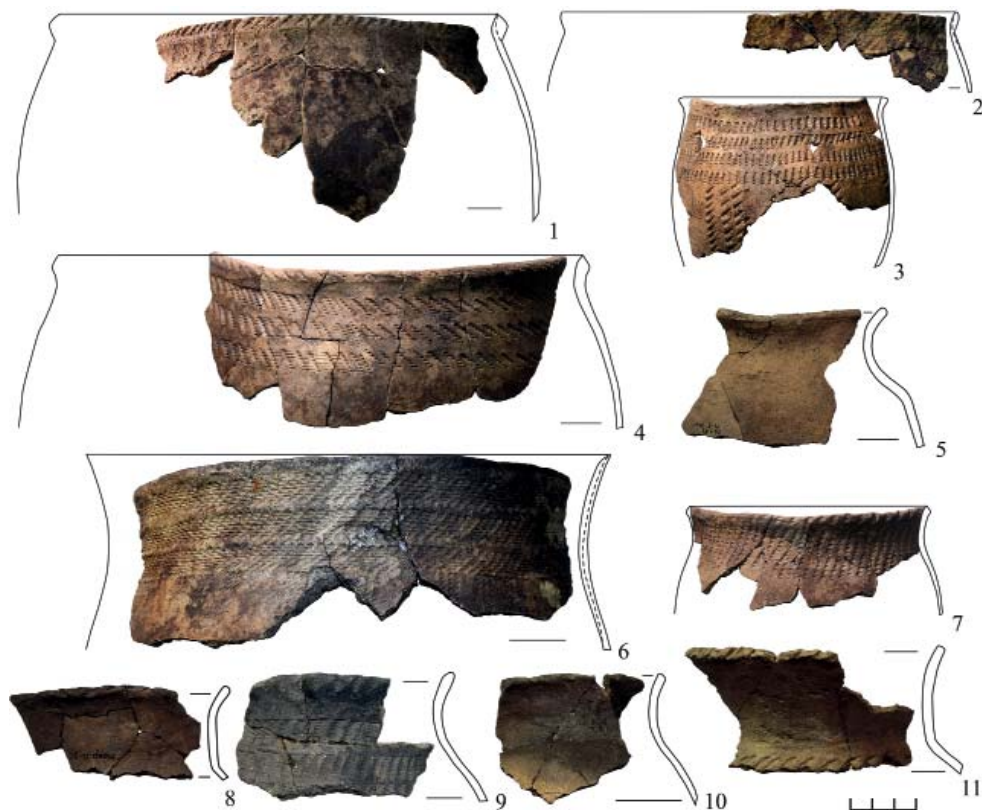

Рис. 4. Керамика лесосибирской культуры. 1–4 – тип 3; 5–11 – тип 4. 5, 11 – городище Лесосибирское-1; 7 – могильник Проспихинская Шивера-IV; 8 – поселение Мокрушинское; 9, 10 – поселение Бобровка; остальное – комплекс Проспихинская Шивера-IV.

Fig. 4. Pottery of Lesosibirsk Culture. 1–4 – type 3; 5–11 – type 4. 5, 11 – Lesosibirsk-1 hillfort; 7 – Prospikhinskaya Shivera-IV burial ground; 8 – Mokrushinskoe settlement; 9, 10 – Bobrovka settlement; others – Prospikhinskaya Shivera-IV complex.

ленческих слоев в два раза больше, их диаметр по венчику около 10,0 см. Высота горшочков, как правило, в два раза больше диаметра по устью. Края сосудов в сечении прямоугольные, овальные или скошены наружу. Все емкости украшены только оттисками гребенки. Для посуды этого типа характерны наиболее сложные композиции, состоящие из чередующихся горизонтальных, вертикальных и наклонных полос гребенчатых оттисков. Орнамент занимает верхнюю 2/3 часть формы, придонная часть и круглое дно не украшались. На двух сосудах сохранились следы нагара.

Тун 6. Горшки с высокой шейкой и выраженным ребром в месте перехода

плечико в тулово (5 экз.) (рис. 5: 6, 7, 9, 10, 13). Толщина стенок 0,3–0,5 см. Края сосудов в сечении прямые, приотстренные, скошенные наружу. Размеры определяются для одной формы, у которой диаметр по венчику составлял 10,0 см. Все сосуды украшены оттисками гребенки. Орнаментальные мотивы: горизонтальный и зигзаг. На одном сосуде присутствуют ямки, расположенные по углам треугольника. Декорированы венчик, шейка и, в одном случае, внутренняя сторона края. В двух случаях на емкостях сохранились следы нагара, в одном – следы заглаживания внутренней поверхности твердым предметом. Фрагментарность сосудов не позволяет представить орнаментальные компози-

ции. К этому же типу отнесен фрагмент сосуда, у которого ребро смоделировано налепным треугольным валиком.

Тип 7. Плошки открытой чашевидной формы без орнамента с овальным в сечении венчиком (целый 1 сосуд). Толщина стенок 0,5 см. Вылеплена небрежно.

Форма одного сосуда индивидуальна, он выходит за рамки представленной типологии (рис. 5: 12). Это тонкостенный сосуд с высокой фигурной S-образной шейкой равномерной толщины 0,3–0,4 см. На фрагменте прослежены горизонтальные полосы мелкогребенчатых отступающих оттисков.

Керамика лесосибирской культуры изготавливалась из отощенных грубоструктурных масс. Состав рецептуры включает глину с примесью песка или песка и дресвы. Часто в образцах отмечается пористая структура излома, что может указывать на добавление в формовочную массу какого-то органического раствора. Способ ручной лепки сосудов различен. Маленькие сосудики формовались из однородного куска теста, более крупные – лоскутным налепом, возможно, в форме-емкости с достройкой верхней части. К технологическим особенностям этой керамики можно отнести наличие «складки» по краю сосуда, которая образовывалась в ходе выравнивания венчика. В некоторых случаях поверх нее налеплялся жгутиковый валик. Эта технологическая особенность прослеживается на сосудах 1, 3 и 5 типов.

Керамика лесосибирской культуры морфологически схожа. Для нее характерны следующие общие черты: преимущественно закрытая форма сосудов, орнаментация верхней части формы, преимущественно гребенчатыми, реже гладкими накольчатыми оттисками. Чаще встречаются простые композиции: несколько горизонтальных (иногда вертикальных) полос оттисков, реже к ним примыкают вертикальные или наклонные ленты, иногда сгруппирован-

ные. На одном сосуде встречен мотив «елочка». Наиболее сложные композиции отмечены для сосудов 5 типа. На них часто несколько горизонтальных полос ограничивают сверху и снизу вертикальные или наклонные отрезки. На сосудах 6 типа горизонтальные полосы разбиваются линией оттисков, строящихся в «зигзаг». На каждом сосуде встречаются оттиски только одного орнамента, гладкие и гребенчатые оттиски вместе не используются, на разных формах они заменяют друг друга. Гребенчатым орнаментом украшены 137 сосудов, что составляет 83% от общего числа выборки. В тех случаях, когда на сосудах с гребенчатыми оттисками присутствуют ямки или квадратные наколы, они не вписываются в общую композицию, а перекрывают основной орнамент. Не орнаментированы всего 6 сосудов (около 4% выборки).

Основным элементом орнамента посуды лесосибирской культуры выступают плотно расположенные гребенчатые оттиски, нанесенные отступанием, наколами или штамповкой. Можно выделить несколько разновидностей гребенки: с мелкими и крупными зубцами. Чаще встречается крупная трехзубая гребенка (28 сосудов), реже с 4 и 5 зубцами (16 сосудов), еще реже с шестью (10 сосудов и семью зубцами (7 сосудов). В единичных случаях использовались орнаменты с 8–11 зубцами, а также с двумя и тремя полукруглой формы. Каждый сосуд украшался оттисками только одного орнамента.

По толщине стенок преобладают средние (около 5 мм) и тонкостенные (около 3 мм) сосуды. У сосудов 1-го и 3-го типов к краю толщина стенок увеличивается до 6–7 мм. Это связано с технологическими и эксплуатационными особенностями закрытых форм – для увеличения прочности края сосуда. Для горшков отмечается равномерная толщина стенок в горизонтальной плоскости и симметричность изгибов. Скорее всего, гончар добивался таких

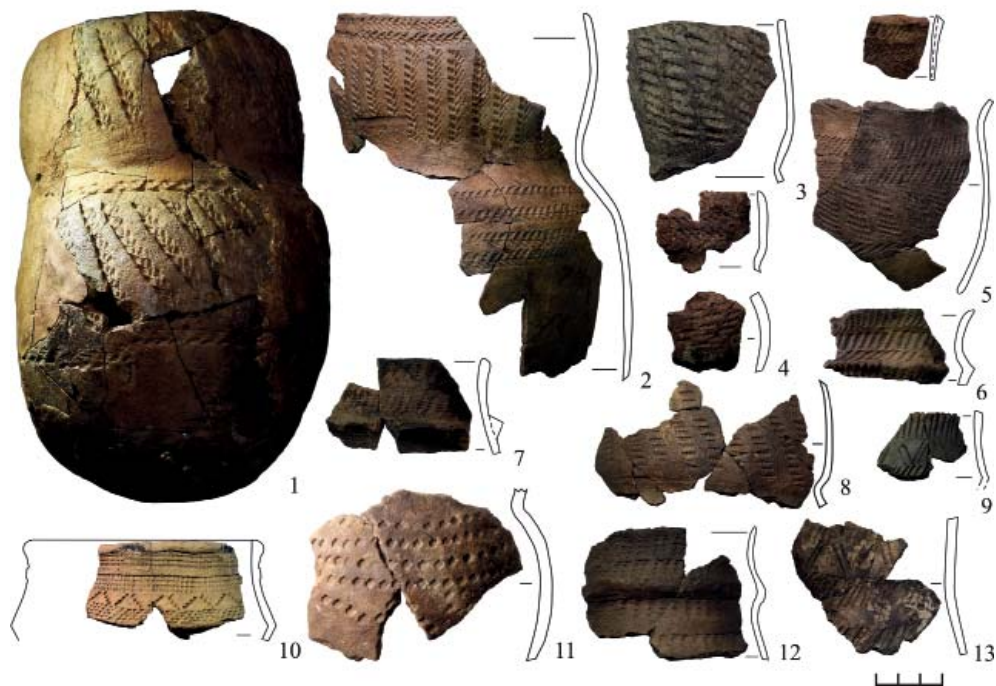

Рис. 5. Керамика лесосибирской культуры. 1–5, 8, 11 – тип 5; 6, 7, 9, 10, 13 – тип 6. 1, 3 – городище Лесосибирское-1; 4 – могильник Проспихинская Шивера-IV; 8 – поселение Мокрушинское; 11 – городище Усть-Самоделька-4; 12 – поселение Шилка-9; остальное – комплекс Проспихинская Шивера-IV.

Fig. 5. Pottery of Lesosibirsk Culture. 1–5, 8, 11 – type 5; 6, 7, 9, 10, 13 – type 6. 1, 3 – Lesosibirsk-1 hillfort; 4 – Prospikhinskaya Shivera-IV burial ground; 8 – Mokrushinskoe settlement; 11 – Ust-Samodelka-4 hillfort; 12 – Shilka-9 settlement; others – Prospikhinskaya Shivera-IV complex.

параметров благодаря использованию подвижной подставки, что дополнительно подтверждается горизонтальными бороздками следов от заглаживания как внутренней, так и внешней поверхностей. Нельзя исключить использование при формовке в форме-емкости для скрепления спаев лоскутов наковаленки в виде гальки, на что указывают уплощенно-выпуклые вмятины на внутренних стенках. Наружная поверхность стенок ровная, в зонах без орнамента – гладкая. Цвет керамики от светло-коричневого до темно-серого. Обжиг равномерный, черепки прочные.

Обсуждение

В ходе анализа керамики лесосибирской культуры выделено семь типов посуды. На рассмотренных памятниках, включая поселенческие и погребальные комплексы, зафиксировано совместное

залегание сосудов разных типов. Это же наблюдается и на других памятниках исследуемого региона (Герман, Леонтьев, 2013).

Соотношение разных типов керамики в материалах ангарских и енисейских памятников также близко (табл. 1). Исключение составляет посуда шестого и седьмого типов, которая пока не представлена на Енисее, но известна в Нижнем Приангарье (Макаров, 2013, с. 133, рис. 7). Возможно, это обусловлено незначительным объемом проведенных раскопок в бассейне Енисея.

Предварительно можно указать на несколько большую численность горшковидных сосудов на енисейских комплексах по сравнению с ангарскими. В свою очередь в ангарских материалах большее число сосудов баночной формы. Однако это может быть обуслов-

лено характером рассматриваемой выборки и при увеличении материалов соотношение изменится.

Набор посуды из могильника и второго культурного слоя комплекса Проспихинская Шивера-IV очень близок. В погребениях присутствуют сосуды первых пяти типов, при этом они небольших или миниатюрных форм. Отмеченная «небрежность» их изготовления позволяет предполагать, что делались они специально для погребенных. Хотя небольшое количество миниатюрных сосудов отмечено и в поселенческом, втором культурном слое комплекса Проспихинская Шивера-IV.

Обсуждая вопрос генезиса лесосибирской культуры, следует учитывать культурно-историческую среду предшествующего времени. Появление посуды лесосибирской культуры в регионе достаточно резко прерывает традицию валиковой керамики, существовавшую более 1000 лет. На Ангарских памятниках пока неизвестна посуда, сочетающая гребенчатую и валиковую орнаментацию, но на Енисее она иногда встречается. Это сосуды уже типичного лесосибирского облика, но украшенные одним или двумя высокими налепными жгутиковыми валиками (рис. 3: 1). Важно, что на памятниках развитого Средневековья Верхнего и Среднего Прикетья фиксируется керамика IX–XIII вв., близкая лесосибирской, в некоторых случаях украшенная налепными валиками и не имеющая аналогий в памятниках более западных территорий (Чиндина, 1974, с. 145; Боброва, Гребнева, Мец, с. 50). Это позволяет предполагать, что формирование керамической традиции лесосибирской археологической культуры происходило в западной части ее ареала, возможно в Обь-Енисейском междуречье. Несколько позже, в уже сложившемся виде, она проникает и в Нижнее Приангарье, где заменяет тонковаликовую керамику.

Процесс формирования гончарной традиции лесосибирской культуры был

многокомпонентным, в материалах прослеживаются черты нескольких раннесредневековых гончарных традиций лесной зоны Средней и Западной Сибири. Первая из них, которую можно назвать «местной», характеризуется сосудами закрытой формы, с прямой шейкой и круглым туловом. Орнамент наносился по шейке, иногда заходя на плечики сосудов. Для декора использовались разнообразные гладкие и гребенчатые штампы, пальцы, преобладают горизонтальный мотив и «елочка». Характерной технологической особенностью посуды этого типа является конструирование шейки и венчика одной широкой лентой, которая пристраивалась к тулову сосуда. На внутренней стороне этих форм фиксируются параллельные горизонтальные борозды от заглаживания поверхности твердым гладким предметом. Данная посуда была выделена в отдельный тип и датирована ранним Средневековьем (Фокин, 2017). Встречается она в лесостепной и южнотаежной подзоне Средней Сибири и в целом сопоставима с лесосибирскими сосудами первого типа, у которых отмечается невысокая шейка и наклонные плечики, часто надстроенные к форме одной широкой лентой. У сравниваемых сосудов фиксируются близкие следы заглаживания верхней части формы твердым предметом. Сопоставляется и орнамент. На одном лесосибирском сосуде из второго культурного слоя комплекса Проспихинская Шивера-IV гребенчатые оттиски расположены «елочкой» (рис. 2–5). Можно допустить, что этот сосуд занимает промежуточное положение между керамикой раннего и развитого Средневековья.

Вторая гончарная традиция, внесшая существенный вклад в формирование набора посуды лесосибирской культуры, размещалась к западу от региона исследования – в Томском и Нарымском Приобье. В материалах могильника Рёлка представлена немногочисленная группа острорезберных остродонных

горшков, украшенных преимущественно гребенкой, ямками, «жемчужинами», насечками (Чиндина, 1977, с. 57; рис. 5: 1; 8: 17; 32: 1). Есть похожие сосуды и южнее, в Тимирязевском курганном могильнике (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 43: 6; 55: 6). Вероятно, именно из этого региона горшки такой формы унаследованы населением лесосибирской культуры.

В материалах рёлкинской культуры известны и круглодонные горшки с высокой фигурной шейкой, которая в некоторых случаях слегка расширена в центральной части (Чиндина, 1977, с. 57; рис. 5: 2; 15: 5; 37: 3). Эти сосуды также преимущественно украшены гребенчатым штампом. Дальнейшее развитие представленной формы могло привести к появлению высоких сосудов с перехватом, отмеченных в лесосибирских комплексах. В то же время горшки пятого типа по форме напоминают сосуды из тыквы-горлянки, хорошо известные в Китае и Средней Азии в Средние века.

Достаточно своеобразно выглядят лесосибирские горшки с высокой шейкой и сильно отогнутым краем (тип 4), которые известны на Енисее и на ряде памятников Нижнего Приангарья. В некоторых случаях высота и профилировка горловины напоминают южносибирские «кыргызские вазы», которые могли выступать эталоном «модной посуды» для народов лесной зоны.

Актуальной является проблема соотношения ладейской и лесосибирской культур, которые одновременно существовали в разных районах Енисейской Сибири. Ладейские комплексы были впервые выделены еще в 1928 г. и локализованы в Красноярской и Ачинско-Мариинской лесостепи (Карцев, 1928). При этом вопрос о северных границах ее ареала остается открытым. Красноярский исследователь С.М. Фокин высказывал ошибочное мнение о присутствии ладейской посуды на стоянке Бобровка и городище Лесосибирское-1

(Фокин, 2009, с. 126). В материалах Бобровка нет ни одного сосуда, обладающего признаками ладейской посуды. Сосуд из лесосибирского городища, который не соответствует морфологическим признакам лесосибирской керамики, не может быть отнесен к ладейским, он аналогичен посуде II типа из погребальных комплексов Среднего Причумырья XI–XIII вв. (Беликова, 1996, с. 63, рис. 94). Вместе с тем, следует отметить единичные находки фрагментов лесосибирской керамики на памятниках красноярской лесостепи, в том числе в материалах Ладейского городища (Фокин, 2009, с. 26, рис. 1: 16).

Выводы

Анализ керамики лесосибирской культуры позволил выделить семь типов сосудов, отличающихся в первую очередь формой. При этом отмечается близкий набор посуды в Нижнем Приангарье и бассейне Енисея, что подтверждает культурную однородность этих регионов в начале II тыс. н. э.

В формировании лесосибирской гончарной традиции приняли участие не только местный и западносибирский компоненты лесных народов, но и, вероятно, имело место влияние кочевников Саяно-Алтая. Керамический комплекс лесосибирской культуры сформировался на рубеже I и II тыс. н. э. Допускается его распространение с запада на восток в первой половине II тыс. н. э. Характер формирования и распространения проследить сложно в силу недостаточной изученности Обь-Енисейского междуречья. Другие археологические материалы подтверждают существование устойчивых культурных связей таежного населения Западной и Средней Сибири еще в раннем Средневековье (Сенотрусова, 2018). Учитывая присутствие тонковаликовой керамики в западносибирских памятниках, можно предполагать проникновение туда отдельных групп населения из бассейна Енисея или Ангары, что уже указывалось рядом исследователей (Чиндина,

1977; Беликова, Плетнева, 1983). На материалах лесосибирской культуры прослеживается сохранение этих связей и обратное культурное влияние.

Несмотря на то, что в южнотаежных районах пока неизвестны находки собственно ладейской культуры, следует отметить ее влияние на лесосибирскую керамическую традицию. Это отразилось в использовании в орнаментации круглого штампа, разделенного на четыре сектора (Фокин, 2009, рис. 3–8) и фигур из разреженных парных линий (рис. 2–8; Тарасов, Фокин, 2005, рис. 3–8). Указанные элементы и композиции не известны на посуде более раннего времени в тайге, они по-

являются только на сосудах лесосибирской культуры. Ладейскую и лесосибирскую керамику также сближают общие эпохальные керамические каноны – наличие профилированных форм, часто с отогнутой шейкой и скошенным наружу венчиком, использование в орнаментации гребенчатых штампов, декорирование преимущественно верхней трети сосудов. Для посуды таежной лесосибирской культуры характерно большее разнообразие форм, более плотная и разнообразная орнаментация, отсутствие пальцевых и ногтевых наколов, ямок и некоторых других элементов орнамента, распространенных в лесостепях Средней Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликова О.Б. Среднее Причумылье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Томского гос. пед. университета, 1996. 272 с.
2. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск: Изд-во Томского университета, 1983. 246 с.
3. Боброва А.И., Гребнева Г.И., Мец Ф.И. Керамика II тыс. н.э. из Прикетья (публикация материалов) // Из истории Сибири: К 30-летию лаборатории / Отв. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998. С. 46–67.
4. Герман П.В., Леонтьев С.Н. Многослойные стоянки острова Сергушкин (краткие результаты полевых изысканий 2009–2011 гг.) // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий / Отв. ред. Л.Л. Карнаухова. Красноярск: КККМ, 2013. С. 57–72.
5. Карцев В.Г. Описание коллекций и материалов музея. Красноярск: Государственный музей Приенисейского края, 1929. 55 с.
6. Макаров Н.П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий / Отв. ред. Л.Л. Карнаухова. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ), 2013. С. 130–175.
7. Мандрыка П.В., Бирюлева К.В., Сенотрусова П.О. Керамика лесосибирского стиля на комплексе Проспихинская Шивера-IV в Нижнем Приангарье // Вестник ТГУ. История. 2013. № 2. С. 67–71.
8. Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Культурная принадлежность памятников развитого средневековья Южнотаежной зоны Средней Сибири // РА. 2018. № 2. С. 98–112.
9. Сенотрусова П.О. Культурные связи населения Нижнего Приангарья и Среднего Приобья в I тыс. н. э. // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Т. 2. / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2018. С. 98–103.
10. Тарасов А.Ю., Фокин С.М. Материалы раннего и развитого средневековья в исторической части города Красноярска // Древности Приенисейской Сибири. Вып. IV / Отв. ред. Н.И. Дроздов. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 58–65.
11. Фокин С.М. Средневековая керамика Красноярской лесостепи // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время. Материалы международной конференции, посвященной 80-летию юбилею Л.А. Чиндиной / Отв. ред. М.П. Черная. Томск: ИД «ДПРИНТ», 2017. С. 138–142.
12. Чиндина Л.А. Разведка в верховьях р. Кети // Из истории Сибири. Вып. 15 / Отв. ред. В.Ф. Генинг, В.И. Матюшенко. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1974. С. 139–148.
13. Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1977. 196 с.

Информация об авторах:

Сенотрусова Полина Олеговна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири. Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, Россия); Polllina1987@rambler.ru

Мандрыка Павел Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. сектором Лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири. Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, Россия); pmandryka@yandex.ru

POTTERY OF LESOSIBIRSK CULTURE: TYPOLOGY AND GENESIS ISSUES

P.O. Senotrusova, P.V. Mandryka

Comparison of pottery from the settlements and burials of the Lesosibirsk archaeological culture of the developed Middle Ages of the Angara-Yenisei basin made it possible to determine its varieties. Taking into account the shape of the vessels and the ornament, seven types are distinguished, which are united by common features: mainly the closed shape of the containers, the ornamentation of the upper part, the prevalence of comb prints applied by indentation, punctures or stamping, less often smooth fingerprints. The joint occurrence of vessels of various types in settlements, fortifications and burials was established, while a somewhat larger number of pot-shaped vessels in the Yenisei complexes was noted, compared with the Angara monuments. The formation of the pottery tradition of the Lesosibirsk culture was derived from several traditions of the preceding time. The local and West Siberian components were borrowed from the peoples of the forest zone of Central and Western Siberia, while they were supplemented by the influence of nomads of the Sayano-Altai. The pottery of the Lesosibirsk culture developed at the turn of the 1st and 2nd millennium AD, and spread throughout the region from west to east in the first half of the 2nd millennium AD.

Keywords: archaeology, Middle Siberia, the Angara-Yenisei basin, Developed Middle Ages, Lesosibirsk culture, pottery, type, tradition.

REFERENCES

1. Belikova, O. B. 1996. *Srednee Prichulym'e v X–XIII vv. (Middle Chulym River Area in the 10th–13th cc.)*. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ. (in Russian).
2. Belikova, O. B., Pletneva, L. M. 1983. *Pamiatniki Tomskogo Priob'ia v V–VIII vv. n.e. (Sites of the Tobolsk Ob River Region in 5th – 8th Centuries)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).
3. Bobrova, A. I., Grebneva, G. I., Mets, F. I. 1998. In Chernyak, E. I. (ed.). *Iz istorii Sibiri: K 30-letiiu laboratorii (From the History of Siberia: Dedicated to the 30th Anniversary of the Laboratory)*. Tomsk: Tomsk State University, 46–67 (in Russian).
4. German, P. V., Leont'ev, S. N. 2013. In *Arkheologicheskie issledovaniia drevnostei Nizhnei Angary i sopredel'nykh territorii (Archaeological Studies of the Antiquities of the Lower Angara and Adjacent Territories)*. Krasnoyarsk: "KKKM" Publ., 57–72 (in Russian).
5. Kartsev, V. G. 1929. *Opisanie kolleksii i materialov muzeia (Description of the Collections and Materials of the Museum)*. Krasnoyarsk: State Museum of the Yenisei River Region, 1929. 55 s.
6. Makarov, N. P. 2013. In Karnaukhova, L. L. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia drevnostei Nizhnei Angary i sopredel'nykh territorii (Archaeological Studies of Antiquities from Lower Angara and Adjacent Territories)*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore Publ., 130–175 (in Russian).
7. Mandryka, P. V., Biriuleva, K. V., Senotrusova, P. O. 2013. In *Vestnik TGU. Istoriiia (Tomsk State University Journal of History)* 2. 67–71 (in Russian).
8. Mandryka, P. V., Senotrusova, P. O. 2018. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 98–112 (in Russian).
9. Senotrusova, P. O. 2018. In Bazarov, B.V., Kradin, N.N. (eds.). *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikalskoy Sibiri i Severnogo Kitaia (Ancient cultures of Mongolia, Baikalian Siberia and Northern China)* 2. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 98–103 (in Russian).
10. Tarasov, A. Yu., Fokin, S. M. 2005. In Drozdov, N. I. (ed.). *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri (Antiquities of the Yenisei River Siberia)* 4. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University Publ., 58–65 (in Russian).

11. Fokin, S. M. 2017. In Chernaya, M. P. (ed.). *Kul'tury i narody Severnoy Evrazii: vzglyad skvoz' vremena. (Cultures and Peoples of Northern Eurasia: a Glance through Time)*. Tomsk: "D'Print" Publ., 138–142 (in Russian).
12. Chindina, L. A. 1974. In Gening, V. F., Matiushchenko, V. I. (eds.). *Iz istorii Sibiri (From the History of Siberia)* 15. Tomsk: Tomsk State University Publ., 139–148 (in Russian).
13. Chindina, L. A. 1977. *Mogil'nik Relka na Srednei Obi (Ryolka Burial Ground in the Middle Ob Region)*. Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russian).

About the Authors:

Senotrusova Polina O. Candidate of Historical Sciences. Siberian Federal University, Svobodny Ave. 79, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; Polllina1987@rambler.ru

Mandryka Pavel V. Doctor of Historical Sciences. Professor. Siberian Federal University, Svobodny Ave. 79, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; pmandryka@yandex.ru

Статья принята в номер 01.03.2020 г.

ТЕЛЕУТСКИЙ ВЗВОЗ-I – КУРГАННАЯ ГРУППА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)¹

© 2020 г. А.А. Тишкин

Курганная группа Телеутский Взвоз-I находится в Павловском районе Алтайского края. Она исследовалась экспедициями Алтайского государственного университета в течение нескольких полевых сезонов. В результате были раскопаны 14 курганов. Несмотря на то, что погребения оказались ограбленными, получен существенный объем археологических материалов золотоордынского времени. Началом междисциплинарного изучения полученных находок стал рентгенофлюоресцентный анализ фрагмента металлического зеркала, полные аналогии которому приведены в статье. Применение микроскопических методов было направлено на изучение обнаруженного фрагмента ткани, реставрация которого осуществлена во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени академика И.Э. Грабаря (г. Москва). Особое значение имеют многочисленные детали берестяных каркасов от головных уборов замужних монгольских женщин (бокка, богтаг). Удалось осуществить реставрацию полного комплекта. Это позволяет не только достоверно реконструировать вид готового изделия, но и также идентифицировать другие аналогичные находки из памятника Телеутский Взвоз-I и других комплексов Западной Сибири. Важными стали антропологические определения краниологической коллекции и первый полученный результат AMS-датирования.

Ключевые слова: археологические находки, юг Западной Сибири, золотоордынское время, Телеутский Взвоз-I, междисциплинарные исследования, рентгенофлюоресцентный анализ, микроскопические методы, реставрация, антропологические определения, AMS-датирование.

Среди археологических комплексов кармацкой культуры монгольского времени, которая выделена на юге Западной Сибири (Тишкин, 2019, с. 186, 189, рис. 3), курганная группа Телеутский Взвоз-I занимает особое место (рис. 1), так как именно раскопки этого объекта способствовали обобщению и интерпретации имевшихся в регионе материалов периода развитого Средневековья (Тишкин, 2009). Памятник зафиксирован около с. Елунино Павловского района Алтайского края, на левом (коренном) берегу Оби. Он занимает доминирующее место в округе с потрясающим видом на широкую пойму реки. Результаты археологических исследований 14 курганов золотоордынского времени полностью введены в научный

оборот (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002). Полученные находки хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ (г. Барнаул). При этом стоит отметить, что потенциал указанного могильника не исчерпан. Несколько из оставшихся курганов могут относиться к развитому Средневековью. Хорошие перспективы имеются при реализации программы междисциплинарного изучения ранее полученных материалов. Такая работа методично проводится в течение ряда лет. Основной целью данной статьи является представление и анализ полученных результатов существенных исследований. Это касается конкретных находок предметов материальной культуры, отражающих отдельные сферы системы жизнеоб-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»).

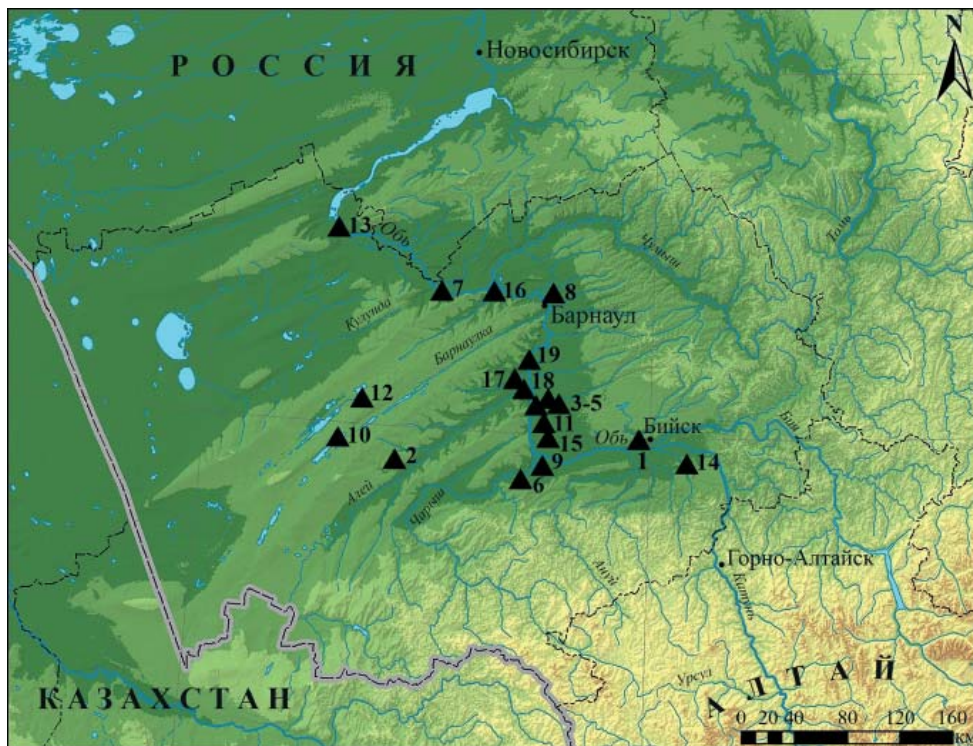

Рис. 1. Памятники кармацкой археологической культуры. Карта-схема.

1 – АБ (Бийск); 2 – Барчиха; 3 – Ближние Елбаны-II; 4 – Ближние Елбаны-IV; 5 – Ближние Елбаны-XIV; 6 – Елбанка; 7 – Ильинка; 8 – Кармацкий; 9 – Коловый Мыс; 10 – Крестьянское-III; 11 – Осинки; 12 – Островное-III; 13 – Раздумые-Iб; 14 – Рубцовский; 15 – Сухие Гривы; 16 – Телеутский Взвоз-I; 17 – Усть-Алейка-5; 18 – Усть-Алейка-Клуб; 19 – Калистратиха-3 (со-ставитель – автор статьи)

Fig. 1. Sites of the Karmatskaya archaeological culture. Map scheme.

1 – AB (Biysk); 2 – Barchiha; 3 – Blizhniye Elbany-II; 4 – Blizhniye Elbany-IV; 5 – Blizhniye Elbany-XIV; 6 – Elbanka; 7 – Il'yinka; 8 – Karmatsky; 9 – Kolovyi Cape; 10 – Krestyanskoje-III; 11 – Osinki; 12 – Ostrovnoje-III; 13 – Razdumye-Ib; 14 – Rubtsovskiy; 15 – Sukhiye Grivy; 16 – Teleutsky Vzvoz-I; 17 – Ust'-Aleika-5; 18 – Ust'-Aleika-Club; 19 – Kalistratiha-3 (compiled by the author of the article)

спечения, а также антропологических определений и датировки памятника.

Фрагмент металлического зеркала (рис. 2: 1), обнаруженный в кургане № 1, сразу привлек внимание исследователей, но первоначальный культурно-хронологический контекст его был обозначен неверно (Казаков, 1995, с. 185–186). В настоящее время этой находке уже выявлен существенный круг аналогий. Обозначим лишь некоторые из них. Целое зеркало хранится в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ в г. Томске (рис. 2: 2). Сведения о нем подробно

опубликованы (Тишкин, Ожередов, 2010; Ожередов, 2010). В том же музее имеется находка из раскопок Л.М. Плетневой (Ожередов, Плетнева, Масумото, 2008) на Астраханцевском курганном могильнике. К сожалению, изделие, обнаруженное в погребении 3 кургана № 69 (Плетнева, 1997, с. 26), имеет утраты по периметру и покрыто мощным слоем окислов (рис. 2: 3). Следующее аналогичное зеркало (рис. 2: 4) размещено в экспозиции Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург). Судя по находящейся рядом пояснительной информации, оно происходит

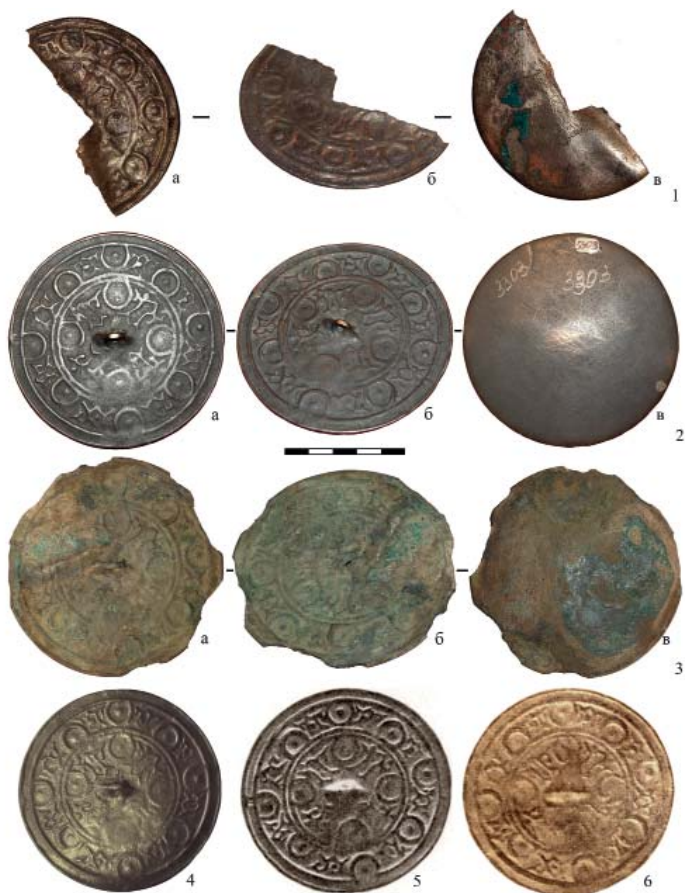

Рис. 2. Фрагмент металлического зеркала из кургана № 1 памятника Телеутский Взвоз-I (1) и его аналогии (2–6) (все цветные фотоснимки сделаны автором (1–4), а черно-белые (5–6) происходят из указанных публикаций Е.И. Лубо-Лесниченко и А.Н. Бернштама).

Fig. 2. Fragment of a metal mirror from barrow No. 1 of the Teleutsky Vzvoz-I (1) and its analogy (2–6) (all color photographs are taken by the author (1–4), and black-and-white (5–6) come from the specified publications of E.I. Lubo-Lesnichenko and A.N. Bernshtam).

из раскопок А.Н. Бернштама в Таразе (Семиречье), осуществленных в 1938 г. Черно-белое фото этого целого изделия имеется в монографии автора исследований (Бернштам, 1952, с. 159, рис. 69) среди других зеркал в сводной таблице с подписью «Тяньшанские подражания китайским зеркалам танско-сунского времени». Именно эту аналогию в свое время указал Е.И. Лубо-Лесниченко (1975), когда рассматривал такое же «орнаментальное зеркало» из Минусинского музея (№ 5104), найденное в Минусинском и Енисейском округах (рис. 2: 5). Обозначенная им датировка этого изделия III–V вв. оказалась ошибочной и не может быть принята для таких изделий. Кроме этого, исследователь упомянул еще три схожих предмета. Одно зеркало выше уже указано (рис. 2: 2) и находится в музее ТГУ (№ 3303). Его

Е.И. Лубо-Лесниченко (1975) не совсем правильно идентифицировал, указав другое место находки, о чем подробно уже излагалось в одной из наших статей (Тишкин, Ожередов, 2010). Второе зеркало, также найденное в Минусинской котловине, должно храниться в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН под № 1769/1 (Лубо-Лесниченко, 1975). К сожалению, автору не удалось лично познакомиться с этим экземпляром. Что касается третьей находки, обозначенной Е.И. Лубо-Лесниченко (1975) в качестве аналогии, то о ней есть следующая конкретная информация. В 1960 г. И.К. Кожомбердиев на могильнике Кызыл-Сай (в 15 км к югу от г. Талас, ныне Кыргызстан) раскопал подбойное погребение «тюркского времени» в кургане № 3. Там и было найдено целое зеркало (Кожомбердиев, 1963,

с. 58, рис. 6: 4), по орнаменту практически идентичное ранее представленным (рис. 2: 6). Такой же предмет происходит из погребения монгольского времени памятника Сутуу-Булак-I на Тянь-Шане (Anke, Moskalev, Soltobaev, Tabaldiev, 1997, Abb. 6: 15). Все перечисленные изделия объединяет схожий орнамент. Причем совпадают даже мелкие детали, а также дефекты и другие нюансы. Такие обстоятельства могут свидетельствовать о том, что зеркала изготавливались в одной мастерской, а потом широко распространились. Не исключено, что в дальнейшем с них делались менее качественные копии. Следует отметить некоторые различия в диаметре обнаруженных изделий при сохранении всей композиции, которая организована в нескольких зонах (Тишкин, Ожередов, 2010): «По периметру диска выделен гладкий ободок с маленьким рельефным валиком по внутреннему краю. Затем идет полоса чередующихся элементов, состоящих из полукружий с точками внутри и причудливых по форме завитков, по всей видимости, связанных с символикой лошади. Внутренняя орнаментальная зона состоит из таких же симметрично расположенных четырех изображений. Она отделена от предыдущего ряда полосой двойных валиков. Орнамент нечеткий, местами сильно стерт. Петля расположена по центру и, можно сказать, вписана в орнаментальную схему, которая отражает определенный смысл».

Есть и другие хорошо сохранившиеся идентичные экземпляры. Некоторые еще не опубликованы. Изделия, подобные выше представленным, выявить среди опубликованных материалов сейчас не составляет особого труда. Круглые металлические зеркала или их обломки являются довольно частой находкой в памятниках монгольского или золотоордынского времени периода развитого Средневековья (Могильников, 1981; Семькин, 1996; Плетнева, 1997; Недашковский, Ракушин, 1998;

Табалдиев, 1999; Руденко, 2004; Тишкин, 2009; и др.). На данном этапе исследований можно предположить, что их могли изготавливать в городских центрах Семиречья. Об этом пока косвенно свидетельствует зафиксированное количество рассматриваемых зеркал и отличия от китайских средневековых образцов. Указанному предположению в определенной мере могут способствовать результаты рентгенофлюоресцентного анализа, полученные автором статьи с помощью портативного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США).

Наиболее детально изучен фрагмент сломанного зеркала (рис. 2: 1), обнаруженный на памятнике Телеутский Взвоз-I и датированный последней третью XIII – началом XIV вв. (Тишкин, Горбунов, Казаков, рис. 5: 1, с. 92–93, 100). В обобщенном виде результаты определения состава металла выглядят таким образом: Cu (медь) – основа (>85%); Sn (олово) – 6,5–8%; Pb (свинец) – 2,5–4,3%; As (мышьяк) – <1%; Sb (сурьма) – >0,5%; Zn (цинк) – около 0,3%; Fe (железо) и Ni (никель) – следы (Тишкин, Серегин, 2010, с. 59, 85–86, табл. XXXIV). Для примера продемонстрируем один поэлементный ряд, зафиксированный после снятия окислов с лицевой поверхности изделия у слома: Cu (медь) – 87,5%; Sn (олово) – 7,85%; Pb (свинец) – 2,73%; Sb (сурьма) – 0,73%; As (мышьяк) – 0,55%; Zn (цинк) – 0,36%; Fe (железо) – 0,16%; Ni (никель) – 0,12%. Перечисленные показатели свидетельствуют о медно-оловянно-свинцовом сплаве с набором рудных примесей.

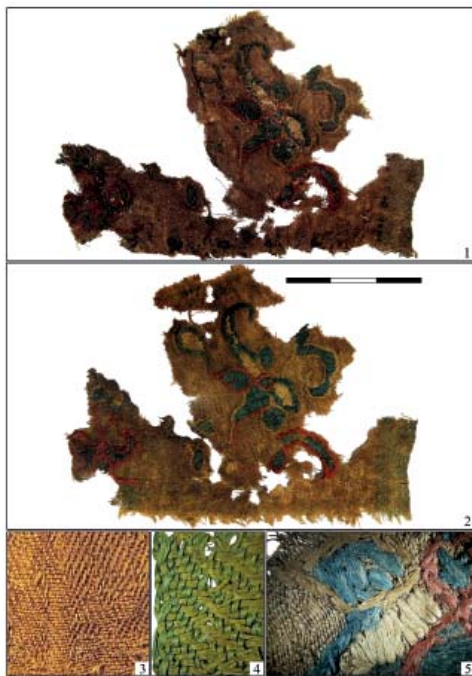
Аналогичное тестирование выполнялось при изучении целого зеркала (рис. 2: 2) из Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ (Тишкин, Ожередов, 2010). Механическое снятие окислов осуществлялось на маленьком участке края диска у трещины. Получены такие результаты: Cu – 75,88%;

Pb – 16,4%; Sn – 6,6%; Sb – 0,66%; Fe – 0,46%. Тем же прибором исследовалось и второе зеркало, которое также хранится МАЭС ТГУ (Археологический фонд, колл. № 7592/389) и происходит из Астраханцевского курганного могильника (рис. 2; 3). Его сохранность значительно хуже, чем у предыдущего предмета. Поэтому поверхностные окислы не удалялись. Полученные результаты нужно рассматривать только в виде качественных определений: Cu – 61,71%; Pb – 30,42%; Sn – 5,05%; Sb – 1,29%; Zn – 1,07%; Fe – 0,31%; Ni – 0,15%. Зафиксированный медно-свинцово-оловянный сплав дополняют другие элементы, среди которых своеобразным индикатором выступает сурьма (Sb), обнаруженная во всех продемонстрированных составах. Следует отметить относительное сходство металлических сплавов зеркал из музея ТГУ.

Приведенные показатели рентгенофлуоресцентного анализа, а также морфологические и декоративные особенности оформления рассмотренных изделий демонстрируют традицию изготовления металлических зеркал, отличающуюся от китайских (Тишкин, Ожередов, 2010). Данные предварительные заключения требуют дальнейших и всесторонних исследований выделяемой группы археологических предметов.

В исследованных курганах памятника Телеутский Взвоз-I найдены обрывки текстильных изделий, которые, как уже было отмечено, хранятся в музее АлтГУ: тесемка (колл. № 163/1217); ткань с вышивкой (колл. № 163/1218); разные фрагменты ткани (колл. № 163/1219 и др.). Их изучение в свое время предпринималось Т.Н. Глушковой, которая сделала такое краткое заключение: «... шелковые ткани простого полотняного переплетения, чесуча, ткань полотняного переплетения с контрастным дополнительным утком, с помощью которого на лицевой стороне выткан узор...» (Глушкова, 2001, с. 72).

Указанная ткань с вышивкой (рис. 3: 1) и отдельные фрагменты обнаружены при раскопках кургана № 10 (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 53, рис. 38: 14). По инициативе автора они были отреставрированы во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени академика И.Э. Грабаря (г. Москва). Такая работа осуществлялась известным специалистом Н.П. Синецкой. Кроме этого, старшим научным сотрудником О.В. Орфинской проводилось детальное изучение фрагментов текстильных изделий по методике, разработанной в Центре исследования исторических и традиционных технологий Института наследия им. Д.С. Лихачева (г. Москва). Описание полученных результатов осуществлялось по стандартной схеме, которая соответствует требованиям Международной ассоциации изучения старинных тканей CIETA (Centre International d'étude des Textile Anciennes). Для определения структуры текстильных материалов и характеристики нитей в тканях использовались микроскопические методы в отраженном неполяризованном свете с помощью текстильной лупы Flash Magnifier (увеличение до 10x) и стереомикроскопа Stemi 2000-CS (увеличение до 100x). Для определения природы текстильных материалов, а также степени загрязнения и повреждения волокон применялась микроскопия в проходящем поляризованном свете с использованием микроскопа OLYMPUS BX41 (увеличение до 100–400x). Сначала изучались два фрагмента ткани размерами 6,2×3 и 3,5×3 см (колл. № 163/1219). Одна сторона у них имеет четкий срез и следы подгиба. О.В. Орфинской сделаны такие определения: «Тип ткани – тафта; ткань одноцветная без рисунка, сильно загрязнена; основа – шелк светло-коричневого цвета без крутки толщиной 0,1–0,3 мм, уток – шелк светло-коричневого цвета без крутки толщиной 0,1–0,3 мм; плотность ткани 38/32 н/см. Ткань могла быть подкладкой некого

сшитого изделия». Затем аналогичным образом исследовался фрагмент ткани размерами 8×6 см с вышивкой (рис. 3: 1, 2). На нем сохранилась кромка. Перпендикулярно ей ткань срезана и параллельно срезу имеются следы подгиба и остатки шва (проколы от иглы). Вышивка выполнена шелковыми нитями красного, зеленого, желтого и светло-коричневого (неопределенного) цвета. Узор – растительный, состоящий из цветов и листьев. На изнаночной стороне фрагмента под нитями вышивки сохранились небольшие кусочки кожи. Контур вышивки выполнен тамбурным швом, иногда переходящим в шов в раскол; внутреннее заполнение – односторонняя гладь. Нити вышивки второго порядка, со слабой S-круткой (S,2z), толщиной 0,5 мм. На концах отдельные нити имеют узелки. Тип ткани – камка (рис. 3: 3). Ткань одноцветная, тканый рисунок не восстанавливается, но видно, что он был с достаточно мелкими деталями. Рисунок создается за счет сочетания двух типов переплетения: основной (3/1 Z) уточной (1/3 S) саржи. Основа – шелк светло-коричневого

Рис. 3. Фрагмент ткани с вышивкой из кургана № 10 памятника Телеутский Взвоз-I: 1 – до реставрации; 2 – после реставрации; 3 – типы переплетений; 4 – кромка; 5 – детали вышивки (фотоснимки автора и О.В. Орфинской)

Fig. 3. A fragment of fabric with embroidery from barrow No. 10 of the Teleutsky Vzvoz-I site: 1 – before restoration; 2 – after restoration; 3 – types of weaves; 4 – edge; 5 – embroidery details (the photographs are made by the author and O.V. Orfinskaya)

цвета без крутки толщиной 0,1–0,2 мм. Нити основы в кромке – шелк зеленого цвета без крутки толщиной 0,1–0,2 мм. Уток – шелк светло-коричневого цвета без крутки толщиной 0,1–0,2 мм. Плотность ткани 74/50 н/см. Кромка сохранилась с одной стороны, ее ширина 0,8 см. Состоит из 30 нитей зеленого цвета, две крайние из которых – толстые. Переплетение: саржа 3/1 Z (рис. 3: 4). В пределах кромки ткани и рядом с ней фиксируются многочисленные ткацкие ошибки. Вышивка выполнена не профессионально (тамбурный шов переходит в шов в раскол, узелки на изнаночной стороне, неровная гладь). Ткань была укреплена на какой-то кожаной основе и уже после этого на ней выполнена вышивка, уровень которой нельзя назвать идеальным (рис. 3: 5), вероятнее всего, такая работа выполнялась непрофессионалом. Можно предположить, что это был декор сумки или какой-либо части костюма. Представленная информация основана на заключениях, сделанных О.В. Орфинской. Изучение текстильных изделий золотоордынского времени необходимо продолжить в рамках разработанной программы. Следует отметить, что определение тканей из уже указанного Астраханцевского и Басандайского курганных могильников были в свое время выполнены без каких-либо интерпретаций Т.Н. Глушковой (1997) и размещены в качестве приложения в монографии Л.М. Плетневой (1997, с. 143–145). На Алтае и в Верхнем Приобье имеются и другие находки текстильных изделий эпохи Средневековья. Например, в Алтайском

государственном краеведческом музее (г. Барнаул) хранится крупный фрагмент ткани с вышивкой из погребения монгольского времени, разрушенного на памятнике Усть-Алейка-5 (Тишкин, 2009, с. 130–135, рис. 84: 1, фото 21 и 24). Предварительные суждения о ней были представлены О.В. Орфинской на основании визуального осмотра: «Основная ткань – камка с мелким, почти графическим узором. Тип переплетений: основная и уточная саржа. На лицевой стороне заплатка из такой же ткани, больше похожая на петлю. Она прошита или пришита зеленой, вероятно, шелковой нитью. Изнаночная сторона: два вида тафты различного качества. Вышивка выполнена в единой технике: плоская золотная нить (бить) наложена на ткань по рисунку и зафиксирована специальной, достаточно толстой (значит декоративной) нитью с мелким шагом, чтобы создать прерывистую полосу металла (когда он сохранился. – А.Т.). У листиков создан двойной контур (золотная нить и внутри шелковая нить), который заполнен стежками шелковой нити. Если по верхней границе изделия золотная нить уходит в шов, то это вторичное изделие...». Необходимо детальное исследование этого и других текстильных изделий из археологических памятников периода развитого Средневековья. Обобщение всех сведений о таких находках позволит сделать более существенные заключения, необходимые для реконструкции этнокультурного взаимодействия и системы жизнеобеспечения населения золотоордынского времени на юге Западной Сибири. Опыт подобного изучения уже имеется (Глушков, 2002), но он лишь частично охватил указанные хронологические рамки и базировался на материалах из археологических памятников других, более северных территорий.

Отчасти сенсационными стали находки в курганах Телеутского Взвоза-I многочисленных деталей от берестя-

ного каркаса головного убора монгольской замужней женщины (бокка, богтаг) (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002). Они позволили приступить к идентификации полных комплектов и реконструкции целых изделий. К настоящему времени выявлены остатки от шести бокк. Данное обстоятельство позволяет заключить, что указанный погребальный комплекс мог быть оставлен элитой населения рассматриваемого периода и региона. Об этом свидетельствуют обнаруженные находки и ряд обстоятельств, среди которых стоит отметить выбор особенного места на высоком и выдающемся мысу левого берега Оби.

Один набор деталей бокки отреставрирован и подготовлен к экспонированию в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ (рис. 4: 1–13). Данная кропотливая работа была выполнена ведущим художником-реставратором Института археологии и этнографии СО РАН О.Л. Швец. Изучение других комплектов и отдельных находок (рис. 4: 15) продолжается. Некоторые результаты опубликованы (Тишкин, Пилипенко, 2016). Определен широкий круг аналогий зафиксированного типа изделий, среди которых отметим хорошо известные изобразительные демонстрации (рис. 4: 14), а также находки из археологических комплексов Западной Сибири. Имеющиеся материалы из памятника Телеутский Взвоз-I позволяют решать проблемы технологического, хронологического, этносоциального и другого плана. В этом процессе важны комплексные антропологические определения, выполненные канд. ист. наук, старшим научным сотрудником Института археологии и этнографии СО РАН Д.В. Поздняковым. Все полученные результаты опубликованы (Поздняков, 2002; 2006). Осуществлен сравнительный анализ зафиксированных результатов. Судя по имеющимся данным, мужчины, погребенные в курганах Телеутского Взвоза-I, являлись пришлыми и имели хорошо выраженные черты

Рис. 4. Берестяные детали головного убора из кургана № 9 памятника Телеутский Взвоз-I после реставрации (1–13), портретное изображение (14) и часть бокки из кургана № 8 (фотоснимки автора).

Fig. 4. Birch bark details of a headdress from barrow No. 9 of the Teleutsky Vzvoz-I site after restoration (1–13), a portrait image (14) and part of the bokka from barrow No. 8 (the photographs are made by the author).

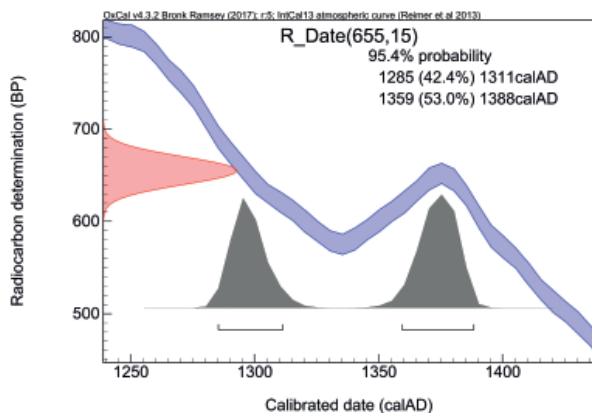

Рис. 5. Результаты калибровки радиоуглеродного датирования.

Fig. 5. The results of the calibration by radiocarbon dating.

центральноазиатской расы. Женщины также имели монголоидные признаки, но в целом они оказались более схожими с местным населением предшествующего времени. Важные детальные характеристики могут быть получены при проведении запланированного молекулярно-генетического анализа.

В заключение данной статьи остановимся на датировке рассматриваемого памятника. После детального изучения археологических находок были установлены такие хронологические рамки формирования погребального комплекса: 2-я половина XIII – начало XIV вв. н. э. (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 144). Эту датировку дополняют недавно полученные результаты AMS ¹⁴C датирования, осуществленные в США в лаборатории Калифор-

нийского университета в Ирвайне. В 2018 г. при палеогенетических исследованиях костных остатков лошадей по части образца от зуба животного, найденного во рву у кургана № 9, был установлен такой радиоуглеродный возраст – 655 ± 15 ¹⁴C л. н. (UCIAMS-208900). Калибровочные данные (рис. 5), полученные при использовании специальной программы OxCal v4.3.2, которая разработана в Оксфордском университете, оказались следующими 1285–1388 AD (95,4%); 1285–1311 AD (42,4%); 1359–1388 (53,0%). Эти данные в определенной мере подтверждают сделанные заключения, основанные на анализе археологического материала, и обозначают необходимость получения серии показателей AMS ¹⁴C датирования по возможности для большинства курганов.

Благодарности:

Автор статьи благодарен О.В. Орфинской за выполненные определения. Полные результаты всей проделанной работы планируется опубликовать отдельно. Автор также благодарен соискателю кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ С.А. Пилипенко за проделанную работу по идентификации деталей бокк.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бернитам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. № 26. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 347 с.
2. *Глушкова Т.Н.* Определение тканей из Астраханцевского и Басандайского курганных могильников // Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 143–145.
3. *Глушкова Т.Н.* Традиции ткачества и шелкового импорта на Алтае в древности // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 4. / Отв. ред. М.А. Демин, Т.К. Щеглова. Барнаул: БГПУ, 2001. С. 7–73.
4. *Глушкова Т.Н.* Археологические ткани Западной Сибири. Сургут: РИО СургПИ, 2002. 206 с.
5. *Казаков А.А.* Аварийные работы в Павловском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. II / Отв. ред. А.П. Уманский. Барнаул: АКИПРО, 1995. С. 182–187.
6. *Кожомбердиев И.К.* Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины / Ред. В.Л. Фоменко. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1963. С. 33–77.
7. *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М.: Наука, 1975. 170 с.
8. *Могильников В.А.* Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 194–200.
9. *Недашковский Л.Ф., Ракушин А.И.* Средневековые металлические зеркала с Увекского городища // Татарская археология. 1998. № 1 (2). С. 32–51.
10. *Ожередов Ю.И.* Семантика изображений на одном средневековом зеркале их Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2010. С. 144–147.
11. *Ожередов Ю.И., Плетнева Л.М., Масумото Т.* Металлические зеркала в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ: формирование и исследование собра-

ния // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения / Ред. Ю.И. Ожередов. Томск: ТГУ, 2008. С. 136–157.

12. *Плетнева Л.М.* Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.

13. *Поздняков Д.В.* Антропологический тип населения Лесостепного Алтая (по материалам могильника Телеутский Взвоз-I) // Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 168–199.

14. *Поздняков Д.В.* Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. 135 с.

15. *Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 154–268.

16. *Руденко К.А.* Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. 2004. № 1–2 (12–13). С. 111–156.

17. *Табалдиев К.Ш.* Зеркала из погребений внутреннего Тянь-Шаня // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2 / Отв. ред. О.А. Митько. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 78–81.

18. *Тишкин А.А.* Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.

19. *Тишкин А.А.* Археологические памятники монгольского времени на юге Западной Сибири и Алтае: результаты исследований и опыт интерпретации // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдинов. Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 185–198.

20. *Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А.* Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.

21. *Тишкин А.А., Ожередов Ю.И.* Металлическое зеркало золотоордынского времени из фондов Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 107–113.

22. *Тишкин А.А., Пилипенко С.А.* О Возможности реконструкции женских головных уборов монгольского времени (по материалам берестяных находок на памятнике Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 20–24.

23. *Тишкин А.А., Серегин Н.Н.* Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011. 144 с.

24. *Anke B., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.Š.* Ausgrabungen auf dem Gräberfeld von Süttü-Bulak, Raj., Kočkorka, Kyrgyzstan // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. 1997. Band 3. S. 513–570 (на нем. яз.).

Информация об авторе:

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии. Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); tishkin210@mail.ru

TELEUTSKY VZVOZ-I – A BARROW GROUP OF THE GOLDEN HORDE PERIOD IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA (RESULTS OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH)

A.A. Tishkin

The Teleutsky Vzvoz-I barrow group is located in the Pavlovsky district of the Altai Territory. It was investigated by the expeditions of Altai State University for several field seasons. As a result, 14 burial mounds have been excavated. Despite the fact that the burials were robbed, a significant amount of archaeological materials of the Golden Horde time has been obtained. The beginning of an interdisciplinary study of the finds was the X-ray

This work was supported by the Russian Science Foundation (project no. 16-18-10033 “Formation and Evolution of Life Support Systems in Nomadic Societies of Altai and Adjacent Territories in the Late Antiquity and Middle Ages: Complex Reconstruction”).

fluorescence analysis of a fragment of a metal mirror, full analogies of which are given in the paper. The use of microscopic methods was aimed at studying the detected tissue fragment, the restoration of which was carried out in the Grabar Art Conservation Scientific and Restoration Center (Moscow). Of particular importance are the numerous details of birch bark frames from the headgear of married Mongolian women (bokka, bogtag). It was possible to carry out the restoration of the complete set. This allows not only reliably reconstructing the appearance of the finished product, but also identifying other similar finds from the Teleutsky Vzvoz-I site and other complexes of Western Siberia. The anthropological definitions of the craniological collection and the first result of AMS dating became important.

Keywords: archaeological finds, south of Western Siberia, the Golden Horde time, Teleutsky Vzvoz-I, interdisciplinary studies, X-ray fluorescence analysis, microscopic methods, restoration, anthropological determinations, AMS dating.

REFERENCES

1. Bernshtam, A. N. 1952. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tian'-Shania i Pamiro-Altaia (Historical and Archaeological Essays on the Central Tien Shan and Pamir-Altaia)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 26. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
2. Glushkova, T. N. 1997. In Pletneva, L. M. *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.e. (po arkheologicheskim istochnikam) (Tomsk Ob River Region in the Early 2nd Millennium AD (on the Basis of Archaeological Sources))*. Tomsk: Tomsk State University, 143–145 (in Russian).
3. Glushkova, T. N. 2001. In Demin, M. A., Shcheglova, T. K. (eds.). *Etnografii Altaia i sopredel'nykh territorii (Ethnography of Altai and Adjacent Territories)* 4. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University, 7–73 (in Russian).
4. Glushkova, T. N. 2002. *Arkheologicheskie tkani Zapadnoi Sibiri (Archaeological Tissues from Western Siberia)*. Surgut: Editorial and Publishing Unit of Surgut State Pedagogical University (in Russian).
5. Kazakov, A. A. 1995. In Umanskii, A. P. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo nasledii Altaiiskogo kraia. Vyp. V. Ch. II (Preservation and Studying of the Cultural Heritage of Altai Krai. Issue V. P. II)*. Barnaul: "AKIPRO" Publ., 182–187 (in Russian).
6. Kozhombardiev, I. K. 1963. In Fomenko, V. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Talasskoi doliny (Archaeological Sites of the Talas Valley)*. Frunze: Academy of Sciences of the Kirgiz Soviet Socialist Republic, 33–77 (in Russian).
7. Lubo-Lesnichenko, E. I. 1975. *Privoznye zerkala Minusinskoy kotloviny. K voprosu o vneshnikh svyazyakh drevnego naseleniya Yuzhnoy Sibiri (Imported Mirrors of the Minusinsk Basin. The Issue of External Relations of the Ancient Population of South Siberia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Mogil'nikov, V. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 194–200 (in Russian).
9. Nedashkovskii, L. F., Rakushin, A. I. 1998. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 2 (1), 32–51 (in Russian).
10. Ozheredov, Yu. I. 2010. In Tishkin, A. A. (ed.). *Torevtika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Evrazii (Toreutics in Ancient and Medieval Cultures of Eurasia)*. Series: Proceedings of the Siberian Association of Prehistoric Art Research VI. Barnaul: "Azbuka" Publ., 144–147 (in Russian).
11. Ozheredov, Yu. I., Pletneva, L. M., Masumoto, T. 2008. In Ozheredov, Yu. I. (ed.). *Kul'tury i narody Severnoi Azii i sopredel'nykh territorii v kontekste mezhdistitsiplinarnogo izucheniia (Cultures and Peoples of North Asia and Adjacent Territories in the Context of Interdisciplinary Studies)*. Tomsk: Tomsk State University, 136–157 (in Russian).
12. Pletneva, L. M. 1997. *Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arkheologicheskim istochnikam) (Tomsk Ob River Region in the Late Middle Ages (Based on Archaeological Sources))*. Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russian).
13. Pozdnyakov, D. V. 2002. In Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V., Kazakov, A. A. *Kurgannyi mogil'nik Teleutskii Vzvoz-I i kul'tura naseleniia Lesostepnogo Altaia v mongol'skoe vremia (Teleutsky Vzvoz-I Barrow Burial Ground and the Culture of the Population of the Forest-Steppe Altai in the Mongol Period)*. Barnaul: Altay University Publ., 168–199 (in Russian).
14. Pozdnyakov, D. V. 2006. *Paleoantropologiya naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri epokhi srednevekov'ia (vtoraia polovina I – pervaiia polovina II tys. n.e.) (Paleoanthropology of the Population of the South of Western Siberia in the Middle Ages (Second Half of 1st - First Half of 2nd Millennia))*

AD)) Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).

15. Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 154–268 (in Russian).

16. Rudenko, K. A. 2004. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 1–2 (12–13), 111–156 (in Russian).

17. Tabaldiev, K. Sh. 1999. In Mit'ko, O. A. (ed.). *Evraziia: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii (Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilizations)* 2. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 78–81 (in Russian).

18. Tishkin, A. A. 2009. *Altai v mongol'skoe vremia (po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov) (Altai in the Mongol Period (Based on Archaeological Sites Materials))*. Barnaul: "Azбука" Publ. (in Russian).

19. Tishkin, A. A. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 185–198 (in Russian).

20. Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V., Kazakov, A. A. 2002. *Kurgannyi mogil'nik Teleutskii Vzvoz-I i kul'tura naseleniia Lesostepnogo Altaia v mongol'skoe vremia (Teleutsky Vzvoz-I Barrow Burial Ground and the Culture of the Population of the Forest-Steppe Altai in the Mongol Period)*. Barnaul: Altay University Publ. (in Russian).

21. Tishkin, A. A., Ozheredov, Yu. I. 2010. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (4), 107–113 (in Russian).

22. Tishkin, A. A., Pilipenko, S. A. 2016. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 43 (5), 20–24 (in Russian).

23. Tishkin, A. A., Seregin, N. N. 2011. *Metallicheskie zerkala kak istochnik po drevney i srednevekovoy istorii Altaya (po materialam Muzeya arkheologii i etnografii Altaya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta) (Metallic mirrors as sources for ancient and medieval history of Altay (on materials of Museum of archaeology and ethnology of Altay of Altay State University))*. Barnaul: "Azбука" Publ. (in Russian).

24. Anke B., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.Š. Ausgrabungen auf dem Gräberfeld von Sütütü-Bulak, Raj., Kočkorka, Kyrgyzstan. *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*. 1997. Band 3. S. 513–570 (in German).

About the Author:

Tishkin Alexey A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Altai State University. Lenin Avenue, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; tishkin210@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2020 г.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ЗОРОАСТРИЙСКИЕ СОСУДЫ ИЗ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

© 2020 г. Б.А. Байтанаев, Б.А. Железняков

В статье рассматриваются два керамических погребальных сосуда, из Южного Казахстана. Первый – оссуарий, овально-вытянутой формы (цельный, без крышки и орнамента, на ножках), который был найден в среднем течении р. Арыси. Второй сосуд – хум с крышкой и специальными ушками на тулове для привязывания крышки, найденный близ городища Шымкент, возможно на его раннесредневековом некрополе. Данный сосуд экспонируется в краеведческом музее города Шымкент. Это уникальные находки, связанные с зороастрийским/маздеистским способом захоронения региона Средней Сырдарьи. Как зафиксировала наука, с V в. н.э. катакомбный обряд захоронения повсеместно на правобережье Сырдарьи меняется на наусный. Этот обряд предполагал дальнейшее окончательное захоронение костных останков в керамических сосудах или других вместилищах, либо без них в специфических местах ландшафта, не связанных с активной жизнедеятельностью общества. Находка оссуария и погребального хума крайне важны для реконструкции местного варианта зороастрийского погребального обряда региона в период V–VIII вв. н.э.

Ключевые слова: археология, оссуарий, хум-костехранилище, наус, Южный Казахстан, долина реки Арысь.

В 2016 г. в размыве неглубокого оврага местным жителем были обнаружены фрагменты керамического оссуария с человеческими костями (фрагментированный череп располагался рядом) и керамический кувшин. Находки были переданы в краеведческий музей г. Шымкента для реставрации, атрибуции и сохранения. Место находки чуть позже указано автору этой статьи. Оно локализуется в долине среднего течения р. Арысь в 4 км к западу от районного центра Темирлановка Южно-Казахстанской области Республики Казахстан (в 40 км к северо-западу от г. Шымкента), на верхней речной террасе. Это первая находка оссуария в регионе¹, несмотря на близость к центрам зороастрийской погребальной традиции. Находка имеет важное значение для реконструкции погребального обряда региона в хронологическом диапазоне V(IV)–VIII вв. н. э., культурных и политических влияний периода.

Примерно в десяти километрах от места находки, ниже по течению реки (на левом берегу), начинается самый крупный могильник Южного Казахстана – Борижарский, где в (семейных?)

наусах происходили подготовительные мероприятия к захоронениям, совершаемым по доисламской традиции (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005, с. 139–148). Захоронения на могильнике доисламского времени осуществлялись в течении тысячелетия (до VIII в. н.э.), за это время кардинально сменился и погребальный обряд с «катакомбного» на «наусный» в V в. н.э. Некрополь маркирует собой культовый центр античного и раннесредневекового оазиса Средней Арыси. Не имеющий аналогов по числу захоронений, могильник растянулся на 13 км на высокой террасе у политических и культовых центров оазиса, локализуемых на городищах Жуантобе и Караспантобе, вероятнее всего, ведущих начало от легендарной Кангхи (Байтанаев, 2012, с. 42–61).

Окончательное захоронение оссуариев/сосудов с костями, как предполагается, осуществлялось в специально выбранных местах, которые в Южном Казахстане пока остаются не выявленными в отличие от Хорезма, Согда и других соседних регионов с единой культурной традицией. Это может быть связано и со стремлением скрывать ме-

ста уже изначально при устройстве мест захоронений. Угроза отправлению языческих обрядов для населения региона существовала со времени проникновения арабов в Среднюю Азию (после 651 г.). Реальная, со времени (зафиксированных) походов арабов в Средней Сырдарьи в 737–739 гг. После 820-х гг., с изменением всего строя жизни: строительством мусульманских сооружений, длинных стен, рабадов, сопровождаемых военной силой, отправлять языческие культы становится невозможным (Железняков, 2010).

Артефакт – первая находка костехранилища – керамический оссуарий из региона Средней Арыси. Факт его находки в полной мере «укладывается» в реконструкции зороастрийского/маздеистского обряда, сформулированного в последние полтора-два десятилетия. Вполне возможно, что его форма воспроизводит архитектуру хотя бы части местных наусов, моделью чего являлся оссуарий. Эта форма несколько отличается от известной реконструкции, например, пенджикентских наусов (Смагулов, 2004, с. 46). В широкий арочный проем-вход вкладывались кости; верхнее подпрямоугольное отверстие для постоянной вентиляции, видимо, и духовных связей с «вечной душой» (рис. 1–3). Переходу души умершего в мир иной «должен был способствовать весь сложный цикл обрядов». Четыре относительно высокие ножки «обеспечивали» стерильность поверхности земли, предусматривая возможность переноски костей и ритуального участия их в обрядах. Светлый ангоб, которым покрыто изделие керамиста, по-видимому, воспроизводит сырцовую архитектуру наусов домусульманского периода региона. Овально-вытянутая форма изделия, возможно, намеренно искажала архитектурные формы наусов, но была удобной для вмещения в нее очищенных костей умершего совместно с черепом.

Описание. Оссуарий относится к овальному типу: овальной формы в горизонтальном сечении. Размеры: длина – 56 см, ширина – 35 см, высота – 48 см, высота ножек около 10 см. Достаточно крупное и массивное керамическое изделие, произведенное ленточным способом ручной лепкой на четырех цилиндрических ножках. Все изделие покрыто светло-коричневым ангобом. Имеет два отверстия: первое – крупное, фронтально-боковое, расположенное с узкого торца для вложения туда костей без черепа (который не может войти в размеры этого «входа», да и в сам оссуарий). Имеется и боковая стенка-дверца, которой это отверстие закрывалось, подогнанная под размеры отверстия. У отверстия имеется рифленый выступ для закрепления там боковой «крышки». В месте крепления крышки отмечены совпадающие отверстия на боковой крышке и у самого оссуария, чтобы привязывать дверцу. Второе отверстие – расположено сверху, скорее, ритуальное, устроенное в «своде» оссуария, которое не закрывалось и, очевидно, служило для вентиляции, возможно, и для «беспрепятственной связи» души и костных останков. В этой связи имеются сведения об учении о воскрешении человека, уподобленного богу, в зороастризме. На узком, противоположном от отверстия-«входа» торце имеются вертикальные утолщения – рельефные «жгуты» высотой 20 см.

Оссуарий, судя по условиям находки фрагментов, был раздавлен слоями почвы, под которой он был захоронен. Был собран из 12 фрагментов, один фрагмент не был найден. Один из фрагментов – накладка на входное отверстие. Как известно, наусы закрывались массивными керамическими дверцами с ручками или же из дерева, последние не сохранились. При этом сложно говорить о датировке оссуария, поскольку прямых аналогий ему пока не найдено, тем более хорошо датированных артефактов.

Рис. 1–2. Общие виды керамического оссуария, долина р. Арысь, масштаб, фото.

Fig. 1–2. General view of the ceramic ossuary, Arys River valley, scale, photo.

Вместе с фрагментами оссуария был обнаружен и керамический кувшин весьма типичных формы и размеров. Сосуд был изготовлен на круге, покрыт светло-коричневым ангобом, а также традиционными для той духовной культуры темно-коричневыми потеками «изобилия». Высота – 23,5, ширина – 18,5, ширина венчика – 8 см. Сосуд с широким туловом, небольшой вертикальной петлевидной ручкой, отходящей от плечика к неявно выраженному валику под венчиком. Предварительно кувшин может быть датирован началом второй половины I тыс. н. э., возможно, и раньше. При этом, надо сказать, что традиция в гончарстве значительно превалировала над новаторством до VII–VIII вв. н. э. практически с начала новой эры, тем самым определение хронологии захоронения в оссуарии по типологии сопровождающего его сосуда затруднена.

Это не единственная **находка костехранилища** из Южного Казахстана. Известна находка керамического хума, специально изготовленного для заказчика для последнего упокоения костей умершего, в непосредственной близости городища Шымкент, на ближайшей возвышенности, которая, по-видимому, и использовалась в качестве городского некрополя в домусульманское вре-

мя, на территории современного парка (рис. 4, 5). Этот хум уже долгие годы является экспонатом краеведческого музея. Размеры: высота – 56 см, максимальная ширина – 42 см. В верхней части тулова сразу ниже горловины были изготовлены три ушка для того, чтобы подвязывать покрывающую сверху хум чашку, которая несколько превышает ширину внешнего края венчика диаметром 27 см. Дно хума широкое – 34 см, очевидно, для вместимости и устойчивости. Чашка, которой накрывался хум-костехранилище сверху, была специально изготовлена для этой цели: посредине имеется отверстие диаметром менее 1 см, но это не давало использовать ее по хозяйственным потребностям, а также было изготовлено для «общения» костей с невидимым миром.

Традиция (окончательного) захоронения (очищенных) костных останков в керамических (каменных, алебастровых) сосудах зафиксирована практически повсеместно в доисламской Средней Азии с III–IV вв. до н. э. Однако это пока десятки и сотни оссуариев. В античное время обряд был распространен исключительно в Хорезме (судя по имеющемуся материалу). Известно, что по распространенной версии (о чем писали многие известные ученые), Хорезм был одним из «малых» владений

Рис. 3. Вид погребального сосуда со всех 6 сторон, масштаб, фото, долина р. Арысь.

Fig. 3. View of burial vessel from all 6 sides, scale, photo, valley of Arys river.

Кангюя в период расцвета последнего, тем самым, в Кангюй обычай мог быть занесен из Хорезма, где подобный обычай культивировался уже долгие столетия.

Как установлено исследованиями, примерно к IV–V вв. н. э. подобный обряд захоронения стал устойчиво практиковаться и на широкой территории Средней Азии, хотя в Хорезме он известен задолго до этого времени, туда он проникает не позднее IV в. до н. э. Ю.А. Рапопорт, отвечая на аналогичный вопрос, как и когда подобный обряд проникает в Парфию, отмечает, что это было не ранее середины I в. н. э.; обряд отмечается у парфян-завоевателей Месопотамии и Сирии, а также в Маргиане, обнаружен небольшой некрополь с оссуариями, датируемый рубежом эр (Рапопорт, 1971, с. 16). В Иране же практически отсутствуют находки оссуариев. К ахеменидской эпохе относятся 2 каменных костехранилища и полностью отсутствуют для сасанидской эпохи (Рапопорт, 1971, с. 16–17). Главные отличия в доисламском обряде родственных в культурном плане областей заключаются в том, что среднеазиатские костехранилища можно было перемещать, тогда как в Иране хоронили в скальных нишах и склепах (Рапопорт, 1971, с. 16–17). Ю.А. Рапопорт предлагает искать истоки зороастрийского обряда погребения не в зороастризме, а

в дозораастрийских верованиях ираноязычных народов (Рапопорт, 1971, с. 19).

В период V–VIII вв. наземные склепы, безусловно не являлись единственным типом погребальных сооружений в регионе, но по имеющимся данным, это был самый распространенный, господствующий тип среди городского и оседло-земледельческого населения Южного Казахстана (Байпаков, Смагулов, Ергигитова, 2005, с. 148). С.Е. Ажигали писал, что «по архитектурному облику наземные склепы вполне правомерно рассматривать как дальнейшее развитие традиции наземных гробниц из камня (Бегазы) или дерева (Бесшатыр)» (Ажигали, 2002, с. 252). При этом обряд очищения костей ранее не фиксировался в предшествующих культурах.

Явные предшественники этого обряда пока лишь на Ближнем Востоке. Появлению обряда в Хорезме предшествует 70-летнее Вавилонское пленение в VI в. до н. э. Согласно иудейскому обряду захоронения (еще с X в. до н. э.) иудея первоначально хоронили в склепе в деревянном гробу или без гроба. Через год происходило очищение костей, то есть перезахоронение «омытых» костей в оссуариях или сосудах-оссуариях (Михеева (Китаева), 2017, с. 307). Иудейский обряд времен Иисуса Христа также предусматривал первичное захоронение в специальной каменной постройке или высеченной в скале пе-

Рис. 4. Хум – погребальный сосуд с «ушками» под горловиной для привязки крышки, масштаб, фото. Случайная находка поблизости от городища Шымкент.

Fig. 4. Hum – burial vessel with "ears" under the neck for tie of the lid, scale, photo. Occasional find near the Ancient town of Shymkent.

щере – гробнице. Лишь через год после возложения тела (в Палестине процессы разложения протекают быстро), когда плоть разложится, собирали кости и складывали их в оссуарии или даже в ямку в самой гробнице. Возможно, будущие исследования покажут именно эту линию заимствования оссуарного обряда культурой Древнего Хорезма.

Краткие сведения о находках оссуариев в Казахстане. До последнего времени единственным местом в Казахстане, где массово находились оссуарии самых разных форм, их фрагменты, было городище раннесредневекового Тараза и его некрополь. В фондах областного историко-краеведческого музея г. Тараз собрано несколько оссуариев, главным образом это случайные находки. Стенки этих керамических сосудов богато орнаментированы, отдельные крышки украшены скульптурными налепными головками. Обращает на себя внимание полное разнообразие оформления, да и форм сосудов: интересны юртообразный оссуарий, другой на стенках имеет скульптуры старцев с лопатообразной бородой, неглубокими дорожками вместо глаз. А в других оссуариях помещены две стоящие по углам фигурки, напоминающие тюрк-

ские каменные изваяния. Эти захоронения датируются V–VII вв. н. э.

Первая находка оссуария в центре Тараза произошла в 1904 г. и была зафиксирована начальником Аулие-Атинского уезда, членом Туркестанского кружка любителей археологии В.А. Каллауром. В 1927 г. в Аулие-Ате производил раскопки М.Е. Масон, обнаруживший несколько зороастрийских и несторианских погребений (Сенигова, 1972, с. 114). Большой интерес для реконструкции вариантов обрядов, которые можно связать с зороастризмом/маздеизмом представляют захоронения, обнаруженные и частично исследованные в прилачной части массива Тектурмас, примыкающего к Таразу, на правом берегу реки Талас. Жамбылский археологический пункт с 1946 г. при Институте истории, археологии и этнографии АН КазССР, возглавляемый Г.И. Пацевичем, провел «рекогносцировочные» раскопки нескольких западин, проверяя сведения ранних информаторов о неоднократных находках сосудов с человеческими костями. Работниками археологического пункта были вскрыты еще два более древних кладбища. На восточном склоне возле современного христианского кладбища обнаружены захоронения последователей культа «Зороастра» («огнепоклонников»). Кладбище это, судя по результатам раскопок, существовало с VII по XII вв. Г.И. Пацевич пишет, что «согласно требованиям этого культа, трупы умерших выставлялись на возвышенное место, где кости трупа очищались от мяса, выставляли для птиц и даже для этого держали собак» (Пацевич, 1948, с. 99). Вскоре после массового принятия ислама на рубеже IX–X вв. основной частью

Рис. 5. Крышка от погребального хума, Шымкент, масштаб, фото.

Fig. 5. The lid of burial khum, Shymkent, scale, photo.

населения, проведение открытых масовых обрядов на некрополях прекратилось.

В этой связи В.А. Кольченко относительно датировок чуйских оссуариев отмечал явную тенденцию к омоложению их возраста со стороны исследователей от V–VII вв. к VIII–X вв. по целому комплексу/совокупности источников для Чуйской долины (Кольченко, 1999, с. 53–54). В связи с датировками Г.И. Пацевича нам также представляется справедливым аналогичное замечание по отношению к зороастрийским древностям Тараза.

Т.Н. Сенигова в своих работах подробно останавливается на всех известных типах оссуариев из Тараза, сообщает о том, что «хранители традиций» этого обряда сохранялись до последних десятилетий (Г.А. Кушаев сообщил о пожилем жителе Сергеевки (ныне Бесмойнака Жамбылского района Алматинской области), считавшемся «святым», поскольку сам очищал кости умерших) (Сенигова, 1968, с. 55–56). В частности, Т.Н. Сенигова останавливается на особенностях хумных захоронений костей и на небольших кувшинчиках высотой 8,5–12 см, содержащих остатки жертвоприношений, сопровождавших захоронения (Сенигова, 1968, с. 57–61). Распространенными формами

оссуариев являлись керамические изделия, которые воспроизводили форму юрт, их поверхности богато украшены геометрическим или растительным орнаментом, воспроизводящим реальные кошмы, а также передавали убранство: кереге, уки, шанырака. В ряде случаев центром фасада оссуария являлась дверь, а ее границей являлся рельефный жгут, украшенный зашипами пальцев (Сенигова, 1968, с. 54–55). Об относительно частых случайных находках захоронений костей именно в хумах в слоях доисламского Тараза, а также на некрополе Тектурмаса, которые обнаруживались при хозяйственных работах в 30-х гг. XX в., тщательно собирал сведения Г.И. Пацевич, при этом описывая обстоятельства находок: «в камне открывалась ниша, в которых стояли сосуды с крышками, а рядом с сосудом стоял череп» (Пацевич, 1948, с. 98–100).

Видимо, логично говорить о связи погребального обряда Тараза и Чуйской долины с «согдийцами», на это указывает и датировка, и общность судеб регионов на трассе Великого Шелкового пути. Широко известными стали оссуарии из Краснореченского городища (памятников Чуйской долины Кыргызстана, где учтено чуть более 30 единиц раннесредневековых оссуариев) (Кольченко, 1999, с. 49–54). Рассматривая вопросы хронологии, В.А. Кольченко приводит несколько рубежей, которыми могут быть датированы отдельные типы оссуариев из некрополей и случайных находок Чуйской долины, начиная с VI в. до периода исламизации региона (Кольченко, 1999, с. 49–54).

Значительно больше находок, связанных с погребальными обрядами зороастрийцев, накоплено по регионам Согда, Хорезма, смежным культурно-историческим областям, где до укрепления мусульманской культуры обряд был распространен в различных его локальных вариантах маздеизма/зороастризма. Находки там массовые, а типология более проработанная, про-

ведены сопоставления с дошедшими источниками. Религиозные установки относительно обряда зороастрийцев содержатся в частности в «Видевдате» и, опираясь на эти сведения, подобные артефакты и интерпретировались.

Изучение оссуарного погребального обряда в Средней Азии. Впервые оссуарии были найдены в 1871 г. при хозяйственных работах в Ташкенте в саду полковника Раевского, затем в 1885 г. профессор Петербургского университета Н.И. Веселовский при раскопках на Афрасиабе нашел большое количество глиняных черепков с изображениями людей и животных (Бартольд, 1966, с. 155–156). С этого времени сообщения о находках оссуариев становятся регулярными, а публикации наполняются содержанием реконструкций погребального обряда. По мнению Ю.А. Раппорта, из опубликованных в 1907–1909 К.А. Иностранцевым основных выводов из исследований оссуариев, перешедших в советскую и зарубежную литературу, лишь очень немногие потребовали пересмотра (Раппорт, 1971, с. 11). В.Г. Шкода сопоставляет оссуарий из Каттасая (Северный Таджикистан) и разреза по фасаду главного здания храма I в Пенджикенте (Шкода, 2009, 127–130).

Хорезмийские оссуарии обнаруживают самое большое разнообразие видов: статуарные, в виде домов, храмов, погребальных сооружений и других. Кроме того, именно они самые древние (из известных на сегодня в Центральной Азии): с IV – начала III вв. до н. э. и до 750–775 гг. н. э., как это удалось установить А.В. Гудковой и В.А. Лившицу по надписям на ток-калинских оссуариях (Раппорт, 1971, с. 104). Ю.А. Раппорт прослеживает по оссуариям самые разные культы: предков, династические и аграрные, а также воскресающего божества, возможно ключевого в обряде, связанном с оссуарным обрядом (Раппорт, 1971, с. 118). В Приложении к монографии Ю.А. Раппорта при-

ведены все на тот момент доступные данные по известным оссуариям, собранным, исследованным в Хорезме в период 1928–1969 гг., всего чуть более 70 случаев находок (Раппорт, 1971, с. 123–125). В Согде к 1990-му году Л.В. Павчинской было учтено 272 оссуария (Павчинская, 1990, с. 8). Обнаружены оссуарии и в Ташаузской области Туркменистана, прилегающей к Хорезму (Вязигин, 1948).

В одну из наиболее близких в культурно-географическом отношении областей для Южного Казахстана Чач и Согд зафиксированный наукой оссуарный обряд проникает относительно поздно. Типы костехранилищ в Согде – бытовые сосуды хумы и оссуарии, которые помещались в наземные наусы или закапывались в землю. Наиболее ранние из них – Лявандак, Кую Мазар, Тургай-Мазар, Афрасиаб – относятся к IV–VI вв. н. э. Основные же оссуарные некрополи в Согде – Бия Найман, Иштыхан, Пенджикент, так же как и отдельные находки оссуариев, сделанные Мианкале и Кашкадарье, датируются в пределах VI–VIII вв. н. э. (Пугаченкова, 1986, с. 124–125). В Чаче, Уструшане, Фергане наиболее ранние и весьма редкие погребальные памятники, связанные со вторичными захоронениями, относятся к IV–V вв. н. э., большинство же их датируется VI–VIII вв. н. э. (Массон, 1953, с. 28–31). Большинство находок оссуариев здесь связаны со случайными находками. В свою очередь в Хорезме вскрытие наусов происходило в рамках исследований, в частности некрополя Ток калы, на других памятниках. Наиболее интересными находкам в наусах были оссуарии (Гудкова, 1968, с. 215). В приведенной М.Б. Мейтарчиян типологии хорезмийских оссуариев кушано-сасанидской эпохи видно, что подавляющее большинство костехранилищ имеют ножки и, наоборот, в согдийских оссуариях ножки отсутствуют (Мейтарчиян, 2001, рис. 15–25). Тем самым в регионе Центральной Азии

самые древние оссуарии зафиксированы именно в Хорезме и, видимо, оттуда они широко распространились в близкой идеологической среде в течение нескольких веков.

Весьма предварительные результаты сопоставления казахстанских и среднеазиатских материалов относительно особенностей оссуариев имеют интересные параллели. Хорошо известны юрты с крестами из Тараза, сопоставляемые с захоронениями местных христиан-тюрок (карлуков), принявших несторианство. Также оссуарии-юрты известны из района Ташкента с имитацией веревок и других конструктивных реалий синхронных им жилищ (Вайнштейн, 1976, с. 48). Кресты на юртообразных оссуариях сопоставляются с недавними данными по христианству Южного Узбекистана (Нахшаба), которые в свою очередь переключаются с материалами христианского кладбища близ Мерва. С той лишь разницей, что в Мерве керамические цилиндры были обожженные, а в подземной части монастыря Коштета Нахшабского – необожженные. Погребальные цилиндры диаметром до 55 см и высотой до 60 см (Раимкулов, 2001, с. 149). Это далеко не полный перечень подобных артефактов. Факты могут свидетельствовать о глубоком синкретизме населения Турана середины I тыс. н. э., стремившегося к единению в отношении к смерти как продолжению жизни.

В.В. Бартольд о типологии оссуариев писал, что преимущественно овальные (корзинообразные) находятся от Ташкента до Тараза, а прямоугольные (ящичные) – в Самарканде, хотя случаются и находки овальных в последнем. Кроме того, все оссуарии находились с крышками или должны были быть с крышками изначально (Бартольд, 1966, с. 169–170). Теперь круг источников значительно расширился и различные

по типологии оссуарии стали шире представлены (Кольченко, 1999).

Заключение. Оссуарный погребальный обряд широко распространяется в первой половине I тыс. до н. э. среди населения, разделявшего общее мировоззрение. Находки оссуариев зафиксированы в Хорезме, Согде, Чаче, других соседних областях, например, в Фергане (Баратов, 1991, с. 12). По-видимому, этот обряд распространяется из Хорезма, где зафиксированы наиболее ранние (в том числе и статуарные) оссуарии, найденные в районе Кой-Крылган-Калы. По заключению Ю.А. Рапопорта, датируются начиная с IV–III вв. до н. э. (Рапопорт, 1971, с. 38).

Оба публикуемых сосуда фиксируют наличие зороастрийской традиции (погребального обряда) в Южном Казахстане. По-видимому, оссуарий из Темирлановки, его тип (с высокими ножками) может свидетельствовать о том, что обряд проникает в регион Южного Казахстана из Хорезма. Наличие ножек у оссуариев свидетельствует о соблюдении догмата об изоляции праха от земли (в ритуалах или при захоронении). Что свидетельствует о развитой культовой составляющей обрядов зороастрийцев (маздаяснийцев) региона. Можно предположить, что в оссуарии были захоронены кости служителя культа или знатного мирянина (находки пока единичные). Тем самым для Южного Казахстана находки уникального погребального оссуария и хума с крышкой поднимает значительное число вопросов: о степени вовлеченности и массовости региона в ареал авестийской религии, о регионе, откуда была воспринята эта традиция, и когда и в связи с какими событиями, реформами? Дальнейшие исследования проблематики, связанной с погребальными сосудами, помогут ответить на эти и более частные вопросы.

Примечание

¹ Археологом А. Донцом была проведена реставрация сосуда (склеен из 12 фрагментов), возвращена форма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ажигали С.Е.* Архитектура кочевников: феномен истории и культуры Евразии. Алматы: Гылым, 2002. 654 с.
2. *Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А.* Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: ВАУР, 2005. 224 с.
3. *Байтанаев Б.А.* История Шымкента. 2200 лет по археологическим источникам. Алматы: Хикари, 2012. 252 с.
4. *Баратов С.Р.* Культура скотоводов Северной Ферганы в древности и раннем средневековье (по материалам курумов и мугхона). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1991. 26 с.
5. *Бартольд В.В.* К вопросу об оссуариях Туркестанского Края // Сочинения. Т. IV. М.: Наука, 1966. С. 154–171.
6. *Вайнштейн С.И.* Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. № 4. С. 42–62.
7. *Вязигин С.А.* Оссуарии с городища Калалы-гыр 1 Ташаузской области Туркменской ССР // ВДИ. 1948. № 3. С. 150–154.
8. *Гудкова А.В.* Новые материалы по погребальному обряду VII–VIII вв. в Кердере (Северный Хорезм) // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 214–224.
9. *Железняков Б.А.* Об особенностях формирования городских рабадов в IX–X вв. на юге Казахстана (городища с длинными стенами) // Изв. МОН РК, НАН РК, сер. общественных наук. 2009. № 1 (268). С. 174–195.
10. *Кольченко В.А.* К типологии оссуариев Чуйской долины // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Вып. 2 / Отв. ред. В.М. Массон. Бишкек: Мурас, 1999. С. 49–54.
11. *Массон В.Е.* Ахангеран. Ташкент: Изд-во АН Узб. ССР, 1953. 147 с.
12. *Мейтарчян М.Б.* Погребальные обряды зороастрийцев. М.; СПб.: Институт востоковедения РАН : Летний сад, 2001. 248 с.
13. *Михеева (Китаева) А.А.* К вопросу об интерпретации захоронений некрополя древнего Мерва // КСИА. Вып. 247. 2017. С. 296–313.
14. *Павчинская Л.В.* Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1990. 20 с.
15. *Пацевич Г.И.* Зороастрийское кладбище на горе Тик-Турмас // Известия АН Каз. ССР. Серия археологическая. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1948. Вып. 1. С. 98–104.
16. *Пугаченкова Г.А.* Шедевры Средней Азии. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1986. 224 с.
17. *Раимкулов А.А.* Христианские погребальные цилиндры из Коштепа Нахшабского // История материальной культуры Узбекистана. № 32. Ташкент: Фан. 2001. С. 147–149.
18. *Рапопорт Ю.А.* Из истории религии Древнего Хорезма (оссуарии) / Тр. ХАЭЭ. Вып. VI. М.: Наука, 1971. 128 с.
19. *Сенигова Т.Н.* Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI–VIII вв.) // Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 51–67.
20. *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз, Алма-Ата: Наука, 1972. 228 с.
21. *Шкода В.Г.* Пенджикентские храмы и проблема религии Согда (V–VIII вв.). СПб: ГЭ, 2009. 280 с.

Информация об авторах:

Байтанаев Бауыржан Абишевич, Академик Национальной АН РК, доктор исторических наук, директор. Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН Республики Казахстан; Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан); baytanaev@mail.ru

Железняков Борис Анатольевич, магистр, старший научный сотрудник, докторант, Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби. Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Республика Казахстан); boriszheleznyakov@mail.ru

ZOROASTRIAN FUNERARY VESSELS FROM SOUTH KAZAKHSTAN

B.A. Baitanaev, B.A. Zheleznyakov

The paper describes two ceramic funerary vessels from Southern Kazakhstan. The first one is an oval elongated ossuary (solid, with no lid or ornamentation, on legs), discovered in the middle reaches of the Arys river. The second vessel is a khum with a lid and special lugs on the body for tying the lid, discovered near Shymkent settlement, possibly on its Early Medieval necropolis. This vessel is exhibited in the Museum of Local Lore of Shymkent.

These unique findings are associated to the Zoroastrian/Mazdean burial technique of the Middle Syr Darya region. According to scientific information, since the 5th century AD the catacomb burial rite was replaced with the Naous rite across the entire right bank of the Syr Darya. This rite consisted in subsequent final burial of bone remains in ceramic vessels or other containers, or without them, in dedicated locations of the landscape, not associated with the active life of society. The discovery of the ossuary and funerary khum is extremely important for the reconstruction of the local version of the Zoroastrian funerary rite of the region practiced in the 5th – 8th centuries AD.

Keywords: archaeology, ossuary, khum – bone depository, naus, Southern Kazakhstan, Arys river valley.

REFERENCES

1. Azhigali, S. E. 2002. *Arkitektura kochevnikov: fenomen istorii i kul'tury Evrazii (Nomad Architecture: the Phenomenon of Eurasian History and Culture)*. Almaty: "Gylm" Publ. (in Russian).
2. Baipakov, K. M., Smagulov, E. A., Erzhigitova, A. A. 2005. *Rannesrednevekovye nekropoli Yuzhnogo Kazakhstana (Early Medieval Necropolises of Southern Kazakhstan)*. Almaty: "BAUR" Publ. (in Russian).
3. Baitanayev, B. A. 2012. *Istoriia Shymkenta. 2200 let po arkhelogicheskim istochnikam (History of Shymkent. 2200 Years According to Archaeological Sources)*. Almaty: "Hikari", Publ. (in Russian).
4. Baratov, S. R. 1991. *Kul'tura skotovodov Severnoi Fergany v drevnosti i rannem srednevekov'e (po materialam kurumov i mugkhona) (The culture of Northern Fergana herdsmen in Antiquity and the Early Middle Ages (based on corrom and mughona materials))*. PhD Thesis. Samarkand (in Russian).
5. Bartol'd, V. V. 1966. In *Sochineniia (Works)* 4. Moscow: "Nauka" Publ., 154–171 (in Russian).
6. Vainshtein, S. I. 1976. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (4), 42–62 (in Russian).
7. Vyazigin, S. A. 1948. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 3. 150–154 (in Russian).
8. Gudkova, A. V. 1968. *Istoriia, arkheologiia i etnografiia Srednei Azii (History, Archaeology and Ethnography of Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 214–224 (in Russian).
9. Zhelezniakov, B. A. 2009. In *Izvestiia MON RK, NAN RK, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* (1), 174–195 (in Russian).
10. Kol'chenko, V. A. 1999. In Masson, V. M. (ed.). *Novoe o drevnem i srednevekovom Kyrgyzstane (Novelty about Ancient and Medieval Kyzgystan)* 2. Bishkek: "Muras" Publ., 49–54. (in Russian).
11. Masson, V. M. 1953. *Akhangeran*. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbekistan Soviet Socialist Republic (in Russian).
12. Meitarchiian, M. B. 2001. *Pogrebal'nye obriady zoroastriitsev (Burial Rites of the Zoroastrians)*. Moscow, Saint Petersburg: Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, "Letnii sad" Publ. (in Russian).
13. Mikheeva (Kitaeva), A. A. 2017. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (248). 296–313 (in Russian).
14. Pavchinskaya, L. V. 1990. *Rannesrednevekovye ossuarii Sogda kak istoricheskij istochnik (Early Medieval ossuary as archaeological source)*. PhD Thesis. Samarkand (in Russian).
15. Patsevich, G. I. 1948. In *Izvestiia Akademii Nauk Kazakhskoi SSR. Serii arkhelogicheskaya (Bulletin of the Academy of Sciences of Kazakh SSR. Social Sciences)* 1. Alma-Ata: Academy of Sciences of Kazakh SSR Publ., 98–104 (in Russian).
16. Pugachenkova, G. A. 1986. *Shedevry Srednej Azii (Masterpieces of Middle Asia)*. Tashkent: "Literature and Art" Publ. (in Russian).
17. Raimkulov, A. A. 2001. In *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 32. Tashkent: "Fan" Publ., 147–149 (in Russian).
18. Rapoport, Yu. A. 1971. *Iz istorii religii Drevnego Khorezma (ossuarii) (From the History of Religion of Ancient Khwarezm (Ossuaries))*. Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 6. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
19. Senigova, T. N. 1968. In *Novoe v arkheologii Kazakhstana (Recent studies in the Archaeology of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 51–67 (in Russian).

20. Senigova, T. N. 1972. *Srednevekovyi Taraz (Medieval Taraz)*. Alma-Ata: “Nauka”, Publ. (in Russian).

21. Shkoda, V. G. 2009. *Pendzhikentskie hramy i problema religii Sogda (V–VIII vv.) (Temples of Penjikent and the issue of religion in Soghd (5th–8th c.))*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum Publ. (in Russian).

About the Authors:

Baitanayev Bauyrzhan A. Academician of the National Academy of the RK. Doctor of Historical Sciences. Director of the Institute of Archaeology after A. H. Margulan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010; Al-Farabi Kazakh National university, al-Farabi Ave., 71, the Republic of Kazakhstan; baytanaev@mail.ru

Zheleznyakov Boris A. Al-Farabi Kazakh National university, al-Farabi Ave., 71, Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan; A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko St., 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; boriszheleznyakov@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2020 г.

УДК 904 "04/14"

<https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.130.145>

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ХАНСКОЙ СТОЛИЦЫ Г. КАСИМОВА

© 2020 г. Ф.А. Ахметгалин, А.Г. Ситдигов

В статье рассматривается историческая топография средневекового Касимова – столицы Касимовского ханства (середина XV – конец XVII вв.). Проанализированы этапы археологического изучения. Представлены результаты археологических исследований 2008–2018 гг. Локализованы исторические объекты средневекового города. С районом Старого Посада увязано первоначальное расположение г. Касимова ханского времени, известного также как Городец Мещерский XIV – первой половины XV в. В районе Ханского двора установлено отсутствие слоев и объектов периода правления хана Касима середины XV – начала XVI в. Формирование культурного слоя в районе Ханского двора происходит не ранее середины XVI в., при хане Шах-Али. Прослежена преемственность развития средневековых поселений от Касимовского археологического комплекса (городище Земляной Струг, селище Дорофеево поле) к Городцу Мещерскому (XIII – первая половина XVI в.) и ханской столице. Археологически установлено время формирования исторического ядра средневекового города и этапы освоения территорий.

Ключевые слова: археология, Касимов, ханство, Средневековье, город, история, городище, селище, могильник, Мещера.

Вопрос возникновения и развития города Касимова в историографии имеет обширную научную и краеведческую литературу. Традиционно считается, что поселение берет свое начало от Городца Мещерского, заложенного в 1152 г. как пограничная крепость Владимиро-Суздальским князем Юрием Долгоруким на месте впадения р. Бабенки в р. Оку (Археологическая, 1993, с. 79–82). В XIII в. город становится владением князей Мещерских, выходцев из Золотой Орды рода Ширинов (Бархатная, 1787, ч. I, гл. 38, с. 275). Во второй половине XV в. город передается Великим князем Василием II хану Касиму. Новым правителем город был заново отстроен выше по течению р. Оки. С этого времени он становится столицей ханства, просуществовавшего до конца XVII в. За городом с этого времени закрепляется и новое название Касимов, известное и сейчас.

Современный город Касимов, административный центр Рязанской области, географически расположен на левом крутом берегу р. Оки, прорезанном многочисленными оврагами и ложбинами. В исторической топографии Ка-

симова по письменным источникам выделяется городской центр. Он занимает район от Никольского оврага и до Старого посада на юге вниз по течению р. Оки. Оврагами и р. Бабенкой центр разделен на четыре части: Кремль, Татарская слобода, Городец и Старый посад с примыкающим к нему Старотатарским кладбищем.

Между Успенским оврагом и Городецким мысом располагаются два топонимических района: Татарская слобода с ханским двором и Касимовский кремль XVII в., объединяемые в район под названием «Новый Низовый Город» (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 41). Эта территория в 100 га естественно ограничена в ландшафте глубокими оврагами и разделена на две части. Время возникновения расположенных здесь поселений разновременны. Большую часть занимает так называемая Татарская слобода площадью около 65 га. Культурный слой в слободе формировался с середины XVI в. В районе урочища Татарская гора, где располагался ханский двор эпохи ханства, известны топографические названия «улица Татарская», «Мусина гора»¹.

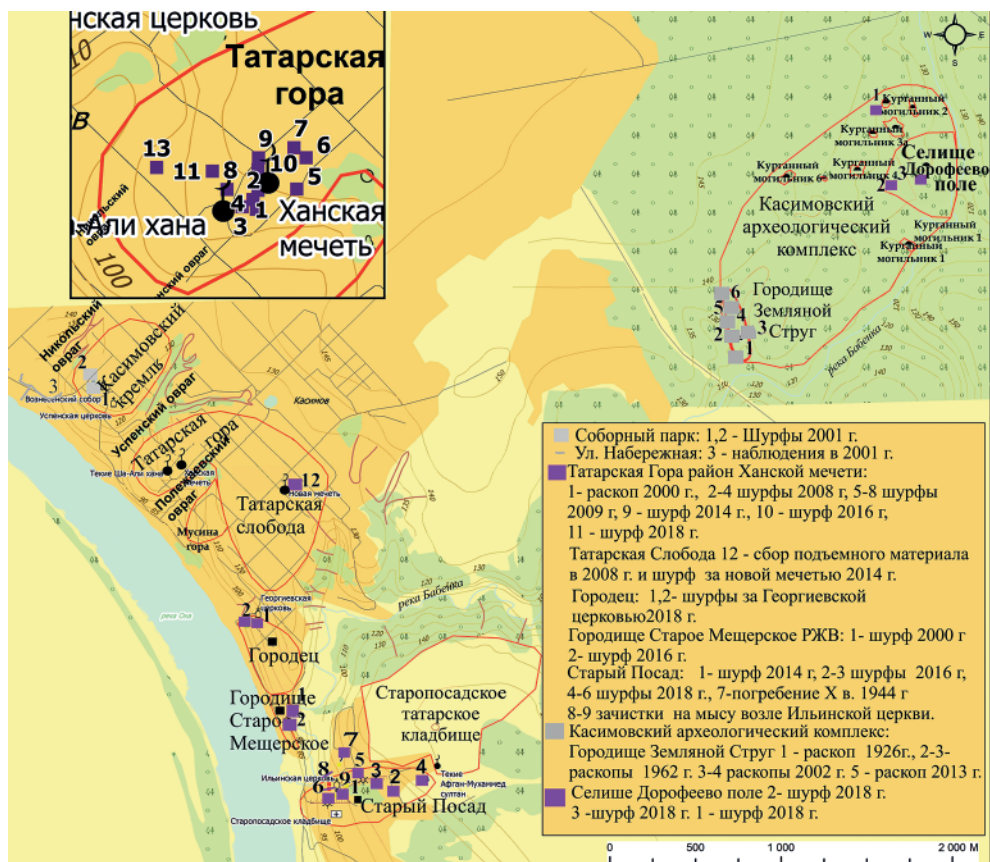

Рис. 1. План археологической изученности г. Касимова и округи.

Fig. 1. The plan of archaeological surveys of the town of Kasimov and the neighbouring area.

Сейчас из архитектурных памятников ханского двора сохранилось два объекта: это минарет ханской мечети, возведенной, по сведениям, ханом Касимом в середине XV в., мавзолей (текие) Шах Али середины XVI в. На гравюре А. Олеария XVII в. с видом Касимова изображены два каменных здания: Ханская мечеть с минаретом и недостроенное (или разрушенное) здание с башней перед мечетью (Олеарий, 1906, с. 141). В конце XVIII в. в описании города отмечены остатки ханского дворца (Паллас, 1773, с. 43).

Южнее Татарской слободы на берегу р. Оки располагается мыс, именуемый в топографии как «Городец», расположенный на месте слияния рек Бабенки и Оки. Его площадь составляет около 11 га (рис. 1). На карте 1836 г. И.С. Гагин

отметил его как Городец Мещерский XI–XV вв. (рис. 6) (Мансуров, 1974, с. 281–290). Топографически мыс делится на две части. Нижняя – это пологий участок (0,6 га). По мнению А.А. Мансурова и О.Н. Бадера, здесь находилось Старое Мещерское Городище раннежелезного века (Мансуров, 1974, с. 290). Расположенная выше площадка (10 га), на третьей надпойменной террасе, по мнению А.А. Мансурова и О.Н. Бадера, представляла собой укрепления Городца Мещерского XI–XV вв.

С южной стороны исторического центра на левом берегу р. Бабенки локализуются еще два топонимических района, примыкающих к друг другу, но отличающихся по времени и функциональному назначению. Один из них – обширная зона Старопосадского татар-

Рис. 2. Керамика. Касимов. 2016–2018 гг.

Fig. 2. Ceramics. Kasimov. 2016–2018.

ского кладбища (40 га) с мавзолеем (текие) Мухамед Шах Афгана XVII в. На кладбище упоминаются более ранние мавзолеи и описаны татарские надгробия XVI–XIX вв. (рис. 6) (Вельяминов-Зернов, 1866, с. 175–178).

С этой стороны р. Бабенки на берегу р. Оки находится Старый посад (11 га), примыкающий с запада к Старопосадскому татарскому кладбищу (рис. 1) (Ситдииков, 2019, с. 18, 19). С севера и востока Старый посад ограничен р. Бабенкой, на юге – оврагом от деревни Уланова Гора.

За пределами Касимова в 3–5 км от центра располагается Касимовский археологический комплекс, включающий городище Земляной струг (1,5 га), селище Дорофеево поле (13 га) и 8 отдельных курганных групп (200 курганов). Курганы представляют собой оплывшие и задернованные возвышения со следами давних ограблений (Агеев, 2015, с. 85–89). Сейчас большую территорию комплекса занимает лес. Район изрезан оврагами, а с северо-востока ограничен болотом (рис. 1) (Ситдииков, 2019, с. 46).

Городище Земляной струг датируется началом X–XIII вв. Оно упоминается в начале XIX в. И.С. Гагиным (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 36; Мансуров, 1974, с. 283). Археологически исследовалось в первой половине XX в.² Селище Дорофеево поле имеет два горизонта культурного слоя, датируемых второй половиной I тыс. н. э. и IX–XI вв. Расположенная между городищем и селищем курганный группа также связана с двумя периодами: IX–XII вв. и эпохой бронзы (Агеев, 2015, с. 85–89).

Все вышеописанные археологические объекты и архитектурные сооружения отражают процесс формирования исторической топографии Касимова. Комплексное рассмотрение данных археологических и письменных источников дает возможность внести уточнения в понимание хронологии и развития отдельных районов города.

Письменных источников по историографической топографии Касимова очень мало. Большинство из них не опубликовано. К числу доступных относятся гравюры XVII в. и карты Касимова

Рис. 3. Керамика. Старый посад, 2018 г.

Fig. 3. Ceramics. Stary Posad, 2018.

конца XVIII–XIX вв., а также сведения летописания, записки путешественников и тексты переписных книг (Переписная, 1892; Олеарий, 1906, с. 141; Паллас, 1773, с. 43, и др.).

Попытка первой систематизации разнородных сведений об истории Касимова и прилегающей к нему территории была предпринята в XIX в. архитектором И.С. Гагиным. Его исследования сохранились в рукописном виде³. В этот же период осуществлялись и первые археологические обследования (Мансуров, 1974, с. 254–255). В 1920–30-е гг. А.А. Мансуров и О.Н. Бадер составили археологическую карту города и его окружи. Ими же были организованы и исследования на некоторых памятниках археологии (Мансуров, 1974, с. 324–330). В 1926–32 гг. в нижней части Городецкого мыса, в его восточной части, обращенной к Старому посаду, А.А. Мансуровым были выявлены вал и ров и собрана керамика с «текстильным отпечатком» (Мансуров, 1932, с. 8, 9; Мансуров, 1974, с. 282).

После большого перерыва работы были возобновлены в 2000 г. В.П. Челябинским. Исследования проводились в рамках научно-реставрационных работ по подготовке к 850-летию основания г. Касимова (Челяпов, 2009, с. 65). Им был осмотрен Городецкий мыс и выявлена небольшая канава в восточной части городища, которая, по его мнению, является углублением рва. В восточной части мыса был заложен шурф, в котором был зафиксирован культурный слой раннего железного века мощностью 63 см (рис. 1) (Челяпов, 2000, с. 157).

В.П. Челябинским были проведены исследования также в юго-западной части г. Касимова на территории Татарской Горы. В выявленном здесь культурном слое мощностью 80 см было выделено три стратиграфических горизонта. Нижний состоял из белесой супеси и был датирован XVII в. (Челяпов, 2000, с. 157).

В 2001 г. вышеупомянутые работы в историческом центре Касимова велись на Советской площади возле торговых рядов у Вознесенского собора. Изучалось место возведения деревянного храма второй половины XVI в. Мощность культурного слоя достигала 60 см (рис. 1). Был зафиксирован слой XVIII в. (Челяпов, 2001, с. 55; Челябинский, 2009, с. 65). В 2000 г. В.М. Буланкин в этом же районе при реконструкции на ул. Набережной по берегу р. Оки вел сбор материала. Им был выделен в культурном слое и описан нижний горизонт, датированный концом XVI–XVIII вв. (рис. 1) (Буланкин, 2003, с. 2, 7).

Новые материалы для изучения исторической топографии Касимова дали исследования, проведенные в 2008–2018 гг. Работы реализовывались в рамках проекта по историко-археологическому изучению средневековых памятников лесостепной зоны Волго-Окского региона⁴. Задачи определялись исходя из цели реализации программы и были направлены на изучение истори-

Рис. 4. Керамика. Старый посад, 2018 г.

Fig. 4. Ceramics. Stary Posad, 2018.

ко-культурного наследия региона. Полевые работы в Касимове и окрестностях предполагали уточнение хронологии стратиграфии средневекового города, локализацию границ распространения культурного слоя, поиск объектов периода Касимовского ханства в исторической части города и за его пределами.

Археологические исследования 2008–2018 гг. были сосредоточены в Касимове в Татарской слободе (Татарская гора с Ханским двором и мечетью, у Новой мечети), урочище Городец (Городище Старом Мещерском, Городце Мещерском XI–XV вв.), Старом Посаде и Касимовском археологическом комплексе.

В первые годы исследования осуществлялись в Татарской слободе на территории Татарской горы. У расположенной здесь Ханской мечети в 2008–2014 гг. было заложено 9 шурфов (рис. 1). Мощность слоя составляла от 30 до 100 см. Стратиграфически выделялось 4 горизонта. Нижний горизонт был датирован второй половиной

XVI – началом XVII в. (Ахметгалин, 2011, с. 9–10; Ахметгалин, 2016, с. 187) (рис 2; 10, 11).

В 2016 г. был заложен шурф, примыкавший к кладке минарета и восточной стене мечети (рис. 1). Мощность культурных напластований составила 100 см. Основание минарета покоилось на горизонте мощностью до 10 см, сформировавшегося в первой половине XVI в. Каменная кладка минарета сложена из крупных известняковых блоков, скрепленных известковым раствором. К ней примыкала без перевязки стена мечети XVIII в. Фундамент мечети выложен из грубо отесанных бутовых камней на известковом растворе. Высота фундамента от основания до цоколя составила 40 см. Над фундаментом кладка выложена из прямоугольных блоков. Стратиграфические наблюдения позволяют предположить, что минарет, возможно, построен не ранее середины XVI в. одновременно с мавзолеем хана Шах Али (Ахметгалин, 2018, с. 25–27). Вероятно, в этот период были возведены и укрепления Ханского двора.

Часть задач изучения территории Татарской горы была связана с локализацией здесь ханским двором и определением места расположения дворцовых сооружений, располагаемых традиционно в районе ул. Воровского (Мансуров, 1974, с. 303; Филлипов, 2016, с. 261) (рис. 6; 8).

При осмотре района Ханского двора в 2018 г. удалось зафиксировать скопление камней, где севернее во дворе дома Площадь Победы, 13, был заложен шурф (рис. 1). Сопоставительный анализ картографического материала и данных полевых исследований позволили предположить, что, возможно, выявленное скопление бутовых камней относится к усадьбе Симоновых, располагавшейся рядом с двором. Остатки Ханского дворца, вероятно, расположены южнее (рис. 6; 8) (Филлипов, 2016, с. 260; Ситдииков, 2019, с. 18).

Рис. 5. Керамика и железные изделия.
Селище Дороеево поле. 2018 г
Fig. 5. Ceramics and ironware.
Dorofeevo Pole village. 2018.

В Татарской слободе также были проведены исследования за пределами Татарской горы с целью определения распространения культурного слоя посада. Подъемный материал у Новой мечети в огороде дома ул. Илюшкина, 47, был представлен фрагментами белоглиняной и чернолощенной керамики, датируемой XVII–XVIII вв. (Розенфельдт, 1968, с. 28–47; Ахметгалин, 2016, с. 187, 188, 195, рис. 5, 6). В 2014 г. здесь были проведены археологические раскопки. Мощность культурного слоя составила около 50 см. Под современным слоем был зафиксирован слой темно-серой супеси мощностью до 40 см. В нем были найдены фрагменты керамики характерные для второй половины XVI–XVII вв. Полученный материал подчеркивал синхронность освоения всей территории Татарской слободы во второй половине XVI в.

На южной окраине современного города расположен мыс между река-

ми Бабенкой и Окой, известный также как мыс «Городец». Именно здесь, по мнению исследователей, до середины XV в. располагался Городец Мещерский, предшественник современного г. Касимова (Мансуров, 1974, с. 284–285).

На Городецком мысу в 2016 г. в шурфе у дома ул. Набережная, 50, выявлен слой в 25 см, состоящий из темно-серой супеси с включениями известнякового щебня (рис. 1). Были найдены фрагменты керамической посуды XVI–XVII вв., а также обломки лепной керамики раннежелезного века (рис. 2: 14). Иная картина была получена в шурфе 2018 г. в верхней части мыса возле Георгиевской церкви (рис. 1; 2: 15, 16). В культурных слоях не были обнаружены находки раннежелезного века, фиксировались только находки эпохи Средневековья, синхронные верхним горизонтам культурного слоя нижней площадки. В шурфе, заложенном на уступе склона, у верхней площадки был выявлен культурный слой до 60 см. В нижнем горизонте мощностью до 20 см обнаружены фрагменты керамики, датируемой концом XVI–XVII вв. (Розенфельдт, 1968, с. 28–47; Ахметгалин, 2018, с. 34, 39) (рис. 2: 17, 18). С этим горизонтом связано два сооружения. Результаты раскопок позволили уточнить границы распространения слоя раннежелезного века и эпохи Средневековья. Удалось установить, что освоение территории в Средние века начинается не позднее конца XVI в. (Ахметгалин, 2018, с. 41).

Объектом изучения в 2009–2018 гг. стал и ранее не исследованный район Старого посада, хорошо известного в исторической топонимии Касимова. Он расположен на высоком левом берегу устья р. Бабенки в 2,6 км к юго-западу от центра города у пологого мыса (рис. 1). Мыс прорезается с востока на запад углублением шириной 8 м. В продолжении ложбины между мысами фиксируется еще одно углубление шириной 5 м и длиной 100 м, вытянутое по краю ул. Малоокской (рис. 1).

Рис. 6. Карта г. Касимова.
Начало XIX в. КИКМЗ
№ ККМ ОФ-178.

Fig. 6. Map of Kasimov.
Early 19th century. ККМ ОФ-
178.

На территории Старого посада было заложено 6 шурфов. Мощность культурного слоя на его территории достигала 50 см. Раскопки 2014 г. у дома ул. Старопосадская, 1, позволили выявить под дерном слой темно-серой супеси мощностью до 40 см. Найдены фрагменты керамики XV–XVI вв. (Ахметгалин, 2016, с. 195, рис. 9). Со слоем связана яма, в которой были обнаружены фрагменты керамики, обломок лепной керамической льячки, напрясло, три железных ножа (Ахметгалин, 2016, с. 195, рис. 11) и донная часть красноглиняного лощеного кумгана с росписью белым ангобом (рис. 4: 1), датированного второй половиной XV–XVI вв. (Розенфельдт, 1968, с. 18).

В 2014 г. была произведена зачистка обнажений в осыпи склона холма возле Ильинской церкви. В обрыве выявлены слои конца XV–XIX вв. Мощность культурного слоя составила 40 см. В разрезе обнаружено сооружение, датированное концом XV в. В его заполнении выявлены фрагменты керамики XV–XVI вв., обломки двух замков XV в. (Колчин, 1959, с. 126; Ахметгалин, 2016, с. 186)⁵.

На Старом посаде в 2016 г. в шурфе, заложенном у дома Старопосадская, 12 (рис. 1), был под дерном выявлен слой мощностью в 40 см, состоящий из темно-серой гумусированной супеси. В нем найдена керамика XIII–XVI вв. (рис. 2:

1) и фрагмент гончарного красноглиняного сосуда, имеющего аналоги в керамической посуде XIII в. (Розенфельдт, 1968, с. 7, 43–47) (рис. 2: 3). В шурфе были выявлены две ямы. В одной из них найдены фрагменты керамики, датированные второй половиной XV в. (рис. 2: 2) (Ахметгалин, 2018, с. 31).

Еще один шурф был заложен в 2016 г. в заброшенном саду по ул. Малоокской (рис. 1). В слое мощностью 40 см стратиграфически удалось выделить два горизонта. Верхний – темно-серая супесь с включением извести мощностью до 15 см. Он датируется XIV–XVIII вв. Нижний – темно-серая гумусированная супесь мощностью до 25 см – сформировался в XIII–XIV вв. С ранним слоем связано два сооружения. Одно из них – хозяйственная яма конца XIV в. В ней найдены обломки белоглиняной керамики с крупным песком. Второе сооружение представляло собой подклеть дома. В заполнении были найдены фрагменты синхронной керамической посуды (рис. 2: 4–9). В числе находок из сооружения фрагмент жернова, железные ножницы (Ахметгалин, 2018, с. 17–26).

Исследования на Старом посаде в 2018 г. ограничились тремя шурфами. Первый из них находился недалеко от Старопосадского татарского кладбища (рис. 1). В нем под слоем дерна выявлен

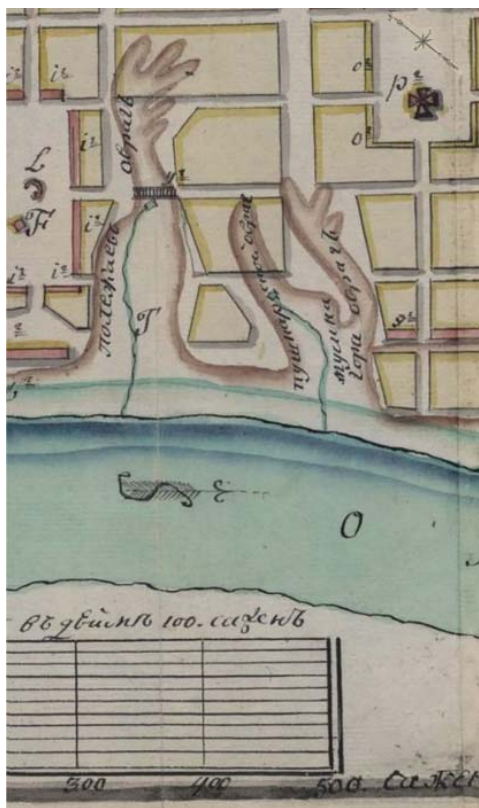

Рис 7. Фрагмент карты Касимова. [Тулаев М.С.] План Рязанского наместничества города Касимова. 1794. РИАМЗ. КП – 12529.

Fig. 7. Fragment of a plan of Kasimov. [according to M.S. Tulaev]. Ryazan Stewardship plan. 1794. Ryazan Historical and Architectural Museum-reserve. КП - 12529.

слой темно-серой гумусированной супеси мощностью до 35 см. В нем были найдены фрагменты керамических сосудов. Слой по находкам сформировался в XVI–XVIII вв. С ним связано одно сооружение. В заполнении углубления сооружения найдены фрагменты керамической посуды, а также фрагмент каменного точила, два железных ножа (рис. 3: 2, 4). По находкам начало накопления слоя можно датировать началом XVI в.

Второй шурф располагался за рвом у дома ул. Окская, 2 (рис. 1). Под дерном был выявлен слой темно-серой гумусированной супеси мощностью 30 см. В нем были найдены фрагменты керами-

ческой посуды, а также фрагмент фаянса. Слой датирован XVII–XXI вв.

Третий шурф заложен на склоне пологого мыса у дома ул. Старопосадская, 10. В нем выявлен культурный слой темно-серой гумусированной супеси мощностью до 50 см. В слое обнаружены фрагменты керамической посуды (рис. 3: 3), а также красноощенный кумган с зооморфным носиком в болгарских традициях (рис. 6: 2) и горлышко кувшина с ручкой в болгарских традициях (рис. 3: 1). В числе находок фрагменты коричневой глазурированной керамики. По выявленным материалам слой сформировался в конце XV в. В шурфе было зафиксировано сооружение конца XV в., три столбовые ямы, стратиграфически связанные со слоем XV в. В заполнении столбовой ямы найдены фрагменты коричневой в болгарских традициях керамики и обломок лепного сосуда (Ситдииков, 2019, с. 26–37).

Исследования осыпи склона холма возле Ильинской церкви на Старом посаде в виде зачистки позволили зафиксировать слои конца XV–XIX вв. Мощность культурных отложений составила 40 см. В склоне было выявлено сооружение. В его заполнении найдены фрагменты керамики XV–XVI вв., обломки двух железных замков XV в. (Колчин, 1959, с. 126; Ахметгалин, 2016, с. 186, рис. 4).

Проведенные в 2009–2019 гг. исследования Старого посада г. Касимова (рис. 1) позволили определить время начала формирования здесь культурного слоя не позднее конца XIII – начала XIV вв. Наиболее интенсивный период его жизнедеятельности приходится на вторую половину XV–XVI вв.

За пределами исторического центра исследования приводились и в ближайшей округе в Касимовском археологическом комплексе (Археологическая карта, 1995, с. 82; Ситдииков, 2019, с. 44–53). Первые на городище этого археологического комплекса работы были осуществлены в 2001 г. (Челя-

пов, 2001, с. 17–30)⁶. Им в ходе раскопок были найдены предметы начала I тыс. н. э. и IX–XIII вв. В числе находок и обломок дирхема IX–X вв. Исследования были продолжены в 2013 г. раскопом 40 кв. м на южной площадке городища. В раскопе были найдены изделия, характерные для городецкой культуры, а также находки второй половины I тыс. н. э. и предметы XI–XIII вв. (Буланкин, 2014, с. 8, 33–38).

В ходе разведочных работ 2017 г. на селище Дорофеево поле была обнаружена лепная керамика с включением шамота и растительности, датируемая IX–X вв. Площадь распространения находок на поселении составил около 13 га (Агеев, 2015, с. 85–89)⁷.

Исследования на селище в 2018 г. велись несколькими шурфами (Ситдииков, 2019, с. 46) (рис. 3). Один из шурфов был заложен в лесу к северо-западу от автодороги северо-восточнее курганного могильника. Под слоем дерна был выявлен слой серой рыхлой супеси мощностью 30 см. В нем были найдены фрагменты лепного сосуда со штампованным орнаментом примокшанской культуры эпохи бронзы начала II тыс. до н. э. (рис. 5: 1). Вероятно, этот слой связан с курганным комплексом. Следов средневекового селища на этом участке не выявлено.

Другой шурф располагался к северо-западу от автодороги и северо-западнее вышеописанного шурфа недалеко от берега р. Бабенки. В нем под дерном зафиксирован слой темно-серой гумусированной супеси мощностью 25 см. Находок в шурфе не найдено. При обследовании берега, в 10 м южнее шурфа, были выявлены три фрагмента керамики: древнерусской песочно-древяной XIV в., белоглиняной XII–XIV вв. и лепной керамики второй половины I тыс. н. э. (рис. 5: 5, 7), что указывало на возможное наличие здесь у береговой линии следов разрушенного средневекового поселения.

Третий шурф находился на мысу у ложбины, образованной у изгиба р. Бабенки. В нем стратиграфически под дерном зафиксирован слой темно-серой гумусированной супеси общей мощностью около 50 см. В шурфе было найдено множество железных изделий, заготовок, шлаки, а также лепная керамика второй половины I тыс. н. э., аналогичная лепной керамике с городища Земляной Струг (Челяпов, 2009, с. 65; Буланкин, с. 100) (рис. 5: 2–4, 6; 8–11). В слое нет находок гончарной керамики XI–XIII вв. По найденному керамическому материалу слой на этом участке селища, вероятно, формировался во второй половине I тыс. н. э. Обнаруженные в слое куски шлака и заготовки железных изделий могут быть связаны металлообработкой (Ситдииков, 2019, с. 49–53).

С территории селища происходят дирхеми IX–X вв., свинцовые слитки. Полученные с территории памятника материалы указывают на его торгово-ремесленный характер. Хотя эти три объекта разделяют чуть более 1 км, вместе со средневековыми курганами, вероятно, они образуют единый комплекс. (Ситдииков, 2019, с. 45–46).

Таким образом, используя итоги десятилетних археологического исследований г. Касимова с учетом анализа материалов предшествующих лет изучения и данных письменных источников, мы можем остановиться на анализе некоторых вопросов исторической топографии средневекового города.

Основными вопросами при рассмотрении исторической топографии Касимова, безусловно, являются проблемы установления территории освоения и хронологии формирования поселенческих структур на каждом из этапов его развития, а также выявление особенностей застройки. Остаются открытыми и вопросы соотношения известных топонимов с эпохой их заселения, и возможность определения их наименований

с учетом сложившейся исторической традиции. Актуальным остается вопрос идентификации топонимов: Городец Мещерский, Старое городище Мещерское, а также мест расположения Татарской слободы, Нового Низового города, Старого посада.

На основании анализа исторических материалов и результатов археологических исследований местом первоначального города, Городца Мещерского домонгольского периода IX–XIII вв., предположительно являются средневековые поселения Касимовского археологического комплекса – городище Земляной Струг, селище Дорофеево Поле, а также расположенные здесь же средневековые курганные захоронения (рис. 1).

При рассмотрении устоявшегося в научной литературе подхода к локализации Городца Мещерского необходимо отметить, что И.С. Гагин локализовал его на мысу “Городец” на месте слияния рек Бабенки и Оки (рис. 6). Он рассматривал всю территорию мыса как единовременное поселение. В пояснении к карте 1836 г. за Георгиевской церковью вдоль улицы Городец Мещерский и Городецкая (современные улицы Октябрьская и Садовая) им были отмечены укрепления Городца Мещерского (рис. 6).

В 1932 г. А.А. Мансуров в нижней части мыса у устья реки нашел керамику раннежелезного века (Мансуров, 1932, с. 9; Мансуров, 1974, с. 281, 290). Последующие исследования подтвердили эти предположения. Была установлена площадь городища, составившая около 0,6 га (Челяпов, 2001, с. 20; Ахметгалин, 2018, с. 41). Более поздних находок на этой территории выявлено не было, что не подтверждало предположения И.С. Гагина о существовании на всей площади мыса средневекового укрепленного поселения.

А.А. Мансуров и О.Н. Бадер считали, что расположенная выше территория мыса площадью около 10 га между

улицами Октябрьской и Набережной за Георгиевской церковью и является Городцом Мещерским XI–XV вв. (Мансуров, 1974, с. 282). Археологические исследования в указанном ими районе в 2018 г. у Георгиевской церкви не позволили датировать начало формирования слоев здесь ранее XVII в. Локализация Городца Мещерского в этом районе нам представляется весьма сомнительной. Только дополнительные исследования могут уточнить гипотезу расположения здесь средневекового поселения доханского времени (Ситдиков, 2019, с. 34, 38). Таким образом, имеющаяся историографическая традиция не получила пока подтверждения по результатам археологических исследований о расположении на месте урочища “Городец” средневекового Городца Мещерского.

Предположительно, именно в районе Касимовского археологического комплекса и располагался племенной центр мещеры – одного из финских племен Среднего Поочья, которое в последующем стало частью Древней Руси (Дубов, 1999, с. 256–270). Возможно, со второй половины XIII в., после монгольского нашествия, население покидает вышеупомянутые поселения на городище и селище Касимовского археологического комплекса. По имеющимся находкам, в этот же период начинает заселяться район Старого Посада на левом берегу р. Бабенки.

Территория Старого Посада начала осваиваться с XIII в.⁸ Наиболее интенсивный период жизни здесь приходится на период второй половины XV – первой половины XVI вв. Поселение достигает размера около 11 га. Вероятно, в этот же период и возникает Старотатарское кладбище (40 га) (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 500–502; 1887, с. 175–178). Кладбище и средневековое поселение, предположительно, образуют один комплекс. Интенсивность формирования культурного слоя и хозяйственной деятельности с середины XV в., по нашему мнению, связана с

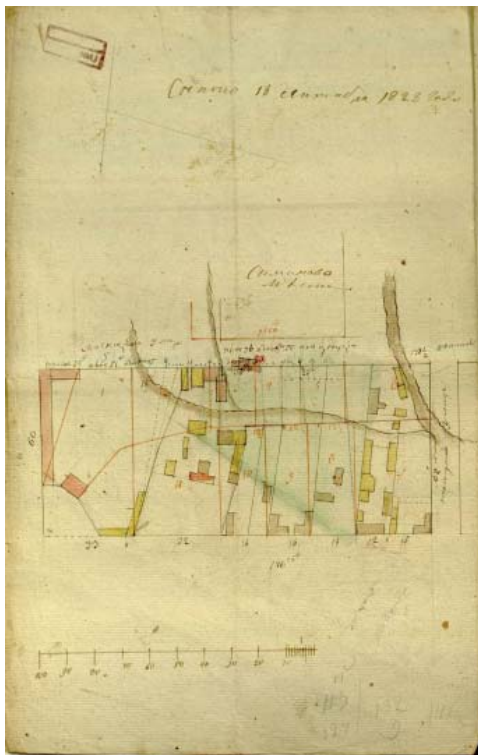

Рис. 8. План 87-88 кварталов, выполненный И.С. Гагиным 18 сентября 1828 г. ОПИ ГИМ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 3. Л. 95.

Fig. 8. Kasimov. Layout of the quarters 87-88 executed by I.S. Gagin on September 18, 1828/

превращением города в столицу Касимовского ханства. Культурный слой поселения и некрополь, расположенные за р. Бабенкой, содержат свидетельства, связанные с историей столицы ханства до начала правления Шах Али.

Кладбище является местом захоронения Чингизидов – куруком. На его территории упоминается мавзолей Фатимы Султан, последней правительницы Касимовского ханства (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 500–502; 1887, с. 175–178). На карте 1836 г. на месте мавзоля Афган Мухаммеда отмечен мавзолей царевича Арслана (рис. 6). По нашему мнению, здесь же могут быть остатки мавзоля хана Касима, основателя ханства, и других правителей.

Таким образом, весь комплекс – Старый посад с кладбищем, можно свя-

зывать с Городцом Мещерским начала правления хана Касима в середине XV в., ставшим центром Касимовского ханства. По нашему мнению, именно территория Старого Посада является Городцом Мещерским XIII–XVI вв., получившим в дальнейшем название «Касимов» по имени своего правителя.

На карте 1836 г. у Старого Посада отмечена Старотатарская слобода (рис. 6). Данные территории в предшествующие годы археологически не обследовались и остаются открытыми вопросы датировки их культурного слоя. При дальнейших исследованиях в Старом Посаде стоит обратить пристальное внимание на выявление границ распространения культурного слоя, уточнить этапы освоения отдельных территорий, изучения укреплений посада, сохранившихся в виде углублений, также проведение исследований на Старопосадском татарском кладбище по выявлению остатков мавзолеев и определения его границ.

Большая часть города, как уже отмечалось, расположенная вверх по р. Оке от мыса “Городец”, историографически называется Новый Низовий Город (Вельяминов-Зернов, 1863, с. 41; Мансуров, Бадер, 1974, с. 308), который, по мнению исследователей, заселяется после монгольского завоевания.

Выделяемая здесь Татарская слобода формирует самостоятельный район в средневековой топографии Касимова во второй половине XVI в. Именно здесь сохранились архитектурные сооружения периода Касимовского ханства. Переселение с территории Старого посада на новое место в середине XVI в. произошло за относительно короткий промежуток времени в период правления хана Шах Али. Почти вся территория Татарской слободы к началу XVII в. оказывается на площади около 100 га достаточно равномерно заселенной.

Безусловно, ядром города в эпоху Средневековья является расположенный в Татарской слободе район Хан-

ский двор, занимавший Татарскую гору. Гора представляет собой возвышение на окской надпойменной террасе. С северо-запада и юго-востока гора ограничена глубокими оврагами – Успенским (Большим Ямским) и Полежаевским. Перенос ханом Шах Али Ханского двора на Татарскую гору в середине XVI в. ускорил освоение прилегающей территории. Шахом Али строятся укрепления ханского двора. Стены двора были разобраны только к началу XVIII в. Внутри двора возводится каменный дворец, кирпичная мечеть с минаретом и мавзоль. Площадь двора к середине XVI в. составляла около 15 га.

Одним из значимых объектов двора было каменное здание дворца, не сохранившегося до наших дней. На карте г. Касимова 1836 г. показано место его расположения (рис. 6). По мнению Д.Ю. Филлипова, он располагался перед усадьбой Д.А. Симонова, которой тоже сейчас нет (Филлипов, 2016, с. 260, 261). Место усадьбы в ходе современных исследований, как было сказано выше, удалось локализовать (Ситдииков, 2019, с. 43). Сопоставительный анализ плана 87–88 кварталов, выполненного И.С. Гагиным в 1828 г. (рис. 8) и карты г. Касимова 1836 г. (рис. 6), позволяет установить местоположение Ханского дворца у современных домов ул. Воровского, 28 и 30. Дальнейшие исследования помогут уточнить высказанную гипотезу по определению расположения этого сооружения ханского времени.

Чуть ниже по течению р. Оки от Татарской слободы между Успенским и Никольским оврагами в XVI в. строится Воеводский двор, а чуть позднее на этом месте будет построен Касимовский кремль XVII в. (Мансуров, 1974, с. 287–289). Он хорошо известен по письменным источникам. В Писцовых книгах

1627–1628 гг. Касимовский кремль представлен следующим образом: «Город Касимов деревянный, рублен в одну стену, крыт тесом. .... По мере около города 525 сажен». (Переписная, 1862, с. 6). Следы его укреплений сохранялись еще в XIX в. Территория кремля и прилегающего посада составляет около 32 га. Материалы археологических исследований в этом районе также подтверждали время начала освоения этой территории (Челяпов, 2001, с. 23) (рис. 1).

Актуальной темой, требующей своего изучения, остается вопрос о местоположении резиденции баскака Мусина. Резиденция упомянута на территории г. Касимова в статье А.А. Мансурова и О.Н. Бадера. Место ее расположения в тексте статьи не локализовано. Ими упомянуто только урочище Мусина Гора (Мансуров, 1974, с. 282). Изучение карты г. Касимова 1794 г. позволило между Пушкарским и безымянным оврагом мыса левого берега Оки выделить топоним под названием Мусина Гора. Сейчас этот район площадью около 1,5 га расположен между улицами Нариманова и Губарева (рис. 7). Возможно, последующие исследования позволят выяснить время и особенности ее заселения.

Таким образом, в результате археологических исследований были получены новые сведения по исторической топографии г. Касимова, локализованы отдельные районы средневекового города и уточнены этапы заселения. Самостоятельной темой дальнейших исследований, бесспорно, должно стать осуществление обследования округа города, что позволит изучить связь близлежащих поселений эпохи Касимовского ханства с городом и исследовать своеобразие материальной культуры этой эпохи.

Примечания

¹ Предполагаемая резиденция баскака (Мансуров, 1974, с. 288).

² Материалы раскопок 1925 г. Б.А. Куфтина и И.А. Китайцева не опубликованы. Часть керамических находок и бронзовые изделия изданы (Мансуров, 1974, с. 283–287, рис. 14). Материалы археологических исследований И.А. Китайцева хранятся в Касимовском краеведческом музее.

³ Материалы И.С. Гагина хранятся в рукописном фонде Касимовского краеведческого музея (рукопись Гагина И.С. «Описание г. Касимова» ККМ ОФ-2745; Материалы Гагинского архива ККМ ОФ – 2856/1-12.).

⁴ В соответствии с исследовательской программой Академии наук Республики Татарстан 2006 г. по изучению темы «Материальная культура народов Волго-Окского региона в эпоху Средневековья» (Ахметгалин, 2008, с. 30–31; Ситдииков, 2009, с. 53–55) были начаты исследования на средневековых памятниках региона. С 2008 г. совместно с рязанским исследователем В.П. Челяповым археологические работы велись в г. Касимове. С 2014 г. изыскания продолжились в рамках государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2021 гг.)».

⁵ Краеведами А.И. Игнатъевым и Ф.Н. Игнатъевым были переданы нам материалы X–XVII вв., собранные ими в саду своего дома на Старом Посаде (Ахметгалин, 2016, с. 194).

⁶ В 2002 г. В.П. Челяпов заложил 2 раскопа на городище Земляной струг. Материалы исследований не обработаны. Полевая документация хранится в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике.

⁷ В фондах Касимовского краеведческого музея в хранении находятся найденные на селище свинцовые слитки, дирхемы IX–X вв., ножи, наконечники стрел. На момент осмотра экспонатов в 2018 г. они не были включены в музейный фонд.

⁸ В 1944 г. на Старом Посаде было выявлено погребение X в. (Мансуров, 1974, с. 295).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азеев В.В.* К проблеме истории Касимова до середины XV в.: археологический аспект // XLVII Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция / Отв. ред. В.Н. Рассадин. Кострома: КГУ им. Некрасова, 2015. С. 86–90.
2. Археологическая карта России: Рязанская область / Авт.-сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко. Рязанская область. Ч. 1. № 181. М., 1993. С. 79–82.
3. *Ахметгалин Ф.А.* Отчет об археологических исследованиях на территории Пильненского района Нижегородской области, Кадомского, Сасовского, Касимовского районов, г. Касимова Рязанская область за 2014 г. Казань, 2015 / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. Р-1.
4. *Ахметгалин Ф.А.* Отчет об Археологических полевых работах на территории г. Касимова, Касимовского, Кадомского районов Рязанской области, Пильненского района Нижегородской области за 2016 год / НФ МАРТ ИА АН РТ, 2018. Ф. Р-1.
5. *Ахметгалин Ф.А., Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Материальная культура населения Волго-Окского региона в эпоху средневековья: проблемы и перспективы изучения // Фаизхановские чтения. Материалы IV науч.-практич. конф. Н. Новгород: ИД Медина, 2008. С. 30–31.
6. *Ахметгалин Ф.А., Хамзин Р.Н.* Археологические исследования г. Касимова // Следы веков. Материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы археологии Поволжья и Приуралья», посвященной 65-летию Археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: Казанский университет, 2011. С. 9–10.
7. *Ахметгалин Ф.А., Хамзин Р.Н., Беляев А.В., Мирсиянов И.Ю., Ситдииков А.Г.* Археологические исследования средневекового Касимова // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 182–201.
8. *Буланкин В.М.* Отчет о проведении охранных археологических работ (наблюдений) при реконструкции набережной г. Касимова. Рязань, 2003 / Научный архив РИАМЗ.
9. *Буланкин В.М.* Отчет об археологических раскопках на городище Земляной Струг в Касимовском районе Рязанской области в 2013 г. Рязань, 2014 / Научный архив РИАМЗ.
10. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863. 558 с.
11. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1866. 510 с.
12. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 4. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1887. 178 с.
13. *Дубов И.* Протогорода и перемещение центров Северо-Восточной Руси в X–XIII вв. Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья в IX–XIII веков. Материалы Международного симпозиума Казань, 8–10 сентября 1998 г. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 256–270.
14. *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. № 65 / Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 7–120.

15. Мансуров А.А. Результаты археологических обследований в окрестностях г. Касимова летом 1932 г. Рязань, 1932 / НА РИИМЗ. Д. III-№ 647.
16. Мансуров А.А., Бадер О.Н. Археологическая карта окрестностей Касимова // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 253–323.
17. Оlearий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. 638 с.
18. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1773. Ч. I. 117 с.
19. Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих. Бархатная книга. Ч. I. Москва, 1787. 351 с.
20. Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. / САИ. Вып. Е1-39. М.: Наука, 1968. 124 с.
21. Ситдииков А.Г. Отчет об Археологических полевых работах на территории г. Касимова, Касимовского, районов Рязанской области, Пильненского района Нижегородской области за 2018 год. Т. I, II. Казань, 2019 / НФ МАРТ ИА АН РТ.
22. Ситдииков А.Г., Ахметгалин Ф.А. Итоги программы «Волго-Окское междуречье в эпоху средневековья» в 2007 г. // Фаизхановские чтения. Нижний Новгород: Медина, 2009. С. 53–55.
23. Филиппов Д.Ю. Усадьба касимовского ханского дворца: судьба после царства // Древности Поочья. Сборник научных работ к 60-летию В.В. Судакова / Отв. ред. А.О. Никитин. Рязань: РИКО, 2016. С. 251–263.
24. Челябинов В.П. Отчет о разведках на территории Рязанской области в 2000 г. / Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф 1. Р 1. № 24330.
25. Челябинов В.П. Отчет о археологических разведках в Рязанской области в 2001 г. / Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф 1. Р 1. № 30000.

Информация об авторах:

Ахметгалин Фарид Альбертович, директор археологического музея ИМО КФУ. Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); ach_farid@mail.ru

Ситдииков Айрат Габитович, член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук, декан, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет; начальник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

HISTORICAL TOPOGRAPHY OF THE KHAN'S CAPITAL TOWN OF KASIMOV

F.A. Akhmetgalin, A.G. Sitdikov

The paper addresses the historical topography of the medieval Kasimov – capital of Kasimov Khanate (mid-15th – late 17th centuries). The stages of archaeological studies are analyzed. The results of archaeological studies in 2008–2018 are presented. The historical sites of the medieval town are localized. The Stary Posad area is associated with the original location of the town of Kasimov in the Khan's period, also known as Gorodets Meshchersky of the 14th – first half of the 15th centuries. No layers or items related to the period of the reign of Qasim Khan in the mid-15th – early 16th centuries have been identified in the area of the Khan's Court. The establishment of the cultural layer in the Khan's court area occurs not earlier than the mid-16th century during the rule of Khan Shah Ali. The continuity of the development of medieval settlements is traced from the Kasimov archaeological complex (Zemlyanoy Strug settlement, Dorofeevo Pole village) to Gorodets Meshchersky (the 13th – first half of the 16th centuries) and the Khan's capital. The authors archaeologically established the time period of the establishment of the historical core of the medieval town, and the development stages of its areas.

Keywords: archaeology, Kasimov, khanate, Middle Ages, town, history, settlement, village, burial ground, Meshchera.

REFERENCES

1. Ageev, V. V. 2015. In Rassadin, V. N. (ed.). *XLVII Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya (47st Ural-Volga Archaeological Student Conference)*. Kostroma: Kostroma State University Publ., 86–90 (in Russian).

2. Krasnov, Yu. A., Mikhal'chenko, S. E. (comp.). 1993. Arkheologicheskaja karta Rossii: Riazanskaia oblast' (Archaeological Map of Russia: Ryazan Oblast). In *Riazanskaia oblast' (Ryazan Oblast)*. Part 1, no. 181. Moscow, 79–82 (in Russian).
3. Akhmetgalin, F. A. 2015. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiah na territorii Pil'nenskogo raiona Nizhegorodskoi oblasti, Kadomskogo, Sasovskogo, Kasimovskogo raionov, g. Kasimova Riazanskaia oblast' za 2014 g.* (Report on Archaeological Investigations on the Territory of the Pilna District, Nizhny Novgorod Oblast, and Kadom, Sasovo and Kasimov Districts and the Town of Kasimov, Ryazan Oblast, for 2014). Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences. Fund R-1 (in Russian).
4. Akhmetgalin, F. A. 2018. *Otchet ob Arkheologicheskikh polevykh rabotakh na territorii G. Kasimova, Kasimovskogo, Kadomskogo raionov Riazanskoi oblasti, Pil'nenskogo raiona Nizhegorodskoi oblasti za 2016 god* (Report on Archaeological Investigations on the Territory Town of Kasimov, Kadom, Kasimov Districts and the Ryazan Oblast, of the Pilna District, Nizhny Novgorod Oblast for 2016). Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences. Fund R-1 (in Russian).
5. Akhmetgalin, F. A., Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. 2008. In *Faizkhanovskie chteniia (Faizkhanov Readings)* IV. Nizhny Novgorod: "Medina" Publ. House, 30–31 (in Russian).
6. Akhmetgalin, F. A., Khamzin, R. N. 2011. In Valiulina S. I. (ed.). *Sledy vekov. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Aktual'nye problemy arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia», posviashchennoi 65-letiiu Arkheologicheskogo kruzhka Kazanskogo universiteta (Traces of Centuries: Current Issues of the Volga and Ural Regions Archaeology: to the 65th Anniversary of the Students' Archaeological Group in the Kazan University)*. Kazan: Kazan State University, 9–10 (in Russian).
7. Akhmetgalin, F. A., Khamzin, R. N., Beliaev, A. V., Mirsiapov, I. Yu., Sitdikov, A. G. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 18 (4), 182–201 (in Russian).
8. Bulankin, V. M. 2003. *Otchet o provedenii okhrannykh arkheologicheskikh rabot (nabliudeni) pri rekonstruktsii naberezhnoi g. Kasimova (Report on Protective Archaeological Activities (Observations) during the Reconstruction of Kasimov Embankment)*. Ryazan. Scientific Archive of the Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve (in Russian).
9. Bulankin, V. M. 2014. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na gorodishche Zemlianoi Strug v Kasimovskom raione Riazanskoi oblasti v 2013 g.* (Report on Archaeological Excavations at Zemlyanoi Strug Hillfort in Kasimovsky District of Ryazan Oblast in 2013.). Ryazan. Scientific Archive of the Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve (in Russian).
10. Vel'iaminov-Zernov, V. V. 1863. *Issledovanie o kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh (Study of Kasimov Tsars and Princes)*. Part 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
11. Vel'iaminov-Zernov, V. V. 1866. *Issledovanie o kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh (Study of Kasimov Tsars and Princes)*. Part 3. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
12. Vel'iaminov-Zernov, V. V. 1887. *Issledovanie o kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh (Study of Kasimov Tsars and Princes)*. Part 4. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
13. Dubov, I. 1999. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Mezhdunarodnye sviazi, torgovye puti i goroda Srednego Povolzh'ia IX—XII vekov (International Relations, Trade Routes and Cities from Middle Volga Region in the 9th—12th Centuries)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 256–270 (in Russian).
14. Kolchin, B. A. 1959. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin B. A. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 65. *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition)* II. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–120 (in Russian).
15. Mansurov, A. A. 1932. *Rezultaty arkheologicheskikh obsledovani v okrestnostiakh g. Kasimova letom 1932 g.* (Results of Archaeological Surveys in the Vicinity of Kasimov in Summer of 1932.). Ryazan. Scientific Archive of the Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve. D. III-№ 647 (in Russian).
16. Mansurov, A. A., Bader, O. N. 1974. In Mongait, A. L. (ed.). *Arkheologiya Riazanskoi zemli (Archaeology of the Ryazan Land)*. Moscow: "Nauka" Publ., 253–323 (in Russian).
17. Olearii, A. 1906. *Opisanie puteshestviia v Moskoviiu i cherez Moskoviiu v Persiiu i obratno (Description of the Journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and Back)*. Saint Petersburg (in Russian).

18. Pallas, P. S. 1773. *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii (Traveling across Various Provinces of the Russian Empire)*. Part 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

19. *Rodoslovnaia kniga kniaziei i dvorian Rossiiskikh i vyezshikh. Barkhatnaia kniga (Studbook of the Russian and Naturalized Princes and Noblemen: the Velvet Book)*. 1787. Part I. Moscow (in Russian).

20. Rozenfeldt, R. L. 1968. *Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv. (Ceramic Production in Moscow in 12th – 18th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-39. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

21. Sitdikov, A. G. 2019. *Otchet ob Arkheologicheskikh polevykh rabotakh na territorii g. Kasimova, Kasimovskogo, raionov Riazanskoi oblasti, Pil'nenskogo raiona Nizhegorodskoi oblasti za 2018 god (Report on Archaeological Field Activities in Kasimov, Kasimovsky Districts of Ryazan Oblast, Pilninsky District of Nizhny Novgorod Oblast for 2018)*. Vol. 1, 2. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences. Fund R-1 (in Russian).

22. Sitdikov, A. G., Akhmetgalin, F. A. 2009. In *Faizkhanovskie chteniia (Faizkhanov Readings)*. Nizhny Novgorod: “Medina” Publ. House, 53–55 (in Russian).

23. Filippov, D. Yu. 2016. In Nikitin, A. O. (ed.). *Drevnosti Pooch'ya. Sbornik nauchnykh rabot k 60-letiyu V.V. Sudakova (Antiquities of the Oka region. Collection of scientific works for the 60th anniversary of V.V. Sudakov)*. Ryazan: “RIKO” Publ., 251–263 (in Russian).

24. Cheliapov, V. P. 2001. *Otchet o razvedkakh na territorii Riazanskoi oblasti v 2000 g. (Report on Archaeological Surveys in the Territory of the Ryazan Oblast in 2000)*. Scientific Sectoral Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. Register 1, no. 24330 (in Russian).

25. Cheliapov, V. P. 2002. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Riazanskoi oblasti v 2001 g. (Report on Archaeological Surveys in the Ryazan Oblast in 2001)*. Scientific Sectoral Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. Register 1, no. 30000 (in Russian).

About the Authors:

Akhmetgalin Farid A. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ach_farid@mail.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2020 г.

УДК 904 903.5

<https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.146.157>

**LIFE IN MOTION: NOMADIC CART CULTURE
AND CART BURIALS OF THE GOLDEN HORDE
(A CASE STUDY FROM BOLSHOI TSARYN I, KALMYKIA)¹**

© 2020 г. Irina Shingiray

This article addresses the topic of nomadic cart culture in the Eurasian Steppe, which developed over the long term and reached its apex with the advent of the imperial Mongols. A range of narrative, archaeological, and visual sources are employed in order to examine how the carts were used, adapted, technologically improved, and ritualized in lives and burials of the imperial Mongol and specifically the Golden Horde nomads. A unique Golden Horde burial with ornamented cart parts from Kalmykia is analyzed. It is argued that this example reveals the inclusivity of the cart culture in Ulus Jochi whereby a wide use of personal carts by nomads of different ages, genders, and states of health encouraged their active participation in the mobile social life of this Steppe Empire.

Keywords: archaeology, Eurasian Nomads, Golden Horde, Burial Carts; Kalmykia.

The unprecedented transcontinental expansion of the Mongol Empire in the 13th c. resulted in the emergence of a new world order that integrated a diverse cultural matrix of nomadic and sedentary communities across Eurasia and created a prosperous economic environment under the political aegis of the Chinggisids. Mobility and transport played an important role in the success of that empire and became a feature of identity for the Mongols and their nomadic elite. When the empire was partitioned into four political entities – one of which was the Golden Horde (Ulus Jochi) – economic and diplomatic connectivity among different parts was maintained (Qui, 2018, p. 43). In Ulus Jochi, where the steppe nomads remained the “main ‘titular’ population” (Bocharov, Yavorskaya, 2019, p. 184), mobility predominated at a ruler’s court, in the military organization, in trade markets, and in nomads’ everyday lives that were based on pastoral economy and exchange. Nomadic lives were constantly in motion, and a great deal of their activities was achieved by means of transport animals and ubiquitous two-wheeled carts. While Eurasian pastoral nomads are often praised for their ‘horse culture,’ carts – though equally important – receive much less attention from

scholars of nomadism. Yet, those nomads can be justifiably called a ‘cart culture’ for their vehicles were a backbone of the growing power in the Steppe.

The Cart Culture of the Eurasian Nomads

Eurasian pastoral nomads used a variety of carts to move their dwellings and store possessions. They used them strategically to create defensive circles in war, to supply provisions, and to transport trade goods and tax revenues. These vehicles (together with draught and riding animals: horses, oxen, and camels) were a social glue that connected nomadic communities with one another and linked them to the outside world. Serving as symbols of mobility, nomads also ritualized their light personal carts in their rites of passage (weddings and funerals), and consequently deposited them in graves of some of their significant deceased. Ostensibly, steppe nomads had an intimate connection with their carts in life and death. And this is understandable, since such vehicles catered to people of all age groups, genders, and conditions. For it was not only young and strong individuals (comfortable in the saddle) who were able to move around; this was also the case for the elderly, the pregnant, the wounded, the sick, and the physically impaired. All

¹ European Research Council (ERC) "Nomadic Empires" Project

were able to continue leading their lives in motion and play important roles in the nomadic migratory milieu. Nomadic culture was a cart culture, whereby the technologically advanced light carts developed by the nomads allowed their communities wider mobility and individual participation that was not always available to sedentary groups in premodern times.

Representations of two-wheeled carts appear in the Steppe already in the Bronze Age (Piggott, 1983). They were perfected over the long term and reached their more or less contemporary form at least by the time the nomadic Xiongnu empire emerged in Mongolia in the 3^d c. BC. The Xiongnu, probably in a similar way to the Scythians in the Western Steppe, used various carts to transport their belongings; and in their tombs, they placed light and “practical” two-wheeled carts (Miller, 2012, p. 30–32). These vehicles (Mongol. *tergen* and Turk. *qanga*, later *araba*) were equally important for the imperial Turk nomads, who came to power in the 6th c. CE, and who are said to have “lived in felt carts” and used various carts for military, trade, and ritual purposes (Andrews, 1999, p. 11–12, 122, 137, 192; Bartold, 1966, p. 407). In some cases, carts defined nomadic peoples’ identities: some groups of T’e-le were called “High Carts” in the 6th-c. Chinese *Wei-shu* because “the wheels of their carts are very large, with very numerous spokes” (in Andrews, 1999, p. 89, 497). The nomadic “Black Cart” Shih-wei people were designated in a similar way. Under the Liao rule (916–1125), they became renowned cartwrights praised by the Song Chinese for their lightly-built A-framed carts that had a long body, narrow front, wide back, and large wheels (Andrews, 1999, p. 256–258). They were also admired in the *Liao-Shi* for their elite carts “decorated with elegant ornaments” and whose “serviceability alone was considered important” (Andrews, 1999, p. 261). The cart culture and identity were also essential for the Oghuz and the Qangli Turks, who migrated westwards after the Uyghurs toppled the Turk Empire

in the 8th c. The Qangli (often denoted as descendants of the “High Carts”) were literally called the “Cart” people (Andrews, 1999, p. 91, 563). Their name was defined by their cart-making skills as portrayed in the popular *Oghuz-name* epic incorporated into the *World History* of Rashid-ad-Din written for the Ilkhanids in the 14th c. In this work, the Qangli joined the Oghuz confederation and taught them how to make carts in order to transport war booty, and for this service the name “possessors of carts” was bestowed on them (Rashid ad-Din, Shukiurova, 1987, p. 29). This episode was illustrated under the title *The Invention of the Two-wheeled Cart* in one of the manuscripts of Rashid ad-Din’s work from ca. 1314 (Fig. 1; Jahn, 1969, p. 13, pl. 7). The Qangli (dressed in elite attire) are shown cutting wood and making a light two-wheeled cart with slightly-converging beams – a trait of earlier A-framed vehicles described above (Andrews, 1999, p. 625). This cart overall resembles the actual slatted carts found in burials from the Qipchaq and the Golden Horde periods (see below). Thus, already in the pre-Mongol period, nomads were praised for their notable and versatile carts, which, in the eyes of sedentary writers, came to define their culture and identity.

Prior to the Mongol conquest, the Western Steppe was dominated by the Qipchaq – the cart people *par excellence* – who were also identified by their carts. In 1237 during the Mongol pursuit of their Khan Bachman near the Volga, traces of broken Qipchaq carts were recognized at a campsite (Juvayni in Andrews, 1999, p. 564). The Qipchaq ousted the Oghuz and came to dominate that strategically important region in the 11th c. Archaeological excavations of Qipchaq kurgan burials (mainly in the Lower Dnieper and Don River basins) revealed that many of their 12th – 13th-c. graves were furnished with carts and their parts attesting to a well-developed cart culture among them (Shalobudov, Lesnichii, 2003). Reconstructions of these carts showed that they

Fig. 1. The Qangli making carts for the Oghuz a.k.a. The Invention of the Two-wheeled Cart from Rashid ad-Din's World History, Tabriz, Ilkhanid Period, ca. 1314. Topkapı Sarayı (H. 1653, Fol.593v) (after Jahn 1969: pl. 7).

Рис. 1. Кангли делают повозки для огузов (Изобретение двухколесной повозки) из всемирной истории Рашид ад-Дина, Тебриз, период Ильханидов, ок. 1314. Топкапы Сарай (H. 1653, Fol.593v) (по Jahn 1969: ил.7).

were relatively standardized two-wheeled vehicles with flat slatted beds about 1.8-2 m long and 0.5–0.8 m wide; the hardwood side beams had transverse slats and side-frames (0.3–0.5 m high) joined to them by mortise and tenon. The carts had a fixed axle. Their wheels (ranging 1.05–1.5 m in diameter) had barrel-shaped or cylindrical hubs and the number of spokes varied from 12 to 16 (Shalobudov, Lesnichii, 2003, p. 198–201). Although the Qipchaq had a variety of vehicles, the configuration of these burial carts resembles those commonly depicted in Ilkhanid miniatures (e.g. Fig. 1), suggesting that they were likely used for light loads and as personal carriages. This is supported by another such miniature showing Isfandiyar slaying the Simurgh from the so-called Small *Shahnama* dated ca. 1330–40 (Fig. 2; Swietochowski, 1994, p. 112–113). It represents a light personal carriage cart with a small tent placed over it and pulled by a horse. These kinds of versatile vehicles for personal conveyance – which have been widely used since the time of the Xiongnu and evolved in the form of small Noghay cart tents (often pictured in early modern European travel accounts (e.g. Olearius, 1647; Fig. 3) – attest to the growing sophistication of cart culture in the Steppe. After the Mongol conquest of the Qipchaq, funerary cart interments continued under the Mongol rule into the Golden Horde period gravitating to the new centers of power in the Lower Volga (Yavorskaya, 2013). The cart technology also reached new heights.

Archaeological reconstruction of well-preserved burial carts from the Golden Horde revealed an important advancement in cart-bearing technology that distinguished them from vehicles of the past. Qipchaq, Xiongnu, and Scythian carts were essentially of the same type – they had a fixed axle and rotation was implemented solely by bushes in the wheels (Shalobudov, Lesnichii, 2003, p. 201). In the 13th – 14th c. a new type of cart emerged in Golden Horde burials that was distinguished by its innovative axle rotation mechanism. In these new carts, bearings were located under the cart bed where the latter was mounted on the axle and secured to it by means of grooves underneath. The cart bed was supported on the axle by its own weight. This allowed for simple deconstruction of the cart, making it more portable during nomadic migrations. In this cart one wheel was fixed to the axle, while the other wheel had a bearing, allowing the wheels to rotate at different speeds when the cart was making turns or traveling over bumpy terrain (Shalobudov, Lesnichii, 2003, p. 201). Thus, archaeological evidence shows that the Mongol-period carts became more durable and maneuverable.

In mortuary rituals of the Golden Horde nomads (just as with the Qipchaq), these carts were probably used as ritual biers and signified prestige. They were usually disassembled or broken down and placed into burials (often as *pars pro toto*) covering bodies or coffins with the bodies of female and male deceased, who were dressed in elite attire typical of the imperial Mongols (e.g., precious silks and jewelry, belts, bo-

Fig. 2. Isfandiyar slays the Simurgh from the Small Shahnama, Isfahan, Ilkhanid Period, 1330-40. The Metropolitan Museum of Art, N.Y. (1974.29.28r) (Swietochowski 1994:112).

Рис. 2. Исфа́нди́яр убивает Симу́рга из Малой Шахнамы, Исфахан, период Ильханидов, 1330-40. Музей Метрополитен, Нью-Йорк (1974.29.28r) (Swietochowski 1994:112).

qta hats, leather boots) and accompanied with items of high rank: weapons, mirrors, saddles, coin purses, etc., and in some cases, sacrificed horses (ibid.; Yavorskaya, 2013; Fedorov-Davydov, 1966). Archaeologists have offered a variety of interpretations for these rituals: carts served as a containment for the dead body, and as a separator between the dead and the living to prevent the deceased from returning and harming them; or carts were a transporter of the deceased to the other world, where a personal vehicle perhaps also represented an item of amenity or necessity to start a new life after death (Yavorskaya, 2013, p. 138–40). No matter how one reads the semantics of these ritual practices, such evidence reveals long-term affinities in nomadic funerary rites from the Xiongnu to the Mongols and highlights the prominent role of the cart (just as well as a horse) in the worldview of those pastoral nomads. This extremely versatile and resilient vehicle – be it a camp cart, a baggage cart, a personal carriage, or a ritual bier – featured widely in narrative sources concerning the imperial Mongols.

The Mongol and the Golden Horde Carts in Narrative Sources

The Mongol Empire connected communities on a transcontinental scale through conquests and commerce which required a reliable communication system.

Fig. 3. Depiction of a small cart tent of the Noghay nomads near Astrakhan in 1636 (from Olearius 1647).

Рис. 3. Изображение небольшой повозки-палатки кочевников ногайцев под Астраханью в 1636 г. (Olearius 1647).

A variety of carts was deployed for local and long-distance mobility involving army supplies, cargo freight, taxes, and transhumance transport. Carts fared poorly in hilly terrain, but they were perfectly suited to the flat steppe (Andrews, 1999, p. 565). Their high wheels were designed to ford streams; and the cart height was adjusted to a draught animal (e.g. camels required a wheel-hub ca. 20–30 cm higher than oxen or steppe horses). Giuseppe Barbaro observed that the carts in the Golden Horde were “taller than ours” and William of Rubruck explained that camel-driven carts had larger wheels “so that they cross rivers” (Andrews, 1999, p. 493–498, 565). Both Rubruck and Marco Polo listed oxen, horses, and camels as draught animals; John of Plano Carpini mainly noted oxen; and Kirakos of Ganjak wrote that nomads of the Batu’s Horde used “carts pulled by long lines of oxen and horses” (Andrews, 1999, p. 494; Gervers, Schlepp, 1997, p. 101, 107). The 14th-c. merchant Francesco Pegolotti who dealt with Ulus Jochi made a list of “freight capacity” specifying that a horse cart could carry ca. 1160 lb, an ox cart 1785 lb, and 3 camels could pull 5357 lb (Andrews, 1999, p. 499–500). Besides being used for moving soldiers, silks, and silver, carts were also indispens-

able for nomadic camps, migrations, and rituals.

Nomads lived in tents, some of which were collapsible (e.g. trellis tents) and some were permanently mounted on carts and used during more frequent migrations (Andrews, 1999, p. 492; Gervers, Schlepp, 1997; Kharuzin, 2011, p. 40–42). Rubruck observed such cart tents during his travels through the Golden Horde in 1253: “The next morning we met Scatatai’s [Chaghatai, a relative of Batu] carts laden with dwellings, and it seemed to me that a great city was approaching” (in Andrews, 1999, p. 499). Rubruck also described bow-top carts made of wooden twigs similar to coffers, which had raised vaults covered with black (waterproof) felt soaked with tallow or ewe’s milk and decorated with multicolored patchwork. Those coffers were used to store household goods, textiles, personal adornments, and valuables. They were never removed from carts, to which they were tightly lashed in order “to enable them to ford rivers” (in Gervers, Schlepp, 1997, p. 106). Women were in charge of such decorated vehicles and of the property stored in them: “The married women make very beautiful carts for themselves... A rich Mongol or Tatar may well have 100 or 200 of such carts with coffers. Batu has 26 wives, and each of these has a large dwelling, not counting the other small ones ... in which the maids live; belonging to each of these dwellings are a good 200 carts... One single woman drives 20 or 30 carts, for the country is flat” (in Andrews, 1999, p. 495–496). Polo also notes that they have “very beautiful carts with only two wheels... [in which] they carry their wives and their children and all the things and food which they need” (in Gervers, Schlepp, 1997, p. 101). Carpini adds that women were responsible for repairing those carts (Andrews, 1999, p. 498). Most accounts concur that rich nomads had numerous carts, which were driven and cared for by women and were probably their property (Andrews, 1999, p. 494–499; Kharuzin, 2011, p. 42; Bartold,

1966, p. 407). This symbolic and practical connection between carts and nomadic women is articulated in legends and rituals: e.g. the Khitan ancestress is portrayed as a “goddess in the form of an old woman on a cart drawn by a grey bovine” (Baldick, 2000, p. 31–2); in the *Secret History*, the divine Mongol ancestress Alan Qo’*a* appears as “a beautiful girl sitting in the front of a black cart,” and the wife of Chinggis Khan Börte escapes in a cart from the Merkit camp (Andrews, 1999, p. 313, 345). The Noghay women beautifully decorated their wedding carts, which they also used as sleeping cabins (Kharuzin, 2011, p. 39–45).

Nomadic carts also figure as carriages for individual conveyance, which were most likely the same light slatted constructions found in the Mongol period graves. Rubruck mentioned a chief wife of Möngke, who used a carriage to travel to the chapel tent in the camp (Andrews, 1999, p. 500). The relative lightness of these carts can be judged by a passage found in the *Altan Tobchi* recounting an episode when Belgütei was captured and held prisoner by the Tayichi’ud, who bound him to a cart, but Belgütei managed to flee at night carrying the cart on his back (Andrews, 1999, p. 346). A range of sources speak of various individuals who used personal carts because they were too sick, elderly, wounded, or heavy to ride (all in Andrews, 1999, p. 311, 564): Juvayni reported that “Qadaq Noyan was taken to Qaraqorum on a cart while feigning illness as a prisoner;” Rashid ad-Din wrote that Noqai also pretended to be ill and was in a cart during his battles with Toqta in the Golden Horde in 1298. This writer also relates that Qonichi (the ruler of the White Horde) used a cart because he was too heavy to ride. The *Sacred History* tells of Tarqutai-Kirilтуq who rode in a cart for the same reason; and it also narrates that Yesü Buqa Tayshi of the Uryanqat resorted to a cart in his old age. These sources clearly manifest that by means of personal carriage carts individual mobil-

ity was maintained no matter the person's condition, gender, or affliction.

Two-wheeled personal carts (*qasaq tergen*) were often used in rites of passage, e.g. weddings, funerals, and as shrine-carts commemorating the dead (Andrews, 1999, p. 347, 500–501). The *Sacred History* narates that they were used to present the Onggirat girls as brides to a Mongol khan (Andrews, 1999). Conceivably, these ritual carts were exquisitely adorned (similarly to those noted above in the Liao and Noghay contexts). Their elaborate decorations had apotropaic and esthetic functions: they were often painted in red and black colors and ornamented with geometric designs, as known from archaeological examples that come from the Golden Horde and the Mongol heartland (see below; also Evarnitsky, 1907; Fedorov-Davydov, 1966, p. 130; Nomguunsüren et al., 2012, p. 347). The same personal carts used in life often served as funerary biers for their deceased owners. Carpini described the funerals of a Mongol nobleman, whose cart “in which he is drawn” was broken up at the place of his burial and interred in the grave together with luxury objects and sacrificed horses (Andrews, 1999, p. 500; Baldick, 2000, p. 99). Ultimately, the ritual significance of these personal carts, and their status as vehicles of prestige, continued when the dead were commemorated as ancestors by the living. During his mission to Möngke, Rubruck observed that many Mongol noblemen (descendants of Chinggis Khan) venerated ancestral cart shrines: “they...make images of their dead out of felt, and clothe them with the most precious materials and place them in one or two carts... [which] nobody dares to touch” (in Andrews, 1999, p. 501). Benedictus Polonus noted a ritual cart with a golden statue of Chinggis Khan placed on it near Batu's tent (Andrews, 1999, p. 502–503). It evokes the famous ritual shrine cart with the relics of Chinggis Khan, which according to the *Altan Tobchi* was used to transport his body (Andrews, 1999, p. 345, 502; Gervers, Schleppe, 1997, p. 114). Archaeological evidence from the

Golden Horde corroborates such narratives revealing the great role of personal carts in lives and burials of the nomads. One such (hitherto unpublished) cart burial from Kalmykia deserves special attention as a striking example of that sophisticated nomadic cart culture and is presented here.

A Golden Horde Burial with Cart Parts from Bolshoi Tsaryn I kurgan 1

In 1977, a team of archaeologists from the Kalmyk branch of the Russian Academy of Sciences led by Dr. Evgenii Tsutskin conducted rescue excavations in the interfluvium of the Volga and its western tributary, the former Sarpa River, in the north of the Republic of Kalmykia. This territory is known for its relatively small kurgan groups dispersed in the flat grassland landscape that was well suited for pastoralism and inhabited by the high-ranking nomadic groups of the Golden Horde. About 18 km SW of the modern settlement of Bolshoi Tsaryn, the team investigated the kurgan group Bolshoi Tsaryn I comprised of two kurgans located 40 m from one another (Tsutskin, 1978, p. 34). Each of the kurgans contained a single interment in the center, and both burials were furnished with items typical of the nomadic elite of the Golden Horde, e.g. silk textiles and objects related to transportation – cart remains in the female burial (k. 1) and a saddle and horse tack in the male one (k. 2). The burial in k. 1 contained a fragment of the same silk found in the k. 2 (Shingiray, 2018) suggesting their chronological proximity. Neither an osteological study nor skeletal remains from either burial are presently available, except a single (hyoid) bone of the female from k. 1 (originally misinterpreted as a child's jawbone placed in the mouth of the deceased (Tsutskin, 1978, p. 37); it yielded a C14 date: 1309–1406 calCE (590±15 BP, PSUAMS-6163).

Kurgan 1 was a circular mound (0.5 m high and 11.4 m in diameter) surrounded by a shallow moat on all sides except to the east. Under the kurgan fill, there was a circular ditch (with a radius of ca. 4 m from the center) dug out at the level of

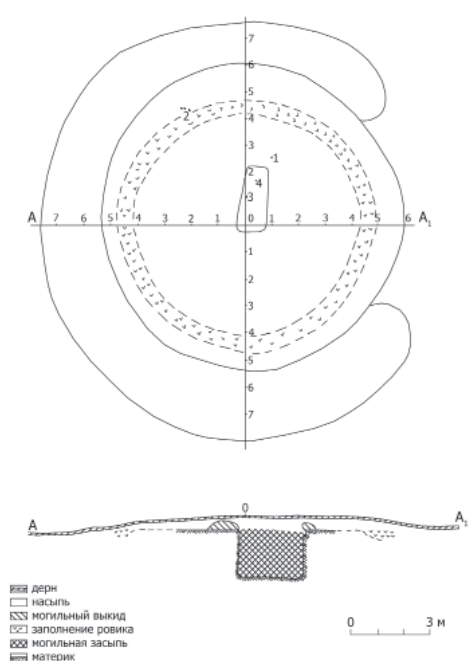

Fig. 4. Plan and Profile views of Kurgan 1 from Bolshoi Tsaryn I (after Tsutskin 1978).

Рис. 4. План и профиль кургана 1 Большого Царына I (по Цуцкину 1978).

the buried soil (Tsutskin, 1978, p. 34–38; Fig. 4). In its NW sector, this ditch contained (unspecified) jawbones and a long bone (no. 2 on the kurgan plan) 0.3 m below the kurgan fill. In the NE sector of the kurgan, there was a bone fragment at a depth of 0.1 m (no. 1). Just above the meridional burial pit (located in the kurgan center), the kurgan fill contained a bone fragment at a depth of 0.3 m (no. 3), and at a depth of 0.4 m there was a fragment of a wooden slat (no. 4) – probably from a wheel spoke of a cart. The burial pit was 2.5 m long and wider at its southern end (1.05 m) than its northern end (0.9 m) (Fig. 5). In the SW part of the grave fill (at a depth of 0.85 m), there was a “subconical wooden wheel hub manufactured by means of a lathe machine [and] placed with its subconical part down” (see grave plan: upper level) (Tsutskin, 1978, p. 35); and in the NW part of the grave pit there was a tilted wood fragment (see grave profile). The grave fill was disturbed: its center contained phalanges and a rib from the skeleton below, and there was a bronze

conical cup (no. 1 on the grave plan: lower level) in its northern part (at a depth of 1.6 m). Still below (at a depth of 1.65 m from the top of the grave fill), there were fragments of a well-built wooden coffin-like construction (see its wood fragments on the grave plan: upper level). Both its “long and short sides were built of vertically placed boards which were secured at the top” with a number of slats (1.5 cm-thick) put transversely on the long sides of the coffin. This slatted top-frame caved down in the center under the weight of the grave fill. The upper surface of the slats “in the northern and southern parts of the grave” was ornamented with “geometric designs which became imprinted on the lumps of the grave fill covering the slats” (Tsutskin, 1978, p. 35). In the northern part, they were ornamented with black and red stripes, while in the southern part, there were “imprints of a mat and leaves next to a geometric pattern” represented by diamonds (Tsutskin, 1978, p. 36; Fig. 6). The bottom of the coffin consisted of several long (3–4 cm

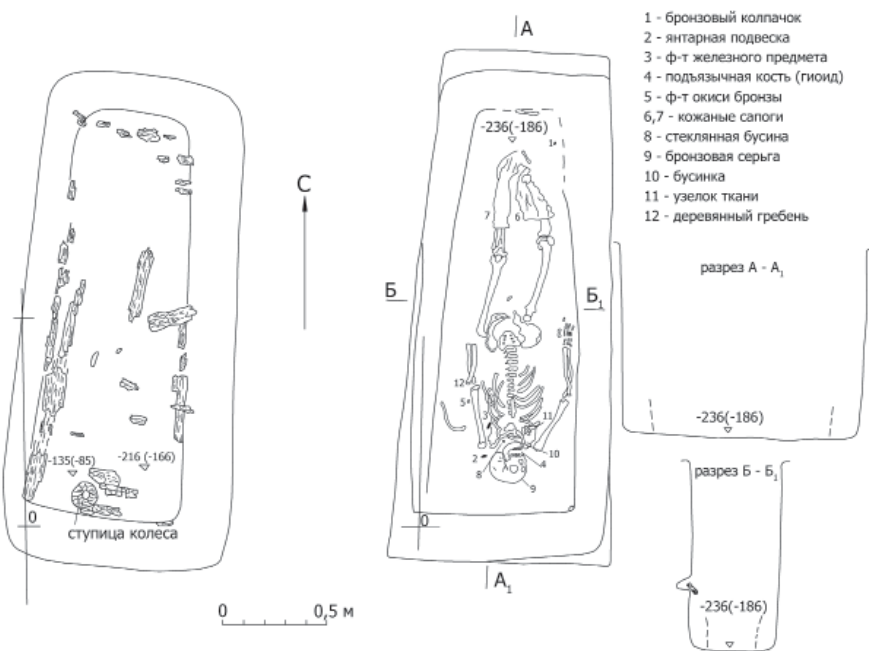

Fig. 5. Plan (at different depths: upper and lower levels) and profile views of burial 1 from kurgan 1 from Bolshoi Tsaryn I (after Tsutskin 1978).

Рис. 5. План (на разных глубинах: верхний и нижний уровни) и профиля погребения 1 из кургана 1 Большого Царына I (по Цуцкину 1978).

thick) slats placed along the length of the grave, under which there were slats placed transversally “at some interval” (Tsutskin, 1978, p. 36). The coffin structure was imprinted in the grave fill (see grave photo, plans, and profiles) and had the following parameters: 1.95 m long; 0.73 m wide at its southern end and 0.45 m at its northern end; and 0.36 m high.

At the bottom of the grave pit (at a depth of 1.84 m), there was a skeleton of a mature woman oriented with her head to the south and her face turned to the right (east) (Fig. 7). Her arms were placed along the body: her right arm was slightly bent at the elbow and her hand (closed in a fist) was slightly away from the body; her left hand was disturbed (some of its phalanges were found in the grave fill above). Her left leg was stretched out, and the right leg was slightly bent at the knee; yet her left leg was shorter than the right one. As noted in the report, the deceased must have undergone a trauma to her femur early in her lifetime,

whereby the femoral head broke off and the leg was “hanging” without being properly joined to the pelvis (Tsutskin, 1978, p. 37). As a result, the pelvis was developed asymmetrically. Moreover, the skull of the deceased was abnormally enlarged (see photo). At the base of its left side, the skull was damaged by a deep sharp-force cut, the impact of which probably caused the left top of her jawbone to break off – a piece of which was found on the left side of the ribcage; the lower left teeth of the deceased were absent; there was a distance between her skull and neck vertebrae; and her atlas bone was not in situ.

As for the grave goods (see grave plans), the woman was buried with an amber pendant (near her head); an oval black-glass bead (between her jaw and a clavicle); another bead wrapped in a textile (under her vertebrae); and a bronze earring (extracted from her skull). At the right side of the skull, there were some remains of a headdress containing a fabric knot (simi-

Fig. 6. Photo of a soil imprint from the surface of the ornamented cart slats from burial 1 kurgan 1 from Bolshoi Tsaryn I (Tsutskin 1978).

Рис. 6. Фотография отпечатка почвы с поверхности орнаментированных плашек повозки из погребения 1 из кургана 1 Большого Царына I (Цуцкин 1978).

lar to that from a silk band found on the skull of a man buried in k. 2); and another fabric knot at the top of the right side of the ribcage. A fragment of a wooden object and some traces of oxidized bronze were found west of the left arm, while east of it, there was a fragment of iron. The deceased was dressed in leather boots. Under her left scapula, she had a wooden comb, fragments of a textile, and a rounded wooden object with dotted ornamentation. Under the right hand and between her skeleton and the coffin-top, there were layers of birchbark. Under the head and around the upper part of her torso, archaeologists found layers of dark organic material – most likely felt (Tsutskin, 1978, p. 38).

In spite of the poor wood preservation in this grave (and its laconic description in the report), this burial is an extraordinary case of Golden Horde graves with wooden constructions made of cart parts. Although these types of burials – (type Ж-I) in a pit-grave with southern head-orientation, in a (type Б-II) slatted coffin-like construction, without a horse sacrifice – are well-known from the territory of the Golden Horde (Fedorov-Davydov, 1966, p. 127, 130–131), graves with cart wheels and ornamented cart parts are rare (Yavorskaya, 2013). Yet it is the context of this burial that makes it special. A mature woman of high rank, whose mobility and health

had been compromised possibly since her childhood, was buried with her typical elite paraphernalia in a wooden construction that was probably made of her personal cart that she could have used during her lifetime. This proposition is strongly supported by the evidence in the narrative sources cited above, which state that people with physical infirmities used carts to move around, and that some nomads were buried with carts which they used during their life. The ornamented slats from the coffin top that was most likely made of a cart frame in this burial are remarkable. The “protective-apotropaic” significance of the repeated geometric patterns such as stripes and diamonds (or squares) executed in contrasting red and black colors – is well documented in studies of traditional

Fig. 7. Photo of the deceased (view from the North) from burial 1 kurgan 1 from Bolshoi Tsaryn I (Tsutskin 1978).

Рис. 7. Фотография погребения 1 (вид с севера) из кургана 1 Большого Царына I (Цуцкин 1978).

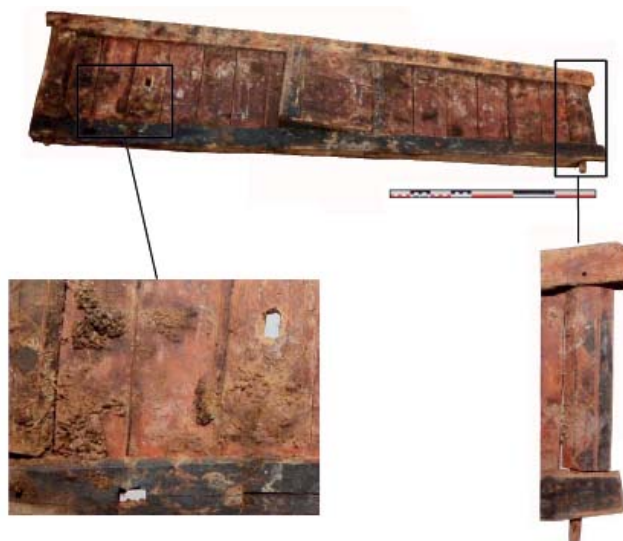

Fig. 8. A cart frame decorated with black and red patterns from the 14th-c. grave from Cagaan Chad in Mongolia (after Nomguunsüren et al., 2012, p. 347).

Рис. 8. Рама повозки, орнаментированная черно-красным узором, из могилы XIV в. из Цагаан Хада в Монголии (по Nomguunsüren et al., 2012, p. 347).

Turkic and Mongol ornamentations popular among the Eurasian nomads (Serkina, 1996, p. 236). These patterns were often used by women in decorations pertaining to their bridal attire and transport; and they also had talismanic properties semantically designated by the word 'belt' (*quraq/quruq*) in the sense of a protected border or field (Serkina, 1996, p. 234). Thus, these ornamented slats could have signified a cart's threshold. In the Mongol traditional culture, a threshold was often profusely decorated due to its highly symbolic meaning, and in the Golden Horde context, it was a sign of rank (Andrews, 1999, p. 192). A slatted cart-frame decorated with similar black and red patterns is also known from the 14th-c. grave Cagaan Chad in Mongolia (Fig. 8; Nomguunsüren et al., 2012, p. 328, 347–9).

A close analogy to the wooden construction made of cart parts (and its position in the grave) from Bolshoi Tsaryn 1 can be found in the burial of a young female nomad excavated from kurgan 9 at Voloshino in Ukraine (Suprunenko, Maevskaia, 2010). This girl from Voloshino was also of high rank, in poor health (according

to osteologists), and was buried with her head oriented to the south and her face to the east. She was dressed in silk and leather boots, and her body was shrouded in felt and put into a coffin made of and covered with cart parts. The authors of that publication also suggested that the girl could have used that cart during her lifetime, and that it was later modified into a coffin in which she was buried (Suprunenko, Maevskaia, 2010, p. 302). In the Bolshoi Tsaryn I grave, the coffin construction was topped by a wheel, whose hub and broken spoke fragment were found in the fill. Judging by the vertical position of the hub near the grave-pit wall, the wheel was either broken deliberately before its placement into the grave or was merely represented by its hub (as *pars pro toto*). It has been proposed that a wheel buried in a grave above a coffin and the body of a deceased could have served to demarcate a symbolic boundary between the dead and the living, protecting the latter from the potentially harmful dead (Yavorskaya, 2013, p. 140). It was likely the case in this burial as well. Moreover, the intentional skull injury (evidently performed in a post-skeletonized state) that

broke the deceased woman's jaw, together with other evidence of disturbance in this grave (e.g., displaced left-hand phalanges, disturbed grave fill and grave goods, damaged coffin top) could be potentially linked to the ritual practice known to archaeologists as "maiming of the dead" (Klevnäs, 2016). In any event, whether the Golden Horde nomads who buried her were fearful of this disabled deceased woman or not, in her lifetime she must have been able to cope with her condition by staying mobile and survived to a mature age. Her mobility would hardly have been possible without a personal cart, which she most likely cherished and had decorated, in order to display her rank and at the same time to protect herself and her property from evil.

Archaeological cases like this Golden Horde grave from Bolshoi Tsaryn 1 show the importance of a simple "serviceable" cart in the lives of such nomads, who lived under very challenging physical conditions. This example reveals that in the nomadic milieu of a steppe empire the thriving cart-culture encouraged inclusivity: it was responsible for the physical and social mobilization of its denizens of all genders, ages, and states of health, enabling them to keep active in their migratory lives. All the sources presented here demonstrate that Eurasian nomads crafted, perfected, adapted, and widely used these light, convenient, and resilient carts, which were "the condition of mobility" (Andrews, 1999, p. 4) and the embodiment of imperial power in the Steppe.

REFERENCES

1. Andrews, P. A. 1999. *Felt Tents and Pavilions: The Nomadic Tradition and its Interaction with Princely Tentage*. London: Melisende.
2. Baldick, J. 2000. *Animal and Shaman: Ancient Religions of Central Asia*. London: I.B. Tauris Publishers.
3. Bartol'd, V. V. 1966[1930]. On Wheeled and Mounted Transportation in Central Asia. In *Sochineniia (Collected Works)* 4. Moscow: "Nauka" Publ., 406–408 (in Russian).
4. Bocharov, S. G., Yavorskaya L. V. 2019. On the Question of Leather Production in the Golden Horde: results of archaeological and archaeozoological research in the Madzhar Settlement in 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*. 30 (4), 184–199 (in Russian).
5. Evarnitsky, D. I. 1907. Excavation of the Mounds within of Yekaterinoslav Province. Excavation Diaries. In Graf. Uvarova, P. S. (ed.). *Trudy XIII Arkheologicheskogo S'ezda v Ekaterinoslave 1905 (Proceedings of the 13th Archaeological Congress in Ekaterinoslav, 1905)*. Vol. I. Moscow: "Tipografia G. Lissnera & D. Sobko" Publ., 108–157 (in Russian).
6. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
7. Gervers, M., Schleppe W. 1997. Felt and "Tent Carts" in "The Secret History of the Mongols." *Journal of the Royal Asiatic Society* 7(1): 93–116.
8. Jahn, K. 1969. *Die Geschichte der Oguzen des Rashid ad-Din*. Wien: Böhlau in Komm.
9. Kharuzin, N. N. 2011[1896]. *Istoriia razvitiia zhilishcha u kochevykh i polukochevykh tiurkskikh i mongol'skikh narodnostei Rossii (The history of the development of the houses of the nomadic and semi-nomadic Turkic and Mongolian peoples of Russia)*. Moscow: "LIBROKOM" Publ. (in Russian).
10. Klevnäs, A. 2016. Overkill: Reopening Graves to Maim the Dead in Anglo-Saxon England. In *Limbs, Bones and Reopened Graves in Past Societies*. Ed. by Gardela, L., Kajkowski, K. Bytów: Muzeum Zachodniokaszubskie w Bytowie, pp. 177–213.
11. Miller, B. 2012. Vehicles of the Steppe Elite: Chariots and Carts in Xiongnu Tombs. *The Silk Road* 10: 29–38.
12. Nomguunsüren, G., Ahrens B., Piezonka H. 2012. Das Höhlengrab von Cagaan Chad, Bogd sum, Övörchangaj ajmag. In *Steppenkrieger: Reiternomaden des 7.-14. Jahrhunderts aus der Mongolei*. Ed. by Bemmman, J. Darmstadt: Primus, pp. 325–349.
13. Olearius, A. 1647. *Offt beehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Reise...* Schleswig: Zur Glocken.
14. Piggott, S. 1983. *The earliest wheeled transport: from the Atlantic Coast to the Caspian Sea*. Ithaca N.Y.: Cornell University Press.

15. Qui, Y. 2018. Independent Ruler, Indefinable Role: Understanding the History of the Golden Horde from the Perspectives of the Yuan Dynasty. In *La Horde d'Or et l'islamisation des steppes eurasiatiques, 1250-1550, Revue des Mondes Musulmans et de la Méditerranée (REMMM)*. Ed. by Favereau, M. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, pp. 29–48.
16. Rashid ad-Din, F., Shukiurova, R. M. 1987. *Oguz-name*. Baku: Elm.
17. Serkina, G. A. 1996. The Magic Effect of Carpet Ornament Composition. In *Kunstkamera. Étnograficheskie tetradi (Kunstkamera. Ethnographic Notebooks)* 10. 230–244 (in Russian).
18. Shalobudov, V. N., Lesnichii P. P. 2003. Reconstruction of Late Nomadic Carts (Based on Materials from Polovtsy Burials in the Dneper Region). In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 3. Donetsk: Donetsk National University, 193–206 (in Russian).
19. Shingiray, I. 2018. 'The Wise,' 'The Learned,' 'The Knowledgeable': A Mamluk (?) Tiraz from the Grave of the Golden Horde Steppe Warrior. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4. 201–205.
20. Suprunenko, A. B., Maevskaia S. V. 2010. A Golden Horde Burial with Remains of a Costume of a Nomadic Girl from the Lower Psiol. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 8. Donetsk: Donetsk National University, 295–340 (in Russian).
21. Swietochowski, M. L. 1994. The Metropolitan Museum of Art's Small *Shahnama*. Catalogue Numbers 8-48. In *Illustrated Poetry and Epic Images: Persian Painting of the 1330s and 1340s*. Ed. by Swietochowski, M. L., Carboni, S. New York: Metropolitan Museum of Art, pp. 67–127.
22. Tsutskin, E. V. 1978. *Otchet o Rabote Sarpinskoi Arkheologicheskoi Ekspeditsii Kalmytskogo NIIaLI i KGU v 1977 (Report on the work of the Sarpinsky archaeological expedition of the Kalmyk Research Institute of Scientific Research and Engineering and KSU in 1977)*. Elista, Archive of the Kalmyk Institute for Humanities, Russian Academy of Sciences. F. 14. R. No. 8–10 (in Russian).
23. Yavorskaya, L. V. 2013. In Stepanenko, V. P., Yurchenko, A. G. (eds.). *Ot Onona k Temze: Chingisidy i ikh Zapadnye Sosed'i (From the River Onon to the Thames. Chingizids and their Western Neighbors)*. Moscow: "Mardzhani" Publ., 134–141.

About the Author:

Irina Shingiray, Ph.D., Research Fellow, History Faculty, University of Oxford. Address: Faculty of History, George Street, Oxford, OX1 2RL, UK; irina.shingiray@history.ox.ac.uk

ЖИЗНЬ В ДВИЖЕНИИ: КУЛЬТУРА ПОВОЗОК У КОЧЕВНИКОВ И ПОГРЕБЕНИЯ С ПОВОЗКАМИ ИЗ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (НА ПРИМЕРЕ ИЗ БОЛЬШОГО ЦАРЫНА I, КАЛМЫКИЯ)

Ирина Шингирей

В статье рассматривается тема культуры повозок у кочевников евразийской степи – культуры, которая развивалась в течение длительного времени и достигла своего апогея с появлением монгольской империи. Привлекается ряд нарративных, археологических, и визуальных источников, чтобы проследить как повозки использовались, адаптировались, технологически улучшались, и ритуализировались в жизни и в погребениях кочевников имперской монголии и в особенности Золотой Орды. Проанализировано уникальное золотоордынское погребение с частями орнаментированной повозки из Калмыкии. Его интерпретация демонстрирует инклюзивность культуры повозок в Улусе Джучи, где широкое использование персональных повозок кочевниками разных возрастов, полов и состояний здоровья способствовало их активному участию в мобильной общественной жизни степной империи.

Ключевые слова: археология, Евразийские кочевники, Золотая Орда, погребальные повозки, Калмыкия.

Информация об авторе:

Шингирей Ирина, доктор (археология), научный сотрудник исторического факультета Оксфордского университета, Великобритания; irina.shingiray@history.ox.ac.uk

Статья принята в номер 01.03.2020 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.158.169>

ПАМЯТНИК ПЕРИОДА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ПОСЕЛЕНЧЕСКОГО ТИПА В РАЙОНЕ ПОС. УЛАН-ХОЛ ЛАГАНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

© 2020 г. Ю.Д. Обухов, П.М. Кольцов

В статье рассматривается визуально выявленный археологический объект золотоордынского времени в мало изученном районе Республики Калмыкия. Подъемный материал представлен фрагментами кирпича, орнаментированной керамикой, пряслицей, медными монетами, свинцовыми предметами, которые имеют прямые аналогии в золотоордынских древностях Нижнего Поволжья, Северного Кавказа, Византии и др. О кустарном производстве на поселении свидетельствуют шлаки оплавленного кирпича, следы металлообработки в виде свинцовых выплесков и отходов меднолитейного производства. Наличие на памятнике керамики с Нижней Волги, Северного Кавказа и территории Трапезундской империи позволяет авторам предположить, что, это было небольшое поселение на вероятном караванном пути из Маджар в Хаджи-Тархан и далее в Сарай. В этом случае данный археологический объект возможно интерпретировать как караван-сарай. Памятник необходимо изучать более широкими площадями, с использованием современных технологий и методов раскопок.

Ключевые слова: археология, XIV в., Республика Калмыкия, Улан-Хол, золотоордынское время, караванные пути, керамика, кирпич, медные монеты.

Лаганский район Республики Калмыкия является наименее изученным в археологическом отношении, несмотря на то, что интерес к древностям северо-западной части Каспийского побережья проявляли, в частности, такие крупные исследователи XVIII в., как П.С. Паллас, И.И. Лепехин, а позднее И.А. Житецкий, участники Каспийской и Кумо-Манычской экспедиций и др. В ходе естественнонаучных исследований ученые собирали также данные по истории, этнографии и археологии края.

В 30-е годы XX столетия в восточных районах Калмыкии работал замечательный ученый-археолог, профессор Саратовского университета П.С. Рыков. Он обнаружил большое количество курганов, фрагментов керамики и остатки древних захоронений (Рыков, 1931, т. 4, с. 51–82).

В 1931 году сотрудник Нижне-Волжского института краеведения И.В. Сеницын провел довольно тщательные разведки в прибрежной части Каспийского моря на территории Калмыцкой области. На участке Лагань – Белое Озеро, ближе к пос. Улан-Хол на дюне и в трех пунктах в северо-восточной ча-

сти озера были зафиксированы остатки поселений от каменного века до эпохи бронзы (Сеницын, 1933, с. 90–101).

В мае 1950 г. ставропольский археолог Т.М. Минаева совместно с местным краеведом Н.И. Басовым обследовали в районе Черных Земель урочище Яста-Худук, где собрали большое количество кремневых изделий и древней керамической посуды (Минаева, 1955, с. 46–53).

В 1973 г. У.Э. Эрдниевым были проведены археологические разведки на Черных Землях по маршруту Комсомольский – Улан-Хол – Артезиан, где им обнаружены остатки разветвленных поселений и средневековых погребений (Эрдниев, 1981, с. 9; Цуцкин, 1985, с. 11–12).

В 1976–78 гг. П.М. Кольцовым были обследованы восточные склоны Ергеней по балке Яшкуль, отдельные участки Сарпинской низменности и Черных Земель, где им обнаружено около двух десятков памятников каменного века (Кольцов, 1982, с. 100–107).

В 1979 году в районе Черных Земель П.М. Кольцовым было обнаружено 4 стоянки каменного и энеолитического времени (Кольцов, 1985, с. 34–42).

В 1979 г. разведочные работы в Северо-Западном Прикаспии предприняла Прикаспийская экспедиция Института археологии АН СССР под руководством доктора исторических наук В.И. Марковина. Большой знаток древней истории Кавказа, он периодически посещал степи Предкавказья и Калмыкии. На Черных Землях Черноземельского района Республики Калмыкии им были собраны многочисленные материалы бронзового века, скифо-сарматского, хазарского и золотоордынского времени (Марковин, 1980, с. 117; 1992, с. 22–58; 1995, с. 20–52).

В 2002 году М.А. Очир-Горяевой были проведены археологические разведки в Лаганском районе в районе пос. Улан-Хол и далее до пос. Артезиан, в ходе которых были обнаружены следы только поселений (Очир-Горяева, 2008).

В 2003 г. экспедиция Калмыцкого республиканского краеведческого музея провела спасательные археологические раскопки на Бэровском бугре у пос. Джалыково Лаганского района Республики Калмыкия. Грунтовый могильник обнаружили в ходе строительства автодороги Лагань-Джалыково летом 2003 года. Всего было исследовано 5 средневековых погребений (Шаральдинов, 2008, с. 51–54).

В 2004 г. археологическим отрядом Калмыцкого республиканского краеведческого музея им. Н.Н. Пальмова под руководством С.В. Шаральдинова были выявлены археологические памятники в Черноземельском районе (5 курганов могильника «Сарул-1», 11 курганов «Сарул-2») (Шаральдинов, 2014).

В 2010 г. археологический отряд ГУ «Центр охраны историко-культурного наследия РК» под руководством И.И. Дремова произвел археологические разведки на территории Ики-Бурульского и Черноземельского районов Республики Калмыкия в зоне строительства ВЛ 110 кВ. На трассе протяженностью около 230 км отряд выявил

22 курганные группы, содержащие 92 кургана (Дремов, 2010).

В апреле-мае 2011 г. сотрудник Центра охраны историко-культурного наследия РК А.Н. Басхаев в составе археологической экспедиции ЗАО «ОКН-проект» провел археологические разведки на территории Черноземельского и Лаганского районов Республики Калмыкия в зоне строительства автомобильной дороги Р-215 Астрахань – Кочубей – Кизляр – Махачкала. На участке граница Республики Калмыкия – станция Артезиан им были выявлены стоянки «Улан-Хол I и II», «Артезиан I–III» (Басхаев, 2012).

В 2011 году В.В. Верещагиным (ОЛ № 859 от 30 июня 2011 г.) были проведены археологические разведки в зоне проектируемого под строительство объекта «Реконструкция технологической связи системы газопроводов и газопроводов-отводов ООО «Газпром трансгаз Ставрополь», на участках «Комсомольский – Ики-Бурул – Элиста». В результате археологических исследований на территории Черноземельского района были выявлены местонахождения эпохи бронзы (Верещагин, 2012).

В 2013 г. археологическая экспедиция ЗАО «ОКН-проект» и ООО НПЦ «Наследие» провела археологические раскопки стоянок «Улан-Хол I и II» и «Артезиан I–III» (Садовая А.Р. ОЛ № 1631) на границе Лаганского и Черноземельского районов Республики Калмыкия в зоне строительства автомобильной дороги Р-215 Астрахань – Кочубей – Кизляр – Махачкала. Материалы стоянок свидетельствуют о том, что территория, прилегающая к железнодорожной ветке Астрахань – Махачкала, была плотно заселена в энеолите, в эпохи бронзы и раннего железного века (Садовая, 2014).

В 2013–2014 гг. археологические разведки на территории Черноземельского района Республики Калмыкия проводились сотрудником Прикаспийской науч-

но-образовательного археологического центра Калмыцкого государственного университета М.С. Горяевым. В результате археологических разведок были обнаружены десятки курганов эпохи бронзы и Средневековья (Горяев, 2015).

В 2014 г. археологические раскопки стоянок Артезиан I–II, расположенных в зоне строительных работ на объекте «Строительство газопровода «Точка выхода на берег – ООО «Ставролен» на территории Черноземельского района Республики Калмыкия», проводились совместной экспедицией Калмыцкого государственного университета, ООО «Центр научной экспертизы и мониторинга «Хронос» и ЗАО «ОКН-проект» (Прудников, 2016). В результате исследований были выявлены находки хазарского времени (VII–VIII вв. н. э.).

В 2018 г. археологическая экспедиция ООО «Центр научной экспертизы и мониторинга «Хронос» производила археологические раскопки грунтового могильника, расположенного в месте выборки грунта для строительства автомобильной дороги Р-215 Астрахань – Кочубей – Кизляр – Махачкала на участке Улан-Хол – Лагань Лаганского района Республики Калмыкия. В ходе научных изысканий было обнаружено 12 погребений, датируемых эпохой бронзы, раннего железного века и позднего Средневековья (Верещагина, 2018).

Из перечисленного выше видно, что благодаря трудам целого ряда исследователей в Приморском районе Калмыкии открыты и исследованы разные по времени и культурной принадлежности памятники. С древности прибрежная полоса Каспийского моря и Черных Земель имела высокую плотность населения благодаря хорошим пастбищным угодьям, разнообразной фауне, разветвленной сети водотоков (кроме побережья моря) в виде озер и степных лиманов. Начиная с каменного века (мезолита и неолита) здесь проживали люди, оставившие после себя каменные орудия, фрагменты керамической посу-

ды и украшений. Эпоха бронзы на исследуемой нами территории представлена катакомбными и срубными древностями. С раннего железного века в Приморских районах Каспия проживают ираноязычные киммерийцы, савроматы, скифы, сарматы. Затем их сменили тюркоязычные гунны, авары, утигуры, болгары, буртасы, хазары, мадьяры, печенеги, торки, половцы-кыпчаки. Монгольский пласт появился с нашествием монголо-татар на Восточную Европу, который позднее усилился с приходом на территорию Северо-Западного Прикаспия последних кочевников Великой (Евразийской) степи калмыков.

Через прибрежную часть Прикаспийской низменности пролегла Северная ветвь Великого Шелкового пути, огибавшего Каспийское море и соединявшего в Средние века крупные торгово-ремесленные центры Китая, Центральной Азии с Нижним Поволжьем, Доном, Северным Кавказом, Закавказьем и Византией (Кольцов, Байтанаев, Гаджиев, 2018, с. 8–19).

Таким образом, историографический обзор показал, что все известные на сегодня памятники золотоордынского времени в прибрежных районах Калмыкии являются, в основном, погребальными, поэтому представленный в данной статье археологический материал поселенческого типа имеет большой научный интерес.

Коротко остановимся на истории открытия памятника. Летом 2018 г. археологическая экспедиция Центра научной экспертизы и мониторинга «Хронос» производила археологические раскопки грунтового могильника, расположенного в месте выборки грунта для строительства автомобильной дороги Р-215 Астрахань – Кочубей – Кизляр – Махачкала на участке Улан-Хол – Лагань Лаганского района Республики Калмыкия. От местных жителей были получены сведения о случайных находках керамики и старинных монет в окрестностях населенного пункта Улан-Хол.

Рис. 1. Монеты медные. Пул анонимный: 1а, 2а – Л.с.В точечный ободок вписан линейный квадрат, разделенный пополам горизонтальной линией, в квадрате надпись «Высочайшее Повеление»; 1б, 2б – О.с. В точечном ободке лев(?) идущий вправо, за спиной льва – солнце.

Fig. 1. Copper coins. Anonymous pul: 1a, 2a – Front: A linear square divided in half with a horizontal line is inscribed in a dotted rim; an inscription in the square reads “Highest Commandment”; 1b, 2b – Reverse: A lion (?) walking to the right, and the sun behind the lion’s back are inscribed in a dotted rim.

В геоморфологическом отношении данный земельный участок расположен вблизи бывшей береговой линии Каспийского моря, приурочен к плоской раннехвалынской морской аккумулятивной равнине, очень слабо расчлененной реликтами древних эрозионных ложбин и лиманообразных понижений. Разработкой основных проблем геоморфологии Прикаспия занимались О.К. Леонтьев, Е.Г. Маев, Г.И. Рычагов (Леонтьев, Маев, Рычагов, 1977), М.В. Карандеева (Карандеева, 1959), Ф.Ф. Голынец (Голынец, 1927) и другие.

Рельеф местности грядово-волнистый, активная ветровая эрозия образовала в ряде мест крупные и длинные гряды барханов, вытянутых в соответствии с направлением господствующих ветров. В настоящее время пески в основном заросли степными травами, хотя имеются отдельные очаги открытых песков и барханов. Образование микрорельефа определялось в первую очередь климатическими условиями. Колебания высот здесь незначительны, исключение составляют зоны распространения бэровских бугров (Растительный мир Калмыкии, 1977, с. 7).

Территория покрыта густой сетью полевых дорог, в основном заросших и занесенных. Перемещение по данным до-

рогам крайне затруднительно. Помимо слабо выраженных в рельефе понижений, измененность осложнена бэровскими буграми.

Во время осмотра большого участка засушливой степи, расположенного, примерно, в 5 км к востоку от указанного выше поселка, было обнаружено местоположение поселения с небольшим (8–12 см) культурным слоем, который отчетливо прослеживался в местах вымоин и выдувов.

Топографически памятник приурочен к береговой линии высохшего ныне водоема озерно-лиманного типа, расположенного между опорами электролинии и параллельно идущей автомобильной дорогой регионального значения Р285 (85К-10) по направлению к населенному пункту Лагань.

Территория поселения локализуется по сборам, имеет форму вытянутого в направлении ВЮВ-ЗСЗ овала размером 120×50 м, общей площадью порядка 8,2 га. Характер визуально найденных предметов жизнедеятельности населения данного поселения указывает на наличие в данном районе археологического объекта XIV в., золотоордынского времени. Датированным материалом в данном случае являются поднятые две медные монеты с изображением льва,

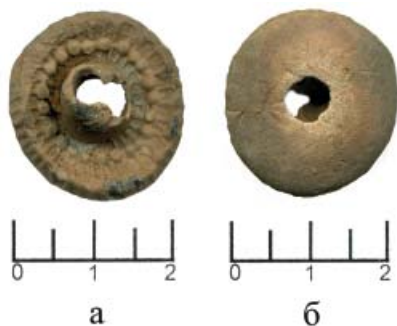

Рис. 2. Свинцовый грибовидный предмет с дисковидным расширением, полый цилиндрической ножкой и с круглым отверстием в центре.

Fig. 2. Lead fungus-shaped object with a disk-shaped extension, hollow cylindrical leg and round hole in the center.

за спиной которого восходит солнце, и легендой «Высочайшее Повеление». Тип данных монет (рис. 1) достаточно известен и описан. Данные монеты чеканились в золотоордынском Азаке в 732–734 гг. х. и начиная с 733 г. х. в Сарае, столице Золотой Орды (Фомичев, 1981, с. 239–240). Известен также Сарайский выпуск данного типа монет в 737 г. х. (Федоров-Давыдов, 2003, с. 168). К сожалению, на найденных монетах не удалось определить год и место чеканки, но беря во внимание приближенность к данному объекту указанных центров чеканки, предпочтительнее все же надо отдать столице Золотой Орды – Сараю.

Находка свинцового грибовидного предмета с дисковидным расширением и с круглым отверстием в центре, и полый цилиндрической ножкой (рис. 2) также является маркером золотоордынского периода в регионе. Г.А. Федоров-Давыдов считал их грузиками (Федоров-Давыдов, 1994, с. 202, рис. 39: 4), А. Масловский пуговицами (Масловский, 2010, с. 204, 220, 228; Широченко, 2010, с. 255), Р.М. Валеев называет эти предметы «грузиками-пломбами» и предполагает, что они использовались в безмонетный период в товарно-денежном обращении (Валеев, 1995, с. 108). Такого же мнения придерживается и А.Г. Мухамадиев, который, взвесив свинцово-оловянные грузики, разделил их на три группы по величине массы. Дробной единицей веса этих изделий он считает фракцию кадака (фун-

та) в 1/100 части, составляющую употребляемую в быту Волжской Булгарии единицу – мискаль в 4,095 г (Мухамадиев, 1983, с. 26).

Таким образом, функциональное назначение данных предметов на сегодняшний день достоверно не определено и утверждать что-либо на сегодняшний день пока преждевременно. Можно лишь с большой долей вероятности отметить, что отверстие предназначалось для продевания шнура, ножка сжималась, об этом также пишет Г.А. Федоров-Давыдов (там же), щипцами или зубами и тем самым предмет фиксировался на шнуре. «Орнамент» и шипы с внутренней стороны шляпки не позволяли скользить предмету и проворачиваться в относительно мягких материалах, таких как кожа (шкура), ткань и войлок. Учитывая многочисленность находок данных предметов на золотоордынских поселениях, а также находки литейных форм для их отливки, можно предположить большую потребность в данных предметах и их широкое использование.

Керамика представлена фрагментами красноглиняных тарных сосудов, в основном «трапезундскими амфорами» хорошего обжига (рис. 3). Фрагмент (рис. 3: 1), поднятый на поверхности, имеет яркий кирпичный цвет, на поверхности и изломах которого видны частицы песка, который чаще присутствует как естественная примесь, но и добавляется по мере необходимости в глиняную массу, чтобы уменьшить усадку, повысить жаропрочность, сделать устойчивее до сушки и т. д. Возможно, средневековые гончары добавляли песок и просто придерживаясь

Рис. 3. Фрагменты красноглиняных тарных сосудов – «трапезундских амфор».

Fig. 3. Fragments of red clay container vessels – “Trapezundian amphorae”.

традиционной технологии. Фрагменты (рис. 3: 2, 3: 3), найденные в вымоинах и выдувах, имеют серо-зеленую патину, образовавшуюся, вероятно, в результате специфики местных грунтов. Под патиной определяется хорошего обжига черепок с добавлением песка, что видно на местах смыва и изломе черепка (рис. 3: 3). Такую же серо-зеленую окраску имеет предмет, изготовленный из стенки керамического сосуда округло-овальной формы с неровными краями (рис. 4). На внешней стороне пред-

мета просматриваются следы лощения, нанесенного при изготовлении сосуда. С внутренней стороны по центру следы сверления циркульным резцом. Обжиг сплошной. На изломе видны зерна песка. Назначение данного предмета можно трактовать по-разному и соответственно строить из этого разные выводы. Если предположить, что данный предмет является заготовкой пряслица, то можно предположить о наличии на поселении ткацкого производства пусть и кустарного. Другой вариант определения данного предмета – как фишка для игр на досках, в том числе нарды и «мельница». В любом случае мы имеем

Рис. 4. Предмет, изготовленный из стенки керамического сосуда округло-овальной формы с неровными краями.

Fig. 4. Item crafted from the of a ceramic vessel with a near-round shape and uneven edges.

Рис. 5. Фрагмент кирпича по морфологическим признакам соответствующий строительным кирпичам золотоордынского периода.

Fig. 5. Fragment of a brick corresponding to the building bricks of the Golden Horde period in terms of morphological characteristics.

определяющие признаки распространенных в быту занятий населения в золотоордынское время.

На первоначальном этапе ознакомления с керамическим материалом данного поселения можно сделать вывод о происхождении найденной керамики с Нижней Волги, что логически оправдано, Северного Кавказа и территории Трапезундской империи.

Большой интерес представляют найденные на поселении крупные фрагменты кирпича (рис. 5), по морфологическим признакам соответствующего строительному материалу золотоордынского периода (Федоров-Давыдов, 1994, с. 72, 73).

Наличие шлака, оплавленного кирпича может свидетельствовать о его использовании при сооружении очагов или небольших горнов для металлообработки. О наличии металлообработки свидетельствуют также свинцовые выплески (рис. 6) и отходы меднолитейного производства (рис. 7). При этом

надо отметить, что обработка свинца и меди, в том числе литье этих металлов, не требует трудоемких усилий и может осуществляться в «походных» условиях и носить кустарный характер, в отличие от производства керамики. Говорить о гончарстве на данном поселении на сегодняшний день не представляется возможным.

В заключение следует сказать, что в окрестностях населенного пункта Улан-Хол в первой половине XIV века находилось золотоордынское поселение с незначительным кустарным производством. Наличие на памятнике керамики с Нижней Волги, Северного Кавказа и территории Трапезундской империи позволяет предположить, что, возможно, мы имеем дело с небольшим поселением на вероятном караванном пути из Маджар в Хаджи-Тархан и далее в Сарай. В этом случае данный объект, интерпретируемый нами как каравансарай, является первым, хорошо датированным поселенческим объектом архе-

Рис. 6. Свинцовые выплески – отходы литейного производства.

Fig. 6. Lead splashes – foundry waste.

Рис. 7. Отходы меднолитейного производства.

Fig. 7. Copper foundry waste.

ологического наследия времен Золотой Орды не только на территории Нижнего Поволжья, но и юга России.

Памятник требует внимательного и взвешенного подхода в его изучении, поскольку имеет важное историко-культурное значение не только для Нижнего

Поволжья, но и всего мирового сообщества. Детальное археологическое изучение выявленного поселения, а также его музеефикация может стать отправной точкой в развитии туристического направления «Великий Шелковый путь» на территории Республики Калмыкия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Басхаев А.Н.* Отчет о проведении археологических разведок в зоне строительства автомобильной дороги Р-215 Астрахань-Кочубей-Кизляр-Махачкала на участке гр. Республики Калмыкия – Артезиан, Республика Калмыкия». Элиста, 2012 // Архив Прикаспийского научно-образовательного археологического центра Калмыцкого государственного университета. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12.
2. *Валеев Р.М.* Волжская Булгария: Торговля и денежно-весовые системы IX – нач. XIII вв. Казань: Фест, 1995. 157 с.
3. *Верещагин В.В.* Отчет о проведении разведок на территории г. Элиста, Приютненского, Ики-Бурульского и Черноземельского районов Республики Калмыкия в 2011 г. Элиста, 2012 / Архив Прикаспийского научно-образовательного археологического центра Калмыцкого государственного университета. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13.
4. *Верещагина Е.В.* Отчет о проведении археологических раскопок грунтового могильника, расположенного в месте выборки грунта для строительства автомобильной дороги Р-215 Астрахань – Кочубей – Кизляр - Махачкала на 24 км участка Улан-Хол – Лагань Лаганского района Республики Калмыкия / Архив Прикаспийского научно-образовательного археологического центра Калмыцкого государственного университета. Элиста, 2018. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23.
5. *Гольнец Ф.Ф.* Дефляционные котловины низменной Калмыцкой степи // Известия Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. Саратов, 1927. Т. 2. 17 с.
6. *Горяев М.С.* Об археологических разведках в Черноземельском, Приютненском, Ики-Бурульском районах Республики Калмыкия в 2013–2014 гг. Элиста, 2015 / Архив Прикаспийского научно-образовательного археологического центра Калмыцкого государственного университета. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17.
7. *Дремов И.И.* Отчет о проведении археологических разведок в 2010 году на территории Ики-Бурульского и Черноземельского районов Республики Калмыкия в зоне строительства ВЛ 110 кВ Элиста, 2010 / Архив Прикаспийского научно-образовательного археологического центра Калмыцкого государственного университета. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9.
8. *Карандеева М.В.* О зональности геоморфологических ландшафтов Русской Равнины. М., 1959. 22 с.
9. *Кольцов П.М.* Результаты археологических разведок 1976–1980 гг. на территории Калмыцкой АССР // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков / Отв. ред. У.Э. Эрдниев. Элиста: КНИИФЭ, 1982. С. 100–107.
10. *Кольцов П.М.* Новые памятники неолита и энеолита Черных Земель // Древности Калмыкии / Отв. ред. К.Н. Максимов. Элиста: Калм. НИИ истории, филологии и экономики при Совете Министров Калм. АССР (КНИИФЭ), 1985. С. 34–42.
11. *Кольцов П.М., Байтанаев Б.А., Гаджиев М.С.* Инфраструктура Северной ветви Великого Шелкового пути на участках: Западный Казахстан-Нижнее Поволжье-Подонье-Северный Кавказ // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 8–22.
12. *Леонтьев О.К., Маев Е.Г., Рычагов Г.И.* Геоморфология берегов и дна Каспийского моря. М.: МГУ, 1977. 211 с.
13. *Марковин В.И.* Разведки в юго-восточных районах Калмыкии и предгорном Дагестане // Археологические открытия 1979 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1980. С. 117.
14. *Марковин В.И.* Материалы к историко-археологической карте Калмыкии // Материалы и исследования по археологии Калмыкии / Отв. ред. В.И. Марковин. Элиста: КГУ, 1995. С. 20–52.
15. *Масловский А.Н.* Археологические исследования в городе Азове и Азовском районе в 2007–2008 годах // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. Вып. 24 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовск. музея-заповедника, 2010. С. 182–242.
16. *Минаева Т.М.* Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных Землях // КСИА. Вып. 59 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: Наука, 1955. С. 46–53.

17. *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 168 с.
18. *Очир-Горяева М.А.* Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
19. *Прудников Я.В.* Археологическое исследование (раскопки) памятника культурного наследия – стоянки «Артезиан 2» в зоне строительства объекта «Точка выхода на берег – ООО «Ставролен» в 2015 году. Элиста, 2016 / Архив Прикаспийского научно-образовательного археологического центра Калмыцкого государственного университета. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19.
20. *Растительный мир Калмыкии.* Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1977. 142 с.
21. *Рыков П.С.* Отчет об археологических разведках, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Известия Нижневолжского института краеведения. Т. 4. Саратов, 1931. С. 51–82.
22. *Садовая А.Р.* Археологические раскопки стоянок «Улан-Хол I и II» и «Артезиан I-III» на границе Лаганского и Черноземельского районов Республики Калмыкия в зоне строительства автомобильной дороги Р-215 Астрахань-Кочубей-Кизляр-Махачкала. Элиста, 2014 / Архив Прикаспийского научно-образовательного археологического центра Калмыцкого государственного университета. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19.
23. *Синицын И.В.* Древние памятники Приморского района Калмоласти // Известия Нижневолжского института краеведения. Т. 6 / Отв. ред. П.С. Рыков. Саратов: Нижне-Волжское общество краеведения, 1933. С. 89–102.
24. *Синицын И.В.* Археологические памятники Северо-Западного Прикаспия // Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып. 3 / Отв. ред. И.В. Синицын. Саратов: СГУ, 1960. С. 133–152.
25. *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.
26. *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 232 с.
27. *Фомичев Н.М.* Джучидские монеты из Азова // СА. 1981. № 1. С. 219–241.
28. *Цуцкин Е.В.* Археологические исследования Калмыкии // Древности Калмыкии / Отв. ред. К.Н. Максимов. Элиста: Калм. НИИ истории, филологии и экономики при Совете Министров Калм. АССР (КНИИИФЭ), 1985. С. 3–22.
29. *Шаральдинов С.В.* Отчет об археологических разведках в Черноземельском, Яшкульском, Ики-Бурульском районах Республики Калмыкия в 2004 году. Элиста, 2014 / Архив Прикаспийского научно-образовательного археологического центра Калмыцкого государственного университета. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16.
30. *Широченко Э.Б.* Археологические исследования в городе Азове в 2008 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. Вып. 24 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовск. музея-заповедника, 2010. С. 253–259.
31. *Шнайдитейн Е.В.* Раскопки курганной группы Заханата // Древности Калмыкии / Отв. ред. К.Н. Максимов. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 70–93.
32. *Эрдниев У.Э.* Древнейшая история заселения территории Калмыкии // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья / Отв. ред. У.Э. Эрдниев. Элиста: Калм. НИИ истории, филологии и экономики при Совете Министров Калм. АССР (КНИИИФЭ), 1981. С. 3–24.
33. *Эрдниев У.Э.* Некоторые итоги археологических работ в Калмыкии // Развитие науки в Калмыцкой АССР / Отв. ред. К.П. Катусов. Элиста: КНИИИФЭ, 1981а. С. 36–45.

Информация об авторах:

Обухов Юрий Дмитриевич, магистр истории, аспирант кафедры всеобщей истории, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия); лаборант, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); obukhova_t@inbox.ru

Кольцов Петр Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия); ORCID: 0000-0001-9776-3650, petr.koltsov52@mail.ru

A SETTLEMENT SITE OF THE GOLDEN HORDE PERIOD IN THE AREA OF ULAN-KHOL VILLAGE IN THE LAGANSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA

Yu.D. Obukhov, P.M. Koltsov

The paper discusses a visually identified archaeological site of the Golden Horde period located in an understudied area of the Republic of Kalmykia. The surface finds are

represented by fragments of brick ornamented with ceramics, a spindle, copper coins, lead items with direct counterparts in the Golden Horde antiquities of the Lower Volga, Northern Caucasus, Byzantium, and other regions. Brick and slag of melted brick, traces of metal processing in the form of lead splashes and copper smelting waste indicate the presence of craft production in the settlement. The presence of ceramics from the Lower Volga region, North Caucasus and the territory of the Trebizond Empire at the site allows the authors to assume that this was a small settlement possibly located on a caravan route from Majar to Hajji Tarkhan and further to Sarai. In this case, the archaeological site can be interpreted as a caravanserai. The settlement should be studied across wider areas using modern technologies and excavation methods.

Keywords: archaeology, 14th century, Republic of Kalmykia, Ulan-Khol, Golden Horde period, caravan routes, ceramics, brick, copper coins.

REFERENCES

1. Baskaev, A. N. 2012. *Otchet o provedenii arkheologicheskikh razvedok v zone stroitel'stva avtomobil'noi dorogi R-215 Astrakhan'-Kochubei-Kizliar-Makhachkala na uchastke gr. Respubliki Kalmykia – Artezian, Respublika Kalmykia»*(Report on Archaeological Surveys in the Construction Area of the Astrakhan-Kochubey-Kizlyar-Makhachkala Highway R-215 on the Republic of Kalmykia – Artesian border, Republic of Kalmykia”). Elista. Archive of the Caspian Scientific and Educational Archaeological Center of Kalmyk State University.. Fund 1. Inv. 1, dossier 12 (in Russian).
2. Valeev, R. M. 1995. *Volzhskaia Bulgariia: Torgovlia i denezhno-vesovye sistemy IX – nachala XIII vv. (Volga Bulgaria: Trade, Monetary and Weight Systems of 9th – Early 13th Centuries)*. Kazan: “Fest” Publ. (in Russian).
3. Vereshchagin, V. V. 2012. *Otchet o provedenii razvedok na territorii g. Elista, Priiutnenskogo, Iki-Burul'skogo i Chernozemel'skogo raionov Respubliki Kalmykia v 2011 g. (Report on Surveys in the Territory of Elista, Priiutnensky, Iki-Burul'sky and Chernozemlysky Districts of the Republic of Kalmykia in 2011)*. Elista. Archive of the Caspian Scientific and Educational Archaeological Center of Kalmyk State University. Fund 1. Inv. 1, dossier 13 (in Russian).
4. Vereshchagina, E. V. 2018. *Otchet o provedenii arkheologicheskikh raskopok gruntovogo mogil'nika, raspolozhennogo v meste vyborki grunta dlia stroitel'stva avtomobil'noi dorogi R-215 Astrakhan' – Kochubei – Kizliar - Makhachkala na 24 km uchastka Ulan-Khol – Lagan' Laganskogo raiona Respubliki Kalmykia (Report on Archaeological Excavations of a Surface Burial Ground at the Site of Soil Sampling for the Construction of the Astrakhan-Kochubey-Kizlyar-Makhachkala Highway R-215 at the 24 km of the Ulan-Khol-Lagan Section in the Lagansky District of the Republic of Kalmykia)*. Elista. Archive of the Caspian Scientific and Educational Archaeological Center of Kalmyk State University. Fund 1. Inv. 1, dossier 23 (in Russian).
5. Golynets, F. F. 1927. In *Izvestiia Nizhnee-Volzhskego instituta kraevedeniia im. M. Gor'kogo (Proceedings of the Lower Volga Institute of the Regional Studies Named after M. Gorky)* 2. Saratov (in Russian).
6. Gorjaev, M. S. 2015. *Ob arkheologicheskikh razvedkakh v Chernozemel'skom, Priiutnenskome, Iki-Burul'skom raionakh Respubliki Kalmykia v 2013–2014 gg. (Archaeological Surveys in the Chernozemsky, Priiutnensky, Iki-Burul'sky Districts of the Republic of Kalmykia in 2013-2014)*. Elista. Archive of the Caspian Scientific and Educational Archaeological Center of Kalmyk State University. Fund 1. Inv. 1, dossier 17 (in Russian).
7. Dremov, I. I. 2010. *Otchet o provedenii arkheologicheskikh razvedok v 2010 godu na territorii Iki-Burul'skogo i Chernozemel'skogo raionov Respubliki Kalmykia v zone stroitel'stva VL 110 kV (Report on Archaeological Explorations of 2010 in the Territory of Iki-Burul'sky and Chernozemlysky Districts of the Republic of Kalmykia in the Construction Area of 110 kV Overhead Lines)*. Elista. Archive of the Caspian Scientific and Educational Archaeological Center of Kalmyk State University. Fund 1. Inv. 1, dossier 9 (in Russian).
8. Karandeeva, M. V. 1959. *O zonal'nosti geomorfologicheskikh landshaftov Russkoi Ravniny (Zoning of Geomorphological Landscapes on the Russian Plain)*. Moscow (in Russian).
9. Kol'tsov, P. M. 1982. In Erdniev, U. E. (ed.). *Pamiatniki Kalmykii kamennogo i bronzovogo vekov (Sites of the Stone and Bronze Ages in Kalmykia)*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economy at the Council of Ministers of Kalmyk ASSR. 100–107 (in Russian).
10. Kol'tsov, P. M. 1985. In Maksimov, K. N. (ed.). *Drevnosti Kalmykii (Antiquities of Kalmykia)*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economy at the Council of Ministers of Kalmyk ASSR. 34–42 (in Russian).

11. Kolt'sov, P. M., Baitanayev, B. A., Gadzhjiev, M. S. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 8–22 (in Russian).
12. Leont'ev, O. K., Maev, E. G., Rychagov, G. I. 1977. *Geomorfologiya beregov i dna Kaspiiskogo moria (Geomorphology of the Banks and Bottom of the Caspian Sea)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
13. Markovin, V. I. 1980. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1979 goda (Archaeological Discoveries 1979)*. Moscow: "Nauka" Publ., 117 (in Russian).
14. Markovin, V. I. 1995. In Markovin, V. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kalmykii (Materials and Studies on the Archaeology of Kalmykia)*. Elista: Kalmyk State University Publ., 20–52 (in Russian).
15. Maslovskii, A. N. 2010. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2007–2008 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2007–2008)* 24. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 182–242 (in Russian).
16. Minaeva, T. M. 1955. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 59. Moscow: "Nauka" Publ., 43–56 (in Russian).
17. Mukhamadiev, A. G. 1983. *Bulgaro-tatarskaya monetnaya sistema XII–XV vv. (The Bulgar-Tatar monetary system of the 12th–15th cc.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
18. Ochir-Goryaeva, M. A. 2008. *Arkheologicheskie pamiatniki volgo-manychskikh stepei (svod pamiatnikov, issledovannykh na territorii Respubliki Kalmykii v 1929–1997 gg.) (Archaeological Sites of the Volga-Manych Steppes (Corpus of the Sites Explored in the Republic of Kalmykia in 1929–1997))*. Elista: "Gerel" Publ. (in Russian).
19. Prudnikov, Ya. V. 2016. *Arkheologicheskoe issledovanie (raskopki) pamiatnika kul'turnogo nasledii – stoiarki «Artesian 2» v zone stroitel'stva ob'ekta «Tochka vykhoda na bereg – OOO «Stavrolen» v 2015 godu (Archaeological studies (excavations) of "Artesian 2" cultural heritage site in the construction area of the "Landing Point - Stavrolen LLC" project in 2015)*. Elista. Archive of the Caspian Scientific and Educational Archaeological Center of Kalmyk State University. Fund 1. Inv. 1, dossier 19
20. 1977. *Rastitel'nyi mir Kalmykii. (Flora of Kalmykia)*. Elista: "Kalmyk Book Publishing House" (in Russian).
21. Rykov, P. S. 1931. In *Izvestiia Nizhnee-Volzhskogo instituta kraevedeniia im. M. Gor'kogo (Proceedings of the Lower Volga Institute of the Regional Studies Named after M. Gorky)* 4. Saratov, 51–82 (in Russian).
22. Sadovaia, A. R. 2014. *Arkheologicheskie raskopki stoiatok «Ulan-Khol I i II» i «Artesian I-III» na granitse Laganskogo i Chernozemel'skogo raionov Respubliki Kalmykii v zone stroitel'stva avtomobil'noi dorogi R-215 Astrakhan'-Kochubei-Kizliar-Makhachkala (Archaeological Excavations at the "Ulan-Khol I and II" and "Artesian I-III" Sites on the Border of Lagansky and Chernozemsky Districts of the Republic of Kalmykia in the Construction Area of the Astrakhan-Kochubey-Kizlyar-Makhachkala Highway R-215)*. Archive of the Caspian Scientific and Educational Archaeological Center of Kalmyk State University. Fund 1. Inv. 1, dossier 15 (in Russian).
23. Sinitsyn, I. V. 1933. In Rykov, P. S. (ed.). *Izvestiia Nizhnevolzhskogo instituta kraevedeniia (Proceedings of the Lower Volga Institute of the Regional Studies)* 6. Saratov: Lower Volga Society of Local History, 89–102 (in Russian).
24. Sinitsyn, I. V. 1960. In Sinitsyn, I. V. (ed.). *Trudy Saratovskogo oblastnogo muzeia kraevedeniia (Proceedings of the Saratov Regional Museum of Local Lore)* 3. Saratov: Saratov State University Publ., 133–152 (in Russian).
25. Fedorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy (Coinage of the Golden Horde)*. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).
26. Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Cities in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
27. Fomichev, N. M. 1981. In *Sovetskaiia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 219–241 (in Russian).
28. Tsutskin, E. V. 1985. In Maksimov, K. N. (ed.). *Drevnosti Kalmykii (Antiquities of the Kalmykia)*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economy at the Council of Ministers of Kalmyk ASSR. 3–22 (in Russian).
29. Sharal'dinov, S. V. 2014. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Chernozemel'skom, Iashkul'skom, Iki-Burul'skom raionakh Respubliki Kalmykii v 2004 godu (Report on Archaeological Surveys in the Chernozemsky, Yashkul, Iki-Burul Regions of the Republic of Kalmykia in 2004)*. Elista.

Archive of the Caspian Scientific and Educational Archaeological Center of Kalmyk State University. Fund 1. Inv. 1, dossier 16 (in Russian).

30. Shirochenko, E. B. 2010. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2007–2008 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2007–2008)* 24. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 253–259 (in Russian).

31. Shnidshtein, E. V. 1985. In Maksimov, K. N. (ed.). *Drevnosti Kalmykii (Antiquities of the Kalmyk)*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economy at the Council of Ministers of Kalmyk ASSR. 70–93 (in Russian).

32. Erdniev, U. E. 1981. In Erdniev, U. E. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Kalmykii epokhi bronzy i srednevekov'ya (Archaeological Sites of Kalmykia in the Bronze and Middle Ages)*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economy at the Council of Ministers of Kalmyk ASSR. 3–24 (in Russian).

33. Erdniev, U. E. 1981. In Katushov, K. P. (ed.). *Razvitie nauki v Kalmytskoi ASSR (Scientific developments in the Kalmyk ASSR)*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economy at the Council of Ministers of Kalmyk ASSR, 36–45 (in Russian).

About the Authors:

Obukhov Yuri D. Kalmyk State University. Pushkin Str., 11, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation; Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; obuxova_t@inbox.ru

Koltsov Petr M. Doctor of Historical Sciences. Professor, Kalmyk State University. Pushkin Str., 11, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation; ORCID: 0000-0001-9776-3650, petrkoltsov52@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2020 г.

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.170.180>

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЖЕМЧУЖИНА-I И ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД¹

© 2020 г. Л.В. Яворская

В работе публикуются результаты археозоологического исследования коллекции костных остатков из раскопок поселения Жемчужина-I, расположенного в степной предгорной части юго-восточного Крыма. Изучена представительная коллекция из 164 объектов объемом в 5795 фрагментов. Таксономический набор представлен по большей части остатками млекопитающих, есть кости птиц, рыб, раковины черноморских моллюсков. Для сельского памятника необычно выглядит низкий индекс раздробленности костных остатков, то есть разделка мясных туш производилась крупными кусками, как в городах. В спектре мясного потребления превалирует говядина – 85 %, доли баранины и конины значительно меньше, доля свинины незначительна. Высказана гипотеза о скотоводческом характере занятий жителей поселения Жемчужина и ряда других поселений степной зоны юго-восточного и центрального Крыма, с которых имеются представительные археозоологические коллекции и на всех зафиксирована доля говядины более 80%. Предполагается, что жители поселений разводили преимущественно крупный рогатый скот для получения шкур, а мясо отправлялось в улусный центр Солхат и частично оставалось на самих поселениях. Политический упадок главного получателя скотоводческой продукции - Солхата, в конце 1380-х годов, уменьшение его площади и количества жителей, отсутствие порта привели на рубеже XIV и XV веков к сокращению скотоводческих поселений его округа, среди которых и поселение Жемчужина-I, целенаправленно покинутое жителями. Ставится вопрос о поисках при археологических исследованиях маркеров ремесленных производств по обработке животных шкур, вывозом которых славилась Золотая Орда

Ключевые слова: археозоология, Золотая Орда, Крымский полуостров, сельские поселения, спектры мясного потребления, говядина, разведение крупного рогатого скота, выделка шкур животных.

Тема сельских поселений и сельских округ городов, обеспечивающих городские центры важнейшими ресурсам, крайне важна для С.Г. Бочарова. По его мнению, уже само их возникновение свидетельствует о жизнеспособности любого государства (Бочаров, Кирилло, 2016, с. 372), особенно такого, которое основано на скотоводческой кочевой экономике – Золотой Орды. Однако он сетует, что археологическая изученность этих объектов для территории Крымского полуострова слабая, а представленная информация часто небезупречна (Бочаров, Кирилло, 2016, с. 372). Изучение костных остатков животных из раскопок таких памятников проводятся крайне редко и ограничиваются,

как правило, коротким «остеологическим» отчетом в виде табличного приложения к отчету археологическому. Надеюсь, что данное исследование, посвященное археозоологическим исследованиям сельских памятников Крымского полуострова золотоордынского времени, станет приятным «подарком» Сергею Геннадиевичу Бочарову – нынешнему юбиляру, моему коллеге по археологическим исследованиям, соавтору ряда статей и доброму другу.

В структуре поселенческих памятников Крымского полуострова, попавших в зону раскопок Крымской новостроечной археологической экспедиции Института археологии РАН в 2017 году, нередко выявлялись культурные напла-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00310 «Археозоологические материалы как источник для реконструкции палеоэкономических процессов в лесной и степной зонах Восточной Европы в XII–XVI вв.».

ствования времен Золотой Орды. Однако памятников, полностью принадлежавших к золотоордынскому периоду, оказалось в этом наборе совсем немного, и среди них поселение Жемчужина-I, расположенное в юго-восточной части полуострова в Кировском районе, в предгорной степи к северо-востоку от горного массива Агармыш (Внуков, 2018а, с. 8). На территории, приближенной к памятнику, в эпохи бронзы и железного века проживали скотоводческие племена, в Средние века она была занята типчаково-разнотравно-ковыльными степями и использовалась как скотоводческие угодья.

Археологическое исследование данного памятника установило, что это было сельское поселение, культурный слой которого почти полностью уничтожен позднейшей хозяйственной деятельностью, особенно разрушительна была плантажная вспашка. На памятнике выявлена серия хозяйственных ям-хранилищ колоколовидной формы и обычных ям с отвесными стенками, больших углубленных жилищ. Остатки наземных жилищ маркированы исключительно по хорошо сохранившимся вкопанным в землю тандырам с дымоходами, сделанными из керамических труб (Внуков, 2018б, с. 234–238). Зафиксировано огромное количество находок обломков глазурованных сосудов, неполивной столовой и тарной керамики, керамических труб. Есть следы ремесленной обработки металлов, не исключено косторезное производство. Материальная культура, керамический и нумизматический материал очерчивают хронологические рубежи функционирования памятника примерно со второго-третьего десятилетия до конца XIV века (Внуков, 2018б, с. 239). Для археологического объекта это довольно небольшой период функционирования – чуть более полувека и получить более дробную хронологию на сельском памятнике вряд ли возможно. При таких узких хронологических рамках

все костные остатки, полученные исключительно из исследованных объектов, можно считать коллекцией одного культурно-хронологического горизонта. Это, в свою очередь, позволяет реконструировать хозяйственную жизнь на поселении и приблизиться к пониманию экономических процессов в юго-восточном Крыму в золотоордынский период.

Археозоологическое исследование выполнено по методической схеме, разработанной в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Антипина, 2004). На количественном уровне зафиксированы все основные характеристики, которые важны для археозоологических материалов из поселенческих памятников, такие, например, как оценка естественной сохранности и специфики искусственной раздробленности, доли фрагментов, определяемых до класса или вида животных, зафиксированы следы искусственного воздействия. Важным параметром оказался индекс раздробленности, получаемый делением общего числа фрагментов в выборке на занимаемый ими объем. Проведена таксономическая идентификация остатков, оценен видовой набор млекопитающих по их хозяйственному назначению, выстроены остеологические спектры для наиболее многочисленных по числу остатков видов и на их основе проведена реконструкция мясного потребления жителей и выдвинута гипотеза о специфике скотоводческой деятельности населения данного поселка.

Общий объем коллекции составил 5795 костных фрагментов, полученных из 164 объектов, в которых обнаружены кости животных. Сохранность остатков в исследованных сооружениях оказалась преимущественно хорошая и удовлетворительная – 4 и 3 балла по пятибалльной шкале (где 1 балл – самая низкая оценка), что дало возможность хорошо зафиксировать следы искусственного воздействия.

В выборках из исследуемых объектов кости животных оказались преимущественно отбросами кухни с характерными для них следами мясной разделки и кулинарной обработки: порубов – 20–30% в разных выборках, «кухонного» дробления – 50–60%, воздействия высокой температуры и огня – около 3%. Следует оговорить, что почти все остатки со следами температурного воздействия обнаружены в тандырных ямах. Преимущественно это были раковины моллюсков, почти четверть из которых (21%) несли на себе эти следы.

Индекс раздробленности костных остатков почти во всех выборках из исследованных объектов имеет значения преимущественно в 20–30 фрагментов в 1 куб. дм. Это «кухонная» раздробленность, хотя обычно такие значения индекс принимает в золотоордынских городах, где мясная разделка стандартизирована рынком (Яворская, 2015). Для сельского поселения такая раздробленность необычна. Существенно более высокие значения от 40 до 64 фрагментов в 1 куб. дм индекс раздробленности принимает в заполнении трех колоколовидных ям-хранилищ, в которые, по видимому, жители сгребли весь мусор, покидая поселение. Из этих ям (№№ 22, 60, 72), расположенных в разных частях поселения, происходят обломки сосудов, собиравшихся в одно изделие, много мелких фрагментов керамики, что служит дополнительным аргументом к утверждению, что бывшие ямы-хранилища заполнялись мусором в очень короткий промежуток времени. Еще в одном объекте № 132 индекс оказался чрезвычайно высок и выходил за рамки «кухонной» раздробленности – 127 фрагментов в 1 куб. дм. В заполнении этой ямы не обнаружено костных фрагментов, только раковины моллюсков, некрупные и раздробленные. В ряде крупных ям (№№ 34, 57, 80, 130, 135, 176, 189) в верхней части их заполнения встречены черепа и части туш домашних животных, как копытных, так

и хищников, индексы раздробленности здесь чрезвычайно низкие – от 9 до 17 фрагментов в 1 куб. дм, что наводит на мысль о быстром освобождении территории поселения, когда больных и старых животных уничтожают и подхоранивают в ставшие ненужными крупные хозяйственные объекты, например, в углубленные в землю жилища. Анализ заполнения костными остатками объектов, в частности такого сугубо археологического параметра как Индекс раздробленности, подтверждает предположение археологов, что поселение было покинуто жителями целенаправленно.

В таксономическом наборе наблюдается разнообразие. Помимо костей млекопитающих, которые составляют 81,3% коллекции, встречены остатки других классов животных. Доля остатков рыб невелика – 0,2%, костей птиц, напротив, довольно много для сельского памятника – 5,4%, раковин моллюсков – 13,1% (табл. 1), что также необычно для сельского памятника, не находящегося на морском побережье.

Кости диких животных составили 2,8% от всех определимых остатков млекопитающих. Среди них ведущую роль играют кости пушного зверька – зайца (2,7% – табл. 2), а от благородного оленя обнаружены исключительно опилки рогов – 0,1% (табл. 2), которые маркируют не столько фаунистические остатки, сколько «производственные». Кости мелких грызунов пока не определены до вида, но доля их остатков весьма невелика в напластованиях памятника (0,2% – табл. 2).

На удивление велика в коллекции доля костей домашних «помощников» – 13,5% от всех определимых остатков млекопитающих (табл. 2), даже в городах доля костей этих животных не превышает 1–2%. К домашним «помощникам» отнесены остатки верблюда (0,6%), собак (9,8%) и кошек (3,2%) (табл. 2). Остатки верблюда немногочисленны, однако их наличие

Рис. 1. Фаланга-I лошади с поселения Жемчужина-I со следами окостенения боковых связок.

Fig. 1 Phalanx-I horses from the settlement Zhemchuzhina -I with traces of ossification of the ligaments.

показывает использование населением специфичных транспортных животных помимо лошади. Лошадь на данном поселении эксплуатировали как минимум в двух направлениях – транспортном и мясном. О первом варианте использования говорят специфичные патологические окостенения боковых связок первых фаланг, появляющиеся у животных, выполняющих тяжелую физическую работу (рис. 1). Находки таких фаланг встречены четыре раза в разных объектах. Основную роль в группе остатков домашних «помощников» играют кости собак и кошек. Они встречались целыми скелетами или значительными их фрагментами. Следует отметить, что лишь однажды скелет щенка встречен в средней части заполнения крупной ямы (объект № 46), а в остальных случаях – целые скелеты или значительные их части располагались в верхнем заполнении ям (объекты №№ 8, 21, 130, 135, 179),

Рис. 2. Раковины черноморских моллюсков с поселения Жемчужина-I. 1 – мидии; 2 – устрицы; 3 – морской гребешок.

Fig. 2 Shells of the Black Sea mollusks from the settlement Zhemchuzhina-I. 1 – Mussels; 2 – Oysters; 3 – Scallop.

куда они вероятно были помещены при быстрой уборке территории поселения. Полагаю, что именно эта уборка и стала причиной высокой доли остатков домашних питомцев в заполнении объектов исследуемого поселения.

Отдельное место в археозоологической коллекции данного памятника занимают раковины моллюсков – 13,1% от общего числа остатков. Зафиксировано три вида обычных черноморских двустворчатых моллюсков: морской гребешок (*Pecten*), устрицы (*Ostereidae*), мидии (*Mytilus*) (рис. 2). Среди них ведущее место занимают раковины мидий (рис 2: 1) – 82,8%, и именно на этих остатках отмечено более всего следов воздействия высокой температуры – 21% от всех находок раковин. Внутри раковин мидий нет наростов, то есть они приносились на поселение в живом виде и приготавливались уже на месте – варились или запекались в золе. Вторую позицию занимают устрицы (рис. 2: 2) – 14,7%, которые встречены как с наростами внутри раковин, так и без них. То есть эти раковины использовались не только для еды, но и для хозяйственно-бытовых нужд, возможно, для получения кусочков перламутра. Раковины морского гребешка (рис. 2: 3) – 2,5%, почти все оказались с наростами снаружи и внутри, то есть попали на поселение без моллюска внутри. Скорее всего, они использовались именно как красивые раковины, исключительно для бытовых нужд и не являлись остатками белковой пищи.

Таблица 1

Таксономический набор и общие параметры археозоологической коллекции поселения Жемчужина-I – 2017 г.

Показатели	Млекопитающие					Другие классы			Всего	Доля определяемых (%)
	Неопределимые		Определимые			Птицы	Рыбы	Моллюски		
	Крупные	Средние	Домашние		Дикие					
"Мясные"			"Помощники"							
Всего по объектам	662	120	3281	533	117	312	10	760	5795	86,2
% по группам	11,4	2,1	56,6	9,2	2,0	5,4	0,2	13,1	100,0	
% по классам	81,3					18,7			100,0	

Таблица 2

Видовой состав и остеологические спектры определяемых остатков млекопитающих из раскопок поселения Жемчужина-I – 2017 г.

Показатели	Домашние						Дикие			Всего	
	"Мясные"			"Помощники"			Охотничьи		Мелкие грызуны		
	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	Верблюд	Собака	Кошка	Олень			Заяц
Всего	1932	494	850	5	22	384	127	3	105	9	3931
%	49,1	12,6	21,6	0,1	0,6	9,8	3,2	0,1	2,7	0,2	100,0
Всего по группам	3281			533			108		9		3931
% по группам	83,5			13,5			2,8		0,2		100,0

Роль мяса различных видов домашних копытных в диете жителей рассчитывается на основе остеологических спектров «кухонных» остатков по традиционной схеме, через коэффициенты кратности веса мясных туш (Антипина, 2005; Яворская, 2012). Среди остатков лошадей не все кости оказались отбросами кухни и тщательный отбор «кухонных» остатков этого животного понизил их количество для вычисления мясной диеты более чем в 2 раза – 207 фрагментов (табл. 3) вместо 494 (табл. 2).

Безусловно, что ведущую роль в мясном потреблении жителей поселения Жемчужина-I играла говядина – 85,3% (табл. 3). Конина и баранина сильно уступали этому мясному продукту (8,4 и 6,3% соответственно – табл. 3). Роль свинины в рационе жителей данного поселения незначительна (0,04% – табл. 3). Судя по состоянию зубной системы и костной ткани крупного рогатого скота, животные преимущественно забивались почти взрослыми (subadultus-adultus), в полном убойном, но не старыми.

Мясное потребление с явным преувеличением говядины в рационе жителей характерно для городов Золотой Орды, причем городов южных, таких,

например, как Азак и Маджар, в которых говядина составляла долю порядка 70–80% (Яворская, 2018, с. 69; Яворская, 2019, с. 296). Не исключено, что жители поселения Жемчужина-I занимались специализированным разведением крупного рогатого скота для снабжения улусного центра – золотоордынского города Солхат. Если принять эту гипотезу, то накопление костных остатков в культурных напластованиях исследуемого поселения может быть реконструировано следующим образом. Часть выращенных на мясо животных поставлялось на городские рынки в живом виде. Их остатки откладываются в культурных напластованиях города. Другая часть подросшего молодняка – бычков забивалась на самом поселении, скорее всего, для получения шкур. Именно в такой ситуации сезонного забоя на поселении периодически появляется огромное количество дополнительной мясной пищи, а разделка мясных туш производится крупными кусками для непосредственного употребления и заготовок так же, как и для города. Напомню, что раздробленность костных остатков на данном поселении невысокая и разделка производилась именно крупными кусками. Однако в

Таблица 3

Остеологические спектры и спектры мясного потребления поселения Жемчужина-I и других поселений Юго-Восточного Крыма

	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	ВСЕГО
Количество костей (шт)	1932	207	850	5	2994
Остеологический спектр (%)	64,5	6,9	28,4	0,2	100,0
Кратность веса мясных туш (ед.)	6	5,5	1	1	
Мясные продукты	Говядина	Конина	Баранина	Свинина	ВСЕГО
Абстр. мясные единицы	387,2	38,0	28,4	0,2	453,8
Спектры мясного потребления (%)	85,3	8,4	6,3	0,04	100,0
Спектры мясного потребления поселений юго-восточного Крыма (%)					
Жемчужина-I	85,3	8,4	6,3	0,04	100,0
Кринички-II	88,7	2,6	8,6	0,1	100,0
Су Баш-I	82,0	10,3	7,7		100,0

те сезоны, когда забоя животных не производилось, а заготовленное впрок мясо заканчивалось, использовались дополнительные источники белка – мясо других копытных, птиц, зайчатины и моллюски. Иначе трудно было бы объяснить относительно высокие доли остатков этих таксонов в культурных напластованиях специализированного скотоводческого поселения. Моллюсков для пищи, скорее всего, покупали на побережье в Каффе или Солдае, на рынках которых шла активная торговля подобной продукцией (Устав для генуэзских колоний..., 1863, с. 721).

Археологические находки свидетельствуют о том, что на поселении Жемчужина-I не только разводился скот, но функционировали ремесленные мастерские металлургические, по обработке животной кости, возможно, производилась первичная обработка шкур животных, а также велась оживленная торговля продукцией скотоводства и ремесел.

Остеологические коллекции других поселений округа золотоордынского Солхата, исследованные по той же методике, демонстрируют почти такие же спектры мясного потребления, что и поселение Жемчужина-I (табл. 3). На поселении Кринички-II археологическими исследованиями фиксируются наземные и углубленные в землю жилища, тандыры, хозяйственные ямы различ-

ных форм и очень похожий с поселением Жемчужина-I набор ремесел (Крамаровский, Гукин, 2002, с. 176–179). Оба поселения активно развиваются в XIV в. и прекращают функционировать на рубеже XIV–XV вв. Небольшая археозоологическая коллекция, переданная мне М.Г. Крамаровским для исследования, представлена теми же самыми таксонами, что и на поселении Жемчужина-I, ее объем составил 1264 костных фрагмента из которых остатки определяемых мясных домашних млекопитающих представлены 585 фрагментами. Как и на Жемчужине, здесь в мясном потреблении решительно «лидирует» говядина – 88,7%, баранина составила 8,6%, конина – 2,6%.

Поселение Су Баш-I датируется исследователями в широких рамках второй половины XIII–XVII вв. вместе с некрополем, который образовался на его месте в османский период (Мастыкова и др., 2018, с. 196). Для нашего исследования важно, что оно точно функционировало в XIV веке. Археозоологическая коллекция, таксономически сходная с предыдущими описанными, составила 1468 фрагментов, из которых определяемые остатки домашних «мясных» копытных составили 650 фрагментов. В спектрах мясного потребления доля говядины составляет 82%, конины – 10,3%, баранины – 7,7%.

Высокая, свыше 80%, доля говядины

характерна для всех поселений Юго-Восточного Крыма золотоордынского времени, на которых получена представительная археозоологическая коллекция. На всех трех поселениях важнейшей отраслью деятельности было разведение крупного рогатого скота, скорее всего, для снабжения города мясом и одновременно для получения важнейшего экспортного товара – бычьих шкур.

Два из трех упомянутых поселений прекратили функционирование на рубеже XIV–XV вв. Что же произошло в юго-восточном Крыму на рубеже XIV–XV вв.? Исследователи Жемчужины-I полагают, что прекращение жизни на подобных поселениях связано с разгромом Тамерланом в 1395 году города Солхата и, возможно, селений вокруг него. Однако есть два противоречия этому утверждению. В современной исторической и археологической литературе Тамерланов поход на Крым объявлен историографическим конфузом, следов разгрома этого времени не фиксируется ни на одном крупном памятнике, включая Солхат (Мыц, 2015, с. 115–116). Следов разгрома в материалах обсуждаемого памятника Жемчужина-I также нет, зато археологическим и археозоологическим исследованиями зафиксировано целенаправленное оставление поселения жителями, уборка территории, выбраковка больных животных, чьи останки поместили в верхнее заполнение ям-хранилищ и заглубленных жилищ. Попытаюсь представить иную трактовку событий, имеющих политические корни, но экономические последствия.

Нарративный источник начала XV в. (1404 год) Иоанн Галонифонтский сообщает об улусном центре Крымского полуострова городе Солхат, что это был прежде крупнейший город, ныне же он находится в упадке (Еманов, 2018, с. 298) без указаний причин упадка. Правители Крымского улуса Золотой Орды проиграли Солхатскую войну 1385–87 гг., и лидирующие позиции

на полуострове в конце XIV века стали принадлежать генуэзцам, центром владений которых был город Каффа, также расположенный в юго-восточном Крыму, как и Солхат, только на морском побережье (Бочаров, 2012, с. 113). В серии конфликтов с улусными правителями 1360–80-х гг. генуэзская Каффа приросла широкой сельской округой по всему ближайшему побережью, контролировала город и порт Солдайю (Судак) (Бочаров, 2012, с. 113). Таким образом, Солхат лишился своих морских ворот, его население в эти годы резко сократилось, о чем и сообщает Иоанн Галонифонтский. Хиреющему городу уже не нужно было много мяса, контроль над поставками шкур в порт был утрачен. Как нам показывают археологические исследования, ряд поселений округа Солхата действительно исчезает в конце XIV – начале XV веков. Полагаю, что причиной этому стало то, что поселения потеряли главного получателя своей скотоводческой и ремесленной продукции: богатый город, в который шли поставки мяса, и порт, через который осуществлялась отправка шкур. Итогом стало исчезновение ряда поселений в округе Солхата, в числе которых и Жемчужина-I, целенаправленно и планомерно покинутое жителями.

Археологическими исследованиями ИА РАН в Крыму 2018 года зафиксировано еще одно поселение, возникшее и закончившее функционирование в хронологических рамках XIV века. Поселение Кырк-Азизлер расположено в центральной степной части полуострова в Бахчисарайском районе и раскапывалось вначале как огромный мусульманский некрополь османского и более поздних периодов истории Крыма, на отдельных участках которого удалось обнаружить и исследовать ряд хозяйственных сооружений предшествующего поселения золотоордынского времени². Его остеологическая коллекция объемом 3473 фрагмента исследовалась по той же методике, что и коллекции с

сельских поселений юго-восточного Крыма, и дала аналогичный результат: доля говядины оказалась 86,8%, конины – 7,4%, баранины – 5,8%, свинины – 0,04%.

Наличие в золотоордынское время специализированных скотоводческих поселков по всему степному поясу Крыма вполне оправдано активным вывозом в это время из черноморских портов огромного количества бычьих шкур (Еманов, 2018, с. 68–71). Источники, связанные с территорией Крыма, сообщают о вывозе преимущественно шкур крупных домашних копытных – крупного рогатого скота и лошадей (Бочаров, Масловский, 2015, с. 7). Вероятно, что «оседлые татары», упоминаемые в письменных источниках в начале XV вв. (Гулевич, 2019, с. 8), были не столько земледельцами, сколько скотоводами, но именно по разведению, возможно, гуртованию преимущественно крупного рогатого скота, выпас которого производится отгонным способом на небольшие расстояния, без перекочевков. Особенности мясного потребления, разделки туш и материальная культура исследуемого поселения Жемчужина-I и рассматриваемых поселений юго-восточного и центрального Крыма соответствуют скорее этой гипотезе.

Вполне понятно, что оставшиеся от снятия шкур мясные части говяжьих туш, во-первых, оставались для питания и заготовок населения самих скотоводческих поселков, именно их остатки в виде разделанных и раздробленных костей с поселения Жемчужина-I и других рассматриваются в данном исследовании. Во-вторых, мясные продукты, расходились по продуктовым рынкам и лавкам мясников близлежащих городов, кости, соответственно, оседали в культурных напластованиях мест разделки туш и городских усадеб. Однако опубликованных археозоологических исследований коллекций из ордынских городов степного Крыма пока нет и провести сравнительное изучение их

материалов с материалами из сельских памятников невозможно.

Упадок ордынских городов в степной зоне на рубеже XIV–XV веков закономерно привел к существенному сокращению количества скотоводческих сельских поселений, изменению структуры поставок животной шкуры в порты полуострова. Таким образом, археозоологическим исследованием мясного потребления крымских сельских поселений в координации полученных данных с археологическим и историческим контекстом удалось выявить некоторые экономические «следы» производства бычьих шкур – одного из главных экспортных товаров Золотой Орды, а также установить изменения экономической ситуации в юго-восточном Крыму на рубеже XIV–XV веков.

Данное археозоологическое исследование материалов сельского поселения в степной части юго-восточного Крыма является «отправным», в нем предложен к рассмотрению ряд гипотез и поставлены некоторые проблемы. Подтвердить или опровергнуть их могут дальнейшие исследования материалов из золотоордынских поселений и городов степной части Крымского полуострова, а также результаты исторических реконструкций и специальных штудий письменных источников. Из важных проблем остаются поиски следов обрабатывающих животных шкуры и кожу производств в городах или на поселениях полуострова. Факт забоев скота, первичной обработки и выделки шкур крупного и мелкого рогатого скота установлен археологическими и археозоологическими исследованиями для крупнейших торгово-ремесленных центров Золотой Орды – Маджара и Азака (Бочаров, Яворская, 2019; Яворская, 2019; Яворская, Масловский, 2018), подготовлены результаты таких же исследований по Болгару и Укеку. Однако где и как гуртовался скот, происходили забои и обрабатывалась животная шкура в Крыму нам пока неизвестно.

Примечание

² Археологические исследования проводились Крымской новостроечной археологической экспедицией ИА РАН в августе-декабре 2018 года на территории выявленного объекта археологического наследия «Мусульманское кладбище Кырк-Азизлер» в зоне строительства и реконструкции автомобильной дороги Керчь – Феодосия – Белогорск – Симферополь – Бахчисарай – Севастополь, км 224+000 (выход на автомобильную дорогу Симферополь – Бахчисарай – Севастополь в районе с. Левадки) – км 253+000 (граница Бахчисарайского района) в Бахчисарайском районе Республики Крым. Открытый лист был выдан на имя Волошинова А.А. На настоящий момент отчет об исследованиях в стадии подготовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антипина Е.Е.* Археозоологические материалы (глава 7) // Каргалы. Т. III / Ред и сост. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 182–248.
2. *Антипина Е.Е.* Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы / Ред. и сост. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 181–190.
3. *Бочаров С.Г.* Солхатская война и ее отражение в фортификации Каффы // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Междунар. конгресса средневековой археологии Евразийских степей / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2012. С. 113–116.
4. *Бочаров С.Г., Кирилло В.П.* Исторические и архитектурные метаморфозы Шейх-Коя // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2016. № 6. С. 371–392.
5. *Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* Письменные источники об итальянской торговле кожей в Северном Причерноморье и данные археологии // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 157. Кн. 3. Казань: изд-во КГУ, 2015. С. 7–11.
6. *Бочаров С.Г., Яворская Л.В.* К вопросу о кожевенном производстве в Золотой Орде: результаты археологического и археозоологического исследования на городище Маджары в 2017 году // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 185–200.
7. *Внуков С.Ю.* Отчет о спасательных археологических работах в Кировском районе Республики Крым в 2017 г. Поселение Жемчужина-1 (раскоп 1, участки 1,2). Т. 1. М., 2018а / Архив ИА РАН, Р-1, № 59241.
8. *Внуков С.Ю.* Отчет о спасательных археологических работах в Кировском районе Республики Крым в 2017 г. Поселение Жемчужина-1 (раскоп 1, участки 1,2). Т. 5. М., 2018б / Архив ИА РАН, Р-1, № 59245.
9. *Гулевич В.П.* Место татарского населения в экономике Крыма в конце XIV – 70-х годах XV в. // Тюркологический сборник. 2015–2016: Тюркский мир Евразии / Отв. ред. Т.Д. Скрынникова. М.: Вост. лит-ра, 2018. С. 4–33.
10. *Еманов А.Г.* Между полярной звездой и полуденным солнцем. Кафа в мировой торговле XIII–XV веков. Санкт-Петербург: Алетея, 2018. 368 с.
11. *Крамаровский М.Г., Гукин В.Д.* Золотоордынское поселение Кринички-II (результаты полевых исследований). СПб.: Государственный Эрмитаж, 2002. 183 с.
12. *Мастыкова А.В., Решетова И.К., Чаукин С.Н., Ганичев К.А.* Поселение и могильник Су-Баш-1 (Республика Крым, Кировский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018. С. 192–197.
13. *Мыц В.Л.* «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 99–123.
14. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. Перевод, вступ. статья, примеч. В.Н. Юргевич // ЗООИД. Т. V. Одесса, 1863. С. 629–857.
15. *Яворская Л.В.* Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 216–237.
16. *Яворская Л.В.* Динамика заполнения костями животных центральной части Болгарского городища как показатель интенсивности жизнедеятельности его обитателей // КСИА. Вып. 237. 2015. С. 239–251.
17. *Яворская Л.В.* Продукция скотоводства в золотоордынском Маджаре: мясные продукты и ремесленные производства // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 68–73.
18. *Яворская Л.В.* Продукция скотоводства в золотоордынском Азаке: мясные продукты и ремесленные производства // Азак и мир вокруг него. Материалы Международной научной

конференции. Азов, 14–18 октября 2019 г. / Отв. ред. Е.Е. Мамичев. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника. С. 294–298.

19. Яворская Л.В., Масловский А.Н. Находки скоплений костей животных в зоологоордынском Азаке: видовой состав, анатомический набор, топография // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2014–15 гг. Вып. 30 / Науч. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2018. С. 358–378.

Информация об авторе:

Яворская Лилия Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); lv.yavorskaya@gmail.com

ARCHAEOZOOLOGICAL RESEARCH OF THE SETTLEMENT ZHEMCHUZHINA-1 AND ECONOMIC ISSUES OF SOUTH-EAST CRIMEA IN THE GOLDEN HORDE PERIOD

L.V. Yavorskaya

The work publishes the results of an archaeozoological study of a collection of bone remains from the excavations of the settlement Zhemchuzhina-I, located in the steppe foothill part of southeastern Crimea. A representative collection of 164 objects with a volume of 5795 fragments was studied. The taxonomic set is represented mainly by the remains of mammals; there are bones of birds, fish, and shells of the Black Sea mollusks. For a rural monument, the low index of fragmentation of bone residues looks unusual, that is, meat carcasses were cut in large pieces, as in cities. Beef prevails in the spectrum of meat consumption – 85%, the share of lamb and horse meat is much less, the share of pork is insignificant. A hypothesis was expressed about the cattle-breeding nature of the occupations of the inhabitants of the Zhemchuzhina settlement and a number of other settlements of the steppe zone of the southeast and central Crimea, from which there are representative archaeozoological collections and the share of beef more than 80% is recorded for all. It is assumed that the inhabitants of the settlements mainly raised cattle for hiding, and the meat was sent to the Solkhat ulus center and partially remained on the settlements themselves. The political decline of the main recipient of cattle-breeding products – Solkhat, in the late 1380s, a decrease in its area and number of inhabitants, and the lack of a port led to a reduction in the cattle-breeding settlements of its okrug at the turn of the 14th and 15th centuries, among which the settlement Zhemchuzhina-I, purposefully abandoned by residents. The question is raised during the search for archaeological research markers of craft industries for processing animal skins, the export of which was famous for the Golden Horde.

Keywords: archaeozoology, Golden Horde, Crimean peninsula, rural settlements, meat consumption spectra, beef, cattle ranching, animal skin processing.

REFERENCES

1. Antipina, E. E. 2004. In Chernykh, E. N. (ed.). *Kargaly (Kargaly)* III. Moscow: “Yazyki slavianskoi kul'tury” Publ., 182–248 (in Russian).
2. Antipina, E. E. 2005. In Chernykh, E. N., Zav'yalov, V. I. (eds.). *Arkheologiya i estestvennonauchnye metody (Archaeology and Natural Science Methods)*. Moscow: “Yazyki slavianskoi kul'tury” Publ., 181–190 (in Russian).
3. Bocharov, S. G. 2012. In Tishkin, A. A. (ed.). *Istoriia i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoi Evrazii (History and Culture of Medieval Peoples of Steppe Eurasia)*. Barnaul: Altai State University, 113–116 (in Russian).
4. Bocharov, S. G., Kirilko, V. P. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 371–392 (in Russian).
5. Bocharov, S. G., Maslovskii, A. N. 2015. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 157. Book 3. Kazan: Kazan State University, 7–11 (in Russian).

The study was carried out with the financial support of the Russian Fund for Basic Research, project No. 20-09-00310 “Archaeozoological materials as a source for the reconstruction of paleo-economic processes in the forest and steppe zones of Eastern Europe in the XII–XVI centuries”.

6. Bocharov, S. G., Yavorskaya, L. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 185–200 (in Russian).
7. Vnukov, S. Yu. 2018. *Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh rabotakh v Kirovskom raione Respubliki Krym v 2017 g. Poselenie Zhemchuzhina-1 (raskop 1, uchastki 1,2. T. 1)* (Report on Rescue Archaeological Activities in the Kirovsky District of the Republic of Crimea in 2017. Zhemchuzhina-1 settlement (excavation 1, sections 1, 2. Vol. 1)). Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 59241 (in Russian).
8. Vnukov, S. Yu. 2018. *Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh rabotakh v Kirovskom raione Respubliki Krym v 2017 g. Poselenie Zhemchuzhina-1 (raskop 1, uchastki 1,2). T. 5* (Report on Rescue Archaeological Activities in the Kirovsky District of the Republic of Crimea in 2017. Zhemchuzhina-1 settlement (excavation 1, sections 1, 2). Vol. 5.). Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 59245 (in Russian).
9. Gulevich, V. P. 2018. In Skrynnikova, T. D. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 2015–2016. Tiurkskii mir Evrazii (Turkic Study Collection. 2015–2016: Turkic World of Eurasia)*. Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ., 4–33 (in Russian).
10. Emanov, A. G. 2018. *Mezhdru polyarnoy zvezdy i poludennym solntsem. Kafa v mirovoy trgovle XIII–XV vekov (Between the Polar Star and Midday Sun. Cafa in the World Trade of 13th – 15th Centuries)*. Saint Petersburg: “Aleteya” Publ. (in Russian).
11. Kramarovskii, M. G., Gukin, V. D. 2002. *Zolotoordynskoe poselenie Krinichki-II (rezul'taty polevykh issledovaniy) (Golden Horde Settlement Krinichki-II (Field Study Results))*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ. (in Russian).
12. Mastykova, A. V., Reshetova, I. K., Chaukin, S. N., Ganichev, K. A. 2018. In Engovatova, A. V. (ed.). *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017 (Towns, ancient villages, burial grounds. Excavations of 2017)*. Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy (*Proceedings of Rescue Archaeological Studies*) 25. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 192–197 (in Russian).
13. Myts, V. L. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 99–123 (in Russian).
14. 1863. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 5. Odessa, 629–857 (in Russian).
15. Yavorskaya, L. V. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 216–237 (in Russian).
16. Yavorskaya, L. V. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237. 239–251 (in Russian).
17. Yavorskaya, L. V. 2018. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. 68–73 (in Russian).
18. Yavorskaya, L. V. 2019. In Mamichev, E. E. (ed.). *Azak i mir vokrug nego (Azak and the World Around It)*. Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 294–298 (in Russian).
19. Yavorskaya, L. V., Maslovskii, A. N. 2018. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2014–2015 gg. (Historical and Archaeological Studies in Azov and Lower Don in 2014–2015)*. 30. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 358–378 (in Russian).

About the Author:

Yavorskaya Liliya V. Candidate of Historical Sciences. Associate Professor. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; lilechka.yavorska@list.ru

Статья принята в номер 01.03.2020 г.

ЧУГУННЫЕ КОТЛЫ ШЕХР АЛ-ДЖЕДИДА (ОРХЕЙУЛ ВЕКЬ – СТАРЫЙ ОРХЕЙ, РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА)

© 2020 г. Г.И. Постикэ, Л.В. Бакуменко-Пырнэу

В статье рассмотрен вопрос использования чугунных котлов в средневековых городских поселениях на востоке Карпат, которые контролировались Золотой Ордой. В качестве примера взяты археологические остатки, обнаруженные в средневековом городе *Шехр ал-Джедид / Орхейул Векь – Старый Орхей* (Республика Молдова). Целью данной статьи является представление новых данных об этой категории сосудов, извлеченных при археологических раскопках, проведенных на памятнике в 1947–2018 годах. Эта информация заполнит базу данных по морфологии и хронологии чугунных котлов, а также расширит представления исследователей о территориальных границах распространения этой категории артефактов в западной части района, который находился под властью Золотой Ордой в XIV веке.

Ключевые слова: археология, чугун, котлы, Золотая Орда, Шехр ал-Джедид / Орхейул Векь – Старый Орхей, XIV век.

Среди археологических находок эпохи Средневековья, представляющих значительный интерес в плане внедрения новых материалов и технологий, являются чугунные изделия, которые на Востоке были хорошо известны еще с раннего Средневековья (Терехова, 1974, 1985; Семькин, 1996, 2013; Рязанов, 2008, 2010; Руденко, 2000), в то время как в Европе их poznali сравнительно поздно посредством золотоордынской цивилизации.

В этом плане среди центров, способствовавших продвижению чугунных технологий в Европе, выделяется золотоордынский город XIV века Шехр аль-Джедид (Смирнов, 1954; Абызова, Бырня, Нудельман, 1981; Бырня, 1991; Постикэ, 2005; Vasutenco-Rîmău, 2018). Известный по монетными легендам, данный город связывается с археологическим памятником *Орхейул Векь (=Старый Орхей)*. Этот памятник расположен на естественно укрепленном мысу размером 2,0×0,8 км, в нижнем течении реки Рэут, в 15 км от ее впадения в реку Днестр, между селами Требужени и Бутучени, района Орхей, в 60 км от г. Кишинэу (рис. 1). Средневековый город, основанный монголами на этом мысу, известен в историографии как *Шехр аль-Джедид*, или *Янги-шехр (=Новый Город)* (Яни-

на, 1977, с. 193–213; Spinei, 1994, с. 260; Spinei, 2006a, с. 319; Spinei, 2006b, с. 635; Постикэ, 2005, с. 154; Postică, 2006, с. 56; Nicolae, 2015b, с. 128), являясь в период 1330–1369 гг. одним из наиболее важных культурно-экономических и политических центров на западной границе Золотой Орды. В период правления хана Абдаллаха (1362–1369) в городе Шехр аль-Джедид была отчеканена местная серебряная и медная монета (Nicolae, 2015a, с. 122; Nicolae, 2015b, с. 128–129).

Археологический памятник Орхейул Векь является многослойным, включая разновременные поселения эпох палеолита, энеолита, раннежелезного века, позднеантичного и раннесредневекового периода, а также золотоордынский город Шехр аль-Джедид (ок. 1300–1369 гг.), молдавский город Орхейул Векь (ок. 1370–1540 гг.) и позднесредневековое поселение XVII–XVIII вв.

Археологические раскопки в Орхейул Векь проводились экспедициями Г.Д. Смирнова (1947–1962), П.П. Бырни (1968–1989), И.Г. Хынку (1993–1995), Г.И. Постикэ (1996–2001, 2009–2011) и Л. Бакуменко-Пырнэу (2017–2018).

За время раскопок на данном памятнике открыты ценные материалы, касающиеся городских средневековых цивилизаций (Postică, Kavruk, 2018, с.

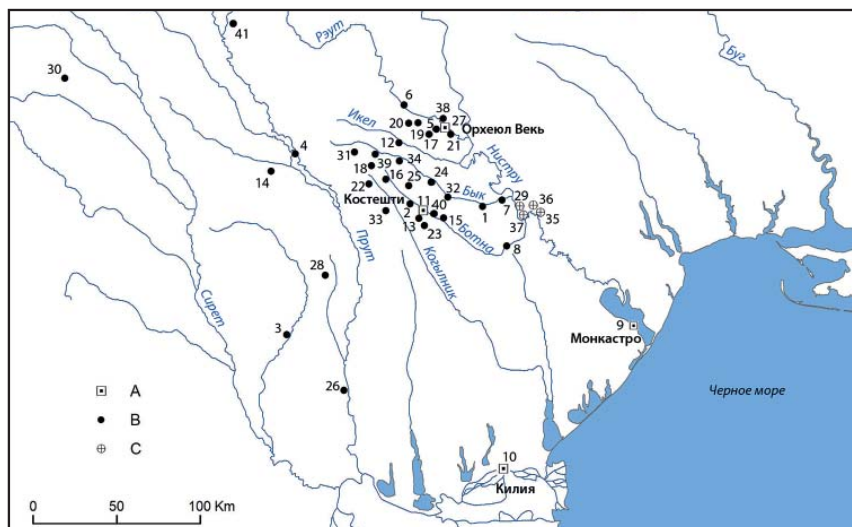

Рис. 1. Карта золотоордынских поселений XIV века Днестровско-Карпатского региона.

А – города, В – сельские поселения, С – погребальные комплексы. 1 – Анеи; 2 – Бардар; 3 – Бырлад; 4 – Босия; 5 – Брэнешти; 6 – Брэвичени; 7 – Калфа; 8 – Кэушений Веки; 9 – Монкастро/Четатя Албэ; 10 – Килия; 11 – Костешти; 12 – Греблешти; 13 – Ханска; 14 – Хлинча; 15 – Хорэшти; 16 – Хородка; 17 – Иванча; 18 – Лозова; 19 – Лукашеука; 20 – Мана; 21 – Машкауци; 22 – Младинешти; 23 – Молешти; 24 – Мунчешти (Кишинэу); 25 – Ниморени; 26 – Оанча; 27 – Шехр аль-Джедид / Орхейул Векь; 28 – Оцелени; 29 – Паркани; 30 – Пэртэштий де Жос; 31 – Пыржолтени; 32 – Ревака; 33 – Руска; 34 – Стрэшени; 35 – Суклея; 36 – Тирасполь; 37 – Тырнаука; 38 – Требужень; 39 – Ворничени; 40 – Зымбрени; 41 – Мэлэшети.

Fig. 1. Map of the Golden Horde settlements of the 14th century in the Dniester-Carpathian Region. А – towns, В – rural settlements, С – burial complexes. 1 – Aneni; 2 – Bardar; 3 – Barlad; 4 – Bosiya; 5 – Breneshti; 6 – Bravicheni; 7 – Kalfa; 8 – Caushenij Veki; 9 – Monkastru / Cetatea Albă; 10 – Kiliija; 11 – Kosteshti; 12 – Grebleshti; 13 – Khanska; 14 – Khlincha; 15 – Khoreshti; 16 – Khorodka; 17 – Ivancha; 18 – Lozova; 19 – Lukashejuka; 20 – Mana; 21 – Mashkautsi; 22 – Mladineshti; 23 – Moleshti; 24 – Muncheshti (Chisinau); 25 – Nimoreni; 26 – Oancha; 27 – Shehr al-Jedid / Orheiul Vechi; 28 – Otseleni; 29 – Parkani; 30 – Perteshtij de Zhos; 31 – Pырzholteni; 32 – Revaka; 33 – Ruska; 34 – Strasheni; 35 – Sukleja; 36 – Tiraspol; 37 – Tyrnauka; 38 – Trebuzheni; 39 – Vornicheni; 40 – Zymbreni; 41 – Malaeshti.

41–51, 75–104), среди которых отдельное место занимают чугунные котлы, стоящие в ряду наиболее ранних открытий такого рода на территории Европы.

Первые находки чугунных котлов в Орхейул Векь сделаны Г.Д. Смирновым в 1952 году (Смирнов, 1953, с. 18, 20, 22–23, 63–64). В последующем, фрагменты чугунных котлов открывались ежегодно во время археологических раскопок как в закрытых комплексах золотоордынского и молдавского периодов, так и в культурном слое (таб. 5).

Всего за годы раскопок в Орхейул Векь найдены 1120 фрагментов чугунных котлов, из которых 413 фрагментов

(36,9%) происходят из закрытых комплексов золотоордынского времени (ок. 1330–1369 гг.), 242 фрагмента (21,6%) из закрытых комплексов молдавского периода (ок. 1370–1600 гг.) и 465 фрагментов (41,5%) из культурного слоя (ок. 1330–1600 гг.) (табл. 1, 4).

Фрагменты чугунных котлов найдены в 58 золотоордынских комплексах из Орхейул Векь, в том числе в 12 жилищах, 11 хозяйственных сооружениях, 33 ямах, в одной печи и на территории одной бани (табл. 3).

В то же время чугунные котлы в большом количестве найдены и в закрытых комплексах молдавского периода, датированных концом XIV – началом

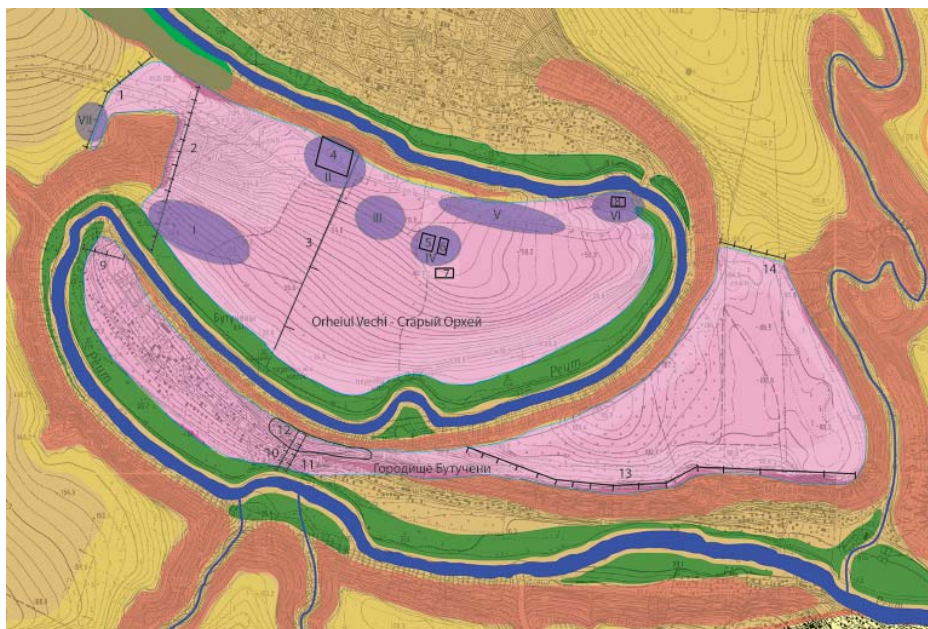

Рис. 2. Археологический комплекс Орхейул Векь (Старый Орхей): 1–8 – средневековое городище Орхейул Векь: 1, 2 – оборонительные валы № 1 и № 2 (XV–XVI в.), 2 – демаркационный вал № 3 (XVII в.), 4 – цитадель (XIV–XVI вв.), 5 – мечеть (XIV в.), 6 – караван-сарай (XIV в.), 7 – церковь (XV–XVI в.), 8 – баня № 2 (XIV в.); I–VII – сектора археологических раскопок 1947–2018: I – западный, II – цитадель, III – центральный, IV – мечеть и караван-сарай, V – северо-восточный, VI – баня № 2, VII – вал № 1; 9–14 – городище Бутучени: земляные фортификации (раннежелезный век, VII–III вв. до н.э.).

Fig. 2. The Orheiul Vechi archaeological complex (Old Orhei): 1–8 – Orheiul Vechi medieval hillfort: 1, 2 – Defensive ramparts No. 1 and No. 2 (15th – 16th cc.), 2 – Demarcation rampart No. 3 (17th c.), 4 – Citadel (14th – 16th cc.), 5 – Mosque (14th c.), 6 – Caravanserai (14th c.), 7 – Church (15th – 16th cc.), 8 – Bathhouse No. 2 (14th c.); I – VII – Sectors of archaeological excavations in 1947–2018: I – Western, II – Citadel, III – Central, IV – Mosque and Caravanserai, V – Northeastern, VI – Bathhouse No. 2, VII – Rampart No. 1; 9–14 – Butucheni hillfort: earth fortifications (Early Iron Age, 7th – 3rd cc. BC).

XVII вв., в том числе в заполнении 19 жилищ, 12 хозяйственных сооружений, 9 ямах и в одной печи (табл. 3). Не исключая возможность попадания в отдельных случаях в комплексах молдавского периода фрагментов чугунных котлов из культурного слоя XIV века, отмеченные находки в целом свидетельствуют о продолжении традиции использования чугунных котлов в постзолотоордынское время. Традиция использования чугунных котлов устоялась в румынской кухне¹ и в целом сохранилась на протяжении всего Средневековья и Нового времени, вплоть до современного периода.

На территории археологического па-

мятника Орхейул Векь чугунные котлы найдены во всех исследуемых секторах (рис. 2). Наиболее часто чугунные котлы встречаются в секторе караван-сарай – мечеть – 361 фрагмент (32,2%) – и в секторе каменная цитадель – 253 фрагмента (22,6%). В значительном количестве котлы встречаются и в центральном секторе, прилегающем к цитадели и караван-сарая – 209 фрагментов (18,6%). В северо-восточном секторе города отмечены 153 фрагмента котлов (13,7%), а западном – 129 фрагментов (11,5%).

Фрагменты чугунных котлов представлены венчиками (в т. ч. с ручками) и стенками. В виде исключения некото-

Таблица 1

Общие статистические данные о находках чугунных котлов на городище Орхейул Вець (Старый Орхей) в период 1947–2018 гг.

№ п/п	Годы раскопок	Автор раскопок	Находки чугунных котлов (фрагменты)		
			Венчики	Стенки	Всего
1	1947–1962	Г.Д. Смирнов	?	?	61
2	1968–1989	П.П. Бырня	?	?	815
3	1993–1995	И.Г. Хынку	0	1	1
4	1996–2001, 2009–2011	Г.И. Постикэ	42	181	223
5	2017	Л. Бакуменко-Пырнэу	15	5	20
	Всего				1120

Таблица 2

Распределение находок фрагментов чугунных котлов на территории городища Орхейул Вець (Старый Орхей) (раскопки 1947–2018 гг.)

№ п/п	Сектор	Фрагменты чугунных котлов	
		количество	%
1	Каменная цитадель	207	18.5
2	Возле каменной цитадели	46	4.1
3	Караван сарай	155	13.8
4	Мечеть	36	3.2
5	Возле Караван сарая и Мечети	170	15.2
6	Северный сектор	153	13.7
7	Центральный сектор	209	18.6
8	Западный сектор	129	11.5
9	Баня № 2	14	1.3
10	Вал № 1	1	0.1
	Всего	1120	100

Таблица 3

Комплексы с находками фрагментов чугунных котлов на территории городища Орхейул Вець (Старый Орхей) (раскопки 1947–2018 гг.)

№	Типы комплексов	Количество комплексов с находками чугунных котлов		
		XIV в	XV-XVII вв.	Всего
1	Жилища	12	19	31
2	Ямы	33	9	42
3	Вспомогательные сооружения	11	12	23
4	Баня	1	0	1
5	Вал	0	1	1
6	Дворец	0	1	1
7	Печи	1	1	2
	Всего	58	43	101

Таблица 4

Хронология комплексов с находками фрагментов чугунных котлов на территории городища Орхейул Вець (Старый Орхей) (раскопки 1947–2018 гг.)

№	Комплексы	Культурная принадлежность	Фрагменты чугунных котлов
1	Комплексы XIV в.	Золотая Орда	413
2	Комплексы XV-XVI вв.	Молдавское государство	240
3	Комплексы XVII в.	Молдавское государство	2
4	Культурный слой		465
	Всего		1120

Таблица 5

Находки фрагментов чугунных котлов
на городище Орхейул Векь (Старый Орхей) (раскопки 1947–2018 гг.)

№ п/п	Автор открытий (Научные отчеты)	Год открытий	Название археологических секторов	Раскопки	Археологический контекст	Хронология (ав.)	Фрагменты чугунных котлов		
							Венчики	Стенки	Всего
1	Г.Д. Смирнов, Отчет, 1952-1953, с.18, 20, 22, 23.	1952	Цитадель, Дворец		Дворец	XIV–XVI			7*
2	Г.Д. Смирнов, Отчет, 1952-1953, с.63	1952	К западу от цитадели	Об. XVII	Ж.	XIV			1
3	Г.Д. Смирнов, Отчет, 1952-1953, с.64	1952	К западу от цитадели	Об. XVIII	Ж.	XIV			2
4	Г.Д. Смирнов, Отчет, 1952-1953, с.51-52	1953	Цитадель, Северо-Запад угол		Ж.	XIV			7*
5	Г.Д. Смирнов, Отчет, 1952-1953, с.54, 55	1953	Цитадель, Северо-Запад угол		Я.	XIV			4*
6	Г.Д. Смирнов, Отчет, 1952-1953, с.47, 53, 54, 55, 58	1953	Цитадель, Северо-Запад угол		Слой				14*
7	Г.Д. Смирнов, Отчет, 1954, с. 13	1954	Цитадель, Дворец		Дворец	XIV			2*
8	Г.Д. Смирнов, Отчет, 1956, с. 9-10.	1956	Цитадель	Траншея 7	Слой				9
9	Г.Д. Смирнов, Отчет, 1956, с. 10, 12.	1956	Цитадель	P-3	Слой				3
10	Г.Д. Смирнов, Отчет, 1956, с. 18.	1956	Цитадель	P-1	Слой				2
11	Г.Д. Смирнов, Отчет, 1957, с. 9	1957	К западу от цитадели	Траншея 2	Слой				4
12	Г.Д. Смирнов, Отчет, 1957, с. 13, 14.	1957	Цитадель, восточная часть	P-2	Слой				4*
13	Г.Д. Смирнов, Отчет, 1957, с. 26.	1957	Цитадель, северо-восточная часть		Слой				1
14	П.П. Бырня, Отчет, 1968, с. 14, 30.	1968	Мечеть-Западный сектор	I	Слой				6
15	П.П. Бырня, Отчет, 1968, с. 20.	1968	Мечеть-Западный сектор	I	Ж.1	XV–XVI			2
16	П.П. Бырня, Отчет, 1968, с. 32.	1968	Мечеть-Западный сектор	I	Я.3	XIV			2*
17	П.П. Бырня, Отчет, 1968, с. 36-38.	1968	Портал Мечети	III	Слой				8
18	П.П. Бырня, Отчет, 1970-1971, с. 109, 114.	1970-71	Мечеть	XXXI	Слой				5
19	П.П. Бырня, Отчет, 1970-1971, с. 121.	1970-71	Мечеть-Караван Сарай	XXX-XXXII	Слой				2
20	П.П. Бырня, Отчет, 1970-1971, с. 143.	1970-71	Мечеть-Караван Сарай	XXX-XXXII	Соор. 8	XV			10
21	П.П. Бырня, Отчет, 1970-1971, с. 38.	1971	Северный сектор	VIII	Соор. 1	XV–XVI			1
22	П.П. Бырня, Отчет, 1970-1971, с. 43.	1970-71	Мечеть-Караван Сарай	X	Слой				2
23	П.П. Бырня, Отчет, 1970-1971, с. 45.	1970-71	Мечеть-Караван Сарай	X	Слой				1
24	П.П. Бырня, Отчет, 1970-1971, с. 52.	1970-71	Мечеть-Караван Сарай	X	Соор. 6	XIV			11
25	П.П. Бырня, Отчет, 1970-1971, с. 55.	1970-71	Мечеть-Караван Сарай	X	Ж. 10	XVI			21
26	П.П. Бырня, Отчет, 1972, с. 58.	1972	Северный сектор	XXXIX	Соор. 12	XIV			2*
27	П.П. Бырня, Отчет, 1972, с. 64.	1972	Северный сектор	XXXV	Ж. 16	XV–XVI			4
28	П.П. Бырня, Отчет, 1972, с. 94.	1972	Северный сектор	XXXIX	Я. 36	XIV			2*
29	П.П. Бырня, Отчет, 1972, с. 96.	1972	Северный сектор	XXXIX	Я. 38	XIV			2*
30	П.П. Бырня, Отчет, 1972, с. 98.	1972	Северный сектор	XXXIX	Я. 39	XIV			2*
31	П.П. Бырня, Отчет, 1972, с. 99.	1972	Северный сектор	XXXIX	Я. 40	XIV			2*
32	П.П. Бырня, Отчет, 1973, с. 11	1973	Северная стена Мечети	XLI	Слой				11
33	П.П. Бырня, Отчет, 1973, с. 13	1973	Северная стена Мечети	XLI	Слой				4
34	П.П. Бырня, Отчет, 1973, с. 5	1973	Северная стена Мечети	XLI	Слой				5
35	П.П. Бырня, Отчет, 1973, с. 6	1973	Северная стена Мечети	XLI	Слой				1
36	П.П. Бырня, Отчет, 1974, с. 16	1974	Северный сектор	XLIV	Слой				1
37	П.П. Бырня, Отчет, 1974, с. 16	1974	Северный сектор	XLIV	Слой				3
38	П.П. Бырня, Отчет, 1974, с. 4	1974	Мечеть-Караван Сарай	XLIII	Слой				15
39	П.П. Бырня, Отчет, 1974, с. 4	1974	Мечеть-Караван Сарай	XLIII	Слой				3
40	П.П. Бырня, Отчет, 1975, с. 10	1975	Караван Сарай	XLVI	Слой				4
41	П.П. Бырня, Отчет, 1975, с. 10	1975	Караван Сарай	XLVI	Слой				2
42	П.П. Бырня, Отчет, 1975, с. 15	1975	Караван Сарай	XLVI	Соор.	XIV			125
43	П.П. Бырня, Отчет, 1975, с. 7	1975	Восточная стена Караван Сарай	XXXIV	Слой				1
44	П.П. Бырня, Отчет, 1975, с. 8	1975	Восточная стена Караван Сарай	XXXIV	Слой				75
45	П.П. Бырня, Отчет, 1976: 11.	1976	Караван Сарай		Я. 117	XVII			2
46	П.П. Бырня, Отчет, 1976: 19.	1976	Караван Сарай		Ж. 32	XV–XVI			14
47	П.П. Бырня, Отчет, 1977, с. 18	1977	Цитадель, Юго-Восточный сектор		Я. 128	XIV			1
48	П.П. Бырня, Отчет, 1977, с. 20	1977	Караван Сарай	L	Слой				2*
49	П.П. Бырня, Отчет, 1977, с. 30	1977	Караван Сарай	LII	Слой				6
50	П.П. Бырня, Отчет, 1978, с. 14	1978	Северный сектор	LIV	Слой				5
51	П.П. Бырня, Отчет, 1978, с. 28	1978	Баня №2		Баня №2	XIV			2
52	П.П. Бырня, Отчет, 1979, с. 13	1979	Северный сектор	LIV	Я. 133	XIV			2
53	П.П. Бырня, Отчет, 1979, с. 32	1979	Северный сектор	LIV	Соор. 36	XV–XVI			4
54	П.П. Бырня, Отчет, 1979, с. 5	1979	Северный сектор	LIV	Ж. 34	XV–XVI			2
55	П.П. Бырня, Отчет, 1980, с. 12	1980	Северный сектор	LIV	Соор. 37	XV			7
56	П.П. Бырня, Отчет, 1980, с. 20	1980	Северный сектор	LIV	Соор. 39	XV–XVI			2
57	П.П. Бырня, Отчет, 1980, с. 22	1980	Северный сектор	LIV	Соор. 40	XV–XVI			2
58	П.П. Бырня, Отчет, 1980, с. 29	1980	Северный сектор	LV	Слой				6
59	П.П. Бырня, Отчет, 1980, с. 42	1980	Северный сектор	LV	Я. 140	XIV			1
60	П.П. Бырня, Отчет, 1980, с. 42	1980	Северный сектор	LV	Я. 141	XIV			1

61	П.П. Бырия, Отчет, 1980, с. 45, 49.	1980	Северный сектор	LV	Я. 146	XIV			5
62	П.П. Бырия, Отчет, 1981, с. 3.	1981	Северный сектор	LV	Слой				2
63	П.П. Бырия, Отчет, 1981, с. 3.	1981	Северный сектор	LV	Слой				5
64	П.П. Бырия, Отчет, 1981, с. 3.	1981	Северный сектор	LV	Слой				1
65	П.П. Бырия, Отчет, 1982, с. 11.	1982	Баня 2		Баня 2	XIV			12
66	П.П. Бырия, Отчет, 1982, с. 2.	1982	Северный сектор	LV	Coop. 45	XV–XVI			2
67	П.П. Бырия, Отчет, 1982, с. 7.	1982	Северный сектор	LV	Я. 157	XIV			4
68	П.П. Бырия, Отчет, 1982, с. 15.	1982	Северный сектор	LVI	Слой				7
69	П.П. Бырия, Отчет, 1982, с. 25.	1982	Северный сектор	LVI	Ж. 37	XIV			8
70	П.П. Бырия, Отчет, 1982, с. 26.	1982	Северный сектор	LVI	Ж. 37	XV–XVI			7
71	П.П. Бырия, Отчет, 1982, с. 30.	1982	Северный сектор	LVI	Coop. 48	XIV			3
72	П.П. Бырия, Отчет, 1982, с. 37.	1982	Северный сектор	LVI	Я. 154	XV–XVI			3
73	П.П. Бырия, Отчет, 1983, с. 20.	1983	Северный сектор	LVII	Слой				28
74	П.П. Бырия, Отчет, 1984, с. 8.	1984	Северный сектор	LVII	Я. 175	XIV			6
75	П.П. Бырия, Отчет, 1984, с. 9.	1984	Северный сектор	LVII	Я. 176	XIV			2
76	П.П. Бырия, Отчет, 1984, с. 14.	1984	Северный сектор	LVII	Я. 182	XIV			13
77	П.П. Бырия, Отчет, 1984, с. 18.	1984	Северный сектор	LVII	Coop. 52	XIV			1
78	П.П. Бырия, Отчет, 1984, с. 22.	1984	Северный сектор	LVII	Coop. 50	XV–XVI			1
79	П.П. Бырия, Отчет, 1984, с. 29.	1984	Северный сектор	LVII	Coop. 51	XIV			3
80	П.П. Бырия, Отчет, 1984, с. 36.	1984	Северный сектор	LVII	Coop. 53	XIV			1
81	П.П. Бырия, Отчет, 1984, с. 45.	1984	Центральный сектор	LIX	Слой				30
82	П.П. Бырия, Отчет, 1984, с. 56.	1984	Центральный сектор	LIX	Coop. 54	XV–XVI			4
83	П.П. Бырия, Отчет, 1985, с. 32–33.	1985	Западный сектор, Пойма-Мост Бутучени	LVIII	Ж. 43	XIV			11
84	П.П. Бырия, Отчет, 1985, с. 43, 44.	1985	Западный сектор, Пойма-Мост Бутучени	LX	Слой				8
85	П.П. Бырия, Отчет, 1985, с. 54.	1985	Западный сектор, Пойма-Мост Бутучени	LXI	Я. 191	XIV			3
86	П.П. Бырия, Отчет, 1985, с. 60.	1985	Западный сектор, Пойма-Мост Бутучени	LXI	Я. 187	XIV			2
87	П.П. Бырия, Отчет, 1985, с. 16.	1985	Западный сектор, Пойма-Мост Бутучени	LVIII	Ж. 40	XIV			11
88	П.П. Бырия, Отчет, 1986, с. 7.	1986	Центральный сектор	LXII	Слой				6
89	П.П. Бырия, Отчет, 1986, с. 15.	1986	Центральный сектор	LXII	Ж. 44	XIV			18
90	П.П. Бырия, Отчет, 1986, с. 16.	1986	Центральный сектор	LXII	Гончар. дель	XV–XVI			1
91	П.П. Бырия, Отчет, 1986, с. 18.	1986	Центральный сектор	LXII	Я. 194	XV–XVI			8
92	П.П. Бырия, Отчет, 1986, с. 7.	1986	Центральный сектор	LXIII	Слой				17
93	П.П. Бырия, Отчет, 1986, с. 38.	1986	Центральный сектор	LXIII	Ж. 45/46	XIV / XV–XVI			34
94	П.П. Бырия, Отчет, 1986, с. 41.	1986	Центральный сектор	LXIII	Я. 198	XV–XVI			1
95	П.П. Бырия, Отчет, 1987, с. 8.	1987	Центральный сектор	LXVI	Слой				1
96	П.П. Бырия, Отчет, 1987, с. 13.	1987	Центральный сектор	LXVI	Слой				44
97	П.П. Бырия, Отчет, 1987, с. 16.	1987	Центральный сектор	LXVI	Я. 201	XIV			2
98	П.П. Бырия, Отчет, 1987, с. 23.	1987	Центральный сектор	LXVI	Я. 209	XIV			14
99	П.П. Бырия, Отчет, 1987, с. 24.	1987	Центральный сектор	LXVI	Я. 210	XIV			2
100	П.П. Бырия, Отчет, 1987, с. 25.	1987	Центральный сектор	LXVI	Я. 211	XIV			2
101	П.П. Бырия, Отчет, 1987, с. 27.	1987	Центральный сектор	LXVI	Я. 212	XIV			2
102	П.П. Бырия, Отчет, 1987, с. 30.	1987	Центральный сектор	LXVI	Я. 215	XIV			2
103	П.П. Бырия, Отчет, 1987, с. 31.	1987	Центральный сектор	LXVI	Я. 217	XIV			3
104	П.П. Бырия, Отчет, 1987, с. 35.	1987	Центральный сектор	LXVI	Ж. 48	XIV			6
105	П.П. Бырия, Отчет, 1987, с. 39.	1987	Центральный сектор	LXVI	Coop. 57	XV–XVI			6
106	П.П. Бырия, Отчет, 1987, с. 44.	1987	Центральный сектор	LXVI	Coop. 58	XV–XVI			6
107	П.П. Бырия, Отчет, 1987, с. 61.	1987	Западный сектор	LXV	Ж. 50	XIV			2
108	П.П. Бырия, Отчет, 1988, с. 7.	1988	Западный сектор	LXVII	Я. 233	XIV			5
109	П.П. Бырия, Отчет, 1988, с. 13.	1988	Западный сектор	LXVII	Я. 239	XIV			8
110	П.П. Бырия, Отчет, 1988, с. 15.	1988	Западный сектор	LXVII	Я. 241	XIV			2
111	П.П. Бырия, Отчет, 1988, с. 16.	1988	Западный сектор	LXVII	Я. 242	XIV			1
112	П.П. Бырия, Отчет, 1988, с. 18.	1988	Западный сектор	LXVII	Я. 244	XIV			1
113	П.П. Бырия, Отчет, 1988, с. 40.	1988	Западный сектор	LXVII	Ж. 55	XIV			29
114	П.П. Бырия, Отчет, 1988, с. 41.	1988	Западный сектор	LXVII	Coop. 59	XIV			6
115	П.П. Бырия, Отчет, 1988, с. 82.	1988	Западный сектор	LXVII	Coop. 60	XIV			1
116	П.П. Бырия, Отчет, 1988, с. 90.	1988	Западный сектор	LXVII	Coop. 61	XIV			2
117	П.П. Бырия, Отчет, 1989, с. 13.	1989	Западный сектор	LXVIII	Я. 264	XIV			2
118	П.П. Бырия, Отчет, 1989, с. 29.	1989	Западный сектор	LXVIII	Я. 268	XIV			1
119	П.П. Бырия, Отчет, 1989, с. 33.	1989	Западный сектор	LXVIII	Coop. 64	XIV			3
120	И.Г. Хынку, Отчет	1993	Цитадель, Дворц			XV–XVI	0	1	1
121	Г.И. Постик, Отчет 1996, с. 25	1996	Западная стена цитадели	71	Слой		0	1	1
122	Г.И. Постик, Отчет 1996, с. 18	1996	Западный сектор-Пойма	70	Слой		1	3	4
123	Г.И. Постик, Отчет 1997, с. 14, №. 1	1997	Западный сектор-Пойма	70	Я. 21	XIV	2	0	2
124	Г.И. Постик, Отчет 1997, с. 25	1997	Западный сектор-Пойма	70	Слой		0	1	1
125	Г.И. Постик, Отчет 1997, с. 38	1997	Западная стена цитадели	71	П. 15	XIV	0	1	1
126	Г.И. Постик, Отчет 1997, с. 43	1997	Западная стена цитадели	71	Слой		1	12	13
127	Г.И. Постик, Отчет 1998, с. 11	1998	Западная стена цитадели	75	Слой		0	1	1
128	Г.И. Постик, Отчет 1998, с. 20	1998	Цитадель, Юго-Западный сектор	76	Ж. 24а	XV	9	15	24
129	Г.И. Постик, Отчет 1998, с. 20	1998	Цитадель, Юго-Западный сектор	76	Ж. 24б	XV–XVI	0	2	2

130	Г.И. Постико, Отчет 1998, с.28, №. 2, рис. 45/1	1998	Цитадель, Юго-Западный сектор	76	Я. 37	XV–XVI	1	0	1
131	Г.И. Постико, Отчет 1998, с.57, таб. 27	1998	Цитадель, Юго-Западный сектор	76	Ж. 25	XV	1	9	10
132	Г.И. Постико, Отчет 1998, с.57, таб. 27	1998	Цитадель, Юго-Западный сектор	76	Ж. 26	XVI–XVII	0	4	4
133	Г.И. Постико, Отчет 1998, с.57, таб. 27	1998	Цитадель, Юго-Западный сектор	76	Я. 36b	XV–XVI	0	1	1
134	Г.И. Постико, Отчет 1999, с.14	1999	Цитадель, Юго-Западный сектор	76	Ж. 34	XV–XVI	4	9	13
135	Г.И. Постико, Отчет 1999, с.14, №.6	1999	Цитадель, Юго-Западный сектор	76	Ж. 35	XV–XVI	4	4	8
136	Г.И. Постико, Отчет 1999, с.16, №.1	1999	Цитадель, Юго-Западный сектор	76	Я. 36a	XV	1	1	2
137	Г.И. Постико, Отчет 2000, с.21	2000	Цитадель, Юго-Западный сектор	76	Ж. 49a	XV–XVI	0	4	4
138	Г.И. Постико, Отчет 2000, с.30	2000	Цитадель, Юго-Западный сектор	76	Я. 54a	XVI	1	8	9
139	Г.И. Постикэ, Отчет 2001, с.20	2001	Цитадель, Юго-Западный сектор	76	Ж. 49b	XV	0	2	2
140	Г.И. Постико, Отчет 2001, с.36	2001	Цитадель, Юго-Западный сектор	76	Ж. 51	XV	2	3	5
141	Г.И. Постико, Отчет 2001, с.36	2001	Цитадель, Юго-Западный сектор	76	Ж. 52	XV–XVI	1	11	12
142	Г.И. Постико, Отчет 2001, с.39, №.7, рис. 27/1	2001	Цитадель, Юго-Западный сектор	76	Ж. 55	XV–XVI	2	0	2
143	Г.И. Постико, Отчет 2001, с.50, №. 6	2001	Западный сектор-Пойма	70	Слой		1	10	11
144	Г.И. Постико, Отчет 2001, с.57, №. 2, рис. 58/5	2001	Пойма-Западный сектор	77	Слой		3	3	6
145	Г.И. Постико, Отчет 2001, с.63, №. 4, рис. 58/4	2001	Пойма-Западный сектор	81	Слой		2	2	4
146	Г.И. Постикэ, Отчет 2011, с.16	2011	Цитадель-Ворота	1	Я.	XV	0	10	10
147	Г.И. Постико, Отчет 2011, с.18	2011	Цитадель-Ворота	1	Слой	XIV–XV	0	20	20
148	Г.И. Постико, Отчет 2011, с.30	2011	Мечеть	1	Ж.1	XV	0	9	9
149	Г.И. Постико, Отчет 2011, с.35	2011	Мечеть	2	Слой		0	12	12
150	Г.И. Постико, База данных	1999	Пойма-Западный сектор	78	Я. 48	XIV	0	3	3
151	Г.И. Постико, База данных	1996	Западная стена цитадели	72	Слой		0	1	1
152	Г.И. Постико, База данных	2001	Цитадель, Юго-Западный сектор	76	Слой		6	17	23
153	Г.И. Постико, База данных	2000	Южная стена цитадели	79	Слой		0	2	2
154	Л. Пырнэу, Отчет 2017.	2017	Восточная стена цитадели	1	Ж.1	XIV	2	2	4
155	Л. Пырнэу, Отчет 2017.	2017	Восточная стена цитадели	1	Ж.2	XV	8	1	9
156	Л. Пырнэу, Отчет 2017.	2017	Восточная стена цитадели	1	Слой		5	2	7

Примечание к таблице 5: Знаком * (звездочка) в таблице отмечены случаи, когда авторы раскопок указывают на неопределенное количество находок фрагментов чугунных котлов. В таких случаях, в таблице проставлена цифра 2 (два) – которое указывает на минимальное количество находок.

рые авторы отмечают находки чугунных крышек. Судя по данным раскопок 1996–2017 гг., венчики чугунных котлов составляют около 25% от общей массы находок, остальные представляют стенки. Статистические данные о находках чугунных котлов в Орхейул Векь зафиксированы в археологических отчетах, хранящихся в архиве Национального Музея Истории Молдовы из г. Кишинэу (табл. 5). С другой стороны, открытые во время раскопок фрагменты чугунных котлов хранятся в фондах культурно-природного заповедника «Орхейул Векь».

Следует отметить, что цельные чугунные котлы в Орхейул Векь не обнаружены. В одном случае сохранился полный профиль сосуда, в то время как в других случаях сохранилось от одной до двух третей высоты чугунных котлов. На основании таких находок графически было реконструировано более 20 чугунных котлов из Орхейул Векь, и на этой основе была разработана типология этих сосудов, включающая восемь основных типов, а также четыре варианта.

Тип 1. Котлы полусферической формы, размерами 42×18,5 см (первая цифра указывает на диаметр венчика котла, а вторая – высоту), без шейки, с пологим изгибом стенок, с прямым венчиком или со скошенным внутрь срезом венчика, в некоторых случаях с небольшими выступами на поверхности венчика (рис. 3: 1–4).

Тип 2. Котлы с цилиндрическим туловом и округлым дном, без шейки, с выраженным переходом от корпуса ко дну, со скошенным внутрь и слегка утолщенным венчиком, с плоскими ручками подпрямоугольной формы. Исходя из пропорций тулова, среди котлов данного тип различаются два варианта:

Вариант 2.1. Котлы с цилиндрическим туловом, составляющим 1/3 от общей высоты сосуда, размером 45×18 см (рис. 3: 7).

Вариант 2.2. Котлы с цилиндрическим туловом, составляющим 1/2 от общей высоты сосуда, диаметром 40–42 см и высотой 16–20 см (рис. 3: 5, 6, 8).

Тип 3. Котлы с цилиндрическим туловом и округлым дном, без шейки, с

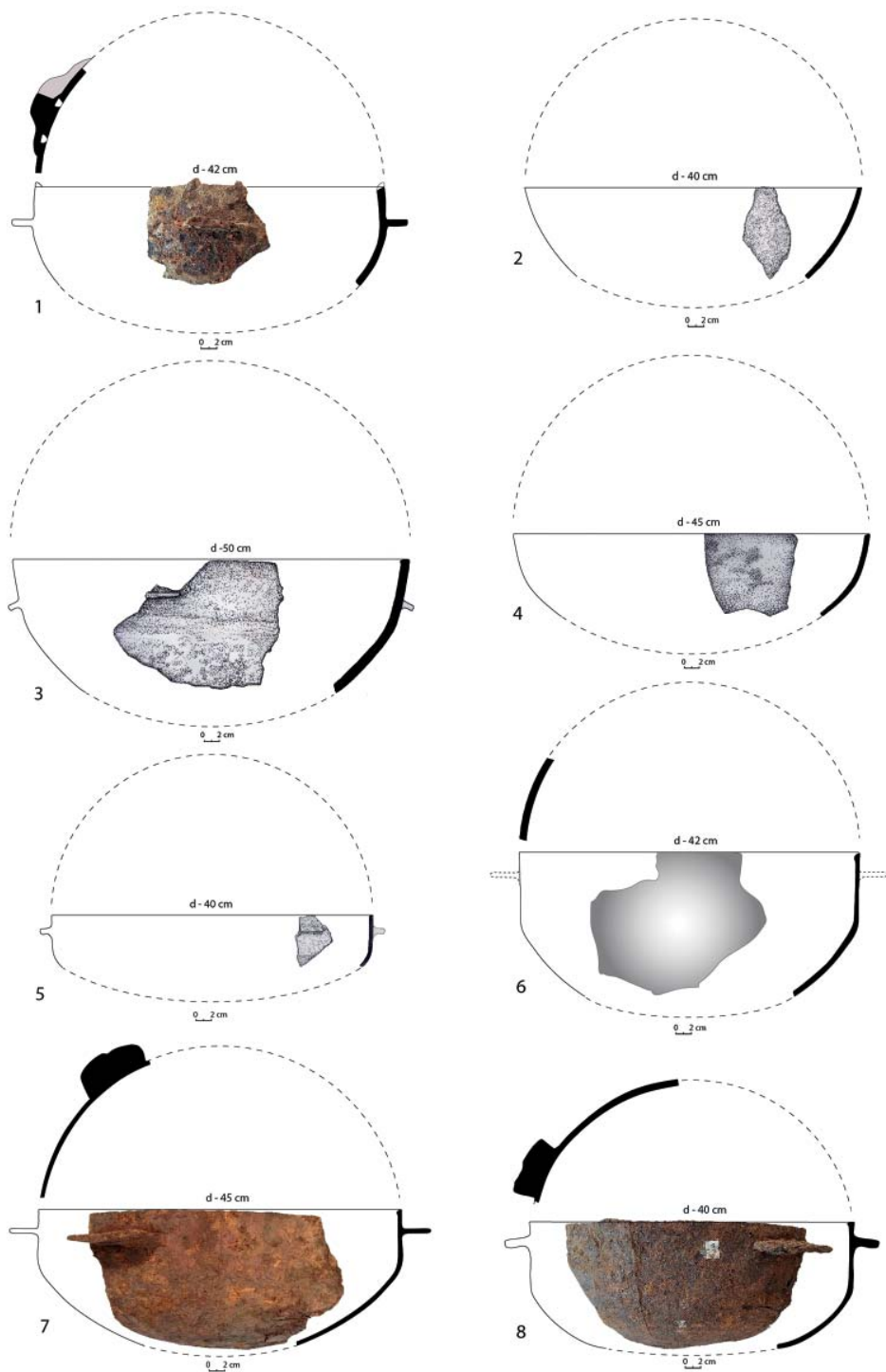

Рис. 3. Городище Орхеюл Векь. Чугунные котлы: 1–4 (тип 1), 5–8 (тип 2); 1, 6 – раскопки Г. Постикэ; 2–5 – раскопки Л. Бакуменко-Пырнэу; 7–8 – раскопки П.П. Бырни.

Fig. 3. Orheiul Vechi hillfort. Cast iron boilers: 1–4 (type 1), 5–8 (type 2); 1, 6 – excavations by G. Postică; 2–5 – excavations by L. Bacumenco-Pîrnău; 7–8 – excavations by P.P. Byrnia.

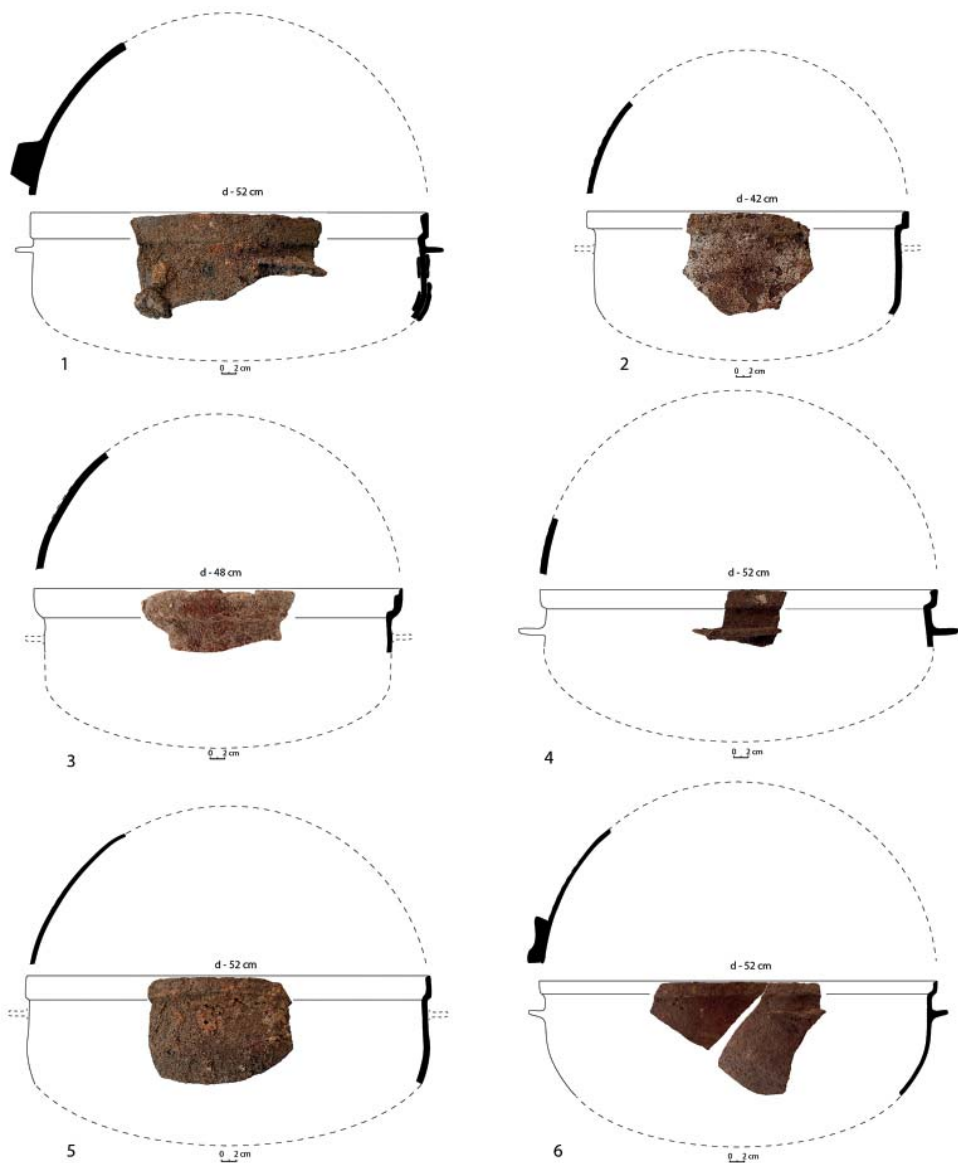

Рис. 4. Городище Орхейул Векь. Чугунные котлы: 1–6 (тип 3), раскопки П.П. Бырни.

Fig. 4. Orheiul Vechi hillfort. Cast iron boilers: 1–6 (type 3), excavations by P. P. Byrnia.

высоким прямым венчиком с глубоким пазом для крышки в его внутренней части, с плоскими ручками подпрямоугольной формы. Исходя из пропорций тулова, среди котлов данного типа различаются два варианта:

Вариант 3.1. Котлы с цилиндрическим туловом, составляющим 1/3 от общей высоты сосуда, размером 52×21 см (рис. 4: 6).

Вариант 3.2. Котлы с цилиндрическим туловом, составляющим 1/2 от общей высоты сосуда, размерами 52×19 см, 48×19 см и 42×20,5 см (рис. 4: 1–5).

Тип 4. Котлы с перевернуто-усеченно-коническим туловом и округлым дном, размерами 50×23,7 см, 55×23 см, 50×21 см, 55×24 см, 50×22 см, 38×17 см, 40×15 см, без шейки, с корпусом, со-

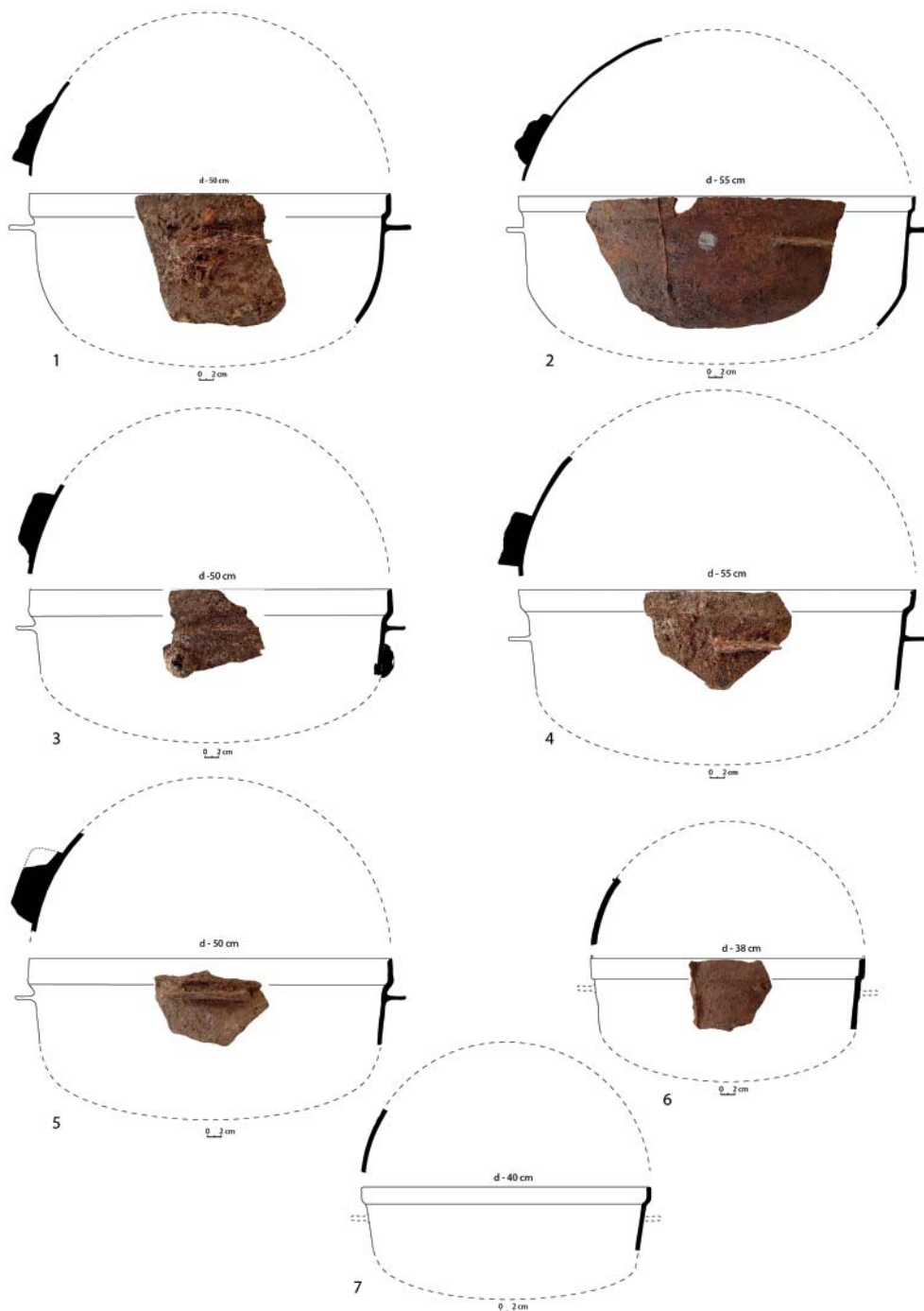

Рис. 5. Городище Орхейул Векь. Чугунные котлы: 1–6 (тип 4), раскопки П.П. Бырни,
7 – раскопки Г. Постикэ.

Fig. 5. Orheiul Vechi hillfort. Cast iron boilers: 1–6 (type 4), excavations by P. P. Byrnia,
7 – excavations by G. Postică.

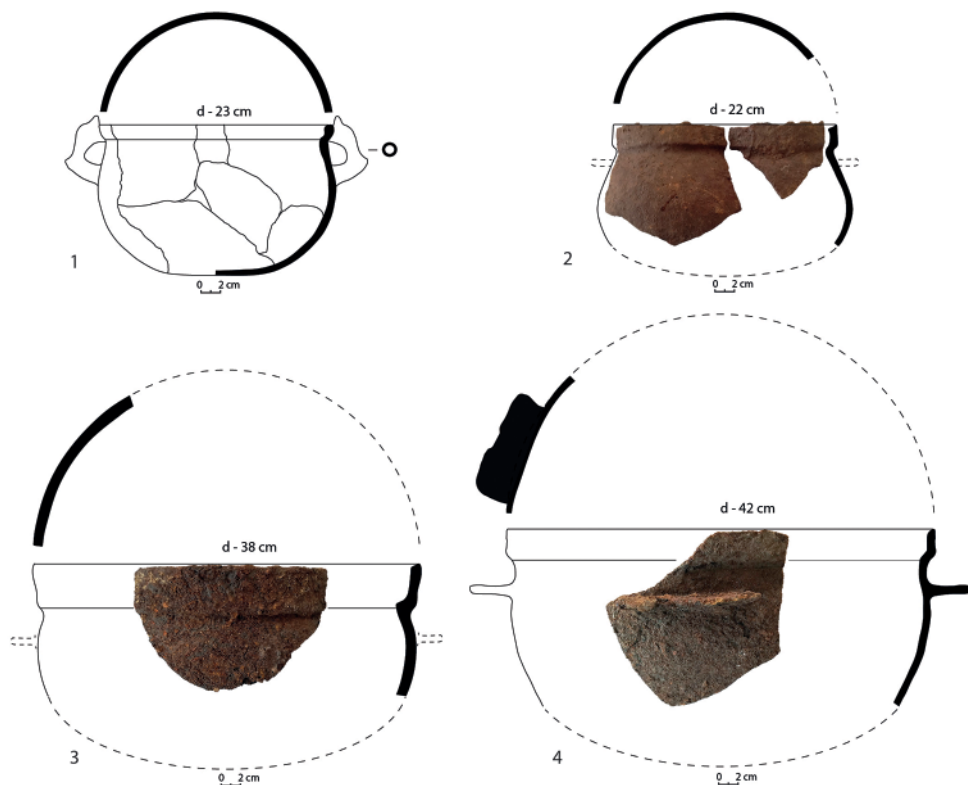

Рис. 6. Городище Орхейул Векь. Чугунные котлы: 1 (тип 7); 2 (тип 8); 3 (тип 6); 4 (тип 5),
1 – раскопки Г. Постикэ, 2–4 – раскопки П.П. Бырни.

Fig. 6. Orheiul Vechi hillfort. Cast iron boilers: 1 (type 7); 2 (type 8); 3 (type 6); 4 (type 5);
1 – excavations by G. Postică, 2–4 – excavations by P. P. Byrnia.

ставляющим 1/2 от общей высоты сосуда, с высоким прямым венчиком с глубоким пазом для крышки во внутренней части, с плоскими подпрямоугольными ручками (рис. 5: 1–7).

Тип 5. Котлы с округлобким туловом, округлым дном, размером 42×23 см, с выделенной шейкой, с высоким вертикальным венчиком с глубоким пазом для крышки в его внутренней части, с плоскими подпрямоугольными ручками (рис. 6: 4).

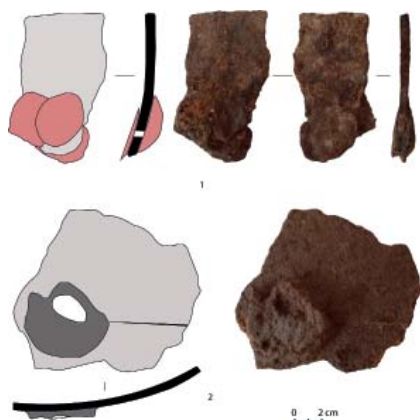
Тип 6. Котлы с округлобким туловом, округлым дном, размером 38×20 см, без шейки, с массивным высоким вертикальным венчиком с глубоким пазом для крышки в его внутренней части (рис. 6: 3).

Тип 7. Котлы с округлобким туловом, плоским дном, без шейки, с от-

носительно коротким вертикальным венчиком с глубоким пазом для крышки в его внутренней части, с круглыми в сечении ручками в виде лошадиных копыт, прикрепленными от тулова к венчику, с диаметром венчика 23 см, диаметром тулова 23,4 см, диаметром дна 8,4 см и высотой 14,6 см (рис. 6: 1).

Тип 8. Котлы с округлобким туловом, округлым дном, без шейки, с высоким вертикальным венчиком с глубоким пазом для крышки в его внутренней части, с диаметром венчика 22 см, диаметром тулова 25 см и высотой 14,5 см (рис. 6: 2).

Следует отметить, что на поверхности чугунных котлов из Орхейул Векь отмечены детали их отливки. Так, на некоторых стенках котлов имеются вертикальные пазы от мест соединения от-

дельно отлитых частей сосудов (рис. 3: 8; 5: 2, 6; 9: 1). Судя по этим деталям, котлы отливались половинками, разделенными по вертикали, после чего эти части соединялись в единый сосуд.

В то же время на некоторых сосудах их Орхейул Вець отмечены следы ремонта в виде «заплаток» стенок и днищ, как с наружной, так и с внешней стороны (рис. 4: 1; 5: 3; 7: 1, 2; 8). В одном случае обнаружен фрагмент днища котла с «заплаткой» в виде ножки, высотой в 1,8 см и диаметром в 4,5 см (рис. 8).

В связи с чугунными котлами из Орхейул Вець представляет интерес факт преобладания на этом памятнике сосудов с прямыми венчиками с глубоким пазом для вставления крышки. Данная деталь полностью соотносится с не менее интересным

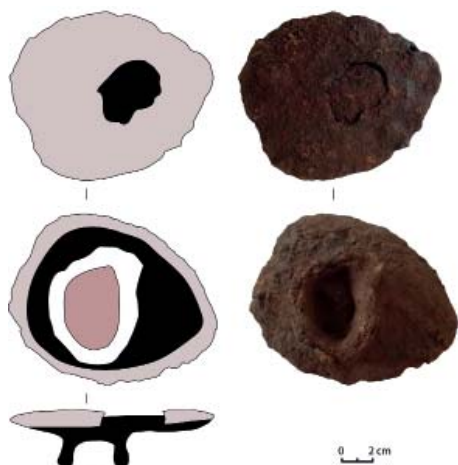

Рис. 7. Городище Орхейул Вець. Чугунные котлы: 1, 2 – фрагменты стенок со следами «заплаток», раскопки П.П. Бырни.

Fig. 7. Orheiul Vechi hillfort. Cast iron boilers: 1, 2 – wall fragments with traces of “patches”, excavations by P. P. Byrnia.

и аналогичным феноменом, характерным в XIV–XVI вв. для глиняной посуды карпато-днестровского региона (рис. 9: 2) (Хынку, 1969; Бырня, 1984, с. 167, рис. 38).

Другая особенность находок чугунных котлов из Орхейул Вець по сравнению с другими городскими поселениями золотоордынской эпохи из региона Нижнего Дуная состоит в их многочисленности. Так, в то время как в Орхейул Вець открыты 1120 фрагментов чугунных котлов, на городских поселениях, расположенных у с. Костешти (Полевой, 1969), у Белгород-Днестровска (Кравченко, 1986) и Енисале (Dragomir, 1973, с. 36; Stănică, 2015, с. 207), на которых проводились значительные археологические раскопки, отмечены единичные находки чугунных сосудов. Частые находки чугунных котлов в Орхейул Вець, возможно, объясняются значительным притоком восточного населения на этом поселении (ремесленники, торговцы), а также присутствием большого количества военных, которые были хорошо снабжены, в том числе и сосудами для приготовления пищи. В этом смысле представляют интерес сведения средневековых авторов, как например, арабского энциклопедиста аль-Калкашанди, который пишет, что каждый монгольский воин должен представляться в военных кампаниях хорошо экипированным, имея при себе двух слуг, 30 овец, 5 лошадей, 2 котла из меди и повозку для транспорта военного обмундирования (Григорьев, Фролова, 2002,

Рис. 8. Городище Орхейул Вець. Фрагмент днища чугунного котла с «заплаткой», раскопки П.П. Бырни.

Fig. 8. Orheiul Vechi hillfort. Fragment of a cast-iron boiler bottom with a “patch”, excavations by P. P. Byrnia.

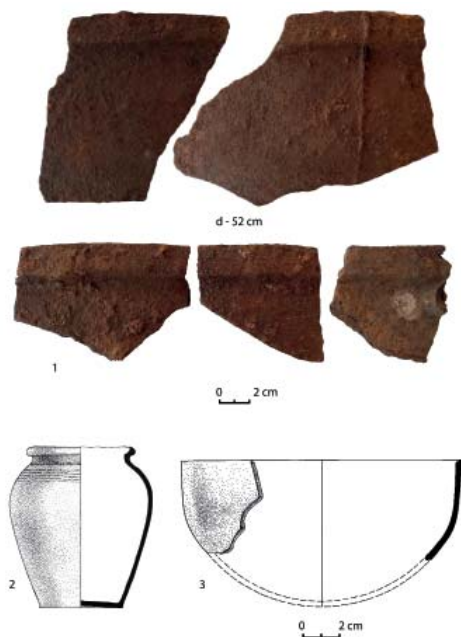

Рис. 9. Городище Орхейул Векь.

1 – фрагменты венчиков чугунного котла; 2 – молдавский глиняный горшок XV в., раскопки П. П. Бырни; 3 – чугунный котел XV в., с поселения Ханска, раскопки И.Г. Хынку.

Fig. 9. Orheiul Vechihillfort. 1 – fragments of the crowns of cast-iron boilers; 2 – Moldavian clay pot of the 15th century, excavations by P. P. Byrnia; 3 – cast-iron cauldron of the 15th century from Khanska settlement, excavations by I. G. Hincu.

данных. В то же время на данном поселении открыты многочисленные остатки металлургического производства (железный шлак и железная крица) и большое количество железных изделий, в том числе в виде крупных кладов орудий труда и вооружения (Бырня, Рябой, 2000), что свидетельствует о значительном развитии железоделательного ремесла, а следовательно, возможно, и чугунного производства.

с. 299; Измайлов, 2009, с. 412). Данная информация была заимствована у аль-Умари и относится к периоду правления Токты (1290–1312) (Тизенгаузен, 1884, с. 240). Возможно, со временем, с развитием производства чугуна к середине XIV века, воины снабжались и чугунными котлами, которые являются более продуктивной посудой.

В то же время можно предположить, что некоторые чугунные котлы могли попасть в Орхейул Векь из других золотоордынских центров, в том числе из Болгара (Савченкова, 1996, с. 58–59, рис. 24; 25: 1–6), Сарай-Берке (Федоров-Давыдов, 1966, с. 240, рис. 4; Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с. 98, 135, 155, 160; Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974, с. 113–114), Джукетау (Набиуллин и др., 2017; Shaykhutdinova et. all., 2017), Укек (Недашковский, 2000), Азак (Рязанов, 1993) и др.

Судя по археологическим данным из Орхейул Векь, чугунные котлы устанавливались над очагами при помощи железных цепей. Одна из таких цепей была обнаружена в 1979 при раскопках жилища № 34, датированного XIV в. (Абызова, Бырня, 1979, с. 14–15, табл. 1, 2). С другой стороны, в Орхейул Векь обнаружены археологические данные, свидетельствующие об установлении чугунных котлов на печах. Так, например, в одном из помещений дворца цитадели городища была обнаружена калориферная печь № 3 с хорошо сохранившимся горизонтальным отверстием для установки котла, а также фрагменты от чугунного сосуда (Смирнов, 1954, с. 13–14).

В XIV веке чугунными котлами стали пользоваться и в сельских местностях прудо-днестровского междуречья. Об этом свидетельствуют археологические открытия на ряде памятников этого времени. Так, на поселении Мэлэшти был найден один венчик чугунного котла, а на поселении Лукашовка – 5 фрагментов котлов, в том числе прямой венчик диаметром 38 см, три стенки толщиной в 0,25–0,30 см и плоское днище с диаметром 22 см (Gorodenco, 2003). На сельском поселении у села Лозова вместе с золотоордынскими гон-

Относительно отливки чугунных котлов в Орхейул Векь нет прямых

чарными печами и керамикой XIV века были найдены два фрагмента чугунных котлов (Vornic et al., 2012, p. 226, 252; fig. 24: 3). В то же время котел из чугуна найден на поселении Ханска, в 70 км от Орхейул Векь, в жилище XV века, вместе с молдавской керамикой (Хынку, 1975, с. 14, рис. 45). Данный сосуд имеет полусферическую форму, с вертикальным прямым венчиком, диаметром 29,5 см и высотой в 15,4 см (рис. 9: 3).

Таким образом, можно констатировать, что привнесенная с Востока традиция чугунных котлов в XIV–XV вв. получила признание и среди местного романского населения, распространяясь как в городской среде, так и в сельских местностях.

Исходя из приведенных выше данных, можно заключить, что проникновение чугунных котлов в Восточное Прикарпатье и на Нижний Дунай связано с золотоордынскими центрами Поволжья, которые в прямом смысле способствовали строительству городов восточного типа у с. Требужень (*Шехр аль-Джедид/Орхейул Векь*) и с. Костешти (на территории Республики Молдова), а также у Белгород-Днестровска (Украина) и Енисалы (Румыния).

Открытие значительного количества чугунных котлов в Орхейул Векь, возможно, является свидетельством того, что золотоордынский город *Шехр аль-Джедид* являлся в XIV веке центром

производства и распространения чугунных сосудов на территории Прикарпаття, а возможно и Подунавья в целом.

В типологическом отношении чугунные котлы *Шехр аль-Джедид* являются весьма разнообразными, включая как традиционные для центров Поволжья формы (полусферические и цилиндрические с прямым венчиком, горшковидные), так и инновационные, специфические для данного региона сосуды (цилиндрические, усеченно-конические с прямым венчиком с глубоким пазом для крышки). С другой стороны, дальнейшее использование чугунных котлов в период существования молдавского города Орхейул Векь, а также на сельских поселениях XIV–XVI вв. указывает на утверждение у населения Молдовы новой традиции, которая сформировалась под влиянием золотоордынской цивилизации.

Открытыми на сегодняшний день остаются вопросы, связанные с технологией изготовления и места производства чугунных котлов из Орхейул Векь, которые смогут быть решены в дальнейшем путем применения металлографического анализа.

Тем не менее имеющиеся данные позволяют однозначно отнести город *Шехр аль-Джедид/Орхейул Векь* к наиболее ранним, и в то же время довольно значимым центрам распространения чугунных технологий в Европе.

Примечания

¹ В румынской (молдавской) традиционной кухне чугунный котел под названием *сiаип* (чаун) используется для приготовления *мамалыги*, которая в древности изготовлялась из пшена, а с Нового времени из кукурузы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абызова Е.Н., Бырня П.П. Отчет о полевых исследованиях Молдавской средневековой экспедиции в 1979 г. Кишинев, 1980. 68 с., 21 таб. / Архив НМИМ.
2. Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. Древности Старого Орхей. Золотоордынский период. Кишинев: Штиинца, 1981. 100 с.
3. Бырня П.П. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV – начало XVI в.). Кишинев: Штиинца, 1984. 205 с.
4. Бырня П.П. Из истории исследования Старого Орхей (1946–1958) // Археологические исследования в Старом Орхее / Отв. ред. П.П. Бырня. Кишинев: Штиинца, 1991. С. 5–43.
5. Бырня П.П., Рябой Т.Ф. Два клада из Старого Орхей. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2000. 100 с.

6. Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. М.: Вост. лит-ра, 2002. С. 261–300.
7. Измайлов И.Л. Организация войска // История татар с древнейших времен в семи томах. Том III: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 409–431.
8. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). Киев: Наукова думка, 1986. 186 с.
9. Набиуллин Н.Г., Беляев А.В., Храменкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Янбаев Р.М. Чугунная посуда Джукетау: предварительные результаты междисциплинарных исследований // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 236–254.
10. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.
11. Полевой Л.Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. Кишинев: АН МолдССР, 1969. 211 с.
12. Постикэ Г.И. Цитадель золотордынского города Шехр аль-Джедид (Старый Орхей, Молдова) // РА. 2005. № 2. С. 151–155.
13. Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер, 2000. 158 с.
14. Рязанов С.В. О чугунолитейном производстве в Азаке // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. Вып. 11 / Ред. А.А. Горбенко, В.Е. Максименко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 1993. С. 225–228.
15. Рязанов С.В. Чугунолитейное ремесло в Золотой Орде // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. № 4–2 (60). С. 159–168.
16. Рязанов С.В. Чугунолитейное производство в европейской части Золотой Орды (вторая половина XII–XIV вв.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2010. 22 с.
17. Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 5–88.
18. Семькин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1996. С. 89–153.
19. Семькин Ю.А. Металлургия железа и металлообработка // Великий Болгар / Отв. ред. В.С. Баранов, Р.М. Валеев, Р.Р. Салихов, М.Д. Полубояринова, Р.Ф. Шарифуллин. М., Казань: Феория, 2013. С. 128–131.
20. Смирнов Г.Д. Отчетные материалы по археологическим исследованиям Молдавии за 1946–1953 гг. / Отчет о работе отряда по исследованию памятников молдавского средневековья за 1952–1953 годы. Кишинев, 1953. 81 с. / Архив НМИМ, инв. № 507.
21. Смирнов Г.Д. Археологические исследования Старого Орхоя // КСИИМК. Вып. 56. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 24–40.
22. Смирнов Г.Д. Отчет об археологических исследованиях молдавского средневекового города Старого Орхоя за 1954 г. Кишинев, 1955. 81 с. / Архив НМИМ, Инв. № 3.
23. Терехова Н.Н. Железообработка в древнемонгольских городах // СА. 1985. № 3. С. 72–80.
24. Терехова Н.Н. Технология чугунолитейного производства у древних монголов // СА. 1974. № 1. С. 69–78.
25. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. 564 с.
26. Федоров-Давыдов Г.А. Новый Сарай по раскопкам 1963–1964 гг. // СА. 1966. № 2. С. 233–248.
27. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая // Города Поволжья в средние века / Ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 89–131.

28. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959-1966 гг. // Поволжье в средние века / МИА. № 164 / Отв. ред. А.П. Смирнов. АН СССР, 1970. С. 68–171.
29. Хынку И.Г. Молдавская народная керамика. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1969. 115 с.
30. Хынку И.Г. Отчет о полевых исследованиях на поселении Ханска в 1975 г. Кишинев, 1976, 34 с.; 98 рис.: foto / Архив НМИМ, Инв. № 105.
31. Янина С.А. “Новый город” (=Янги-шехр=Шехр ал-Джедид) – монетный двор Золотой Орды и его местонахождение // Нумизматический сборник. Ч. 5. Вып. I / Труды ГИМ. Вып. 49 / Отв. ред. Е.А. Давидович. М.: Наука, 1977. С. 193–213.
32. Bacumenco-Pîrnău L. Cast iron cauldrons uncovered in Golden Horde settlements. Case study: Old Orhei (Republic of Moldova) // *Studia mediaevalia Europaea et Orientalia. Miscellanea in honorem Professoris emeriti Victor Spinei* / ed. by D.Aparaschivei and G.Bilavschii, București, 2018. P. 379-405.
33. Dragomir I.T. Cetatea medievală de la Enisala. Unelte, arme și obiecte de poboabă // *Danubius*, 6-7, 1973, P. 29–47.
34. Gorodenco A. Raport de săpătură pentru așezarea medievală Lucașeuca-Cornul Blăjiei, Chișinău / Архив НМИМ, Инв. № 451.
35. Nicolae E. Monedele Hoardei de Aur // *Moneda în Republica Moldova*. Chișinău, 2015. P.119-126.
36. Nicolae E. Monedele locale din perioada războiului civil din Hoarda de Aur: 1359-1369 // *Moneda în Republica Moldova*. Chișinău, 2015. P. 126-131.
37. Postică Gh. Orheiul Vechi. Cercetări arheologice (1996-2001). Iași, 2006. 224 p.+125 fig.+98 foto.
38. Postică Gh., Kavruk V. Orheiul Vechi Archaeological Landscape. Chișinău, 2018. 150 p.
39. Shaykhutdinova E., Khranchenkova R., Nabiullin N., Beliaev A.I., Ianbaev R., Sitdikov A. Interdisciplinary Research of Iron Casting Technologies in the Town of Juketaw during the Golden Horde Period // *Acta IMEKO*, 6, 3, 2017, P. 87–93.
40. Spinei V. Comerțul și geneza orașelor din sud-estul Moldovei (secolele XIII-XIV) // *Universa Valachica: Românii în contextul politic internațional de la începutul mileniului al II-lea*. Chișinău, 2006, P. 693–780.
41. Spinei V. Moldova în secolele XI–XIV. Chișinău, 1994. 495 p.
42. Spinei V. Restructurări entice la nordul gurii Dunării în secolele XIII-XIV // *Universa Valachica: Românii în contextul politic internațional de la începutul mileniului al II-lea*. Chișinău, 2006. P. 319–366.
43. Stănică A. Viața economică în nordul Dobrogei în secolele X-XIV. Constanța, 2015. 346 p.
44. Vornic V., Ursu I., Bacumenco-Pîrnău L., Pîrnău R., Ciobanu L. Cercetările arheologice din situl medieval de la Lozova-La hotar cu Vorniceni. Rezultate preliminare // *Revista Arheologică*, 8, 1-2, 2012. P. 222–256.

Информация об авторах:

Постикэ Георгий Исидорович, доктор хабилитат исторических наук, профессор, Государственный Университет Молдовы; главный научный сотрудник, Государственный Педагогический Университет им. Иона Крянгэ (г. Кишинев, Республика Молдова); gpostica@gmail.com

Бакуменко-Пырнэу Людмила Викторовна, доктор (история), научный сотрудник. Институт археологии Ясского филиала Румынской Академии (г. Ясы, Румыния); старший научный сотрудник. Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (г. Кишинев, Республика Молдова); ludmila.pirnaeu@gmail.com

CAST IRON CAULDRONS UNCOVERED IN SHEHR AL-DJEDID (ORHEIUL VECHI / OLD ORHEI, REPUBLIC OF MOLDOVA)

G. I. Postică, L.V. Bacumenco-Pîrnău

The present paper deals with the use of cast iron cauldrons in medieval urban settlements east of the Carpathian, controlled by the Golden Horde, employing as a case study the archaeological finds uncovered within the medieval site of *Old Orhei (Orheiul Vechi, Republic of Moldova)*. Therefore, the objective of the paper is to provide novel data on this

category of cooking vessels, uncovered during archaeological excavations carried out within this site in the valley of Raut River, during the campaigns of 1947–2018. This information will complete the database on the morphology and chronology of cast iron vessels, as well as the territorial spread of this category of artifacts in the western part of the area ruled by the Golden Horde in the fourteenth century.

Keywords: archaeology, cast iron, cooking ware, Golden Horde, Shehr al-Djedid / Old Orhei, 14th century.

REFERENCES

1. Abyzova E.N., Byrnia P.P. 1980. *Otchet o polevykh issledovaniiakh Moldavskoi srednevekovoi ekspeditsii v 1979 g. (Report on Field Studies of the Moldavian Medieval Expedition in 1979)*. Kishinev. Arkhiv of National Museum of History of Moldova (in Russian).
2. Abyzova, E. N., Byrnia, P. P., Nudel'man, A. A. 1981. *Drevnosti Starogo Orkheia. Zolotoordynskii period (Antiquities of Old Orhei. The Golden Horde Period)*. Kishinev: "Shtiintsa" Publ. (in Russian).
3. Byrnia, P. P. 1984. *Moldavskii srednevekovyi gorod v Dnestrovsko-Prutskom mezhdurech'e (XV-nachalo XVI v.) (Moldavian medieval town in the Dniester-Prut interfluve (15th – early 16th century))*, Kishinev: "Shtiintsa" Publ. (in Russian).
4. Byrnia, P. P. 1991. In Byrnia, P. P. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Starom Orkhee (Archaeological Studies in Old Orhei)*. Kishinev: "Shtiintsa" Publ., 5–43 (in Russian).
5. Byrnia, P. P., Riaboi, T. F. 2000. *Dva klada iz Starogo Orkheia (Two Hoards from Old Orhei)*, Kishinev: "Vysshiaia antropologicheskaia shkola" Publ. (in Russian).
6. Grigor'ev, A. P., Frolova, O. B. 2002. In Kliashturnyi, S. G. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 2001. Zolotaia Orda i ee nasledie (Turkic Collection of papers 2001. The Golden Horde and its Legacy)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 261–300 (in Russian).
7. Izmailov, I. L. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII –seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 409–431 (in Russian).
8. Kravchenko, A. A. 1986. *Srednevekovyi Belgorod na Dnestre (konets XIII–XIV v.) (Medieval Belgorod on the Dniester (Late 13th – 14th cc.))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
9. Nabiullin, N. G., Beliaev, A. V., Khramchenkova, R. Kh., Shaikhutdinova, E. F., Yanbaev, R. M. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* 20 (2), 236–254 (in Russian).
10. Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
11. Polevoi, L. L. 1969. *Gorodskoe goncharstvo Pruto-Dnestrov'ia v XIV v. (Urban Pottery of the Prut-Dniester Region in the 14th c.)* Kishinev: Academy of Sciences of the Moldova SSR (in Russian), 1969. 211 s.
12. Postike, G. I. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 151–155 (in Russian).
13. Rudenko, K. A. 2000. *Metallicheskaia posuda Povolzh'ia i Prikam'ia v VIII–XIV vv. (Metal Dishware of the Volga and Kama Regions in 8th – 14th Centuries)*. Kazan: "Reper" Publ. (in Russian).
14. Riazanov, S. V. 1993. In Gorbenko, A. A. Maksimenko, V. E. (eds.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1991 godu (Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Studies in Azov and Lower Don Region)* 11. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 225–228 (in Russian).
15. Riazanov, S. V. 2008. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta (Izvestiya of Altai State University)* 4–2(60). 159–168 (in Russian).
16. Riazanov, S. V. 2010. *Chugunoliteinoe proizvodstvo v evropeiskoi chasti Zolotoi Ordy (vtoraia polovina XII–XIV vv.) (Iron Casting in the European Part of the Golden Horde (Second Half of 12th – 14th Centuries))*. PhD Thesis. Izhevsk (in Russian).
17. Savchenkova, L. L. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 5–88 (in Russian).

18. Semykin, Yu. A. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 89–153 (in Russian).
19. Semykin, Yu. A. 2013. In Baranov, V. S. Valeev, R. M., Salikhov, R. R. Poluboiarinova, M. D., Sharifullin, R. F. (eds.). *Velikii Bolgar (Great Bolgar)*. Moscow-Kazan: "Feoriia" Publ., 128–131 (in Russian).
20. Smirnov, G. D. 1953. *Otchetnye materialy po arkhelogicheskim issledovaniiam Moldavii za 1946-1953 gg. / Otchet o rabote otriada po icsledovaniuu pamiatnikov moldavskogo srednevekov'ia za 1952-1953 gody (Report on Archaeological Studies in Moldova in 1946-1953 / Report on the Activities of the Moldavian Medieval Sites Study Detachment for 1952-1953)*. Kishinev, Archive of National Museum of the History of Moldova, inv. № 507.
21. Smirnov, G. D. 1954. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 56. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 24–40 (in Russian).
22. Smirnov, G. D. 1955. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiaakh moldavskogo srednevekovogo goroda Starogo Orheia za 1954 g. (Report on Archaeological Studies of the Moldavian Medieval Town of Old Orhei in 1954)*. Kishinev. Archive of National Museum of the History of Moldova, Inv. № 3.
23. Terekhova, N. N. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 72–80 (in Russian).
24. Terekhova N.N. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 69–78 (in Russian).
25. Tiesenhhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordyy. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Published by dependent earl S.G. Stroganov (in Russian).
26. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* 2, 233–248 (in Russian).
27. Fedorov-Davydov, G. A., Vainer, I. S., Guseva, T. V. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Cities of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 89–131 (in Russian).
28. Fedorov-Davydov, G. A., Vainer, I. S., Mukhamadiev, A. G. 1970. In *Povolzh'e v srednie veka (Volga Region in the Middle Ages)*. Series: Materials and Studies in the Archaeology 164. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 68–171 (in Russian).
29. Khyнку, I. G. 1969. *Moldavskaia narodnaia keramika (Moldavian Folk Ceramics)*. Kishinev: "Kartia moldoveniaske" Publ. (in Russian).
30. Khyнку, I. G. 1976. *Otchet o polevykh issledovaniiaakh na poselenii Khanska v 1975 g. (Report Field Studies at Khanska settlement in 1975.)*. Kishinev. Archive of National Museum of the History of Moldova. Dossier 105 (in Russian).
31. Yanina, S. A. 1977. In Davidovich, E. A. (ed.). *Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings)* 5 (1). Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 49. Moscow: "Nauka" Publ., 193–213 (in Russian).
32. Bacumenco-Pirnaü L. Cast iron cauldrons uncovered in Golden Horde settlements. Case study: Old Orhei (Republic of Moldova) // *Studia mediaevalia Europaea et Orientalia. Miscellanea in honorem Professoris emeriti Victor Spinei* / ed. by D.Aparaschivei and G.Bilavski, Bucureşti, 2018. P. 379-405.
33. Dragomir I.T. Cetatea medievală de la Enisala. Unelte, arme și obiecte de poboabă. In *Danubius*, 6-7, 1973, P. 29–47.
34. Gorodenco A. Raport de săpătură pentru așezarea medievală Lucașeuca-Cornul Blăjjei, Chișinău. Archive of National Museum of the History of Moldov. Inv. no. № 451.
35. Nicolae E. Monedele Hoardei de Aur. In *Moneda în Republica Moldova*. Chișinău, 2015. P. 119–126.
36. Nicolae E. Monedele locale din perioada războiului civil din Hoarda de Aur: 1359-1369. In *Moneda în Republica Moldova*. Chișinău, 2015. P. 126-131.
37. Postică Gh. Orheiul Vechi. Cercetări arheologice (1996-2001). Iași, 2006. 224 p.+125 fig.+98 foto.
38. Postică Gh., Kavruk V. Orheiul Vechi Archaeological Landscape. Chișinău, 2018. 150 p.

39. Shaykhtudinova E., Khranchenkova R., Nabiullin N., Beliaev A.I., Ianbaev R., Sitdikov A. Interdisciplinary Research of Iron Casting Technologies in the Town of Juketaw during the Golden Horde Period. In *Acta IMEKO*, 6, 3, 2017, P. 8793.

40. Spinei V. Comerțul și geneza orașelor din sud-estul Moldovei (secolele XIII–XIV). In *Universa Valachica: Românii în contextul politic internațional de la începutul mileniului al II-lea*. Chișinău, 2006, P. 693–780.

41. Spinei V. *Moldova în secolele XI–XIV*. Chișinău, 1994. 495 p.

42. Spinei V. Restructurări entice la nordul gurilor Dunării în secolele XIII–XIV. In *Universa Valachica: Românii în contextul politic internațional de la începutul mileniului al II-lea*. Chișinău, 2006. P. 319–366.

43. Stănică A. *Viața economică în nordul Dobrogei în secolele X–XIV*. Constanța, 2015. 346 p.

44. Vornic V., Ursu I., Bacumenco-Pîrnău L., Pîrnău R., Ciobanu L. Cercetările arheologice din situl medieval de la Lozova-La hotar cu Vornicenii. Rezultate preliminare. In *Revista Arheologică*, 8, 1-2, 2012. P. 222–256.

About the Authors:

Postică Gheorghe I. Doctor habilitat of historical sciences, professor, State University of Moldova; Senior Researcher, State Pedagogical University “Ion Creangă”, Chisinau, Republic of Moldova; gpostica@gmail.com

Bacumenco-Pîrnău Ludmila V. PhD. Institute of Archaeology, Romanian Academy – Iasi, Str. Codrescu 6, Pavilion H, Iași 700479, Romania; Institute of Cultural Heritage, Academy of Sciences of Moldova Chișinău, Bd. Ștefan cel Mare 1, Chișinău MD 2001, Republic of Moldova; ludmila.pirnaeu@gmail.com

Статья принята в номер 01.03.2020 г.

УДК 903.2 /094

<https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.200.210>

КЕРАМИКА ИЗ СТОЛИЦЫ БЛАТНЕНСКОГО КНЯЖЕСТВА КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО МИССИИ БРАТЬЕВ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ В БЛАТНОГРАД (КОНЕЦ 866 – КОНЕЦ 867 ГГ.)

© 2020 г. В. Йотов

В статье автор уделяет внимание одному разделу богато иллюстрированной книги «Каролингский век в Карпатском бассейне» Белы Миклоша, который много лет исследовал и анализировал древности городища Залавар, где располагался Блатноград – столица Блатненского княжества. Обнаруженные в Залаваре простые кухонные сосуды находят аналогии, главным образом, в керамике позднего аварского периода, однако часть их имеет параллели по обе стороны от Нижнего Дуная, т.е. в Болгарском ханстве и в Византии. По мнению автора статьи, рассматриваемые керамические находки имели прямое отношение к материальным следам миссии братьев св. Кирилла и Мефодия во время их краткого пребывания в Блатнограде, где они пользовались гостеприимством князя Чезила. Они остановились там по пути из Великой Моравии к Папе Римскому (конец осени 866 г. – конец 867 г.). К примеру, в Залаваре были обнаружены полированные керамические флаконы с выгравированными буквами, вероятно, округлой глаголицы, которые датируются этим же периодом. Можно предполагать, что большинство последователей братьев в Моравской миссии и, в частности, во время их пребывания в Блатнограде, были византийцами. Но среди них могли быть и некоторые болгары из Болгарского царства за Дунаем.

Ключевые слова: археология, раннее средневековье, Блатноград, Залавар, сосуды для сохранения тепла, крышки, Кирилл и Мефодий.

В 2014 г. Венгерский национальный музей обновил свою постоянную экспозицию с залом периода Каролингов в истории венгерских земель (Hungarian National Museum – Exhibitions – Between East and West – The Caroling Period). Также был опубликован подробный каталог: «Каролингский век в Карпатском бассейне», который на самом деле является очень аргументированной научной и богато иллюстрированной книгой (Szöke, 2014). Автор Béla Miklós Szöke – давний исследователь археологического объекта Залавар – Zalavár, места, где была столица Блатненского княжества Блатноград (Mosaburg) (рис. 1). Первые археологические исследования столицы проводились с 1948 г. во главе с Гезой Фехером (Fehér, 1953, p. 31–52; Fehér, 1954, p. 201–265). В.М. Szöke начал работу в Залаваре в 1996 г.

В статье привлекается внимание к параллелям в керамическом материале, который открыли на объекте Залавар.

В.М. Szöke отмечает, что из около полумиллиона фрагментов, найденных

в Zalavár-Castle island, более 4000 составляет посуда с лощенной поверхностью – *tableware with a polished surface*. Остальная – обычная керамика – кухонная и для сохранения тепла.

Кухонная посуда изготовлена на ручном гончарном круге, но из плохо очищенной глины с различными примесями. Помимо обычной кухонной посуды – горшков, мисок, чашек (рис. 2), В.М. Szöke обращает внимание на сосуды для сохранения тепла = *chafing-dishes* (рис. 3: 1) и один большой колоколообразной сосуд, который ставили на угли – автор использует термин: *embers` covers / `baking bells* (рис. 3: 2). К кухонной посуде также относится маленькое ведро (рис. 3: 3) и фрагмент сосуда (рис. 3: 4) с выгравированным знаком YI – двухсторонний ипсилон, который, как известно, и как отметил автор, связывают с богом Тангра (Szöke, 2014, fig. 99)? Вопрос о появлении этого популярного в специализированной литературе и среди болгарского общества знака является дискуссионным – здесь

Рис. 1. Карта Блатненского княжества и его соседей.
 Fig. 1. Map of Principality of Lower Pannoni and its neighbors.

не буду останавливаться на этой проблеме.

Столовая керамика была изготовлена на ручном гончарном круге из хорошо очищенной глины, обожжена до золотисто-коричневого цвета и имеет лощеную поверхность. Около 90 процентов – кувшины без ручек (рис. 4: 1). Кроме того встречаются и амфороподобные сосуды (рис. 4: 2), миски, горшки, стаканы (рис. 4: 3), крышки (рис. 4: 4), ручки сосудов в форме птичьей головы (рис. 5).

Краткое изложение о керамике с объекта Zalavár-Castle island заканчивается выводами (Szöke, 2014, p. 110):

– о кухонной керамике: «Методы изготовления, украшения и доступные формы обычных контейнеров для хранения и кухонной керамики могут быть в значительной степени прослежены / связаны с аналогичными времен Позднего Аварского каганата» (кухонная керамика с первых раскопок конца 40-х – начала 50-х гг. рассмотрена в работах Sós и Gergely (Sós, 1963; Gergely, 2016, p. 29–43).

– о столовой керамике: «В отличие (от кухонной), столовая керамика гораздо больше связана со средиземноморским миром (Византией), в котором формы и керамическое производство посуды Поздней античности сохранились без изменений до эпохи Каролингов. Это особенно актуально для столовой керамики с лощеной поверхностью. Роскошная столовая керамика Мосабурга (Болатноград) значительно отличается от керамических изделий Каролингской Западной Европы, как по технологии производства, так и по формам целых сосудов».

Какие дополнительные аргументы могут быть приведены относительно заявленного В.М. Szöke «византийского влияния в коллекции керамических сосудов с объекта Залавар»?

Керамических сосудов для сохранения тепла – *chafing-dishes* с объекта Залавар всего два. Один сосуд представлен в книге (Szöke 2014, Fig. 97), а второй, который частично реставрирован – в экспозиции Венгерского Национального музея (он представлен в одной из вит-

Рис. 2. Кухонная посуда.

Fig. 2. Cooking vessels.

рин Венгерского национального музея в упомянутом разделе «Каролингский век в Карпатском бассейне») (рис. 3: 1).

Керамические сосуды для сохранения тепла связаны с одной из традиций в римской и византийской кухне – подачей специальных соусов (наиболее распространенным из которых является рыбный соус гарум – греческий *γάρος*; латин. *garum*) (Йотов, 2016, с. 521–528).

Керамические сосуды для сохранения тепла IX–X вв. были найдены на раннесредневековых поселениях недалеко от Буков, Румыния. Румынская исследовательница М. Сомша пишет, что эти сосуды хоть и изготовлены из местной глины, но они без сомнения византийские – так озаглавлена и основная статья – *Die Keramik von byzantinischen Typus* (Сомша, 1980, р. 323–339; Abb. 1: 1–3, 6–13, 15–18; Abb. 6). Эта керамика, как и другие памятники этого района южнее Центральных Карпат связывается с депортацией во время болгарского хана Крума (803–814 гг.) к 813 г. византийского населения из района Адрианополя в задунайские территории Болгарского ханства (Madgearu, 2002–2003, р. 42–44, notes 5–6; 18; Yotov, 2015, р. 328).

Дюжина глазурованных сосудов из белой глины, найдена в слое пожара середины и последней четверти X в. в раннесредневековом монастыре Равна, область Варны. Одиннадцать сосудов из этой коллекции опубликованы П. Георгиевым и определены как «византийские» (Георгиев, 2017, с. 259–269). На мой взгляд, эти сосуды также предназначались для сохране-

ния тепла соусов или пищи. В статью П. Георгиева не включен керамический сосуд из этой же коллекции, который без сомнения тоже использовался для сохранения тепла (Йотов, Павлова, 2004, кат. №№ 51: 3).

Недавно мне стало известно еще одно глазурованное блюдо, которое восстановлено и тоже использовалось для сохранения тепла соусов или пищи. Сосуд найден в архиепископском монастыре в Плиске (Георгиев, Витлянов, 2001, кат. № 100) – его датировка конец IX–X вв.

Среди кухонной керамики с объекта Залавар есть и другой «*other type besides*» керамический сосуд (рис. 3: 2). Автор определяет его как колоколообразный сосуд, который ставили на угли – использует термин: *embers`cover /`baking bells*“ (Szöke, 2014, р. 110, fig. 97). Аналогичные два сосуда найдены тоже в поселении недалеко от Буков, Румыния (середина IX – начало X в. (Сомша, 1980, р. 327, 330–335; abb. 1: 4–5). На мой взгляд, более справедливо определяет подобные керамические сосуды X. Бакирцис как: *portable cooking / heating brazier* – жаровни (Bakirtzis, 2003, р. 132–133; Pl. 14).

Так, к известным керамическим сосудам для сохранения тепла (IX–X вв.) можно добавить еще три аналогии – самые отдаленные на северо-западе из мест самого большого распространения (таблица I) – территории Византийской империи, с Коринта опубликован 31 подобный сосуд / *chafing-dishes* (Sanders, 1995, р. 115–119; Bakirtzis, 2003, р. 131–132; Pl. 12–14; Vassiliou, 2016, р. 251–276) и Первого болгарского царства (Йотов, 2016, с. 521–528).

Среди кухонной керамики из Залавара есть маленькое по размеру ведро (рис. 3: 3) с двумя ручками – *mug with elongated handles* (Szöke, 2014, р. 110, Fig. 100). Судя по английскому слову, которое использует автор, речь идет о стакане, подобные сосуды – так наз. «стаканы-ведра» известны из прабол-

Рис. 3. 1 – сосуды для сохранения тепла; 2 – жаровня; 3 – стакан-ведро;
4 – фрагмент керамики со знаком IYI.

Fig. 3. 1 – chafing-dishes; 2 – embers` cover; 3 – mug-pail; 4 – fragment with engraved sign IYI.

гарских могильников (таблица II) и датированы концом VIII–IX в. (Дончева-Петкова, 2020).

Среди столовой керамики с лощеной (*polished*) поверхностью В.М. Szöke обращает внимание на кувшины без ручек – *flasks* или *bottles* и другие сосуды (рис. 4: 1–3). На трех фрагментах столовой керамики с лощеной поверхностью есть врезанные буквы из более ранней, так наз. «круглой глаголицы»: аз; глаголи; веду; иже; он; ферт; ять (таблица III: 1) и один фрагмент (таблица III: 2), с латинскими буквами византийской инвокации *pie zezes*, которое Szöke объясняет как «ней и будь живым» во имя Господа Бога (Szöke, 2014, p. 110, Fig. 70).

Обсуждение столовой керамики с лощеной поверхностью является длинным и разнообразным, но согласно В.М. Szöke, именно находки с Залавара показывают прямое средиземноморское влияние. То же самое относится и к обнаружению серии подобных сосудов в этнически разнообразном пограничном могильнике Каролингов Keszthely-Fenekpuszta, датированном IX в. (Müller,

2010, p. 247). Этот могильник находится всего в 14 км от Блатноград / Залавар (Szöke, 2012, p. 136, Abb. 7).

В группу посуды с лощеной поверхностью в книгу включены и три крышки (рис. 4: 4) (Szöke, 2014, p. 110, Fig. 95). По моему мнению, эти скромные и не привлекающие внимание исследователей керамические кухонные принадлежности, также подтверждают выводы Szöke о том, что эта специфическая столовая керамика имеет византийские черты.

Керамические крышки для горшков – без орнамента или с рифленой верхней поверхностью находят широкий круг аналогий на археологических памятниках – поселениях и крепостях времени Поздней античности (конца IV–VIII вв.) на Балканах (Topoleanu, 2000, p. 121–122; Opris, 2003, p. 100–101, pl. XXXVII, № 242–248, Pl. XXXVII; Opat, 2004, p. 57, pl. 61, № 1–9; Кленина, 2006, с. 118–120).

Для сравнения (таблица IV) – крышки для горшков, как правило, отсутствуют в керамических традициях Раннего средневековья самых влиятельных со-

Таблица I

Распространение керамических сосудов для сохранения тепла

Центры Centers	Константинополь Constantinople	Коринт Corinth	Буков / Рум. Bukov / Ro	Равна / Бг. Ravna / Bg	Плиска Pliska	Залавар Zalavar
Век Century						
X в. / 10 cent.						
IX в. / 9 cent.						
VIII в. / 8 cent.	?	?	?	?	?	?

Таблица II

Распространение так называемых „стаканов-ведер“

Центры Centers	Залавар Zalavar	Бландиана / Рум. Blandiana / Ro	Могильники в Болгарии Necropolis in Bulgaria
Век Century			
IX в. / 9 cent.			

Таблица III

Фрагменты керамики с надписями

фрагменты керамики с так называемой „круглой глаголицей“	фрагмент керамики с византийской инвокацией

Таблица IV

Распространение крышек для керамических сосудов

Крышки Lids	Центры Centers	Крепости Fortress	Поселений Settlements	Могильники Necropolises
Болгария XI в. Венгрия 11 cent. Bulgaria Hungary		Нормальное Normal	процентное percentage	распространение spread
Венгрия VII - X в. Hungary 7-10 cent.	 Залавар / Zalavar 866 - 867			
Болгария VIII - X в. Bulgaria 8-10 cent.				
Византия IV - VII в. 4 - 7 cent.				

Таблица V

Ручки с фигурами птиц-водолаев – параллели

Центры Centers Век Century	Залавар Zalavar	Херсонес Cherson
XIII / 13 cent.		
X-XII / 10-12 cent.	?	?
$\frac{3}{4}$ → IX / 9 cent.		

Рис. 4. 1 – кувшины без ручки, 2 – амфоры и амфоровидные кувшины;
3 – миски, горшки, стаканы; 4 – крышки.

Fig. 4. 1 – flasks; 2 – amphoras and two-handled jugs; 3 – cups, beakers, bowls; 4 – lids.

седей Византии – Аварского каганата (Vida, 1999) и Первого болгарского царства (исследователь средневековой болгарской керамики Л. Дончева-Петкова не включила ни одного подобного экземпляра в свою книгу (Дончева-Петкова, 1977). Тот же автор недвусмысленно отметила в последней своей статье, что в средневековой болгарской керамике «крышки» появились в 30–40-х годах XI в. (Дончева-Петкова, 2015, с. 179; 196).

В группе керамики с лощеной поверхностью упомянуты еще несколько сосудов нестандартной и весьма неопределенной формы. Они имели слив подобный фигурам птиц-водолаев (рис. 5) – *tubular spouts and bird-shaped handles* (Szöke, 2014, Fig. 96).

Керамические сосуды-водолеи в форме птиц более распространены в позднее средневековье – мне известен только один подобный византийский сосуд (Залесская, 2011, № 488) из Херсонеса – найденный в слое пожара, датируемого XIII в. (таблица V).

Подводя итог, замечу, что в своей книге «Византийское миссионерство»

С.А. Иванов, рассматривает пребывание солунских братьев Константина-Кирилла и Мефодия в Моравии в период 863 и последующие годы (Иванов, 2003, с. 157–161). Автор задает себе вопрос: «*Можно ли говорить (как это часто бывает), что «Моравская миссия» является самым высоким достижением византийского миссионерства?»* и восклицает: «*...ни в коем случае!*». С.А. Иванов продолжает, что: «*... хотя Кирилл и Мефодий были названы «славянскими апостолами», но путешествие в Моравию не было миссией в истинном смысле этого слова: как бы странно это ни звучало, путешествие братьев было – с византийской точки зрения, скорее частным эпизодом, а не частью глобального миссионерского проекта»* (Иванов, 2003, с. 157, 159).

Результаты археологических исследований в Залаваре и анализ В.М. Szöke опровергают эти слова именитого византиниста. До их публикации не было конкретных данных о том, что было описано в Кратком житии Константина-Кирилла (Климент Охридски, 1973, с. 137). Почти год продолжалось

Рис. 5. Ручки сосудов-водолеев
в виде фигуры птиц.

Fig. 5. Bird-shaped handles.

(с поздней осени 866 до конца 867 гг.) гостеприимство к братьям Кириллу и Мефодию со стороны сына Прибина князя Коцела в Блатнограде: «... *проведя сорок месяцев в Моравии, пошел рукоположить учеников своих. Принял же его по пути Коцел, князь Паннонский, и сильно полюбил славянскую грамоту и научился ей. Отдал до пятидесяти учеников учиться ей. И воздав ему великие почести, проводил его дальше. А философ, не взял же он ни от Ростислава, ни от Коцела ни золота, ни серебра, ни других вещей, помня евангельские слова, но только испросил у обоих девятьсот пленников и отпустил их*» (Климент Охридски, 1973, с. 137).

Без сомнения, многие из вышеупомянутых находок имеют прямую связь с этим эпизодом миссии братьев среди паннонских славян (Szöke, 2014, p. 91–93). Для большей части керамики с объекта Залавар, в частности, сосудов для

сохранения тепла, крышек для горшков; фрагментов с буквами «круглой глаголицы», можно утверждать, что они являются следами этого приблизительно однолетнего пребывания. Следует предположить, что, как и в миссии в Моравии (863–866 гг.), так и в последующих поездках братья сопровождалась не только своими учениками, но и немалой группой помощников (некоторые из них – гончарные мастера (?), в том числе повара (знатоки особенностей византийской кухни – например, разогретых соусов специального вкуса), а вполне возможно и с соответствующей вооруженной охраной.

Другая гипотеза – вполне возможно, что эти следы связаны с более поздней деятельностью, опять в Блатнограде, но уже только Мефодия (Szöke, 2014, p. 93–98).

Большинство людей, сопровождающих братьев были византийцами – хотя такая характеристика звучит слишком общо, когда она относится к тому времени. Возможно, среди сопровождающих были и болгары. Упомянутые «стаканы-ведра», которые известны только в праболгарских могильниках, фрагмент со знаком ГΥΙ, как и другие находки из Залавара и прилегающего региона (в основном – меч и сабля из погребений в некрополях, более подробно, для меча: Yotov, 2011, p. 113–124; Yotov, 2017, p. 153–162; для сабли: Müller 2010, s. 247, die Gräber; 1951/45; 1952/68–69) являются свидетельствами в пользу такой гипотезы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Георгиев П. Колекция от византийски белоглинени съдове от средата на X век в манастира при с. Равна (Североизточна България) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдииков. Казань – Кишинев: Stratum Plus. 2017. С. 259–269.
2. Георгиев П., Витлянов Ст. Архиепископията-манастир в Плиска. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2001. 236 с.
3. Дончева-Петкова Л. Българска битова керамика през ранното средновековие. София: Българска академия на науките, 1977. 224 с.
4. Дончева-Петкова Л. За българската и аварската керамика (края на VII–IX в.) // Плиска-Преслав. Т. 14 / Ред. Павел Георгиев. София: Българска академия на науките, 2020 (в печати).

5. *Дончева-Петкова Л.* Керамика от комплекса в югозападния ъгъл на Вътрешния град на Плиска // Плиска-Преслав. Т. 11 / Ред. Павел Георгиев. София: Българска академия на науките, 2015. С. 163–198.
6. *Залеская В.Н.* Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX–XV веков. СПб.: Изд-во ГЭ, 2011. 256 с.
7. *Иванов С.А.* Византийское миссионерство: Можно ли сделать из "варвара" христианина? М.: Языки славянской культуры, 2003. 376 с.
8. *Йотов В.* Σαλτσάριον / saltsaria (IX–XI в.) от морското дъно недалеч от Бяла, Варненско // Проф. Б.Д. Борисов – ученици и приятели / Великотърновският университет "Св. св. Кирил и Методий" и българската археология, 2 / Ред. Б.Д. Борисов. Велико Търново: ИВИС, 2016. С. 521–528.
9. *Йотов В., Павлова В.* Българите и техните съседни през V–X век. Каталог. Варна: Регионален исторически музей, 2004. 101 с.
10. *Кленина Е.Ю.* Столовая – кухонная керамика III–VI веков из Нов (Северная България) // Novae: Studies and Materials II. Poznan-Sevastopol: Университет им. Адама Мицкевича, 2006, 214 с.
11. *Климент Охридски.* Пространни жития на Кирил и Методий // Събрани съчинения. Т. 3. София: Издание на Българската Академия на Науките, 1973. 260 с.
12. Покръстването на баварци и карантийци // Латински извори за българската история. Т. 12 / Извори за Българската история. Т. VII / Съст. и ред. И. Дуйчев, М. Войнов, С. Лишев, Б. Примов. София: Издание на Българската Академия на Науките, 1960. С. 132–135.
13. Bakirtzis, Ch. BYZANTINA ΤΕΟΥΚΑΛΟΛΑΓΗΝΑ. ΑΘΗΝΑ, 2003 (първо издание от 1989 г.).
14. Comşa M. Die Keramik von byzantinischen Typus von Bucov-Ploieşti // Dacia, N. S., XXIV, 1980, 331–332.
15. Fehér G. Les fouilles de Zalavár (1951–1953). Rapport préliminaire // Acta Arch. Hungarica, 4, 1954. 201–265.
16. Fehér G. Zalavári ásatások (1951–1952) // Archaeologiai Értesítő, 80. 1953. 31–52.
17. Gergely K. Kora középkori kerámia Zalavár-Vársziget déli részéről // Opuscula Hungarica IX, Budapest, 2016, 29–43.
18. Madgearu Al. Transilvania and the Bulgarian expansion in the 9th–10th centuries // Acta Musei Napocensis, 39–40, II, 2002–2003 (2005), 41–65.
19. Müller R. Die Gräberfelder vor der Südmauer der Befestigung von Keszthely-Fenekpuszta. Budapest / Leipzig / Keszthely, 2010.
20. Opait A. Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th–6th century AD). Oxford, 2004.
21. Opris I. Ceramica romana tarzie si paleobyzantina de la Capidava in contextul descoperirilor de la Dunarea de Jos (sec. IV–VI p. Chr.). Bucuresti 2003.
22. Sanders G. D. R. Byzantine glazed pottery at Corinth to c. 1125. Birmingham, 1995.
23. Sós Á. Cs. Die Ausgrabungen Géza Fehérs in Zalavár. Budapest, 1963.
24. Szöke B. M. 2012. Kulturelle Beziehungen zwischen Mosaburg/Zalavár und dem Mittelmeerraum. – Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence. Kraków – Leipzig – Rzeszów – Warszawa 2012, 125–142.
25. Szöke B. M. 2014. The Carolingian Age in the Carpathian Basin. Budapest, 2014.
26. Szöke, B., Éry, K., Müller, R., Vándor, L. Die Karolingerzeit im Unteren Zalat. ANTAEUS, 21, 1992, 177–178.
27. Topoleanu F. 2000. Ceramica romana si romano-bizantina de la Halmyris (sec. I–VII d. Ch.) / Roman and roman-byzantine pottery from Halmyris (1st–7th centuris AD). Tulcea, 2000.
28. Vassiliou A. 2016. Middle Byzantine Chafing Dishes from Argolis. Deltion of the Christian Archaeological Society, 37, 2016, p. 251–276.
29. Vida T. 1999. Die awarenzeitliche Keramik I (6.-7. Jh.). Berlin-Budapest, 1999 (= Varia Archaeologica Hungarica, 8).
30. Vida T. 2015. Zur Frage des gelben Tafelgeschirrs der frühmittelalterlichen Eliten im mittleren Donaauraum. – Castellum Pannonicum Pelsonense, Vol. 6, 2015, 313–327.
31. Yotov V. 2011. A new Byzantine type of swords (7th–11th centuries). – Ниш и Византија, IX, 113–124.
32. Yotov V. 2017. Byzantine Weaponry and Military Equipment in the Homilies of St Gregory of Nazianzus (Paris.gr.510). Fasciculi Archaeologiae Historicae, XXX, 2017, 153–162.

Информация об авторе:

Йотов Валерий, доктор исторических наук, доцент, Региональный исторический музей города Варны (г. Варна, Болгария); valeri.yotov@gmail.com

**CERAMICS FROM THE CAPITAL OF THE BLATNA PRINCIPALITY –
THE TRACES OF THE MISSION OF THE BROTHERS CYRIL AND
METHODIUS IN BLATNOGRAD (LATE 866 – MIDDLE OF 867)**

Valeri Yotov

In the paper the author pays attention to the one section of the highly and richly illustrated book “The Carolingian Age in the Carpathian Basin”, by Béla Miklós Szőke, who explored and analyzed the Zalavár fortified settlement and its finds for many years where Blatnograd – the capital of the Blatna Principality is located. The simple storage- and kitchen vessels discovered in Zalavar can be traced back mostly to the ceramic of the Late Avar Age, but part of them have parallels on both sides of the Lower Danube, i.e. in Bulgarian Khanate and in Byzantium. These are: chafing dishes; embers` covers; mugs-pail. The tableware from Zalavar was linked also by many more details with the Mediterranean world, namely with Byzantium. On the paper author,s opinion the pottery finds under consideration had a direct connection with the mission of the brothers St. Cyril and Methodius during their short stay in Blatnograd under the hospitality of Prince Chezil. They stopped there on their way from Great Moravia to the Pope in Rome (the end of autumn of 866 – the end of 867). For example: in Zalavar there were discoveries of the polished ceramic bottles with engraved letters, probably of rounded Glagolitic script which are dating of the same period. It can be assumed that most of the brothers' followers of the Moravian Mission and in particular during their stay in Blatnograd were the Byzantines. But some of them may have been the Bulgarians from the Bulgarian Kingdom which was located across the Danube.

Keywords: archaeology, Early Middle Ages, Blatnograd, Zalavár, tableware; chafing-dishes, lids, Cyril and Methodius.

REFERENCES

1. Georgiev, P. 2017. In Bocharov, S. G., Francois, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th–18th Centuries)*. Kazan; Kishinev: “Stratum plus” Publ., 259–269 (in Russian).
2. Georgiev, P., Vitlyanov, S. 2001. *Arkhiepiskopiyata – manastir v Pliska (Archbishopric Monastery in Pliska)*. Sofia: Academic Publishing House “Prof. Marin Drinov” Publ. (in Bulgarian).
3. Doncheva-Petkova, L. 1977. *B'lgarska bitova keramika prez rannoto srednovekovie (Household Ceramics in Bulgaria in the Early Middle Ages)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
4. Doncheva-Petkova, L. 2020. In Georgiev, P. (ed.). *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 14. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ. In print (in Bulgarian).
5. Doncheva-Petkova, L. 2015. In Georgiev, P. (ed.). *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 11. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 163–198 (in Bulgarian).
6. Zaleskaya, V. N. 2011. *Pamiatniki vizantiiskogo prikladnogo iskusstva. Vizantiiskaia keramika IX–XV vekov (Masterpieces of Byzantine Applied Art. Byzantine Ceramics of the 9th–15th Centuries)*. St. Petersburg: The State Hermitage Publ. (in Russian).
7. Ivanov, S. A. 2003. *Vizantiiskoe missionerstvo: Mozhno li sdelat' iz "varvara" khristianina? (The Byzantine missionary: Can a "barbarian" be turned into a Christian?)*. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul'tury” Publ. (in Russian).
8. Yotov, V. 2016. In Borisov, B. D. (ed.). *Prof. B. D. Borisov – uchenitsi i priiateli (Studia in honorem professoris Borisi Borisov)*. Velikot'rnovskiiat universitet "Sv. sv. Kiril i Metodii" i b'lgarskata arheologiiia (Veliko Tarnovo University St. Cyril and St. Methodius and the Bulgarian Archaeology, Volume 2). Veliko Tarnovo: “IVIS” Publ. 521–528 (in Bulgarian).
9. Yotov, V., Pavlova, V. 2004. *B'lgarite i tekhnite s"sedi prez V–X vek (The Bulgarians and their Neighbors in the 5th - 10th cc.)*. Katalog. Varna: Museum of Local Lore (in Bulgarian).
10. Klenina, E. Yu. 2006. *Stolovaia i kukhonnaia keramika III–VI vekov iz Nov (Severnaia Bolgariia) (Dining Room and Kitchen Ceramics of the 3rd–6th Centuries from Nov (Northern Bulgaria))*. Novae: Studies and Materials II. Poznan-Sevastopol: Adam Mickiewicz University in Poznań (in Russian).

11. Kliment Okhriski. 1973. *Prostranni zhitiia na Kiril i Metodii (Extensive Biographies of Cyril and Methodius)*. Sobranie sochinenii (Works) III. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
12. 1960. In Duichev, I., Voinov, M., Lishev, S., Primov, B. (eds.). *Latinski izvori za b"lgarskata istoriia. T. II. (Latin Sources on Bulgaria History). Vol. II*. Series: Izvori za b"lgarskata istoriia (*Bulgaria History Sources*) Vol. VII. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 132–135 (in Bulgarian).
13. Bakirtzis, Ch. 2003. BYZANTINA ΤΣΟΥΚΑΛΟΛΑΓΗΝΑ. ΑΘΗΝΑ (p^rvo izdanie ot 1989 g.) (in Greece).
14. Comşa, M. 1980. In *Dacia*, N. S. XXIV, 331–332 (in German).
15. Fehér, G. 1954. In *Acta Arch. Hungarica* 4. 201–265 (in Hungarian).
16. Fehér, G. 1953. In *Archaeologiai Értesítő*, 80. 31–52 (in Hungarian).
17. Gergely, K. 2016. In *Opuscula Hungarica IX*, Budapest, 29–43 (in Hungarian).
18. Madgearu, Al. 2002–2003 (2005). In *Acta Musei Napocensis*. II. 39–40, 41–65 (in Hungarian).
19. Müller, R. 2010. *Die Gräberfelder vor der Südmauer der Befestigung von Keszthely-Fenekpuszta*. Budapest-Leipzig-Keszthely (in German).
20. Opait, A. 2004. *Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th – 6th century AD)*. Oxford.
21. Opris, I. 2003. *Ceramica romana tarzie si paleobyzantina de la Capidava in contextul desco-peririlor de la Dunarea de Jos (sec. IV–VI p. Chr.)*. Bucuresti.
22. Sanders, G. D. R. 1995. *Byzantine glazed pottery at Corinth to c. 1125*. Birmingham.
23. Sós, Á. Cs. 1963. *Die Ausgrabungen Géza Fehérs in Zalavár*. Budapest (in Hungarian).
24. Szöke, B. M. 2012. *Kulturelle Beziehungen zwischen Mosaburg/Zalavár und dem Mitteleuropa. – Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence*. Kraków – Leipzig – Rzeszów – Warszawa 2012, 125–142 (in German).
25. Szöke, B. M. 2014. *The Carolingian Age in the Carpathian Basin*. Budapest.
26. Szöke, B., Éry, K., Müller, R., Vándor, L. 1992. *Die Karolingerzeit im Unteren Zalatál*. AN-TAEUS, 21, 177–178 (in German).
27. Topoleanu, F. 2000. *Ceramica romana si romano-bizantina de la Halmyris (sec. I–VII d. Ch.) Roman and roman-byzantine pottery from Halmyris (1st – 7th centuris AD)*. Tulcea (in Italian).
28. Vassiliou, A. 2016. In *Deltion of the Christian Archaeological Society*, 37, 251–276.
29. Vida, T. 1999. *Varia Archaeologica Hungarica*, 8 (in Hungarian).
30. Vida, T. 2015. In *Castellum Pannonicum Pelsonense*, Vol. 6, 313–327.
31. Yotov, V. 2011. In *Nish i Vizantija*, IX, 113–124.
32. Yotov, V. 2017. In *Fasciculi Archaeologiae Historicae*, XXX, 153–162.

About the Author:

Valeri Yotov. Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, The Regional Historical Museum of Varna, Maria Luisa Blvd., 41, Varna, 9000, Bulgaria; valeri.yotov@gmail.com

Статья принята в номер 01.03.2020 г.

SE FAIRE CUIRE UN OEUF À L'ÉPOQUE MAMELOUKE. PLATS CULINAIRES À COMPARTIMENTS EN SYRIE

© 2020 г. Véronique François

En l'honneur de mon ami Sergeï Bocharov et en mémoire de Mohamed Muftah

L'archéologue déduit des formes des poteries, de la texture de la pâte et des divers traitements de surface, leur fonctionnalité supposée : la marmite pour la cuisson, la cruche, le plat et la coupe pour le service, la grande jarre ou le pot pour le stockage et la conservation. Des traces de consommation ou d'usage fournissent parfois des informations plus précises sur l'emploi du mobilier de terre. Les dépôts calcaires épais, observés sur la surface interne d'un pot ou d'une marmite, témoignent de remplissages et d'évaporations successifs tandis que les traces de brûlé d'usage repérées sur des pichets glaçurés, des jattes, des bassins et des cuvettes, des cruches et divers pots de conserve montrent que la céramique culinaire n'est pas la seule exposée à la flamme et donc employée dans le foyer. Certaines formes résistent pourtant à l'interprétation comme ces plats à compartiments réalisés au Proche-Orient et dans le monde iranien dès avant la période islamique et dont la fabrication est encore attestée aux VIIIe, X^e et XIIe-XVe siècles. Aux plus belles pièces conservées dans les musées s'ajoutent des objets fragmentaires trouvés au cours des fouilles archéologiques en Syrie. Leur étude introduit la possibilité d'un emploi culinaire.

Mots-clés : période mamelouke, poterie, archéologie, Alep, plat à compartiments multiples, la vie quotidienne, marmite, Syrie.

La nature, la forme, la taille, le mode de fabrication et l'aspect des plats à compartiments, c'est-à-dire divisés en un nombre variable de coupelles plus ou moins profondes, varient selon les époques et les zones de production. Certains, très petits et très bas – entre 1,5 et 2,5 cm de hauteur – de formes rectangulaire, hexagonale ou polylobée, sont moulés dans une terre argileuse claire et entièrement glaçurés en vert foncé. Ils comportent plusieurs compartiments creux, circulaires ou ovoïdes, ornés de décors incisés (Fig. 1 : 1). Considérés comme des présentoirs à cosmétiques, ils sont attribués à une production de l'Est de l'Iran au VIIIe siècle (Watson, 2004, p. 165, Cat.Bb.7). D'autres sont au contraire de grande taille comme ce plateau carré, fabriqué en Egypte à l'époque tulunide, de 34,5 cm de côté. Moulé, dans une terre argileuse et glaçuré au plomb, ses compartiments, au nombre de neuf, sont circulaires, circulaires nervurées ou ovoïdes (Fig. 1 : 2). La surface entre les parties creuses est ornée d'un décor en relief. Identifié comme un plateau à condiments, il est l'« œuvre d'Abou Nasr de Bassora en

Egypte » comme en atteste une inscription sur le plateau (Shovelton, 2020). Un autre type de plat à compartiments se présente sous la forme de sept coupelles à fond plat d'une profondeur de 3 cm, chacune tournée séparément dans une pâte argileuse rouge et assemblée à l'aide de boudins d'argile imprimés en surface (Fig. 1 : 3). Engobé et couvert de glaçures plombifères colorées en vert, jaune et brun, cet assemblage est attribué à une production d'Iran oriental du Xe siècle (Watson 2004, p. 203 Cat. F. 6). La fabrication de ce type de contenants s'avère parfois plus complexe, les matériaux employés sont aussi plus précieux et leur ornementation est sophistiquée comme en attestent des pièces exposées dans les musées ou mises en vente sur le marché de l'art. Ainsi cette grande coupe, de 29,8 cm de diamètre et 7,2 cm de haut, tournée en pâte siliceuse, dans laquelle est inséré un assemblage constitué de sept coupelles de même taille tournées et de six compartiments triangulaires moulés joints par des boudins d'argile rendant solidaires les différents éléments (Fig. 1 : 4; Fig. 3 : 3-5). Des rinceaux végétaux, peints au lustre métallique jaune verdâtre sur

Fig. 1. Plats à compartiments: 1 – Iran oriental, VIIIe siècle (d'après Watson, 2004); 2 – Egypte, IXe siècle (d'après Shovelton, 2020); 3 – Iran oriental, Xe siècle (d'après Watson, 2004); 4, 5 – Iran, XIIe-début XIIIe siècle ; 6, 7 – Iran, XIIIe – début XIVe siècle.

Рис. 1. Блюда с секциями: 1 – Восточный Иран, VIII в. (по Watson, 2004); 2 – Египет, IX в. (по Shovelton, 2020); 3 – Восточный Иран, X в. (по Watson, 2004); 4, 5 – Иран, XII – начало XIII вв.; 6, 7 – Иран, XIII – начало XIV-го вв.

émail, se développent dans les six cavités périphériques tandis qu'un personnage, de type mongol, assis en tailleur, décore la cupule centrale. A l'extérieur du plat, une inscription illisible est peinte au lustre sur une belle glaçure alcaline bleu de cobalt. Acquisée à Téhéran et conservée aux *Harvard Art Museums*¹, cet objet est attribué à une production iranienne, peut-être de Kashan, à la période seldjoukide (1038–1157) ou des Atabegs autour de 1200. Les grandes coupes basses de ce type, produites en Iran aux XIIe–XIIIe siècles, ne manquent pas dans les collections muséales. Elles ont en commun leur nature, leur forme et leur taille. On en trouve bien sûr la trace au musée Abguineh du verre et de la céramique de Téhéran mais aussi dans les catalogues des ventes de Sotheby's qui présentent un exemplaire, de 31,4 cm de diamètre

et 8,8 cm de haut, attribué à un atelier de Kashan vers 1200². Dans les collections du *Walters Art Museum* de Baltimore, un plat à compartiment, d'un diamètre de 33,5 cm et d'une hauteur de 8,5 cm, réalisé selon les mêmes techniques et à la même époque, se distingue des précédents par la forme des sept cupules profondes (Fig. 1 : 5). Elles ne sont plus circulaires mais hexagonales et tous les espaces entre elles sont creux. Des oiseaux et des végétaux stylisés, peints au lustre doré, alternent d'un compartiment à l'autre³. En Iran, la fabrication de tels objets se poursuit à la fin du XIIIe–début XIVe siècle comme en témoignent des plats à compartiments de type *lajvardina* proposés à la vente par Sotheby's⁴ et Bonhams⁵. Tournées dans une pâte siliceuse, les coupes à panse carénée, d'un diamètre de 34 cm et d'une hauteur de 12 cm, contiennent

Fig. 2. Plats mamelouks à compartiments pour la cuisson des œufs, fouille de la citadelle d'Alep.

Рис. 2. Мамлюкские блюда с секциями для варки яиц, раскопки цитадели Алеппо.

sept compartiments ornés de motifs géométriques finement peints en rouge et blanc et rehaussés d'or sur une glaçure bleu foncé (Fig. 1 : 6). Un plat de même facture, de dimensions proches – 31,8 cm de diamètre et 12,4 cm de haut – et de même origine, présenté au *Museum of Islamic Art, Culture and Design* de Shangri La, se distingue par la taille et l'organisation des coupelles, six cavités entourent trois micro-coupelles centrées (Fig. 1 : 7).

Cet échantillonnage de plats à compartiments tantôt moulés, tantôt tournés mais aussi tournés et moulés, montre la variété de leur mode de fabrication sur plusieurs siècles. Les dimensions différentes et la diversité des compartiments suggèrent plusieurs usages. Dans les catalogues des musées, ces objets sont parfois considérés comme des présentoirs à cosmétiques mais ils apparaissent souvent sous l'appellation

sweetmeat dishes. Dans les publications, ils sont généralement associés au service et à la présentation de condiments ou d'épices. Ils pourraient en particulier être employés à l'occasion de la célébration de *Norouz*, la fête traditionnelle du nouvel an du calendrier persan, pour exposer les *Haft Sîn*, les sept objets dont le nom commence par la lettre S.

L'examen de céramiques à compartiments, d'époque mamelouke, mises au jour dans les fouilles syro-allemandes de la citadelle d'Alep entre 1996 et 2010 (direction K. Kohlmeyer, *Fachhochschule für Technik Und Wirtschaft*, Berlin), introduit la possibilité d'une autre fonction pour ce type de contenant⁶. Fabriquées dans une pâte argileuse, réfractaire, fine, de couleur orange, d'un diamètre de 29 ou 33 cm, elles sont constituées d'un assemblage de huit ou sept coupelles à fond plat dont le

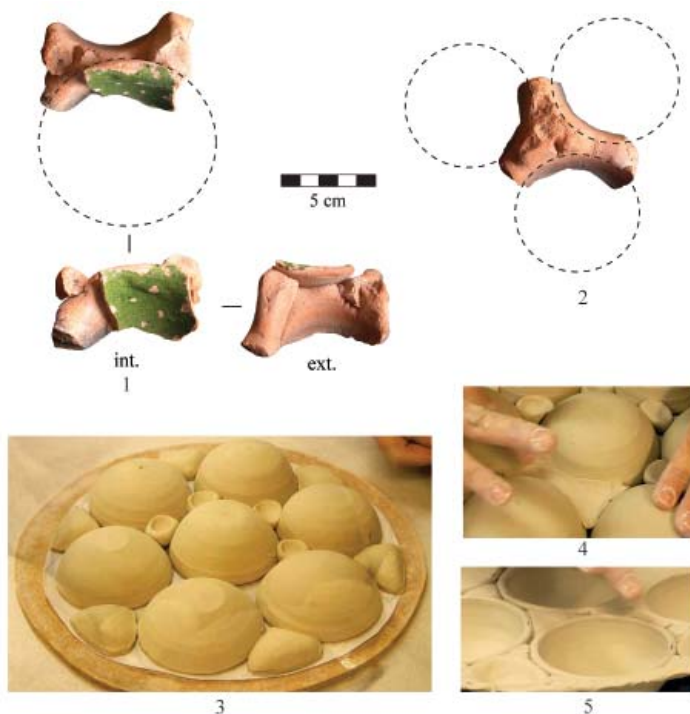

Fig. 3. 1, 2 – Plats mamelouks à compartiments, fouille de la citadelle d'Alep; 3–5 – fabrication de plats à compartiments aux *Harvard Art Museums*.

Рис. 3. 1, 2 – мамлюкские блюда с секциями, раскопки цитадели Алеппо; 3–5 – изготовление блюд с секциями (Музей искусств Гарварда).

diamètre à l'ouverture varie entre 7,5 et 11 cm (Fig. 2). D'épais boudins d'argile plus ou moins grossièrement façonnés permettent d'assujettir les coupelles entre elles. Le soin apporté aux points de jonction est variable (Fig. 3: 1, 2). L'ensemble est rendu solidaire par un boudin épais, modelé, qui fait office de lèvre. La fabrication expérimentale de ce type de céramique proposée par les *Harvard Art Museums* permet d'appréhender le mode de réalisation de ces objets et d'identifier des restes isolés dont il est difficile d'imaginer la forme⁷ (Fig. 3). La surface interne des exemplaires aleppins est couverte d'une glaçure plombifère vert émeraude très brillante appliquée sur un engobe beige qui, imperméabilisant la surface, facilite le nettoyage. De tels fragments sont également apparus dans les fouilles libano-françaises d'Enfeh au Liban (matériel inédit étudié par I. Shaddoud dans le cadre de la

mission codirigée par N. Panayot-Haroun, Université de Balamand et D. Parayre, Université de Lille). Datés des XIe–XIIe siècles, ils sont attribués à une production des ateliers de Beyrouth comme ceux, des XIIe–XIIIe siècles, découverts à Saint-Jean d'Acre dans le complexe des Hospitaliers (Stern, 2012, Part 1, p. 46, Part 2, p. 51, 52, pl. 4.20 : 2). Quoique de facture assez grossière, les pièces d'Alep sont bien dans la tradition des plats présentoirs abbassides, tulunides, seldjoukides et mongols mais, outre qu'elles s'en distinguent par leur nature plus rustique et leur façonnage plus rudimentaire, elles n'ont pas le même usage. En effet, on observe, sur toute la surface extérieure des céramiques, des traces de suie qui témoignent de leur exposition répétée au feu. Cette surface noircie est caractéristique d'autres plats à compartiments mis au jour dans les fouilles du château de Shayzar en Syrie (Shaddoud,

Fig. 4. 1, 2 – Plats pour la cuisson des œufs, Venise, 1570 (d’après Scappi, 1570); 3, 4 – plat vénitien en cuivre vers 1567 (d’après Bezak, 2014); 5 – mode de cuisson dans les plats métalliques à cavités en Thaïlande.

Рис. 4. 1, 2 — блюдо для приготовления яиц, Венеция, 1570 г. (по Scappi, 1570); 3, 4 – венецианская медная тарелка, около 1567 г. (по Bezak, 2014); 5 – способ приготовления в металлическом блюде с секциями в Таиланде.

2014, vol. I, p. 183, vol. II, pl. 189) et attribués à une production de l’atelier de Massyaf au XIIIe–XIVe siècle (Shaddoud, 2015, p. 525–533). A l’évidence, il ne s’agit donc pas de plats de service mais de céramiques culinaires spécialisées. Leur fonction exacte peut-être définie au regard d’autres objets, plus récents, fabriqués en métal ou en terre, et qui sont considérés comme des poêles à cuire les œufs.

On en trouve la trace dans l’Occident chrétien comme dans le monde ottoman. Ainsi dans une *Naissance de la Vierge*, un tableau peint par le Maître de Lichtenthaler en 1485 et conservé au *Staatliche Kunsthalle* de Karlsruhe, une servante, en

arrière-plan, s’active devant la cheminée⁸. A ses pieds, des œufs cuisent dans un plat en terre, à compartiments, de forme ovale, muni d’une anse tubulaire. Il est inséré lui-même dans un support métallique à trois pieds posé devant le foyer qui n’est pas s’en rappeler plusieurs ustensiles présentés dans un livre de gastronomie illustré de Bartolomeo Scappi, cuisinier personnel du pape Pie V, publié à Venise en 1570. Parmi ses illustrations, un plat dit *padella p fare oui frittolate* est clairement destiné à la cuisson des œufs. Il s’agit d’un plateau circulaire, à onze compartiments, inséré dans un grand plat cylindrique reposant sur trois pieds et muni de deux

Fig. 5. 1 – Poêle à œufs ottoman, Aydin; 2, 3 – *yumurta tabesi*, XIXe siècle; 4, 5 – cocottes de Biot et Vallauris, XIXe siècle (d’après Amouric, Vallauri, Vayssettes, 2009).

Рис. 5. 1 – османская сковорода для приготовления яиц, Айдын; 2, 3 – *yumurta tabesi* (сковорода для яиц), XIX в.; 4, 5 – кокотницы Biot et Vallauris, XIX в. (по Amouric, Vallauri, Vayssettes, 2009).

anses rivetées (Fig. 4 : 1). Une poêle à long manche, creusée de deux cavités circulaires, légendée *padella oura*, possède vraisemblablement la même fonction (Fig. 4 : 2) (Scappi, 1570, fig. 8, 9). La fouille d’un navire de grand tonnage, sans doute vénitien, naufragé dans le dernier tiers du XVIe siècle au large des côtes croates, à proximité des îles de l’archipel de Mjlet, a livré, parmi la vaisselle de bord en métal, une poêle à œufs en alliage cuivreux (Bezák, 2014, p. 114–136). D’un diamètre de 23,5 cm, elle est équipée de sept poches de 6,5 cm de diamètre et de 2,7 cm d’épaisseur (Fig. 4 : 3, 4). Deux trous visibles sur le côté témoignent de la présence d’une anse rivetée. Sa fonction et son origine vénitienne sont établies sur

la base de l’observation des ustensiles de cuisine d’époque contemporaine présentés dans l’ouvrage de B. Scappi. La cuisson actuelle des crêpes coco-riz thaï grillé, en Thaïlande, qui montre comment le plateau métallique à cavité est placé sur les braises à l’intérieur d’un four de terre, permet d’envisager le mode d’utilisation des cocottes en terre et en métal des époques plus anciennes (Fig. 4 : 5). Ce type d’ustensile est aussi employé dans l’Empire ottoman comme en attestent d’anciennes poêles à compartiments métalliques chez les antiquaires d’Alep et une poêle en cuivre, à long manche, découverte à Aydin en Turquie, explicitement destinée à la cuisson des œufs (Fig. 5 : 1). Au XIXe siècle, dans les sources comptables de l’Empire

ottoman, il est fait mention de *yumurta tabesi*, des poêles utilisées spécialement pour cuire les œufs (Samancı, 2015, p. 203). Il s'agit peut-être de cette sorte de jatte à deux anses creusée de six cavités mise en vente sous l'appellation *Ottoman Copper and Brass Egg Pan*⁹ (Fig. 5 : 2, 3). Les recettes aux œufs nombreuses et variées sont d'ailleurs fort appréciées au Palais impérial où les œufs sont cuisinés dans ce récipient spécial ou cassés dans les cavités creusées par le cuisinier à l'aide d'une cuiller dans un mélange épais d'oignons, de légumes et de viandes sautés mis à cuire à feu doux. Ce mode cuisson en cocotte n'est pas réservé à l'Orient puisque, dans le sud de la France, au XIXe siècle, les ateliers varois de Biot et Vallauris, proposent à leur clientèle des cuits-œufs en terre, à six poches, glaçurés (Amouric, Vallauri, Vayssettes, 2009, p. 202, 203). D'une longueur entre 27 et 33 cm, munis d'un long manche, constitués

de six coupelles assemblées, ils permettent la cuisson des œufs cocottes, le blanc coagulant petit à petit autour du jaune qui reste coulant (Fig. 5 : 4, 5).

Les plats et les coupes à compartiments multiples ont une longue histoire dans l'artisanat de la terre en Méditerranée, dans sa zone d'influence et dans le monde iranien. Tantôt plats présentoirs à cosmétiques, épices, condiments ou confiseries, certains d'entre eux ont un autre emploi. L'observation attentive des traces d'usage sur les céramiques ainsi que la confrontation, sur la longue durée, d'ustensiles fabriqués dans différents matériaux permettent en effet de déterminer avec assurance l'utilisation de ces céramiques en cuisine pour la cuisson des œufs. Ce type de poêle est encore employé dans les cuisines syriennes du XXe siècle pour la préparation de la 'iğğā – des œufs mélangés avec un peu de farine, du persil et des épices et cuits dans l'huile.

Footnotes

¹ <https://www.harvardartmuseums.org/art/165023>

² <http://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/lot.146.html/2017/arts-of-the-islamic-world-117223>

³ <https://art.thewalters.org/detail/32816/fritware-serving-dish-for-sweetmeats/>

⁴ <http://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2018/arts-of-the-islamic-world-118223/lot.130.html>

⁵ <https://www.bonhams.com/auctions/11404/lot/319/?category=list>

⁶ Ce matériel provient du lot de céramiques d'époques islamique et ottomane que j'ai étudié à Alep en 2009 et 2010.

⁷ Vidéo diffusée par Harvard Art Museums <https://vimeo.com/58571319>

⁸ <https://www.kunsthalle-karlsruhe.de/kunstwerke/Meister-der-Lichtenthaler-Marienfliigel/Geburt-Mariens-und-Verkueundigung-an-Maria/30BCD1544D2056BBD234548E6F77E576/>

⁹ <https://ottomanempire.com.au/product-category/metalwork/platestrays/>

REFERENCES

1. Amouric, H., Vallauri, L., Vayssettes, J.-L. 2009. *Terres de feu, de lumière et de songes... dans le Midi français x^e-xxe siècles*. Aubagne: Lucie Éditions.
2. Bezak, J. 2014. Metal Finds. In Beltrane, C., Gelichi, S., Miholjek, I. (eds.). *Sveti Pavao Shipwreck. A 16th Century Venetian Merchantman from Mljet, Croatia*. Oxford & Philadelphie: Oxbow Books, 114–136.
3. Rosen-Ayalon, M. 1973. Medieval Islamic Compound Vessels. *Eretz-Israel Archaeological, Historical and Geographical Studies, Israel Exploration Society* (11), 258–262.
4. Samancı, Ü. 2015. *La cuisine d'Istanbul*. Rennes: Presses universitaires de Rennes et Presses universitaires François-Rabelais de Tours.
5. Scappi, B. 1570. *Opera di m. Bartolomeo Scappi, cuoco secreto di Papa Pio V divisa i sei libri*. Venise: Michele Tramezzino (éd.).
6. Shaddoud, I. 2014. *Céramiques des forteresses croisées, ismaéliennes, ayyoubides et mameloukes de Syrie du Nord*. PhD Diss.

7. Shaddoud, I. 2015. Production de poterie chez les Nizarîtes de Syrie: l'atelier de Massyaf (milieu XIIe-premier tiers du XIVe siècle). *Xe Congresso Internacional, A Cerâmica medieval no Mediterrâneo, Silves, 22–27 novembre 2012*. Silves: Câmara municipal de Silves, Campo Arqueológico de Mértola, 525-533.

8. Shovelton, E., 2020. Plateau. In *Discover Islamic Art. Museum with No Frontiers*. http://islamicart.museumwnf.org/database_item.php?id=object;ISL;uk;Mus01;47;fr

9. Stern, E.J., 2012. *Akko I. The 1991–1998 Excavations. The Crusader Pottery, Part 1: Text and Part 2: Plates*. Jérusalem: Israel Antiquities Authority.

10. Watson, O., 2004. *Ceramics from Islamic Lands, Kuwait National Museum, The al-Sabah Collection*. Londres: Thames & Hudson.

Informations sur l'auteur :

Véronique François. Directrice de recherche au CNRS. Laboratoire d'archéologie médiévale et moderne en Méditerranée, Centre National de la Recherche Scientifique, Aix Marseille Université, France; vfrancois@mmsh.univ-aix.fr

BAKING EGGS DURING THE MAMLUK PERIOD. CULINARY MULTI-COMPARTMENT DISHES IN SYRIA

Véronique François

The archaeologist deduces from the shapes, the fabric and the various surface treatments of the pottery, their supposed functionality. Traces of consumption or utilization sometimes provide more precise information on the way they are used. However, some shapes resist interpretation like these multi-compartment dishes made in the Middle East and in the Iranian world before the Islamic period and which the manufacture is still attested in the 8th, 10th and 12th–14th centuries. Multi-compartment ceramics have a long history in earthen crafts. The different nature of the bowls and dishes and the variety of sizes and types of compartments suggest a wide variety of uses. In museum catalogs these objects often appear under the name of sweetmeat dishes and in publications, they are generally associated with the service and presentation of cosmetics, condiments or spices. Fragmentary objects found during archaeological excavations in Syria are added to the most beautiful pieces display in museums. The study of them, uncovered in the excavations of the citadel of Aleppo and dated from the Mamluk period, introduces a new function. Made of a fine clay fabric, orange in color, with a diameter of 29 or 33 cm, they consist of an assembly of eight or seven flat-bottomed bowls, glazed in green. On the exterior surface of the ceramics, traces of soot are always observed, which testify to their repeated exposure to fire. It is no longer a serving dish but specialized culinary pan. Their exact function can be defined in relation to other, more recent objects, made of metal or clay, which are considered to be stoves for cooking eggs.

Keywords: archaeology, Mamluk Period, pottery, Aleppo, multi-compartment dish, daily life, cooking pot, Syria.

About the Author:

Véronique François. Main Researcher of CNRS. Laboratory of Medieval and Modern Mediterranean Archaeology, National Center of Scientific Research – Aix Marseille University, France; vfrancois@mmsh.univ-aix.fr

Информация об авторе:

Франсуа Вероник, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИЦНИ, Археологическая лаборатория по изучению Средиземноморья в средние века и Новое время, Национальный центр научных исследований-Университет Прованса (Экс-ан-Прованс, Франция); vfrancois@mmsh.univ-aix.fr

Статья принята в номер 01.03.2020 г.

НАХОДКА ДЕТАЛЕЙ ПОЯСНОГО НАБОРА ИЗ РАСКОПА СХСІХ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

© 2020 г. Р.С. Зоря

Автором статьи вводятся в научный оборот один наконечник ремня и 17 накладок поясного набора, изготовленных из цветного металла (сплава на основе меди). Данные находки представляют собой элементы наборного пояса с подвесным ремешком. Они были обнаружены при проведении археологических работ в 9 секторе СХСІХ раскопа Болгарского городища в заполнении сооружения № 476. Бляшки изготовлены из сплавов на основе меди в близком художественном стиле, поверхность покрыта лужением. Исходя из формы изделий, находки сгруппированы в два отдела (ОІ и ОІІ). В зависимости от особенностей декора, отдел – І разделен на два типа. Автором высказано предположение о том, что бляшки с округлой выемкой у основания имели утилитарное назначение – являлись предохранителем ременных отверстий. Археологический контекст обнаружения находок свидетельствует о существовании на данном участке памятника металлургической производственного комплекса, который относится к VI слою по хронологической шкале Болгарского городища.

Ключевые слова: археология, Болгарское городище, раскоп СХСІХ, Волжская Булгария, наборной пояс, сердцевидные накладки с каплевидными выступами, накладки с фестончатым краем с выемкой у основания, наконечник ремня.

Целью статьи является введение в научный оборот деталей поясного набора, обнаруженного в заполнении сооружения № 476 раскопа СХСІХ Болгарского городища¹. Прежде чем перейти к описанию находок, необходимо обозначить археологический контекст их обнаружения. Археологическими исследованиями на раскопе СХСІХ было возобновлено изучение северо-восточной части Болгарского городища (рис. 1). Общая площадь исследованного участка составила 2500 кв. м. Раскоп расположен в северо-восточной части городища и находится в 230 м восточнее здания администрации Болгарского музея-заповедника, в 15 м северо-восточнее средневековой бани Восточная Палата по ул. Назаровых и в 150 метрах западнее нового здания Международного археологического центра (Ситдииков, Бочаров и др., 2015, с. 16; Ситдииков, Бочаров и др., 2016, с. 13).

В ходе работ были вскрыты слои пяти хронологических горизонтов по единой стратиграфической шкале, принятой для Болгарского городища

(Хлебникова, 1987, с. 47–53): русского села XIX–XX вв., Казанского ханства (середина XV–XVI вв.), золотоордынского (второй половины XIII – первой трети XV вв.), а также раннеболгарского и домонгольского болгарского слоя (X – начало XIII вв.). Их общая мощность составила от 0,55 до 5,20 м (Ситдииков, Бочаров и др., 2015, с. 16).

Рассматриваемые артефакты (№ 3388/1-18 по описи индивидуальных находок) зафиксированы в процессе работ на 9 секторе раскопа, 15 пласт (отметка -3,28 м от уровня условного ноля), в заполнении сооружения № 476 (рис. 2). Оно относится к VI хронологическому горизонту по стратиграфической шкале Болгарского городища (Хлебникова, 1987, с. 47). Сооружение представляло собой предгорную яму и функционально связано с сооружением № 643 – металлургическим горном подземного (тигельного) типа (рис. 3) (Ситдииков и др., 2019, т. IV, с. 34–35). Сооружение № 476 в плане имеет овальную форму. Его длина составляла 1,68 м, ширина – 0,8 м,

а глубина не превышала 0,75 м. Стенки отвесные, южная – с уступом. На этом уступе и были зафиксированы компактным скоплением детали поясного набора.

При зачистке скопления были обнаружены 17 поясных бляшек и один ременной наконечник. Все они выполнены в близком художественном стиле. Изучаемые находки сгруппированы в отделы исходя из формы, которые в зависимости от особенностей декора разделены на типы.

Наконечник овальной формы сохранился частично. Он представлен единственным экземпляром, не орнаментирован, бортик отогнутый. Верхняя сторона плоская. Нижний край закруглен, верхний имел, по всей видимости, полукруглый (?) вырез (рис. 4: 1).

Бляшки (накладки)

Отдел – I (ОI) Сердцевидные, с каплевидными выступами (рис. 4: 2–7).

Тип – 1) без орнамента, с наличием прямоугольного отверстия со стрельчатым верхом. – 1 экз. (Рис. 4: 2).

Тип – 2) орнамент в виде “наконечника стрелы” (треугольника) в верхней широкой части. Орнамент выполнен путем нанесения образующих острый угол углубленных линий, по форме напоминающих латинскую букву “V” – 5 экз. (рис. 4: 3–7).

Отдел – II (ОII) Подтреугольные, с фестончатым краем (рис. 5).

Тип – 1) без орнамента, с округлой выемкой у основания в широкой части – 11 экз.

Далее проведем сравнительный анализ и поиск аналогий. Как было справедливо отмечено исследователями, детальность прорисовки элементов поясных наборов в публикациях далеко не всегда достаточно подробна, что осложняет поиск морфологически схожих предметов (Ситдииков и др., 2015, с. 25).

Необходимо отметить, что тема изучения средневековых поясных наборов имеет богатую историографию (Мальм,

Рис. 1. Топографический план Болгарского городища с местоположением раскопа СХСХХ.

Fig. 1. Topographic plan of Bolgar fortified settlement indicating the location of excavation CXCIX.

1963; Макарова, Плетнева, 1983; Добжанский, 1990; Измайлов, 1993; Рудковская, 2009). Отдельного упоминания заслуживают следующие труды. Г.А. Федоров-Давыдов на материалах из погребений кочевников X–XIV вв. и связанных с кочевниками поселений разработал классификацию пряжек, блях и наконечников ремней (Федоров-Давыдов, 1996, с. 42–61, 64–65). Древнерусские ременные наборные украшения детально были изучены и систематизированы В.В. Мурашовой (Мурашова, 2000). Для волжских ранеболгарских и болгарских памятников большое значение имеют работы и предложенные в них классификации Е.П. Казакова (Казаков, 1992, с. 157–169; Казаков, 2010, с. 53–61) и Г.Ф. Поляковой² (Полякова, 1996, с. 196–214).

Ближайшая аналогия всем трем типам накладок (ОI.1, ОI.2, ОII.1) происходит из погребения № 46 могильника Челкар (Федоров-Давыдов, 1964, с. 63,

Рис. 2. Предгорновая яма (сооружение 476) и горн (сооружение 643). Вид с С.

Fig. 2. Kiln pit (structure 476) and kiln (structure 643). View from the north.

Рис. 3. Сооружение 643. Вид с Ю.

Fig. 3. Structure 643. View from the south.

рис. 11, № 2). Единственное отличие состоит в дополнительном декоре на внешней поверхности находок из Челкара.

Прямая аналогия бляшкам ОI.2 – тип В-VII-3 по Г.Ф. Поляковой – была обнаружена на Болгарском городище (Полякова, 1996, с. 202, рис. 67, № 21) и датирована – IX–XI вв. (там же, с. 210). Идентичная накладка происходит из мордовских памятников (Кзаков, 2007, с. 175, рис. 55, № 24).

Близкая по форме к ОI.2 широкая сердцевидная бляшка зафиксирована в Шешковском археологическом комплексе (Зайцева, 2015, с. 194, рис. 6, № 2). Как и в случае с деталями поясного набора из Болгарского городища, (рис. 6: 1А–4А), ее поверхность была покрыта лужением. Весьма схожие бляшки найдены в погребении № 18 могильника Нижняя Стрелка (Никитина, 2012, с. 296, рис. 163, № 6). В захоронении была обнаружена подвеска, изготовленная из монеты 980/981 гг. чекана (там же, с. 67). Близкие по форме накладки выявлены на Пановском могильнике (Алихова, 1969, с. 83, табл. 4, рис. № 5) и др. Во всех перечисленных случаях орнамент в виде “наконечника стрелы” в верхней широкой части отсутствует.

Сердцевидные бляшки с выступами, зафиксированные в могильнике Уелги,

в том числе использовались для украшения конской узды (Боталов, 2018, с. 20, рис. 1, № 1; с. 33, рис. 14, № 1). То, что бляхи, схожие по типу с поясными, могли применяться для декора ремennых деталей сбруи, отмечал Г.А. Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов, 1966, с. 62).

Широкий ареал распространения и времени бытования сердцевидных блях был отмечен и Г.Ф. Поляковой (Полякова, 1996, с. 210). И.Е. Зайцева относит подобные накладки к позднехазарскому кругу древностей и уточняет, что они могли производиться в различных ремесленных центрах (Зайцева, 2015, с. 193–194). Находки поясных сердцевидных накладок в мордовских памятниках 2-й половины X – 1-й половины XI вв. Е.П. Кзаков связывает с болгарским влиянием (Кзаков, 2007, с. 81).

Накладкам ОI.1 близки некоторые виды т. н. “зооморфных бляшек” из Питерского (Степаново Плотбище) могильника (Данич, 2013, с. 186, рис. 1, № 42, 44) и, возможно, накладок из I Семеновского селища (Кзаков, 1992, с. 305, рис. 102, №№ 51 и 69). Отличие данных экземпляров от публикуемых в настоящей статье деталей поясного набора заключалось в отсутствии орнамента на болгарских артефактах. Ввиду плохой сохранности наконечнику ремня сложно подобрать аналоги.

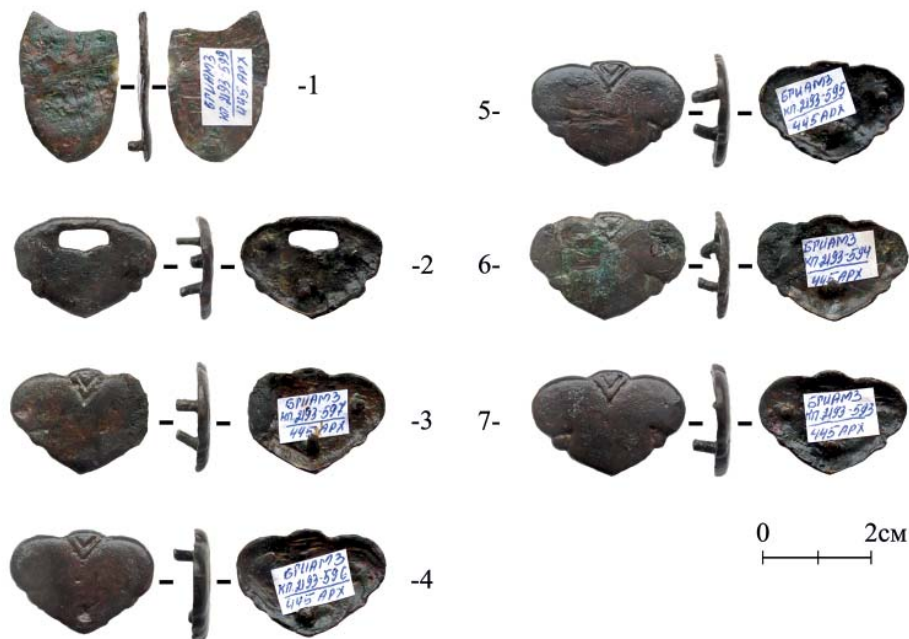

Рис. 4. Ременной наконечник и бляшки сердцевидного типа с каплевидными выступами.

Fig. 4. Belt tip and heart-shaped plaques with teardrop cusps.

Попытаемся установить функциональное назначение деталей поясного набора. Бляшка типа ОI.1 использовалась для подвешивания дополнительного ремешка. Накладки типа ОI.2, вероятно, не имели утилитарного назначения и являлись декоративным элементом. Бляшки с округлой выемкой у основания (ОI.1), на наш взгляд, в функциональном смысле могли использоваться в качестве предохранителей ременных отверстий (в качестве использования подобных более ранних накладок-предохранителей см. Тотев, Пелевина, 2005, с. 90, 100). Они способствовали сохранению ременной основы и препятствовали повреждению отверстий, в которые входил язычок пряжки (фиксатор). Наконечник ремня, судя по его пропорциям (2,7×1,8 см), украшал подвесной ремешок.

До проведения металлографического исследования приведем некоторые наблюдения, выявленные в процессе визуального осмотра поверхности находок. Все они были изготовлены из

сплавов на основе меди, поверхность покрыта лужением. Следы покрытия сохранились очень фрагментарно, но прослеживаются на всех деталях поясного набора (см., например, рис. 6: 1А–4А). На внешней поверхности некоторых изделий присутствуют пустоты (рис. 6: 1Б, 2Б, 5Б).

Все накладки были литые и крепились к ремню с помощью шпеньков (по три на каждой бляшке). В отдельных случаях шпеньки сохранились на длину до 4,2–4,5 мм, концы некоторых из них были загнуты и расплющены, это может свидетельствовать о том, что они находились в употреблении.

На тыльной стороне подтреугольных бляшек с фестончатым краем и их сопоставлении видно, что шпеньки на бляшках расположены немного на разном расстоянии (например, см. рис. 5: 3, 7, 9, 11). В ряде случаев у оснований шпеньков наблюдаются небольшие выпуклости (следы сварочных швов?) (рис. 6: 7В–8В). На двух отчетливо видны округлые выемки (рис. 6:

Рис. 5. Накладки подтреугольной формы с фестончатым краем.

Fig. 5. Sub-triangular shaped overlays with a scalloped edge.

9Г–10Г). Указанные особенности позволяют выдвинуть предположение, что шпеньки прикреплялись к каждой бляшке индивидуально.

В заключение отметим следующее. Публикуемые детали поясного набо-

ра, исходя из приведенных аналогий, имели широкие временные рамки бытования – IX–XI вв. Судя по стратиграфической ситуации, археологический контекст находки относится к VI слою по хронологической шкале Болгарского

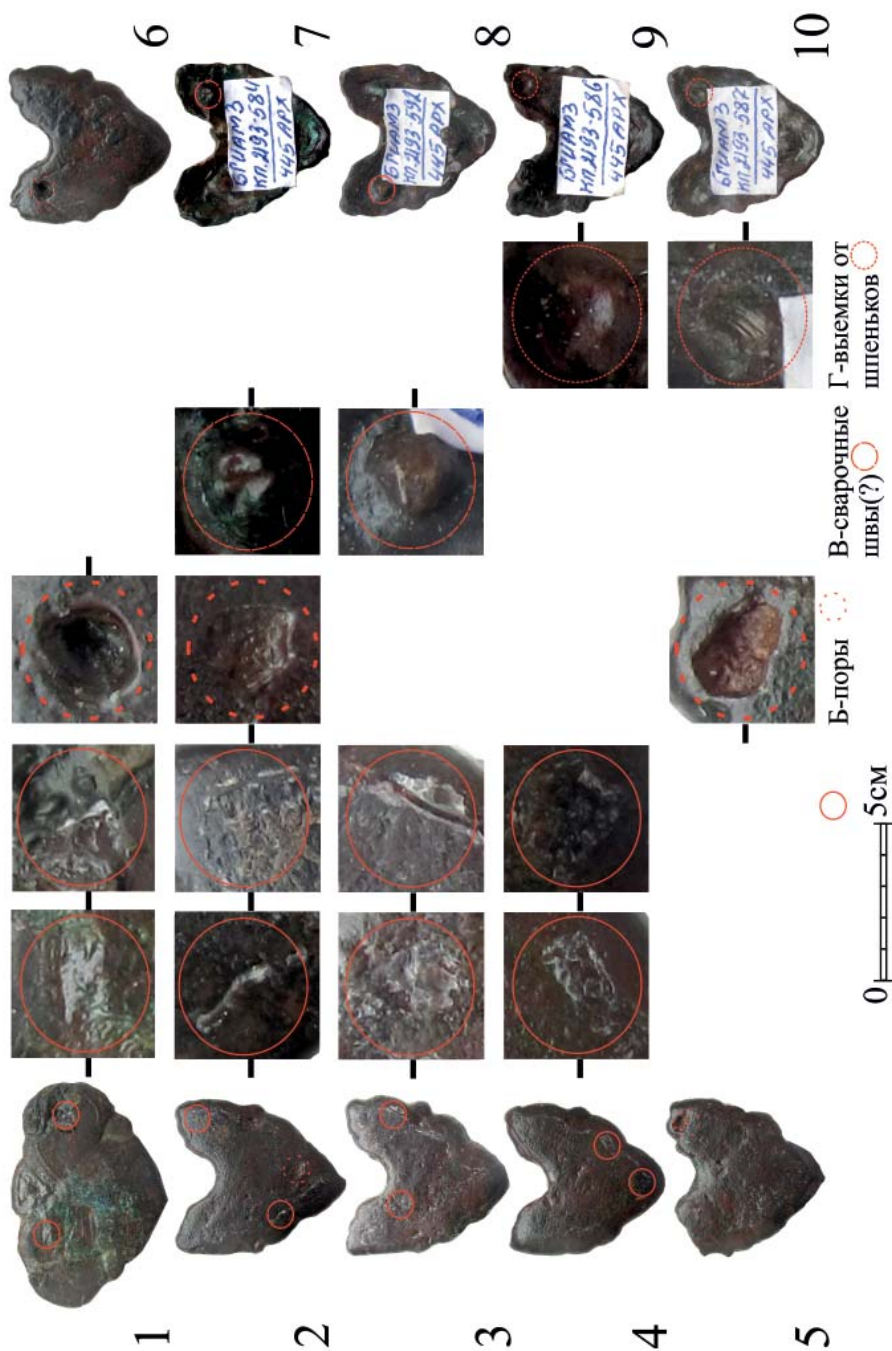

Рис. 6. Следы технологических операций на поверхности изделий. На снимках участков поверхности изделий (А–Г) изображение увеличено в 5 раз.
 Fig. 6. Traces of process operations on the surface of the items. The photographs of the surface areas of the items (A–D) have a 5-fold image magnification.

городища (рубеж IX–X и часть XI в.). И.Л. Измайлов полагает, что в X–XI вв. пояса с металлическими накладками служили важным отличительным признаком болгарской военной знати (Измайлов, 1993, с. 51). Археологический контекст находки (компактное расположение артефактов на полке предгорной ямы в непосредственной близости от горна) свидетельствует о существовании на данном участке в домонгольский период металлургического производственного комплекса. Однако факт

отсутствия в поясном наборе ременной пряжки исключает предположение о том, что пояс был утерян или “забыт”. Кроме того, никаких следов тлена органического происхождения выявлено не было. Учитывая степень сохранности бляшек (у 14 из 17 экз. отсутствует один или два шпенька), возникает вопрос – какие технологические операции планировалось произвести с накладками (переплавка? изготовление дополнительных? ремонт?).

Примечания:

¹ Выражаю искреннюю благодарность начальнику Болгарской археологической экспедиции, члену-корреспонденту АН РТ, д.и.н. А.Г. Ситдикову за любезное разрешение опубликовать данные находки.

² В данной статье мы используем классификацию Г.Ф. Поляковой (см. Полякова, 1996, с. 167).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алихова А.Е.* Альбом вещевого материала и рисунки погребений // Материальная культура среднепещинской мордвы VIII–XI вв. / Ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1969. С. 79–175 с.
2. *Боталов С.Г.* Урало-Алтайское единство в материалах погребального комплекса Уелги // АЕС. 2018. № 6. С. 13–34.
3. *Данич А.В.* Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника // Поволжская археология. 2013. № 1. С. 181–196.
4. *Зайцева И.Е.* Детали поясной гарнитуры из Шекшова в Суздальском Ополе // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. М.; Вологда: ИА РАН; Древности Севера, 2015. С. 184–198.
5. *Измайлов И.Л.* Наборные пояса как элемент дружинной культуры волжских болгар VIII–XIII вв. (к постановке проблемы) // Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи / Под ред. А.Х. Халикова, Г.Ф. Валиевой-Сулеймановой. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1993. С. 47–54.
6. *Казаков Е.П.* *Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории)*. М.: Наука, 1992. 335 с.
7. *Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.
8. *Казаков Е.П.* Поясные накладки волжских болгар из Танкеевского могильника и Измерского селища // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 53–57.
9. *Макарова Т.И., Плетнева С.А.* Пояс знатного воина из Саркела // СА. 1983. № 2. С. 62–77.
10. *Мальм В.А.* Поясные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимиревского, Михайловского и Петровского могильников / Ред. А.П. Смирнов. М.: ГИМ, Ярославский музей-заповедник, 1963. С. 64–71.
11. *Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: Отечество, 2012. 408 с.
12. *Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 154–268.
13. *Рудковская М.М.* Семантика поясов и поясных наборов: историографическая традиция изучения // Вестник РУДН. Серия: История России. М., 2009. № 5. С. 225–231.
14. *Ситдиков А.Г., Бочаров С.Г., Губайдуллин А.М., Зоря Р.С.* Отчет об археологических раскопках на территории Болгарского городища (раскоп СХСIX) в Спасском районе Республики

Татарстан в 2016 г. (в 21 томе). Т. IV. С. 34–35, С. 199–201 / НФ МА РТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ.

15. Ситдиков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Куликов А.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В. Раскоп СХСІХ // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свяжск / Авт.-сост. А.Г. Ситдиков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: Казанская недвижимость, 2015. С. 16–18.

16. Ситдиков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В., Данильченко А.И. Раскоп СХСІХ // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свяжск / Авт.-сост. А.Г. Ситдиков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: Казанская недвижимость, 2016. С. 13–15.

17. Ситдиков А.Г., Никитина Т.Б., Казаков Е.П. Поясные накладки по материалам марийского Русенихинского могильника X–XI вв. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3. С. 26–29.

18. Тотев Б., Пелевина О. Новые данные о раннесредневековых поясах дунайских болгар // Античная древность и средние века. 2005. Вып. 36. С. 85–103.

19. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Информация об авторе:

Зоря Роман Станиславович, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); romanzorya@bk.ru

BELT SET DETAILS FROM EXCAVATION CXCIX AT THE BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT

R.S. Zorya

A belt cap and 17 belt set overlays crafted from non-ferrous metal (copper alloy) are introduced into scientific discourse by the in author of the paper. These findings are elements of a composite belt with a hanging strap. They were discovered during archaeological activities in the 9th sector of excavation CXCIX at Bolgar fortified settlement in the filling material of building No. 476. The plaques were made of copper alloys in a similar artistic style, and the surface was decorated with tin plating. The findings were grouped into two sections (OI and OII) based to the shape of the items. Depending on the features of the decor, section – I is subdivided into two types. The author suggests that the plaques with a round notch at the base had a practical purpose – they served as guards for belt openings. The archaeological context of the discovery indicates the existence of a metallurgical production complex at the site, belonging to the 6th layer on the chronological scale of Bolgar fortified settlement.

Keywords: archaeology, Bolgar fortified settlement, excavation CXCIX, Volga Bulgaria, composite belt, heart-shaped overlays with teardrop protrusions, scalloped lining with a notch at the base, belt cap.

REFERENCES

1. Alikhova, A. E. 1969. *Material'naiia kul'tura Sredne-Tsninskoi mordvy VIII–XI vv. (Material Culture of the Mordva People on the Middle Tsna River in 8th–10th Centuries)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
2. Botalov, S. G. 2018. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6. 13–34 (in Russian).
3. Danich, A. V. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 181–196 (in Russian).
4. Zaitseva, I. E. 2015. In Gaidukov, P. G. (ed.). *Goroda i vesi srednevekovoi Rusi: arkheologiiia, istoriia, kul'tura (Towns and Villages of Medieval Russia: Archaeology, History, Culture)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 184–198 (in Russian).
5. Izmailov, I. L. 1993. In Khalikov, A. Kh., Valieva-Suleimanova, G. F. (eds.). *Kul'tura, iskusstvo tatarskogo naroda: istoki, traditsii, vzaimosviazi (Culture and Art of the Tatar People: Origins, Traditions, Interrelations)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 47–54 (in Russian).

6. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic and Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugray i finny v IX–XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th – 14th Centuries: Issues of Interaction)*. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
8. Kazakov, E. P. 2010. In Makarov, N. A., Koval', V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: Novye arkhеologicheskie issledovaniia (Rus' and Orient in 9th – 16th Centuries: Recent Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Nauka" Publ., 53–57 (in Russian).
9. Makarova, T. I., Pletneva, S. A. 1983. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 62–77 (in Russian).
10. Mal'm, V. A. 1963. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iaroslavskoe Povolzh'e X–XI vv. Po materialam Timerevskogo, Mikhailovskogo i Petrovskogo mogil'nikov (Yaroslavl Volga Region in 10th–11th Centuries. By Materials of Timerevo, Mikhailovskoye and Petrovskoye Burial Grounds)*. Moscow: State Historical Museum; Yaroslavl Museum-Reserve, 64–71 (in Russian).
11. Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Burial Sites of the 9th – 11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).
12. Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 154–268 (in Russian).
13. Rudkovskaia, M. M. 2009. In *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriia Rossii (RUDN Journal of Russian History)* 5. 225–231 (in Russian).
14. Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G., Gubaidullin, A. M., Zorya, R. S. 2016. *Otchet ob arkhеologicheskikh raskopkakh na territorii Bolgarskogo gorodishcha (raskop CXCIX) v Spasskom raione Respubliki Tatarstan v 2016 g. (v 21 tome). T. IV. (Report on archaeological excavation on the territory of Bolgar fortified settlement (excavation CXCIX) in Spassky Distric of Tatarstan Republic in 2016)*. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences, 34–35, 199–201 (in Russian).
15. Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G., Masyuta, D. A., Iozhitsa, D.V., Kulikov, A.V., Lesnaya E.S., Yavorskaya, L. V. 2015. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2014 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2014: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" 16–18 (in Russian).
16. Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G., Masyuta, D. A., Iozhitsa, D.V., Lesnaya E.S., Yavorskaya, L. V., Danilchenko, A. I. 2016. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2015 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2015: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ., 13–15 (in Russian).
17. Sitdikov, A. G., Nikitina, T. B., Kazakov, E. P. 2015. In *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv (Bulletin of the Kazan State University for Culture and Arts)* (3). 26–29 (in Russian).
18. Totev, B., Pelevina, O. 2005. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 36. 85–103 (in Russian).
19. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

About the Author:

Zorya Roman S. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; romanzorya@bk.ru

Статья принята в номер 01.03.2020 г.

УДК 902.01 904

<https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.228.237>

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕБОЛГАРСКОЙ КЕРАМИКИ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД

© 2020 г. А.А. Куклина

Многолетняя история исследования общеболгарской керамики привела к необходимости разделения ее на подгруппы в соответствии с определенными визуально фиксируемыми признаками: технология конструирования, цвет и относительная пластичность глины, наличие примесей в тесте, степень обжига. На материале из раскопок Болгарского городища было выделено более десятка подгрупп керамики общеболгарской группы. Особый интерес представляет керамический материал из слоев VI (конец X – первая половина XI вв.) и V (вторая половина XI – начало XIII вв.) по общей стратиграфии Болгарского городища, поскольку он отражает развитие гончарного дела на данной территории с начала становления государства Волжская Болгария. Примечателен тот факт, что в ранних слоях довольно большую часть всей керамики I группы составляют подгруппы с признаками вытягивания полого тела на круге. В материалах VI слоя количественно выделяются 3 подгруппы, в слое V – 6 подгрупп. Разнообразие подгрупп отражает различные подходы болгарских гончаров-ремесленников к отбору и подготовке глиняного сырья, способам конструирования сосудов, обработке поверхности изделий и режимам обжига. Небольшой процент всей общеболгарской керамики составляют фрагменты посуды с признаком обжига в восстановительной среде. Автор предполагает, что это была керамика домашнего производства, не рассчитанная на рыночный сбыт.

Ключевые слова: археология, Болгарское городище, гончарство, обжиг, историко-культурный подход, домонгольский период.

Общеболгарская керамика, или керамика I этнокультурной группы, является одной из самых массовых категорий находок на Болгарском городище и на многих других памятниках Поволжья. Традиционно она рассматривается как единое целое, в рамках этнокультурного подхода (Хлебникова, 1984). Этот подход во многом дополнили исследования Н.А. Кокориной. При более пристальном рассмотрении становится ясно, что эта группа керамики неоднородна. Историко-культурный подход, разработанный А.А. Бобринским (Бобринский, 1978), является универсальным для поэтапного и детального изучения гончарства. В отношении керамики Волжской Болгарии такой подход применялся И.Н. Васильевой. Ею была проведена огромная работа по технико-технологическому анализу этнокультурных групп керамики с памятников Волжской Болгарии, в частности, была высказана мысль о культурной неоднородности гончаров (Васильева, 1993, с. 57). Эта

неоднородность хорошо отражена в керамической продукции Болгара. Существовала масса вариаций практически на всех этапах изготовления сосудов, начиная от отбора сырья и заканчивая обжигом. Часть их доступна для изучения по археологическим данным.

Для систематического изучения общеболгарской керамики была разработана новая типология, подразумевающая выделение подгрупп на основании таких визуально фиксируемых признаков, как: способ конструирования сосуда, цвет глины, ее относительная пластичность, наличие примесей, степень обжига. Впервые эта типология была успешно применена при исследовании керамики из горнов на раскопе ССХVI (Куклина, 2018). В настоящей статье представлены результаты изучения общеболгарской керамики из домонгольских слоев Болгарского городища (слои VI и V) с помощью данной типологии. В качестве источников материала выбраны раскопы, где напластована

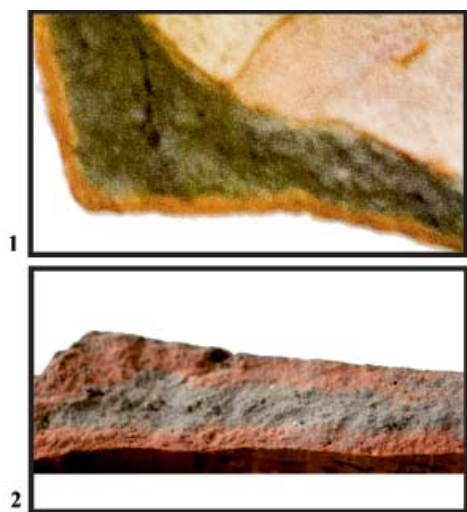

Рис. 1 Излом черепка общеболгарской керамики подгруппы 2т (Болгарское городище, р. CLXXIX). 1 – тип А, 2 – тип Б.

Fig. 1. Fragment of a common Bolgar ceramic shard of subgroup 2t (Bolgar fortified settlement, ex. CLXXIX). 1 – type A, 2 – type B.

ния этого времени богаты материалом: № CLXXIX (Бадеев, Коваль, 2016), СХСII (Бадеев, Коваль, 2019), СХСIX (Ситдииков, Бочаров и др., 2016).

VI слой. Из этого слоя отобрано и изучено 50 фрагментов общеболгарской керамики.

Подгруппа 2т. 13 фрагментов. Сосуды этой группы изготовлены из среднепластичной глины, без видимых примесей, с помощью вытягивания на круге (хорошо видны «волны»). Излом черепка демонстрирует трехслойную окраску, что свидетельствует о неполном обжиге в окислительной среде (Сайко, 1977, с. 56). Толщина серой прослойки варьируется: от почти всей занимаемой толщины, иногда включая в себя и внутреннюю поверхность (далее – тип обжига «А»), до $\frac{1}{2}$ – $\frac{3}{4}$ толщины черепка (далее – тип обжига «Б»). Необходимость выделения этих типов обусловлена тем фактом, что толщина и границы прослоек в черепке являются важным показателем условий обжига (Глушков, 1996, с. 81). Соответственно, тип А (рис. 1: 1) демонстрирует результат короткого обжига и быстрого остывания, тип Б (рис. 1: 2) – более продолжительный обжиг и быстрое остывание (Цетлин, 2012, с. 261).

Определено 3 фрагмента горшков. Один с типом «А», два с типом обжига

«Б». Оба последних фрагмента – с лощением, нанесенным на подсушенную основу (Бобринский, 1978, с. 223): вертикальное тонкое частое и горизонтальное тонкое частое.

1 фрагмент кувшина с типом обжига «А» и 1 фрагмент кружки с обжигом «Б» и вертикальным тонким частым лощением на подсушенной основе (рис. 2: 1).

Остальные фрагменты (8 шт.) не являются профильными. Из них половина с обжигом «А», половина с обжигом «Б». Вертикальное тонкое лощение по подсушенной основе на 3 из них. Один фрагмент с гребенчатым линейным орнаментом.

Подгруппа 1л. 16 фрагментов. Керамика этой подгруппы изготовлена из низкопластичной глины с пылевидным песком и заметными включениями бурого железняка. Изготовлена в технике ленточного налепа с последующим частичным профилированием на круге. Имеет хорошо заглаженную внутреннюю поверхность. Обжиг сплошной. В выборке 4 фрагмента узкогорлых кувшинов с яйцевидным туловом, с вертикальным тонким лощением по подсушенной поверхности. Один фрагмент с гребенчатым линейным орнаментом. Кроме кувшинов определено 2 фрагмента кружек: один с вертикальным тонким лощением по подсушенной поверхности; 1 фрагмент чашевидного сосуда с горизонтальным тонким лощением по подсушенной поверхности и гребенчатым линейным орнаментом, 1 фрагмент горшка с гребенчатым линейным орнаментом и вертикальным тонким лощением на подсушенной основе. Остальные 8 фрагментов непрофильные, из них 4 с вертикальным

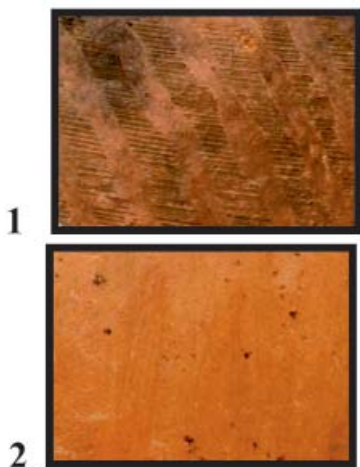

Рис. 2. Лощение на общеболгарской керамике (Болгарское городище, р. СХСII).

1 – по подсушенной поверхности; 2 – по сухой (смоченной) поверхности.

Fig. 2. Glazing on common Bolgar ceramics (Bolgar fortified settlement, b. СХСII).

1 – dried surface; 2 – dry (moistened) surface.

тонким лощением, 1 с широким, 1 с зигзагообразным лощением по подсушенной основе.

Подгруппа 2л. 10 фрагментов. Керамика этой подгруппы изготовлена из низкопластичной глины с примесью мелкого и среднезернистого песка. Изготовлена в технике ленточного налепа с последующим заглаживанием на круге. Имеет рыхловатую внутреннюю поверхность. Обжиг горшковой. В выборке 5 фрагментов горшков. Представлены типы 1, 4 и 5 по классификации Н.А. Кокориной (Кокорина, 2002, с. 52). 1 фрагмент мискообразного сосуда с частым лощением по подсушенной основе с обеих сторон: с внешней – сочетание горизонтального и диагонального тонкого, с внутренней вертикальное тонкое лощение. 4 фрагмента неопределенных форм, из них 3 с вертикальным тонким лощением по подсушенной основе.

Подгруппа 3л. 2 фрагмента. Керамика этой подгруппы изготовлена из среднепластичной глины, без видимых примесей, в технике ленточного налепа. Не видно следов обработки на круге, возможно, он использовался как поворотный столик. Внутренняя поверхность почти не заглажена. Цвет черепка коричневатый. Обжиг сплошной. В выборке 1 фрагмент корчаги с вертикальным тонким редким лощением по подсушенной основе и 1 фрагмент горшка типа 4.

Подгруппа 4л. 2 фрагмента. Керамика из среднепластичной глины с примесью мелкого песка, изготовлена в технике ленточного налепа с последующим заглаживанием на круге. Обжиг неполный: в изломе черепка видна светло-бурая прослойка с размытыми границами, составляющая до $\frac{1}{2}$ толщины черепка. В выборке 1 фрагмент блюда типа 1 (Кокорина, 2002, с. 69) с горизонтальным тонким частым лощением по подсушенной основе. Еще 1 фрагмент не определен.

Подгруппа 5л. 4 фрагмента. Керамика этой подгруппы изготовлена из среднепластичной глины без видимых примесей в технике ленточного налепа с частичной профилировкой и последующим заглаживанием на круге. Обжиг неполный: в изломе видна серая прослойка («стального» цвета), составляющая не менее $\frac{1}{2}$ толщины черепка. Есть сходство с подгруппой 2л, но окраска черепка более темная. В выборке 3 фрагмента корчаг, два из них с лощением по подсушенной основе: вертикальное тонкое и почти сплошное.

Подгруппа 7л. 1 фрагмент. Изготовлен из низкопластичной глины светлого или коричневого цвета с примесью мелкого круглого песка, в технике ленточного налепа с последующим заглаживанием на круге. В изломе черепка имеет тонкую темно-серую, почти черную, прослойку.

Керамика с восстановительным обжигом представлена 1 фрагментом чашевидного сосуда из низкопластичной глины с включениями бурого железняка.

V слой. 688 фрагментов.

Подгруппа 1т. 53 фрагмента. Керамика этой подгруппы изготовлена из

Рис. 3. Днища сосудов общеболгарской керамики (Болгарское городище, р.СХСІХ).
1 – с бортиком; 2 – без бортика.

Fig. 3. Bottoms of common Bolgar ceramic vessels (Bolgar fortified settlement, ex. СХСІХ).
1 – with a rim; 2 – without a rim.

низкопластичной глины без примесей, с редкими мелкими включениями бурого железняка с помощью вытягивания на круге.

Кувшины – 16 фрагментов. Преимущественно с вертикальным частым лощением по подсушенной основе. Линейный орнамент на 1 фрагменте, еще на 1 в виде одинарной волны.

Горшки – 11 фрагментов. Из них к горшкам типа 4 по Н.А. Кокориной принадлежит 3 фрагмента, к типу 5 – 1 фрагмент, к типу 6 – 1 фрагмент. Лощение преимущественно вертикальное тонкое по подсушенной основе. 1 фрагмент с лощением по сухой основе (рис. 2). На 5 фрагментах отмечен орнамент: гребенчатый линейный на 3 фрагментах, линейный на 1 фрагменте, сочетание линейного и отпечатков 6-зубого штампа с треугольным сечением зубцов на 1 фрагменте.

Кружки – 6 фрагментов. Лощение по подсушенной основе на 2 фрагментах горизонтальное, еще на 2 – вертикальное частое. Орнамент на 2 фрагментах в виде 5-зубого штампа с подквадратным сечением зубцов.

Корчага – 1 фрагмент типа 1 (Кокорина, 2002, с. 57) с лощением по подсушенной основе в виде горизонтальных и вертикальных тонких линий.

В выборке также 1 фрагмент чаши (с горизонтальным лощением по под-

сушенной основе), 1 фрагмент копилки и 2 фрагмента кринок (с гребенчатым линейным орнаментом).

Остальные фрагменты в количестве 20 не определены. На одном из них лощение, нанесенное по сухой основе, на 11 – по подсушенной основе, преимущественно вертикальное частое.

Подгруппа 2m. 143 фрагмента.

Горшки – 39 фрагментов. К типу обжига «А» относится 5 из них, остальные к типу «Б». 7 фрагментов принадлежат горшкам типа 4, 2 фрагмента – к типу 1 по Н.А. Кокориной. Почти половина (19 фр.) с почти сплошным лощением по подсушенной основе, 1 фрагмент с лощением, нанесенным на сухую основу. Орнамент гребенчатый линейный. На 10 из 13 донцов присутствует бортик (рис. 3: 1).

Кувшины – 19 фрагментов. К типу обжига «А» относится 2 из них, остальные к типу «Б». 10 фрагментов с лощением по подсушенной основе, преимущественно вертикальное частое. 1 фрагмент с признаками вертикального заглаживания по влажной поверхности. На 3 из 5 донцов присутствует бортик.

Кружки – 8 фрагментов, все относятся к типу обжига «А». На 3 фрагментах лощение вертикальное тонкое, на 1 горизонтальное широкое – все по подсушенной основе. Миски – 5 фрагментов. К типу обжига «А» относится 1 из них, остальные к типу «Б». 2 фрагмента принадлежат мискам типа 1, 1 фрагмент – миске типа 5 (Кокорина, 2002, с. 68). Лощение по подсушенной поверхности отмечено на одном фрагменте, с обеих сторон горизонтальное. Гребенчатый линейный орнамент на 3 фрагментах.

Корчаги – 4 фрагмента, все относятся к типу обжига «Б». 1 фрагмент при-

Рис. 4. Гребенчатый штамп на общеполгарской керамике (Болгарское городище, р. СХСІХ). 1 – без протягивания; 2 – с протягиванием.

Fig. 4. Comb stamp on common Bolgar ceramics (Bolgar fortified settlement, ex. СХСІХ). 1 – without pulling; 2 – with pulling.

надлежит корчаге типа 1 по Н.А. Кокориной. На одном фрагменте лощение по подсушенной основе горизонтальное тонкое частое, еще на одном такое же по сухой основе.

Кринки – 3 фрагмента, все относятся к типу обжига «Б». На 2 фрагментах зигзагообразное лощение по подсушенной основе.

Неопределенные фрагменты – 68 штук, из них 11 относятся к типу обжига «А», остальные к типу «Б». 37 фрагментов с лощением по подсушенной основе, преимущественно в виде вертикальных частых линий. 1 фрагмент с вертикальным лощением по сухой основе. Орнамент на 1 фрагменте в виде сочетания гребенчатого линейного и отпечатков 4-зубого с подквадратным сечением штампа, еще на одном в виде протягивания 5-зубого штампа такого же сечения (рис. 4: 2), на двух фрагментах – линейный орнамент. На 2 из 5 донцев присутствует бортик.

Подгруппа 4т. 3 фрагмента. Керамика этой подгруппы изготовлена из среднепластичной глины с добавлением концентрата (комочков подсушенной глины) в технике вытягивания на круге. Черепок тонкий, в изломе коричнево-красный, сплошного обжига. В выборке 1 фрагмент горшка типа 4 по Н.А. Кокориной, 1 фрагмент кувшина и 1 фрагмент кринки.

Подгруппа 5т. 12 фрагментов. Керамика этой подгруппы изготовлена из низкопластичной глины с примесью мелкого песка с помощью вытягивания

на круге. Черепок довольно тонкий, излом коричневого цвета с оранжевой (или с оранжевой и серой) прослойкой. В выборке 6 фрагментов горшков (3 принадлежат к типу 4 по Н.А. Кокориной), орнамент на 1 фрагменте в виде волны; 1 фрагмент чашки и 5 неопределенных фрагментов.

Подгруппа 1л. 253 фрагментов. Кувшины – 51 фрагмент, преимущественно узкогорлые. Лощение по подсушенной основе на 36 фрагментах, в основном вертикальное очень частое, почти сплошное. Лощение по сухой основе на 3 фрагментах. Орнамент на 4 фрагментах: кроме гребенчатого линейного отмечен «ногтевой» и резные вертикальные линии. На 7 из 12 донцев есть бортик.

Горшки – 48 фрагментов. Из них 13 относятся к горшкам типа 4, 3 фрагмента к типу 1, 2 – к типу 3, 1 – к типу 5 по Н.А. Кокориной. Лощение по подсушенной основе на 20 фрагментах: преобладает вертикальное частое, горизонтальное встречается реже. Лощение по сухой основе на 1 фрагменте (горизонтальное частое). На 1 фрагменте отмечено вертикальное заглаживание по влажной поверхности. Орнамент в основном гребенчатый линейный. На 6 донцах из 12 присутствует бортик.

Кружки – 15 фрагментов. Лощение по подсушенной основе на 8 фрагментах, вертикальное и зигзагообразное. Лощение по сухой основе на 1 фрагменте, горизонтальное редкое. Орнамент на 2 фрагментах: протягивание 4-зубого штампа с подквадратным сечением и сочетание отпечатков 2-зубого штампа с подквадратным сечением с линейным орнаментом и резными диагональными

ми линиями. Бортик присутствует на 4 донцах из 5.

Корчаги – 15 фрагментов. Два фрагмента относятся к корчагам типа 1, еще два – к типу 3 по Н.А. Кокориной. Лощение по подсушенной основе на 5 фрагментах, в основном вертикальное тонкое и зигзагообразное. Один фрагмент со следами вертикального заглаживания по влажной поверхности. Орнамент в виде двух рядов отпечатков 8-зубого штампа с подквадратным сечением, образующих «ёлочку», – на 1 фрагменте.

Кринки – 10 фрагментов. Лощение по подсушенной основе на 6 из них: горизонтальное тонкое и зигзагообразное. На одном фрагменте вертикальное тонкое лощение по сухой основе. На двух фрагментах орнамент в виде сочетания гребенчатого линейного и протягивания гребенчатого штампа с подквадратным сечением.

Чаши – 11 фрагментов. К типу 1 относятся 2 фрагмента, к типу 3 – 1 фрагмент (Кокорина, 2002, с. 69). Лощение по подсушенной основе на 7 фрагментах, горизонтальное частое. Лощение по сухой основе на 1 фрагменте, горизонтальное редкое. Из двух донцев 1 с бортиком.

Миски – 4 фрагмента. Один из них принадлежит миске типа 2 по Н.А. Кокориной. Лощение по подсушенной основе на 2 фрагментах горизонтальное почти сплошное, на 1 зигзагообразное и вертикальное.

Помимо вышеперечисленных форм, в выборке 4 фрагмента труб, 2 фрагмента туваков и 1 фрагмент крышки.

Неопределенных фрагментов 136 шт. Лощение по подсушенной основе на 56 из них, в основном вертикальное и горизонтальное частое. Лощение по сухой основе на 4 фрагментах. Орнамент в основном линейный и гребенчатый линейный, на 1 фрагменте отпечатки 3-зубого штампа с подквадратным сечением. Из 13 донцев 10 с бортиком.

Подгруппа 2л. 105 фрагментов. Кувшины – 29 фрагментов. Лощение по

подсушенной основе на 24 фрагментах, в основном вертикальное частое почти сплошное. Лощение по сухой основе на 3 фрагментах. Из 5 донцев 4 с бортиком.

Горшки – 15 фрагментов. К типу 1 по Н.А. Кокориной относятся 3 фрагмента, к типу 4 – 1 фрагмент. Лощение по подсушенной основе на 10 фрагментах, преимущественно вертикальное частое. Орнамент на 1 фрагменте в виде отпечатков 6-зубого штампа с треугольным сечением. Из 4 донцев 2 с бортиком.

Кружки – 4 фрагмента, 2 из них с почти сплошным лощением по подсушенной основе. Кринки – 2 фрагмента, с вертикальным частым лощением по подсушенной основе, орнамент на 1 фрагменте в виде сочетания линейного и протягивания 5-зубого штампа с подквадратным сечением. Корчаги – 3 фрагмента, почти сплошное лощение по подсушенной основе на одном из них. Миски – 3 фрагмента, все с горизонтальным лощением по подсушенной основе, чаши – 1 фрагмент, относящийся к типу 1 по Н.А. Кокориной, плоски – 1 фрагмент с лощением по подсушенной основе.

Неопределенных фрагментов 47 штук. Лощение по подсушенной основе на 20 из них, в основном вертикальное частое. Такое же лощение по сухой основе на двух фрагментах. Из 9 донцев 4 с бортиком.

Подгруппа 3л. 11 фрагментов. Корчаги – 4 фрагмента, кувшины (тарные) – 3 фрагмента, кружки – 1 фрагмент, банковидный сосуд с узким дном (тувак?) – 1 фрагмент, неопределенные сосуды – 2 фрагмента. Везде вертикальное лощение по подсушенной основе.

Подгруппа 4л. 50 фрагментов. Горшки – 12 фрагментов, из них 3 принадлежат горшкам типа 4, 1 – типа 2 по Н.А. Кокориной. Лощение по подсушенной основе на 8 фрагментах, разнообразное. Кувшины – 6 фрагментов. Вертикальное частое лощение по подсушенной основе на 3 фрагментах. Лощение по сухой основе на 1 фраг-

менте, горизонтальное частое. Корчаги – 5 фрагментов, из них один относится к типу 1, еще один – к типу 3 по Н.А. Кокориной. Кружки – 2 фрагмента, кринки – 1 фрагмент, тувак – 1 фрагмент. Миски – 3 фрагмента (тип 4 по Н.А. Кокориной – 1 фр.) с горизонтальным и зигзагообразным лощением по подсушенной основе. Чаши – 1 фрагмент типа 1 по Н.А. Кокориной. Неопределенные сосуды – 20 фрагментов. Лощение по подсушенной основе на 13 из них, больше всего с вертикальным частым. Два донца с бортиком.

Подгруппа 5л. 52 фрагмента. Кувшины – 9 фрагментов. Лощение по подсушенной основе на 7 из них, вертикальное, горизонтальное и зигзагообразное. Лощение по сухой основе на 1 фрагменте. 4 донца без бортика. Корчаги – 9 фрагментов, один относится к типу 1, еще один – к типу 3 по Н.А. Кокориной. На придонных частях есть следы обтачивания ножом; на одном фрагменте видны следы хаотичного замазывания глиной. Два донца без бортика. Горшки – 9 фрагментов, один из них относится к типу 1, еще один – к типу 4 по Н.А. Кокориной. Блюдообразные сосуды: блюдо – 1 фрагмент, чаша – 1 фрагмент, чашка – 1 фрагмент. Неопределенные сосуды – 22 фрагмента. Лощение по подсушенной основе на 9 из них, есть крестообразное (в виде «X»), горизонтальное, диагональное, но чаще отмечено вертикальное. Из 4 донцев 3 с бортиком.

Подгруппа 6л. 2 фрагмента: одна корчага и один неопределенный сосуд.

Подгруппа 7л. 4 фрагмента. Горшки – 2 фрагмента, один относится к типу 4 по Н.А. Кокориной. Остальные фрагменты не определены, с почти сплошным лощением по подсушенной основе.

Керамика с восстановительным обжигом. 30 фрагментов. Выделяются два вида: 1 – с темно-серой (черной) поверхностью и таким же черепком (рис. 5: 1), 2 – со светло-бурой или коричневатой поверхностью и темно-се-

рым (черным) черепком (рис. 5: 2). В последнем случае, вероятно, имело место следующее явление: сосуд после обжига в восстановительной среде быстро перемещали на воздух, в результате чего поверхность в процессе охлаждения начинала окисляться и приобретала естественный цвет глины, обожженной в окислительной среде (Глушков, 1996, с. 81). И того и другого вида керамики примерно поровну, вся выполнена в технике ленточного налепа с последующим заглаживанием на круге. Из форм больше всего горшков – 11 фрагментов (2 относятся к типу 4, 1 – к типу 5 по Н.А. Кокориной), также есть 4 фрагмента кружек, 1 фрагмент светильника типа 1 (Кокорина, 2002, с. 71), 1 фрагмент чашеобразного сосуда, остальные не определены. Лощение по подсушенной основе, чаще отмечено горизонтальное частое.

Таким образом, в слоях VI и V Болгарского городища количественно выделяются 3 подгруппы общеполгарской группы керамики: 2т, 1л и 2л. Примечательно, что в ранних слоях довольно большую долю составляет керамика с явными признаками вытягивания на круге (РФК-5-6), что является высоким показателем развития гончарного ремесла, хотя обжиг этой керамики неполный. Продолжает существовать традиция обжига в восстановительной среде, характерная для раннеболгарского периода (Васильева, 1993, с. 35), но доля такой керамики в домонгольских слоях небольшая. Вероятно, это продукт домашнего производства, т. е. не для рыночного сбыта. В пользу этого говорит ограниченный набор форм и тщательная обработка поверхности: очень частое лощение тонкими линиями, выполняющее помимо функции уплотнения еще и декоративную. Тщательное лощение характерно для I этнокультурной группы керамики Болгара домонгольского времени. Подгруппы 2т, 1л и 2л показательны в этом плане, так как на них часто отмечается почти

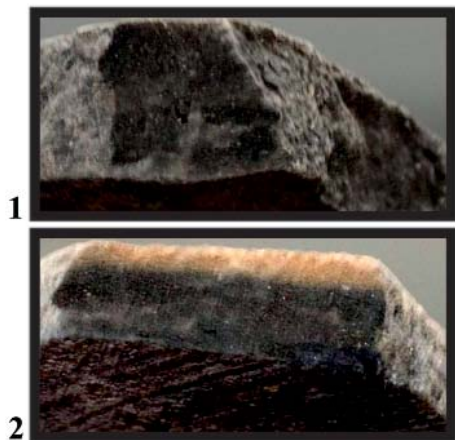

Рис. 5. Керамика с восстановительным обжигом (Болгарское городище, р. CLXXIX). 1 – вид 1; 2 – вид 2.

Fig. 5. Ceramics with regenerative firing (Bolgar fortified settlement, ex. CLXXIX). 1 – type 1; 2 – type 2.

сплошное лощение вертикального или горизонтального направления. Орнамент на керамике всех подгрупп данного периода довольно редок и типичен для домонгольской керамики: гребенчатый линейный и вариации гребенчатого штампа с 3-6 зубцами (Фахрутдинов, 1969, с. 233). Самые распространенные формы – горшки и кувшины. Первые в основном с невысокой подцилиндрической горловиной (тип 4 по Н.А. Кокориной), с венчиком, загнутым вовнутрь. Кувшины преимущественно среднего размера, узкогорлые.

Наличие бортиков на некоторых днищах может быть связано с особенностями конструкции гончарного круга и способом крепления на нем. А.А. Бобринский объясняет образование бортиков использованием гончарных кругов с изношенной рабочей плоскостью, либо же применением специальной глиняной подставки, на которую устанавливается будущий сосуд (Бобринский, 1962, с. 7). На керамике тянутых подгрупп (с

признаками РФК-5-6) бортик невысокий, тонкий, одинаковой толщины по всей окружности. На посуде ленточных подгрупп бортик широкий и довольно неровный.

На днищах крупных сосудов, типа корчаг, бортика обычно нет, но он часто присутствует у горшков и кувшинов. Небольшие сосуды без бортика часто имеют дно с приплюснутым краем, т.е. очевидно заготовка просто примазывалась к плоскости круга. В некоторых случаях видны следы использования дополнительного жгута для крепления сосуда на плоскости, который затем убирался. Днища крупных сосудов без бортика иногда имеют очень гладкие (вероятно, лощеные) края по всей окружности (рис. 3: 2). По мнению И.Г. Глушкова, это признак свободного манипулирования сосудом при формовке (Глушков, 1996, с. 49). Следует отметить, что в таком случае изделие должно было подсохнуть (стать «кожетвердым»), т.е. лощение днища происходило само по себе в результате операций с сосудом после его высыхания. Донца с лощением упоминаются в работах И.В. Болдина по исследованию позднесредневековой круговой керамики бассейна Верхней Оки, в частности их наличие отмечается на днищах посуды городища Любутск (Болдин, 2003, с. 103).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище в 2015 г. Т. I. Раскопы CLXXIX, СХСII, ССVI. М., 2016 / Архив ИА РАН. Р-1, № 47571.
2. Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище (раскоп СХСII) в 2018 году. М., 2019 / Архив ИА РАН.
3. Бобринский А.А. Гончарные круги Восточной Европы IX–XII вв. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1962. 19 с.
4. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

5. Болдин И.В. Хронология позднесредневековой керамики бассейна Верхней Оки // РА. 2005. № 3. С. 110–112.
6. Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: Наука, 1993. 195 с.
7. Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. 328 с.
8. Кокорина Н.А. Керамика Волжской Болгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: Институт истории АН РТ, ИА РАН, 2002. 383 с.
9. Куклина А.А. Неполновязанная керамика Болгара с раскопов в юго-восточной части городища (по материалам раскопов ССXXI, ССXXII, ССXXIII 2016 г.) // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 185–192.
10. Сайко Э.В., Кузнецова Л.В. Методологические основы исследования древней керамики. М.: Информационный центр по проблемам культуры и искусства, 1977. 52 с.
11. Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Губайдуллин А.М., Зоря Р.С. Отчет об археологических раскопках на территории Болгарского городища (раскоп СХСIX) в Спасском районе Республики Татарстан в 2016 г. (в 21 томе) / ИФ МА РТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ.
12. Фахрутдинов Р.Г. Новые археологические памятники Волжской Болгарии в Закамской Татарии // СА. 1969. № 1. С. 224–236.
13. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.
14. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

Информация об авторе:

Куклина Анна Александровна, лаборант, Казанский (Приволжский) федеральный университет; младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); kuklinanna@mail.ru

NEW STUDIES OF BOLGAR CERAMICS: HISTORICAL AND CULTURAL APPROACH

A.A. Kuklina

The many years of history of the studies of Bolgar ceramics have resulted in the need for its division into subgroups in accordance with certain visually identified signs: design technology, color and relative plasticity of clay, presence of impurities in the dough, and firing degree. Over ten subgroups of common Bolgar group of ceramics were identified based on the materials from the excavations at Bolgar fortified settlement. Of particular interest is the ceramic material from layers VI (late 10th – first half of 11th centuries) and V (second half of 11th – early 13th centuries) in terms of the general stratigraphy of Bolgar fortified settlement, as it reflects the development of pottery in this area since the beginning of the establishment of the Volgar Bulgaria state. It should be noted that in the early layers a rather large portion of all group I ceramics is represented by subgroups with the signs of elongation of the hollow body on a circle. A total of 3 subgroups are distinguished in terms of quantity in the materials of VI, and 6 subgroups in layer V. The variety of the subgroups reflects the different approaches of Bolgar pottery craftsmen to the selection and preparation of clay raw materials, vessel construction techniques, surface treatment of the products, and firing modes. A small percentage of common Bolgar ceramics is composed of fragments of ware with signs of firing in a regenerative medium. The author suggests that this was home-crafted ceramics not intended for market distribution.

Keywords: archaeology, Bolgar fortified settlement, pottery, firing, historical and cultural approach, pre-Mongol period.

REFERENCES

1. Badeev, D. Yu., Koval, V. Yu. 2016. *Otchet ob arkhologicheskikh raskopkakh na Bolgarskom gorodishche v 2015 g. T. I. Raskopy CLXXIX, CXCII, CCVI (Report on Archaeological Activities at Bolgar Fortified Settlement in 2015. Vol. 1. Excavations 179, 192, 206)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 47571 (in Russian).

2. Badeev, D. Yu., Koval, V. Yu. 2019. *Otchet ob arkhеologicheskikh raskopkakh na Bolgarskom gorodishche v 2018 g. Raskop CXCII (Report on Archaeological Activities at Bolgar Fortified Settlement in 2018. Excavation 192)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
3. Bobrinsky, A. A. 1962. *Goncharnye krugi Vostochnoi Evropy IX–XII vv. (Potter's Wheels of Eastern Europe in the 9th – 12th cc.)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
4. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Boldin, I. V. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 110–112 Russian).
6. Vasil'eva, I. N. 1993. *Goncharstvo Volzhskoi Bolgarii v X–XIV vv. (Pottery of Volga Bulgaria in the 10th – 14th cc.)*. Ekaterinburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Glushkov, A. G. 1996. *Keramika kak istoricheskii istochnik (Ceramics as a Historical Source)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).
8. Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).
9. Kuklina, A. A. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 5, 185–192 (in Russian).
10. Saiko, E. V., Kuznetsova, L. V. 1977. *Metodologicheskie osnovy issledovaniia drevnei keramiki (Methodological Framework of Ancient Ceramic Studies)*. Moscow: "Cultural and Art Information Centre", Publ. (in Russian).
11. Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G., Gubaidullin, A. M., Zorya, R. S. 2016. *Otchet ob arkhеologicheskikh raskopkakh na territorii Bolgarskogo gorodishcha (raskop CXCIX) v Spasskom raione Respubliki Tatarstan v 2016 g. (v 21 tome). (Report on archaeological excavation on the territory of Bolgar fortified settlement (excavation CXCIX) in Spassky Distric of Tatarstan Republic in 2016)*. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
12. Fakhrutdinov, R. G. 1969. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 224–236 (in Russian).
13. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevniaia keramika. Teoriia i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ancient Ceramics. The Theory and Methods of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

About the Author:

Kuklina Anna A. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; kuklinanna@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2020 г.

УДК 903.25

<https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.238.247>

ДЕТАЛЬ ПОЯСНОГО НАБОРА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

© 2020 г. Д.А. Масюта, Е.С. Лесная

Работа посвящена публикации редкой находки бронзовой бляхи, обнаруженной в ходе археологических разведок 2012–2013 гг. в верховьях долины р. Кача в Юго-Западном Крыму. Предмет был изготовлен методом литья в жесткую форму и представляет собой четырехлепестковую пластину, к нижнему лепестку которой припаяна петля. На лицевую поверхность нанесено изображение полиморфного существа – дракона, на тыльной стороне сохранились следы припоя с остатками оснований штифтов или петель-скоб. Предполагается, что данная накладка является деталью воинского поясного набора золотоордынского времени. Подобные обоймицы и накладки с изображением дракона, выполненные из драгоценных металлов, а также из бронзы, рога и кости, известны на территории Золотой Орды и сопредельных территориях и датируются XIII–XIV вв. Стилистика изображения мифического животного на накладке из округи с. Верхоречье сближает его с образами собакоголовых драконов в изобразительном искусстве русских земель, но особенности оформления и конструкции нашей находки характерны для изделий, найденных в Поволжье.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Юго-Западный Крым, поясная гарнитура, дракон, археологические разведки.

В 2012–2013 гг. сотрудниками КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник» осуществлялись плановые археологические разведки в верховьях долины р. Кача. В ходе разведочных работ в районе с. Верхоречье (Бахчисарайский район, АР Крым), в 700 м к юго-западу от села, на левом берегу реки, на северном склоне г. Кая-Тепе, у размытой грунтовой дороги, была обнаружена бляха с полиморфным изображением, отлитая из бронзового сплава (рис. 1).

Пластина имеет форму четырехлепестковой розетки с одним острокопечным верхним лепестком и тремя полукруглыми. К нижнему лепестку припаяна петля, причем она расположена не по центру, а несколько смещена влево. Изделие было изготовлено методом литья в жесткую форму, его размеры составляют 5,2×4,2 см, а максимальная толщина пластины достигает 0,2 см.

На лицевой стороне изделия в низком рельефе изображено мифическое животное со змеиным туловищем и хвостом, головой собаки и двумя лапа-

ми, которые напоминают конечности хищников семейства собачьих, однако заканчиваются тремя пальцами (рис. 2). Изогнутое туловище, верхняя часть лап и хвост покрыты чешуей. Существо шагает вправо, опираясь на правую лапу, а левая согнута и высоко поднята. Его голова обращена в противоположную сторону. Морда вытянута, пасть широко раскрыта. Тонкими линиями очерчены губы животного. Глаз большой, миндалевидный со зрачком-глазком. Уши не показаны. Пасть существа частично перекрывает собой длинный, извивающийся хвост, кольца которого изображены слева от головы и над ней.

На шее животного повязана лента или платок, складки которого переданы двумя продольными линиями. Его конец развивается над левой лапой. Композиция заключена в рамку (шириной 0,2–0,5 см), повторяющую контур лепестков розетки. Из-за дефекта литья правая лапа существа в нескольких местах соприкасается с рамкой.

Обратная сторона изделия плоская, со следами припоя с остатками оснований четырех штифтов или двух вертикальных петель-скоб.

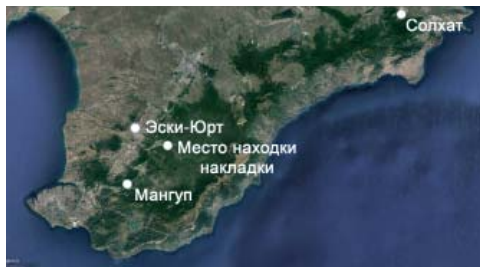

Рис. 1. Карта Крымского полуострова с обозначением места находки накладки.
Fig. 1. Map of the Crimean Peninsula indicating the plate discovery site.

Судя по опубликованным материалам, находки таких предметов ранее не были известны в Крыму и в Северном Причерноморье в целом. Наиболее близкие по форме и сюжетному изображению изделия встречаются на археологических памятниках золотоордынского времени, расположенных преимущественно в Среднем и Нижнем Поволжье.

Эти находки представляют собой бляшки в виде семилепестковой розетки с остроконечным верхним лепестком, выполненные из бронзового сплава в идентичной технике. На лицевую сторону изделий нанесено изображение полиморфного существа, однако его трактовка существенно отличается. Животное обращено влево, у него песья голова, змеиный хвост, а туловище, шея, крылья и лапы – птичьи. Из широко раскрытой пасти животного выпущен раздвоенный язык. На голове очерчена пара рогов. Крылья широко раскрыты, а за спиной изображен извивающийся кольцами хвост. Существо опирается на левую лапу, правая – приподнята. Оканчиваются лапы тремя когтистыми пальцами. Изображение окружено узкой рамкой, следующей изгибам розетки.

К плоской поверхности тыльной стороны изделия припаяны две узкие петли-скобы. Расположенная в нижней части предмета широкая петля не припаяна, как у публикуемой нами находки, а отлита вместе с пластиной. Следует отметить, что бляшки с практически идентичными изображениями могут быть как с петлей, так и без нее. В качестве примера можно привести

две случайные находки с севера Астраханской области, в петле одной из них сохранилась подпрямоугольная рамка, вертикальные дужки которой венчают стилизованные изображения голов драконов (Крамаровский, 2019, с. 238) (рис. 3: 1, 2).

Ф.Х. Валеев и Г.Ф. Валеева-Сулейманова ошибочно считали такие бляхи элементами нагрудного украшения мужского костюма (Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987, с. 79–80). Большинство исследователей относят подобные изделия к деталям поясных наборов. По мнению Г.Ф. Поляковой, эти пластины являются лицевой частью обоймиц (Полякова, 1996, с. 208, тип В–III–1). Однако преобладает мнение о том, что они представляют собой накладки, крепившиеся к поясу при помощи петель-скоб (Савельева, 1987, с. 137; Исаков и др., 2014, с. 240; Баранов и др., 2016, с. 52; Крамаровский, 2019, с. 238).

Очевидно, что у крымской находки подобная конструкция и аналогичное назначение. Накладка не только украшала пояс, но и носила утилитарный характер. Вероятно, в ее нижнюю петлю так же была впущена подвижная рамка, служившая для крепления боковых ремней или сабельной подвески.

Как уже отмечалось выше, бронзовые поясные накладки в виде семилепестковой розетки с изображением полиморфного существа в основном известны на территории Нижнего и Среднего Поволжья: на севере Астраханской области (Крамаровский, 2019, с. 238) (рис. 3: 1, 2), в Волгоградской области (Исаков и др., 2014, рис. 2, 2) (рис. 4: 1), в Болгаре (Полякова, 1996, с. 208, рис. 68, 31; Баранов и др., 2016, с. 52) (рис. 3: 3). Для болгарского экземпляра Г.Ф. Полякова в качестве аналогий упоминает находки из Укека и Биляра (Полякова, 1996,

Рис. 2. Бронзовая поясная накладка с полиморфным изображением, найденная у с. Верхоречье (Юго-Западный Крым).

Fig. 2. Bronze belt plate with a polymorphic image discovered near Verkhorechye village (South-Western Crimea).

с. 213). Еще одна бронзовая накладка происходит из раскопок Кокпомъягского могильника в долине р. Вымь (Республика Коми), связанного с носителями вымской археологической культуры (Савельева, 1987, с. 137, рис. 36, 23; Савельева, Королев, 2011, с. 94, рис. 4, 35) (рис. 4: 2).

Датировка этих изделий определяется в рамках XIII–XIV вв. (Савельева, 1987, рис. 37), концом XIII – началом XIV вв. (Исаков и др., 2014, рис. 2, 2), концом XIII – XIV вв. (Баранов и др., 2016, с. 52), последней третью XIV в. (Крамаровский, 2019, с. 238). К сожалению, подавляющее большинство известных нам бронзовых накладок представляет собой случайные находки, или же предметы представлены в публикациях без описания контекста. Ареал распространения этих деталей поясной

гарнитуры позволяет сделать предположение об их производстве в Поволжье.

Следует отметить, что в этом регионе известны бляшки, довольно близкие по форме рассмотренным выше, однако отличающиеся меньшими размерами и менее четким, схематичным исполнением (Руденко, 2005, с. 99, цв. рис. 2; Исаков и др., 2014, рис. 2, 5) (рис. 4: 3, 4).

Остановимся несколько подробнее на трактовке изображения мифологического животного, размещенного на лицевой стороне поясных накладок. В нем, как и в случае с полиморфным чудовищем на публикуемом нами предмете, легко угадывается драконоподобное существо.

Начиная с XIII в. образ дракона пользовался большой популярностью у населения Улуса Джучи, где появился под влиянием китайских культурных

Рис. 3. Бронзовые поясные накладки с изображением дракона: 1, 2 – Астраханская область (по: Золотая Орда..., 2019, с. 238); 3 – Болгар (по: Баранов и др., 2016, с. 52).

Fig. 3. Bronze belt plates with the dragon image: 1, 2 – Astrakhan Region (after: Golden Horde..., 2019, p. 238); 3 – Bolgar (after: Baranov et al., 2016, p. 52).

традиций (Исаков и др., 2014, с. 237). Он символизировал собой долголетие, богатство, власть и нашел отражение в различных предметах материальной культуры. Например, изображение дракона встречается на украшениях, зеркалах, тканях, посуде, предметах вооружения, деталях поясных наборов (Ельников, 2005–2009, с. 412–418). Причем, при изготовлении последних использовались как дорогие, так и дешёвые материалы.

Известны находки поясных накладок и обоймиц, отлитых из серебра, золота (Крамаровский, 2001, с. 46–53; Руденко, 2005, с. 99) и бронзы (Полякова, 1996, с. 206, 207, 213, рис. 67: 5; 68: 6, 15–17, 22, 29; Руденко, 2001, с. 71, рис. 38, 43, 44; Исаков и др., 2014,

рис. 2: 1; 3: 4), а также вырезанные из рога (Исаков и др., 2014, с. 234, 235, рис. 1; Обухов, Бочаров, 2018, с. 126–127, рис. 3) и кости (Валиулина, 2000, с. 280–281, рис. 7: 1). Как правило, на них изображен дракон с извивающимся телом, кусающий себя за хвост или держащий на языке жемчужину.

Постепенно на территории Золотой Орды происходит трансформация дальневосточного образа этого мифического чудовища (Руденко, 2005, с. 103), что хорошо иллюстрируют бронзовые поясные накладки в виде семилепестковой розетки. Еще менее канонично изображение дракона на публикуемой нами находке. Такая трактовка практически неизвестна в золотоордынском прикладном искусстве. Однако при исследовании мужского погребения в курганном некрополе XIII–XIV вв. у с. Усть-Курдом в Нижнем Поволжье была найдена центральная накладка на кожаный поясной кошель (Гарустович и др., 1998, с. 211, 213, табл. XVIII, 7; Афоньков, 2012, с. 160, рис. 3: 2). На ней размещена стилистически близкая фигура бескрылого, двуногого дракона, шагающего вправо и при этом, изогнув

Рис. 4. Бронзовые поясные накладки с изображением дракона: 1 – Волгоградская область (по: Исаков и др., 2014, рис. 2, 2); 2 – погребение 131 Кокпомьягского могильника, Республика Коми (по: Савельева, Королев, 2011, рис. 4, 35); 3 – Болгар (Руденко, 2005, цв. илл. 2); 4 – Саратовская область (по: Исаков и др., 2014, рис. 2, 5).

Fig. 4. Bronze belt plates with the dragon image: 1 – Volgograd Region (after: Isakov et al., 2014, Fig. 2, 2); 2 – burial 131 of Kokpomiyag burial ground, the Republic of Komi (after: Savelyeva, Korolev, 2011, Fig. 4, 35); 3 – Bolgar (Rudenko, 2005, coloured illustration 2); 4 – Saratov Region (after: Isakov et al., 2014, Fig. 2, 5).

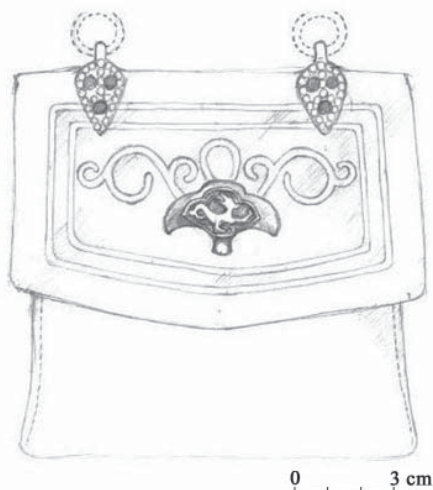

Рис. 5. Бронзовая накладка с изображением дракона на поясном кошельке из погребения в кургане 8 у с. Усть-Курдюм (по: Афоньков, 2012, рис. 3).

Fig. 5. Bronze plate with the dragon image on the waist purse from a burial in barrow 8 near Ust-Kurdyum village (after: Afonkov, 2012, Fig. 3).

песью голову, кусающего себя за хвост (рис. 5)¹.

Определенные аналогии этому существу прослеживаются в древнерусском искусстве XII–XIV вв., где был широко распространен мотив собако-голового дракона или змия (Богусевич, 1961, с. 84–88, рис. 6–8; Хорошев, 2004, с. 332, 339, рис. 5: 5, 6; Руденко, 2005, с. 100, 101; Исаков и др., 2014, рис. 3).

Вероятно, поясную накладку из округа с. Верхоречье изготовил мастер, адаптировавший, согласно русской изобразительной традиции, очень популярный у населения Золотой Орды сюжет – извернувшийся дракон, кусающий себя за хвост. Отметим, что в Смоленске и Новгороде известны вырезанные из рога и кости поясные обоймицы с изображением дракона, которые, по мнению М.В. Горелика, являются местными подражаниями монгольским изделиям (Горелик, 2008, с. 118, рис. 1: 1, 2). Вместе с тем, технология производства, особенности конструкции и оформления публикуемой нами наклейки сближают ее с бронзовыми деталями поясной гарнитуры, происходящими из Поволжья. Возможно, это изделие является примером слияния золотоордынского и русских культурных традиций.

Накладки и обоймицы с изображением дракона являлись важным элемен-

том воинских поясов золотоордынского времени. Они указывали на социальный статус, привилегированное положение их владельца, на его место в военно-административном аппарате Улуса Джучи (Исаков и др., 2014, с. 233). И если изделия из золота и серебра принадлежали воинской и политической элите золотоордынского общества, то поясные наборы из кости, рога и бронзы, как считается, могли носить представители низовой командной прослойки (Крамаровский, 2001, с. 66, 68; Исаков и др., 2014, с. 240).

Возможно, что накладка с драконом, найденная в округе с. Верхоречье, попала в Крым на поясе одного из воинов в ходе монгольского освоения Таврики. В конце XIII/начале XIV в. в долине р. Чурук-Су появляется достаточно крупное поселение Эски-Юрт (Карлов, 2012, с. 71) и расположенный к северу от него могильник Кырк-Азизлер (Иванов, 1989). Эски-Юрт представлял собой второй (после Солхата) центр золотоордынской оседлости в Крыму (Бочаров, Кирилко, 2016, с. 375). Сейчас эта местность включена в городскую черту г. Бахчисарай и остается практически неизученной археологически (Карлов, 2012). В ходе раскопок 2005 г. на поселении обнаружены остатки нескольких хозяйственных ям и тандыров (Карлов, 2012, с. 49–68).

Недавно рядом с могильником Кырк-Азизлер было открыто и частично исследовано неизвестное ранее золотоордынское поселение, время существования которого определяется концом XIII/началом XIV – второй половиной XIV вв. (Волошинов, Меньшиков, 2019, с. 66–67). Здесь зафиксиро-

Рис. 6. Следы вторичного использования на поясной накладке из округа с. Верхоречье (без масштаба).

Fig. 6. Traces of reuse on a belt plate from the vicinity of Verkhorechye village (not to scale).

рованы хозяйственные ямы, колодцы и остатки железодельного производства (Волошинов, Меньшиков, 2019, с. 66).

Следует отметить, что накладка из округа с. Верхоречья содержит следы интенсивного вторичного использования. Так, рельефное изображение на лицевой стороне сильно затерто и покрыто трещинами (кольцо хвоста над головой дракона полностью стерто (рис. 6: 1)), а на тыльной поверхности изделия хорошо различимы вмятины. Петля с лицевой стороны была так тщательно зашлифована, что в результате сломалась (рис. 6: 2). Можно предположить, что накладка, после выхода из употребления в результате поломки петельскоб (либо штифтов) (рис. 6: 3, 4), использовалась в качестве матрицы для изготовления объемных металлических пластин с рельефным изображением. В Поволжье известны бронзовые ма-

трицы с фигурой лани, применявшиеся при производстве объемных деталей поясных наборов. Датируются такие изделия XIV в. (Крамаровский, 2005, с. 46). На существование ремесленных мастерских по работе с цветным металлом в ордынских центрах Таврики косвенно может указывать находка матрицы близ Солхата (Восточный Крым), упоминаемая М.Г. Крамаровским (Крамаровский, 2005, с. 46)². Поэтому нельзя исключать, что подобная мастерская могла располагаться и в Эски-Юрте либо Кырк-Азизлере.

Следует отметить, что предметы торевтики золотоордынского круга в Юго-Западном Крыму также известны из раскопок на территории Мангупского городища – крупного регионального центра византийской культуры. В первую очередь, это серебряный с позолотой поясной набор, происходящий из мужского погребения Мангупской

базилики, датирующийся 1330–1350 гг. (Крамаровский, 2009, с. 463). Само погребение было совершено в более позднее время, но не ранее конца XIV – начала XV вв. (Бармина, 2008, с. 270–271; Герцен, Науменко, 2016, с. 40–41). М.Г. Крамаровский высказал мнение о том, что такие поясные наборы и их детали могли изготавливать в Северном Причерноморье, а именно в мастерских Солхата (Крамаровский, 2009, с. 472–473).

Еще одной находкой является бронзовое зеркало второй половины XIV в. с изображением двух драконов, найденное при раскопках княжеского дворца в слое 1450–1475 гг. (Герцен, Науменко, 2016, с. 42–43, кат. 166). Производство подобных зеркал, прототипом которых служили китайские образцы, было налажено во многих городских центрах Улуса Джучи (Руденко, 2004, с. 125). Также на мангупском городище обнаружены и редкие для Юго-Западного Крыма фрагменты кашинных сосудов второй половины XIV в. Все это, как

считают исследователи, свидетельствует о появлении «моды» на предметы золотоордынского круга среди представителей правящей христианской верхушки региона (Герцен, Науменко, 2016, с. 40–41).

В заключение отметим, что накладка с драконом, найденная в верховьях долины р. Кача, в округе с. Верхоречье, является деталью одного из воинских поясных наборов, которые получили популярность в среде младшего командного состава войск Улуса Джучи конца XIII–XIV вв. После выхода из употребления она могла применяться для изготовления объемных пластин из металла, на что указывают следы ее вторичного использования, характерные для матриц. Местонахождение этого изделия свидетельствует о появлении золотоордынских вещей не только в узком кругу местной политической элиты, но и о возможном их распространении среди рядового населения, проживающего в этом районе Юго-Западного Крыма.

Примечания

¹ Аналогичная накладка происходит из частной коллекции и атрибутирована как деталь поясного набора (Сейдалиев, 2016, с. 156, кат. 176).

² Наше предположение о характере вторичного использования накладки из округи с. Верхоречье носит предварительный характер и, несомненно, требует отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афоньков Н.Н.* Стрелковый пояс и кошель золотоордынского времени из курганного могильника у с. Усть-Курдюм // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2012. С. 158–163.
2. *Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдинов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 1. Древний Болгар: жизнь города. Казань: Главдизайн, 2016. 267 с.
3. *Бармина Н.И.* Раскопки Мангупской базилики в 2005 г. // Античная древность и средние века. 2008. Вып. 38. С. 267–277.
4. *Богусевич В.А.* Зображення Сімаргла в древньоруському мистецтві // Археологія. Вип. XII / Отв. ред. С.М. Бібіков. Київ: АН УССР, 1961. С. 76–91.
5. *Бочаров С.Г., Кирилло В.П.* Исторические и архитектурные метаморфозы Шейх-Коя // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2016. № 6. С. 371–392.
6. *Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф.* Древнее искусство Татарии. Казань: Таткнигоиздат, 1987. 204 с.
7. *Валиулина С.И.* Исследования золотоордынского Биляра // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 273–285.
8. *Волошинов А.А., Меньшиков М.Ю.* Исследования могильника Кырк-Азизлер в 2018 г. // История и археология Крыма. 2019. Вып. XI. С. 65–72.
9. *Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф.* Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа: Гилем, 1998. 336 с.

10. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Великоханский вектор в культуре региональных элит или к вопросу о золотоордынском периоде в истории Мангупа середины – второй половины XIV в. (обзор археологических источников) // Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки / Ред. Э.И. Сейдалиев. Симферополь: Тарпан, 2016. С. 36–49.
11. Горелик М.В. Золотоордынские предметы и их местные подражания в материалах древнерусских городов // КСИА. Вып. 222. 2008. С. 117–125.
12. Ельников М.В. Образ дракона-змия на серьгах золотоордынского периода: культурно-хронологический аспект // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2005–2009. № 6. С. 410–420.
13. Иванов А.А. Надписи из Эски-Юрта // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. С. 24–31.
14. Исаков Р.В., Афоньков Н.Н., Архангельский М.С., Павленко Ю.А., Шереметьев А.Г. К вопросу атрибуции золотоордынских накладок из курганного могильника Маляевка-V // Поволжская археология. 2014. № 1(7). С. 233–246.
15. Карлов С.В. Новые данные о средневековом поселении Эски-Юрт в Бахчисарае // Откровения древнего Солхата / Под ред. А.Г. Герцена. Керчь, 2012. С. 35–77.
16. Крамаровский М.Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XIII – первой половины XIV вв. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани 1223–1556 / Отв. ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2001. С. 43–81.
17. Крамаровский М.Г. Ранние Джучиды: особенности формирования культуры // Золотая Орда. История и культура. СПб: Славия, 2005. С. 37–60.
18. Крамаровский М.Г. Мангупская находка: сельджукские отражения в Крыму и на Кавказе // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 457–480.
19. Крамаровский М.Г. Поясные накладки // Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингизидской империи: каталог выставки / Гос. Эрмитаж. М.: Фонд Марджани, 2019. 504 с.
20. Обухов Ю.Д., Бочаров С.Г. Новая находка костяной накладки с изображением дракона на Маджарском городище // Поволжская археология. 2018. № 2. С. 125–133.
21. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 154–268.
22. Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань: Школа, 2001. 242 с.
23. Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. 2004. № 1–2 (12–13). С. 111–156.
24. Руденко К.А. Казанский дракон: образ и символ // Татарская археология. 2005. № 1–2 (14–15). С. 92–110.
25. Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: ЛГУ, 1987. 200 с.
26. Савельева Э.А., Королёв К.С. Торгово-экономические связи Перми вычегодской с Волжской Булгарией // Известия Коми научного центра УРО РАН. 2011. Вып. 3 (7). С. 89–97.
27. Сейдалиев Э.И. Деталь поясного набора (застёжка?) с изображением дракона // Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки / Ред. Э.И. Сейдалиев. Симферополь: Тарпан, 2016. С. 156.
28. Хорошев А.С. Седло начала XIII в. из Новгорода // Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию В.В. Седова / Ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов, Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2004. С. 329–341.

Информация об авторах:

Масюта Денис Александрович, младший научный сотрудник, Одесский археологический музей НАН Украины (г. Одесса, Украина); masuta.denis@gmail.com

Лесная Екатерина Сергеевна, лаборант, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); аспирант, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия); lesnaya.kat@gmail.com

DETAIL OF A BELT SET FROM THE GOLDEN HORDE PERIOD FROM SOUTH-WESTERN CRIMEA

D.A. Masyuta, E.S. Lesnaya

The work deals with the publication of a rare bronze plaque discovered during the archaeological surveys of 2012–2013 in the upper reaches of the Kacha river in South-Western Crimea. The item was crafted by means of casting in a rigid die, and represents a four-petal plate with a loop soldered to the lower petal. The front surface features an image of a polymorphic creature – a dragon, and the back surface contains traces of solder with the remains of the bases of pins or stitch loops. It is assumed that the plate is a part of a military belt set of the Golden Horde period. These types of ferrules and plates with a dragon image made of precious metals, as well as bronze, horn and bone, have been found in the territory of the Golden Horde and the neighbouring territories and date back to the period of the 13th – 14th centuries. The stylistics of the mythical animal image on the plate from the vicinity of Verkhorechye accounts for its similarity to the images of dog-headed dragons in the fine art of Russian regions, but the design and construction features of our finding are characteristic of the items discovered in the Volga region.

Keywords: archaeology, the Golden Horde, South-Western Crimea, waist belt, dragon, archaeological surveys.

REFERENCES

1. Afon'kov, N. N. 2012. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 10. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 158–163 (in Russian).
2. Baranov, V. S., Bugrov, D. G., Sitdikov, A. G. 2016. *Muzei bolgarskoi tsivilizatsii. T. 1. Drevnii Bolgar: zhizn' goroda. (Museum of Bolgar Civilization. Vol. 1. Ancient Bolgar: Life of the Town)*. Kazan: "Glavdizain" Publ. (in Russian).
3. Barmina, N. I. 2008. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka)* 38. 267–277 (in Russian).
4. Bogusevich, V. A. 1961. In Bibikov, S. M. (ed.). *Arkheologiia (Archaeology)* 12. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian Soviet Socialist Republic, 76–91 (in Ukrainian).
5. Bocharov, S. G., Kirilko, V. P. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 371–392 (in Russian).
6. Valeev, F. Kh., Valeeva-Suleimanova, G. F. 1987. *Drevnee iskusstvo Tatarii (Ancient Art of Tataria)*. Kazan: Tatknigoizdat (in Russian).
7. Valiulina, S. I. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology) (A.P. Smirnov's scientific heritage and current issues of the Volga-Kama archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 273–285 (in Russian).
8. Voloshinov, A. A., Men'shikov, M. Yu. 2019. In *Istoriia i arkheologiia Kryma (History & Archaeology of Crimea)* 11. 65–72 (in Russian).
9. Garustovich G.N., Rakushin A.I., Iaminov A.F. 1998. *Srednevekovye kochevniki Povolzh'ia (kontsa IX – nachala XV veka) (Medieval Nomads of the Volga Region (Late 9th - Early 15th Centuries))*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
10. Gertsen, A. G., Naumenko, V. E. 2016. In Seidaliyev, E. I. (ed.). *Krym v zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ordy: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki (Crimea in the Golden Horde Period. Crimean Yurt of the Golden Horde: Legacy of a Vanished Empire: Exhibition Catalog)*. Simferopol: "Tarpan" Publ., 36–49 (in Russian).
11. Gorelik, M. V. 2008. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, 117–125 (in Russian).
12. El'nikov, M. V. 2005–2009. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 410–420 (in Russian).
13. Ivanov, A. A. 1989. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Severnoe Prichernomor' e i Povolzh' e vo vzaimootnosheniakh Vostoka i Zapada v XII–XVI vv. (Northern Pontic area and the Volga Region in East-West Relations in 12th–16th Centuries)*. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University, 24–31 (in Russian).
14. Isakov, R. V., Afon'kov, N. N., Arkhangelsky, M. S., Pavlenko, Yu. A., Sheremet'ev, A. G. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* (1), 233–246 (in Russian).

15. Karlov, S. V. 2012. In Gertsen, A. G. (ed.). *Otkrovenie drevnego Solkhata (Revelations of the Ancient Solkhat)*. Kerch, 35–77 (in Russian).
16. Kramarovskii, M. G. 2001. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoi Ord) ot Kalki do Astrakhani 1223–1556 (Source Studies on the History of the Ulus of Jochi (the Golden Horde) from Kalka to Astrakhan of 1223–1556)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Tatarstan Academy of Sciences, 43–81 (in Russian)..
17. Kramarovskii, M. G. 2005. In *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura (Golden Horde. History and culture)*. Saint Petersburg: “Slaviya” Publ., 37–60 (in Russian).
18. Kramarovskii, M. G. 2009. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (15), 457–480 (in Russian).
19. Kramarovskii, M. G. 2019. In *Zolotaia Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoi imperii. Katalog vystavki (The Golden Horde and the Black Sea Region. Lessons of the Genghisid empire. Exhibition catalog)*. Moscow: “Fond Mardzhani” Publ., 238 (in Russian).
20. Obukhov, Yu. D., Bocharov, S. G. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region archaeology)*. 2(24), 125–133 (in Russian).
21. Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 154–268 (in Russian).
22. Rudenko, K. A. 2001. *Material'naia kul'tura bulgarskikh selishch nizovii Kamy XI–XIV vv. (Material culture of the Bulgars settlements in the Lower Kama during the 11th–14th cc.)* Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).
23. Rudenko, K. A. 2004. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 1–2 (12–13), 111–156 (in Russian).
24. Rudenko, K. A. 2005. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 1–2 (14–15), 92–110 (in Russian).
25. Savel'eva, E. A. 1987. *Vymskie mogil'niki XI–XIV vv. (The Vym' Burial Grounds of 11th – 14th Centuries)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
26. Savel'eva, E. A., Korolev, K. S. 2011. In *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. (Proceedings of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)* 3 (7). 89–97 (in Russian).
27. Seidaliev, E. I. 2016. In Seidaliev, E. I. (ed.). *Krym v zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ord: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki (Crimea in the Golden Horde Period. Crimean Yurt of the Golden Horde: Legacy of a Vanished Empire: Exhibition Catalog)*. Simferopol: “Tarpan” Publ., 156 (in Russian).
28. Khoroshev, A. S. 2004. In Makarov, N. A. Chernetsov, A. V. Lopatin, N. V. (eds.). *Vostochnaia Evropa v Srednevekov'e: k 80-letiiu V.V. Sedova (Eastern Europe during the Middle Ages: Dedicated to the 80th Anniversary of V. V. Sedov)*. Moscow: “Nauka” Publ., 329–341 (in Russian).

About the Authors:

Masyuta Denis A. Odessa Archaeological Museum of National Academy of Sciences of Ukraine. Lanzheronovskaya St., 4, Odessa, 65000, Ukraine; masuta.denis@gmail.com

Lesnaya Ekaterina S. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Saratov State University. Astrakhanskaya St., 83, Saratov, 410012, Russian Federation; lesnaya.kat@gmail.com

Статья принята в номер 01.03.2020 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕС – Археология евразийских степей (журнал). Казань
АКИПКРО – Алтайский краевой институт повышения квалификации работников образования.
АлтГУ – Алтайский государственный университет.
АН КазССР – Академия наук Казахской ССР
АН СССР – Академия наук СССР
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АО – Археологические открытия
АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ВШП – Великий шелковый путь
ГИМ – Государственный исторический музей
ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской академии наук
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН
ИА им. А.Х. Маргулана – Институт археологии им. А.Х. Маргулана НАН Казахстана
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук
ИГУ – Иркутский государственный университет
ИИ АН РТ – Институт истории академии наук Республики Татарстан
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИМО КФУ – Институт международных отношений Казанского федерального университета.
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова
КалмНЦ РАН – Калмыцкий научный центр РАН
КГУ – Калмыцкий государственный университет
КиргССР – Киргизская Советская Социалистическая Республика
ККМ – Касимовский краеведческий музей.
ККМ – Красноярский краевой краеведческий музей.
КНИИИФЭ – Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КФ АН СССР – Казанский филиал академии наук СССР
КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
ЛО ИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАЕСВ – Материалы по археологии европейского Северо-Востока
МарАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МАРТ ИА АН РТ – Музей археологии Республики Татарстан Института археологии Академии наук Республики Татарстан.

- МАЭС – Музей археологии и этнографии Сибири.
 МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 МИАД – Материалы и исследования по археологии Дона
 НАВ – Нижневолжский археологический вестник
 НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан
 НГУ – Новосибирский государственный университет
 НИИ – Научно-исследовательский институт
 НМИМ – Национальный Музей Истории Молдовы
 НОА ИА РАН – Научно-отраслевой архив Института археологии РАН
 НФ MART – Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан при ИА
 АН РТ
 НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований Ин-
 ститута истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
 РА – Российская археология
 РАН – Российская Академия наук
 РАПК ЦК - Раннеалакульская (петровская) культура Центрального Казахстана
 РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
 РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей заповедник
 РИО – редакционно-издательский отдел.
 РИО КГПУ им. В. П. Астафьева – Редакционно-издательский отдел Красноярс-
 кого государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева
 РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников. М.
 СО – Сибирское отделение
 СПб. – Санкт-Петербург
 ССПУ – Самарский социально-педагогический университет
 СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
 СурГПИ – Сургутский государственный педагогический университет
 США – Соединенные Штаты Америки
 ТА – Татарская археология
 ТГУ – Томский государственный университет
 ASI – Archivio Storico Italiano.
 ASV, AC – Archivio di Stato di Venezia. Avogaria di Comun
 ASV, MC – Archivio di Stato di Venezia. Maggior Consiglio
 ASV, SM – Archivio di Stato di Venezia. Senato, Misti
 ASV, SSecreta – Archivio di Stato di Venezia. Senato, Secreta
 ІА НАН України – Институт археологии Национальной академии наук Украины
 RIS – Rerum Italicarum Scriptores

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/>

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Технический редактор Першагина И.А.
Подписано в печать 25.06.2020 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 15,6. Усл. печ. л.
21,88. Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Цена свободная
Отпечатано в типографии "Orange Key"

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20